

Министерство образования Российской Федерации

Челябинский государственный университет

М. В. Загидуллина

ПУШКИНСКИЙ МИФ
В КОНЦЕ XX ВЕКА

Челябинск
2001

ББК Ш 43 (2) (=411.2) {5} “XIX в.”, 8 Пушкин 4
3-141

Загидуллина М. В.

3-141 Пушкинский миф в конце XX века / Челяб. гос. ун-т.
Челябинск, 2001. 245 с.
ISBN 5-7271-0531-5

Книга посвящена рецепции творчества и личности Пушкина к моменту двухсотлетнего юбилея (1999 г.) и содержит анализ множества фактов, документов, источников, связанных с “юбилейным марафоном”. В ходе исследования выявлены механизмы и закономерности функционирования важнейшего литературного мифа нации, давно перешагнувшего границы собственно литературы.

Адресуется филологам и широкому кругу лиц, интересующихся творчеством Пушкина и проблемами культов в современном обществе.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Челябинского государственного университета.

Научный редактор доктор филологических наук,
профессор В. А. Михнюкевич

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор Челябинского государственного университета М. И. Бент;

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела пушкиноведения ИРЛИ РАН (Пушкинский дом) О. С. Муравьева

3 4603010100-021 Без объявл. ББК Ш 43 (2) (=411.2) {5}
4к8(03)-01 “XIX в.”, 8 Пушкин 4

ISBN 5-7271-0531-5

© Челябинский государственный университет, 2001

ПРЕДИСЛОВИЕ

Размах пушкинских юбилейных торжеств (май – июнь 1999 года) наглядно показал, что место, занимаемое Пушкиным в сознании нации, уникально. Естественно, что этот факт послужил импульсом к многократным попыткам осмысления и объяснения явления, которое можно назвать “пушкинский миф”. Еще десять лет назад за это выражение пришлось бы извиняться и оправдываться, специально оговаривать его “метафорический смысл”. Но юбилей снял кавычки и придал бывшей метафоре статус термина. Пресса, книгоиздательства в стране оказались наводнены всевозможными исследованиями, основная цель которых сводилась к одному: найти ответ на вопрос: “Почему именно Пушкин?”

Задача этой книги – обобщение этих обобщений. Опасность “дурной бесконечности”, без сомнения, существует, но исследование предполагает анализ, который, как я надеюсь, позволит выявить механизмы и закономерности функционирования важнейшего литературного мифа нации, давно перешагнувшего границы собственно литературы. Само понятие “миф” применительно к феномену восприятия личности и творчества Первого Национального Поэта потребует специальных разъяснений, которые представлены во введении и далее по ходу работы. В мои задачи входит не столько выработка собственного взгляда на суть пушкинского творчества, хотя сам материал неизбежно провоцирует мою исследовательскую интенцию, сколько именно содержательный анализ достаточно большого количества документов и свидетельств юбилейной эпохи. Это дает мне возможность показать сегодняшнее состояние пушкинского мифа, что особенно важно в связи с разрастанием роли Пушкина в национальном сознании и экспансии этой роли в нелитературные сферы. Большое число использованных документов стало причиной достаточно громоздкого отдела примечаний, отнесенного в конец книги.

На протяжении всего исследования я старалась избежать эмоциональных оценок, поскольку в мои задачи вовсе не входит вынесение “аксиологического приговора”, однако кое-где мне это не удалось.

Материалы исследования собраны в течение нескольких предъюбилейных, юбилейного и почти двух послеюбилейных лет. Основное место сбора – Санкт-Петербург, хотя в обзор включена самая широкая информация, полученная мною из разных городов и информационных фондов страны. Особую благодарность за помощь в создании книги я хочу высказать Тамаре Алексеевне Прусовой, без участия которой этот труд был бы невозможен, и Леониду Сергеевичу Дубшану, проявившему горячую заинтересованность в моей работе.

Разумеется, я буду благодарна всем, кто откликнется на мою книгу – независимо от того, будут ли это новые материалы по интересующей меня теме или критические замечания. Адрес e-mail: marta@cgu.chel.su

ВВЕДЕНИЕ

Размышляя о “пушкинском феномене”, С. А. Фомичев сформулировал самое очевидное его объяснение: литература была ведущим культурным явлением русской жизни, а у ее истоков стоял Пушкин, что и определило уникальность его места в национальном сознании¹. Аксиоматично, что русская литература заняла важнейшее место среди других общественных институтов: это связано с самим принципом органического соединения в литературе эстетических функций с ментальным способом их выражения, что и делает практику художественной литературы своеобразной универсальной бытия. Также не требует доказательств тот факт, что роль литературы резко возрастает в период укрепления национального самосознания. Однако уникальность места Пушкина в системе литературных и других общественных институтов эпохи нуждается в объяснениях. Можно обозначить два фактора, определивших эту уникальность.

Во-первых, Пушкин выступил “пророком” нормы, то есть грядущего развития языка, угадав в дискурсах эпохи жизнеспособные и творческие доминанты². “Инстинктивное” согласие с пушкинским пророчеством обеспечило ему признание при жизни современниками (охлаждение после 1826 года, ставшее предметом пристального исследования биографов и литературоведов, не привело к разочарованию в общепризнанных, прославленных произведениях) и последующий триумф его славы к концу XIX века. Это было связано прежде всего с тем, что Россия заговорила по-русски во всех стратах общества (демократизация элиты “сверху вниз” и рост грамотности и потребности в книжной культуре “снизу вверх” вел к относительной гомогенности “ключевых” запросов в национальном масштабе), и обнаружила, что “по-русски” эквивалентно “по-пушкински”. Закрепление пушкинских текстов в качестве примеров в русских граммати-

ках возводило его стиль в ранг образцового; при этом главная заслуга хрестоматий и учебников заключалась в переводе пушкинских фраз в зону автоматического восприятия, той нормы, которая формировала основу для “врастания” пушкинских клише в национальное сознание³.

Во-вторых, на этапе общенационального оформления язык стремится к клишированию, автоматизму как условию и последствию консолидированной базы, главная функция которой – общенациональная коммуникация. Процесс клиширования основан на принципе экономии трудовых усилий⁴, когда в языке должна образоваться особая апперцепционная база, элементы которой (как структурные, так и содержательные) понятны всем участникам коммуникации. Автоматизм ведет к “убыстрению” понимания – достаточно первого слова клише, чтобы остальная его часть неизбежно возникла в сознании участника коммуникации. В целом синекдохичность мышления (и речи) – очевидный факт, отразившийся, например, в редукции пословиц в поговорки. Язык оказывается всегда готовым к такой редукции и выработке клише. Именно автоматическая часть речевой базы оказывается важнейшей в формировании так называемой внутренней речи⁵. Пушкинские формулы прочно вошли в общенациональный “набор” клишированных форм⁶. Здесь важно, что речь идет не только и не столько о содержательной стороне этих формул (хотя автоматическое цитирование пушкинских текстов, например, “Москва! Как много в этом звуке” или “Зима! Крестьянин, торжествуя” – очевидно массовое явление⁷), сколько о самой структуре пушкинского наследия, предвестившего грядущее развитие нормы, ее законов, путей ее дальнейшего развития⁸. Пушкинские формулы отвечали тем матрицам мыслительного (речевого) действия, которые формировались в языке под воздействием объективных законов его развития и были гениально предугаданы Пушкиным. Отсюда “вечный комплимент” Пушкину: как все “просто и ясно”.

Эти два фактора (логически взаимосвязанные) объясняют суть гениальности Поэта, но не дают достаточно ясного представления, как пушкинская норма входит в сознание всей нации. Уникальность бытования пушкинских текстов (списки, коллективные читки, песенники и хрестоматии) связана, скорее, не с фактом таких форм бытования, а с масштабами распространения⁹. Решающим, по-видимому, оказался “хрестоматийный глянец” – перевод Пушкина в “канонизированные” поэты еще в 30 – 40-е годы XIX века (когда обычно говорят о забвении Пушкина), причем канонизация его как “школьного” поэта¹⁰ вела к массовому заучиванию пушкинских текстов наизусть. При этом возникал эффект “просвещения Пушкиным” неграмотных “читателей” – родственников ученика, слушавших зуб-

режку¹¹. Главный методический прием в преподавании литературы – заучивание наизусть – касался и десятков других текстов, но в силу уже рассмотренной выше “матричности” пушкинских стихотворений именно эти строки оседали в “автоматической” памяти. В то же время всякая “канонизация”, а особенно школьная, несет в себе угрозу уничтожения эстетической феноменальности текстов. Свидетельством такого “стирания” могут служить и пародические тексты разных авторов XIX века (Полевой, Алмазов и др.¹²), и (в еще большей степени) переделка пушкинских произведений в практике школьного фольклора¹³. Уничтожение эстетического эффекта воздействия должно было вывести Пушкина из зоны мифа. Этого не произошло. Назовем ряд причин.

Первая причина. Всегда оставался “непрочитанный” Пушкин, то есть каждый носитель “стереотипических формул” знал, что весь Пушкин ему неизвестен. “Темная” зона непрочитанного Пушкина формировала пиетет – Пушкин пишет просто и ясно, но есть его “потайные” произведения, или произведения, смысл которых недоступен¹⁴. В современном сознании это трансформировалось в чувство “вины” перед поэтом за то, что он не прочитан; здесь же кроется одна из причин отсутствия “пушкинофобии”¹⁵, огульно отрицательного отношения к его наследию.

Вторая причина. Эстетическая функция пушкинских произведений оказалась неуничтожимой несмотря на длительную “канонизацию”. Важно, что принижение значения его наследия в “реальной критике” – Добролюбовым, Чернышевским, Писаревым¹⁶ – несколько не противоречит “канонизации” его имени и творчества (хрестоматии, грамматика, учебники). “Причесанный” Пушкин, конечно, не устраивал его почитателей, жаждущих “полных” текстов. Но и в таком “урезанном” виде он входил в сознание эпохи очень широко. К концу XIX века интеллигенция активно включилась в пропаганду пушкинского наследия среди простого народа. “Канонизация” Пушкина достигла размаха, которому трудно подыскать аналогию в отечественной культуре (кроме кратковременных периодов в советской истории, связанных, например, с именем Горького¹⁷). Разумеется, это должно было вызвать эффект отторжения. Победа Пушкина в этом самом страшном испытании его творчества (гораздо более опасном для любого художественного мира, чем откровенные нападки или официальные запреты, которые согласно тому же закону вызывают интерес к текстам и актуализируют их) связана с неисчерпаемостью эстетического содержания его произведений. Вростание в национальное сознание происходит благодаря неосознаваемой (то есть неформулируемой в отточенных понятиях) концептуальности его творчества. Ощущение этой неисчерпаемости не покидало интеллектуаль-

ную элиту, которая не в состоянии была избавиться от Пушкина, даже если очень этого хотела. От элиты “чувство” концептуальности распространялось в нижние страты общества (согласно закону подражания¹⁸), при этом сильно редуцируясь и трансформируясь.

Почему же эстетическое воздействие пушкинских текстов оказалось значимым, несмотря на всеобщее стремление элиты подвести под него “идеологическую базу”? Возможно, победа была обеспечена механизмами коллективной мнемы¹⁹. Опираясь на теорию коллективной рефлексологии В. М. Бехтерева, можно предположить, что действие коллективной мнемы аналогично своеобразной коллективной памяти, функционирующей независимо от общественных условий и “идеологического прессинга”²⁰. В статье “Бессмертие человеческой личности как научная проблема” Бехтерев утверждает, что неуничтожима духовная личность любого человека – в силу существования “записей” этой личности в памяти близких людей, а затем в их потомстве – и так далее – то есть духовный “отблеск” личности продолжает сохраняться вечно в “разлитом виде”²¹. Степень “разлитости” и “размытости” обратно пропорциональна яркости личности. Пушкин, отвечая ряду национальных ожиданий (прежде всего языковой реальности нации), оказался той самой “духовностью”, которая остается в “сгущенном” виде, не подчиняясь закону всеобщей “размытости” во времени. “Матричность” пушкинского наследия обеспечила ему эту уникальную позицию.

Третья причина. Закрепление Пушкина в зоне функционирования мифов социокультурного плана связано с процессом персонализации автора “клишированных форм”. В истории русской литературы (и культуры) было немало деятелей, указывающих новые пути, совершающих реформы и т. п. – например, сам Пушкин считал гением-реформатором языка Ломоносова²². Но лишь Пушкин оказался общепризнанным “культурным героем нового времени”²³. Возможность омифотворения какого-либо “героя” существует во все времена – об этом рассуждает, например, Томас Карлейль²⁴. “Коллективное бессознательное” нуждается в воплощении (яркое проявление этой черты – “персонализм” ведущих религий мира). Феноменальность Пушкина связана с тем, что, войдя в национальное сознание своими текстами, он не был ассимилирован коллективной памятью (как, например, Грибоедов, во многом “растворившийся” в языковой практике нации), а сохранил свое значение “творца” культурной матрицы. Его авторство оказалось не только фиксированным, но и гипертрофированным (это выразилось, например, в приписывании Пушкину текстов, которые он не писал). Актуальным оказалось и распространение свидетельств о внешнем облике поэта – один из немногих писателей, которого страна знает “в лицо”²⁵. Разумеет-

ся, важнейшая роль здесь принадлежит памятнику в Москве. Но важно, например, что были и лубочные картинки с “лицом” поэта (“иколичные” – на календаре 1909 года гравирован Пушкин с портрета Кипренского на фоне чистого неба с горящей над ним звездой и в окружении ангелочков). А. Ахматова в небольшом наблюдении “Пушкин и дети” замечает, что “Конек-Горбунок” – очень хорошее произведение, но ей ни разу не приходилось слышать от детей “дядя Ершов”. А “дядя Пушкин” – пожалуйста²⁶. Роль “бакенбард” и “кудрей” здесь совершенно особая, об этом пойдет речь в последней главе этой книги. Еще одна яркая черта персонификации мифа о Пушкине связана с тем, что миф о Национальном Поэте формировался изначально в кругах интеллектуальной элиты, которые были насквозь “олигаурены”, что, в свою очередь, связано с особенностями роста национального самосознания. По мнению К. Г. Юнга, подобная персонализация связана с механизмом компенсаторной функции коллективного бессознательного (в данном случае актуального в основном для интеллектуальной элиты), которое сопротивляется чрезмерно раздуваемой в эпоху национальной идентификации “самости” (das Selbst), подспудно являющейся целью индивидуации наций²⁷. Возникает (неизбежно) “вакуум” кумира, общепризнанного объекта поклонения, некоего “золотого тельца” Золотого века. Таким кумиром и становится Пушкин – прежде всего в силу частичного и инстинктивного осознания современниками масштаба его таланта (и крепнущей к концу века уверенности в непостижимости глубины этого таланта и непреходящей ценности пушкинского Слова).

Четвертая причина. Миф о Пушкине порождает легенды и слухи, которые закрепляются в виде особого “вторичного” “пушкинского” текста – текста о Пушкине (некрологи, стихи, статьи, причем как профессиональные, так и “любительские”, воспоминания и т. п.; без преувеличения, пушкинский “вторичный” текст самый развитый из всех других подобных текстов в отечественной культуре). Обычно эти легенды и называют “мифами о поэте”. Между тем перед нами именно манифестации мифа, множество которых может быть бесконечно. Дробясь на все более частные моменты (часто противоречащие друг другу) в своих манифестациях, миф тем не менее сохраняет цельность, обеспечиваемую его “базовым вопросом”.

Пятая причина. Как уже говорилось выше, оформляясь в элитарно-интеллигентских кругах, миф о Национальном Поэте “сползает” в низовые части общества. По мнению М. Вебера, харизма (“божья искра нации”, культурная энергия) одинаково принадлежит как элите, так и массе, хотя никогда не распространится настолько, чтобы “уравнять общество”. При “сползании” харизмы происходит ее

“рутинизация” и постепенное размывание “авторитарности” (и вообще авторской сути) харизмы²⁸. Как уже отмечалось, уникальность пушкинской харизмы состоит в нарушении принципа ассимиляции. Но принцип рутинизации вполне прослеживается и в случае с Пушкиным: неизбежно происходит редукция, компрессия “многомерности” явления, превращение его в четкую (и, разумеется, плоскую) схему. Всевозможные сетования о “профанировании”²⁹ пушкинского наследия и пушкинского имени, образа в современной “конвейерной массовой культуре” оказываются следствием непонимания механизмов функционирования харизмы (и в том числе социокультурных мифов такого масштаба, как пушкинский) в обществе, где рутинизация оказывается единственно возможным способом существования харизматического объекта.

Все эти идеи позволяют сделать состояние пушкинского мифа в конце XX века объектом научного рассмотрения.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ПУШКИНСКОГО МИФА: TERRA INCOGNITA

Пушкинский миф – это совокупность реакций национального масштаба на творчество и личность Александра Сергеевича Пушкина (1799–1837), в основе которых лежит признание его Первым Национальным Поэтом. История пушкинского мифа – это система аналитического изложения фактов таких реакций в диахронном аспекте. Очевидно, что вместо выражения “пушкинский миф” исследователь может использовать иные понятия (например, “литературная репутация”, “историко-функциональный аспект” и пр.) Но все эти понятия значительно уже явления, вполне охватываемого выражением “пушкинский миф”, поскольку имеют дело лишь с некоторыми сторонами таких реакций национального масштаба.

В названии главы нет особой претензии и натяжки: тщательное изучение материалов, связанных с самой историей пушкинского мифа, приводит к убеждению в том, что эта история так и не написана. Причина очевидна: грандиозный объем материала, отражающего разные моменты функционирования мифа. В самом деле, если исследователи начинают рассуждать о Пушкине, его литературной репутации, славе, признании его имени и творчества в разные периоды истории России, они обращаются к свидетельствам, выкладкам, мнениям, в свою очередь, уже опосредованным временем. “Первоисточники” просеяны предшественниками, и сегодняшний исследователь скорее обратится к готовому “своду”, чем к полуистлевшим страни-

цам. Такова, например, судьба мемуаров о Пушкине – они ни разу не стали объектом реального литературоведческого изучения, а единственная статья В. Э. Вацура почти без изменений перепечатывается во всех изданиях двухтомника “Пушкин в воспоминаниях современников” в течение четверти века. Между тем само формирование корпуса мемуаров о Пушкине – это вполне серьезный объект изучения³⁰, недостаточно полно представленный в упомянутой статье. Но это лишь один пример. На самом деле ситуация с изучением пушкинского мифа чрезвычайно запутана.

Существует несколько основательных исследований, посвященных самой истории пушкинского мифа (о пушкинском мифе как факте современной культурной ситуации работ гораздо больше).

– Розанов И. Н. Литературные репутации: Работы разных лет. М.: Сов. писатель, 1990. 464 с. Глава “Народная тропа: О славе Пушкина” (С. 29–46). Работа написана в 1927 году.

– Непомнящий В. С. Поэзия и судьба. М.: Советский писатель, 1983 (первое издание). Глава “Народная тропа” (во многом создавалась в 1974 г.). С. 5–186.

– Высочина Е. И. Образ, бережно хранимый: Жизнь Пушкина в памяти поколений: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1989. 239 с. Книга полностью посвящена почти двухвековой истории восприятия творчества и личности Пушкина.

– Муравьева О. С. Образ Пушкина: Исторические метаморфозы // Легенды и мифы о Пушкине. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1994. С. 109–128. Статья посвящена истории пушкинского мифа.

– Débreczeny P. Social Functions of Literature: Alexander Pushkin and Russian culture. Stanford University Press. Stanford, California, 1997. 282 p. VIII p. Книга об исторической эволюции функций пушкинского мифа.

Кроме того, есть целый ряд исследований, связанных с отдельными страницами истории пушкинского мифа, о которых будем говорить по ходу работы.

Проанализируем фундаментальные исследования, названные нами. Подробный обзор их содержания станет своеобразными пролегоменами к теме, введет основные термины и понятия, в первом приближительном очерке отразит язык нашего исследования.

Наиболее удаленной от проблемы собственно истории мифа является глава “Народная тропа” в книге В. С. Непомнящего “Поэзия и судьба”. Основная цель этой части его книги – исследование проблемы народности Пушкина, попытка объяснить, почему именно Пушкину дано было стать выразителем национальной идеи. Глава построена как эссе, основанное на личных впечатлениях, субъектив-

ных переживаниях, спорах с “чужим словом” попеременно с анализом пушкинских произведений и фактов его признания-непризнания. Ученому не нужны здесь особые теоретические выкладки, методологическая база, “предшественники” и “последователи” (в книге почти нет ссылок). Ему нужен только Пушкин. Говоря о Пушкине как об “облеченном особыми полномочиями *лице* (курсив В. С. Непомнящего – М. З.)” национальной культуры (тогда как народные массы – это сверхличная ее субстанция)³¹, автор выдвигает ряд положений, цель которых – ответ на вопрос: “Почему именно он?” Суммируем эти положения в виде кратких тезисов:

1) коренное родство, тождество дара Пушкина и глубинных основ “загадочной русской души”;

2) восстановление национальной целостности, разрушенной Петром;

3) универсальная значимость жизненных сущностей и структур, явленных в его творчестве.

По мнению В. С. Непомнящего, Пушкин был порождением национального самосознания, той единственной и неповторимой больше в истории нации фигурой, которая всегда будет означать незыблемые духовные ценности, “слово совести и веры народа”³². Для исследователя пушкинского мифа как историко-литературной проблемы такие рассуждения можно было бы отнести к сфере чистых эмоций, не подтвержденных какими бы то ни было фактами (опора ученого на факты носит подчеркнуто субъективный, принципиально “отборочный” характер – так, он использует соответствующие страницы воспоминаний о Пушкине, которые не считаются безупречными с точки зрения их достоверности, очень много внимания уделяет “пинежскому” Пушкину – в принципе, лишь “ярким пересказам” рассказов Б. Шергина неграмотными поморками, а не собственно народному творчеству, развивающемуся стихийно, без специально “наставничества”³³). Те основания, по которым В. С. Непомнящий определяет суть пушкинской уникальности, также можно считать довольно размытыми и нечеткими, во всяком случае, сам автор признается, что лучшее слово о Пушкине уже сказано Достоевским: услышать в пушкинском творчестве смысл, обращенный к нам. Пушкин для В. Непомнящего, конечно, не бог и не герой, но, без сомнения, святыня. А святыня не может быть “объектом изучения”. Анализ пушкинского творчества, предлагаемый автором книги, является примером замечательного прочтения пушкинских произведений, но нас интересует анализ фактов восприятия творчества Пушкина в самом широком смысле. В. С. Непомнящий, приводя ряд интереснейших фактов рецепции (например, история о “человеке из толпы” у памятника Пушкину, который выяснял для себя смысл слов

“И милость к падшим призывал”³⁴), не ставит своей задачей проследить историю и закономерности такого восприятия.

Еще одна “Народная тропа” (хронологически предшествующая книге В. С. Непомнящего) написана И. Н. Розановым в 20-е годы. Перед нами классическое (и фактически единственное) исследование проблемы литературных репутаций. Обращаясь к истории литературного успеха Пушкина, И. Н. Розанов называет несколько периодов. Прежде всего, он отмечает, что известность пришла к Пушкину еще в лицее, но это не было славой в полном смысле этого слова. Знаменитым он стал после выхода в свет “Руслана и Людмилы”. Пик славы Пушкина – южные поэмы (с пресловутыми 8 рублями за строчку “Бахчисарайского фонтана”). Далее следует период полувекового охлаждения к Пушкину (начинающийся с провала 7 главы “Евгения Онегина” и “Полтавы”). Смерть Пушкина лишь ненадолго пробудила симпатии к нему, затем последовало забвение (посмертное издание его сочинений не раскупалось, цена на него была снижена через четыре года после выхода почти в десять раз). “Разоблачительные” статьи Писарева привели к тому, что молодежь 60–70-х годов считала обязательным выражать пренебрежение к творчеству Пушкина. 1880 год показал, что Пушкин возвращается на свое законное место. Но это был праздник лишь интеллигенции, народу до Пушкина не было никакого дела, народ о Пушкине ничего не знал. Поворотным стал 1887 год, когда сочинения Пушкина стали издаваться массовыми тиражами (истекло право собственности родственников на издание сочинений Пушкина). Разгром книжного магазина на Невском проспекте (когда толпа буквально снесла прилавок, конторщика, расхватывая экземпляры “дешевого” Пушкина) стал знаком всеобщей любви к поэту; тиражи были так велики, что фактически в каждой грамотной семье должен был быть “свой” Пушкин. Однако это не была вся Россия, и анкета “Сельского вестника” в 1899 году показала, что Пушкин для многих крестьян в глубинке – фигура неизвестная. Юбилей 1899 года в отличие от 1880-го был праздником глухих “медвежьих углов”. Пушкина чествовали “местными силами”, крупные писатели от участия в юбилее демонстративно отказались. К 1910-м годам сложился некий культ Пушкина в привилегированной части интеллигенции (Брюсов, Вяч. Иванов, Блок, Кузмин, Ахматова и др.). Революция стала новым испытанием для поэта, и он это испытание выдержал. Юбилей 1924 года был скромным, но показал, что Пушкин нужен новой России. По мнению Розанова, место Пушкина в послереволюционной стране довольно скромное: “Территориально национальная слава Пушкина уменьшилась до пределов бывшей Великороссии... Пусть до сих пор не каждый человек из миллионов, говорящих на русском языке, знает про Пуш-

кина. Пусть Пушкин напрасно сопоставлял свою славу с наполеоновой. Слава исторических деятелей всегда шире, чем поэтов, и сейчас в глухих деревнях, конечно, больше говорят имена Ленина и Троцкого, чем Пушкина...”³⁵

Таким образом, И. Н. Розанов постарался представить историю литературного успеха Пушкина без особых размышлений о причинах, предпосылках, нюансах взлетов и падений его славы. Факты, введенные исследователем в оборот, узко ограничены. Поэтому “кривая славы” получается столь сглаженной и упрощенной. Многие факты, используемые Розановым как безусловные, сомнительны или неадекватно интерпретируются исследователем (например, о цене на посмертное издание сочинений Пушкина и не востребованности этого издания в стране). Исследователь обратился к истории признания пушкинского творчества лишь как к примеру распространения литературной славы вообще; он не ставил своей целью ни уточнять частные моменты, ни обобщать материал. Сама идея прослеживания репутации Пушкина от лицейских до “наших” дней не нова. Это тема многих юбилейных речей о Пушкине, начиная уже с 1880 года. Но Розанов впервые обозначил эту тему как сугубо литературоведческую, выделил в ней два главных аспекта: “теория и история литературных репутаций. Первая займется исследованием факторов литературного успеха, классификацией и терминологией, вторая – изучением фактов в исторической последовательности, выяснением их социологических причин... Возведение этих новых зданий стоит на очереди”³⁶. Отметим, что “возведение” зданий оказалось долгостроем, хотя проблема литературных репутаций взята у Розанова достаточно широко и близка понятию “миф о писателе”.

Более развернуто и концептуально представлена та же тема в книге Е. И. Высочиной. Дав своему исследованию подзаголовок “Книга для учителя”, исследовательница поставила перед собой сложную задачу – предоставить учителю интересный и разнообразный материал, связанный с признанием Пушкина в течение почти двух столетий, скрепив эти факты стройной теорией: “Но задача наша вовсе не в составлении антологии оценок. Важнее поразмыслить над истоками неугасимого интереса к поэту, над тем, каковы особенности и «механизмы» культурно-исторической памяти о гении, отразившиеся в эволюции представлений о его личности и творчестве”³⁷. Эта формулировка представляется очень точной. В принципе, такова и должна быть цель любого исследования проблем литературной известности, рецепции творчества того или иного писателя в сознании поколений. Не случайно Е. И. Высочина отмечает, что ее подход может быть применен к любому другому “национальному поэту” – Данте, Шекспиру, Гете... Ее задача – объяснить закономерности

вспышек любви и охлаждения к писателю. В книге собран большой материал, касающийся фактов признания Пушкина и преломления его творчества в разные эпохи. Наиболее ценной частью можно считать размышления исследовательницы о важности внешнего облика поэта для современников, об иконографии Пушкина. Что же касается рассуждений о юбилейных торжествах, постепенном проникновении известности Пушкина в народные массы, то Е. Высочина оказывается в плену самых распространенных, но не самых достоверных фактов, пренебрегает анализом ряда источников по истории массового восприятия пушкинского творчества в XIX веке³⁸, и поэтому не может выйти к реальным обобщениям. Во многом мешает автору жесткость идеологической установки – важно доказать, что слава Пушкина основана на вольнолюбии, атеизме поэта, близости его творчества революционным идеалам. Часть книги, посвященная признанию Пушкина в Советской России, наименее интересна, поскольку изобилует привычной информацией о размахе тиражей его книг, содержит хорошо известные данные о юбилеях, принявших государственно-обязательный характер, и сводится в конечном итоге к повторению формулы “Пушкин и сейчас живее всех живых”. Цель исследовательницы – доказать, что Пушкин является прекрасным образцом для воспитания на его примере лучших личностных черт, – не нова (скажем, об этом писал В. П. Острогорский в конце XIX столетия³⁹), и поэтому вряд ли может считаться особенно ценной. Но в книге разбросаны десятки верных и метких наблюдений, глубоких проникновений в суть проблемы – установление механизмов восприятия наследия гения, что делает в целом исследование Е. И. Высочинной ценным для всех, кто обращается к этой теме.

Статья О. С. Муравьевой “Образ Пушкина: Исторические метаморфозы” – это одно из самых глубоких в отечественном литературоведении исследований проблемы восприятия личности и наследия Пушкина в исторической перспективе. О. С. Муравьева представила основательный анализ проблемы, отличающийся стройной логикой и умением в кратких рамках статьи емко сказать о многом. Но, по-видимому, “статейный объем” и стал главной причиной неразвернутости ряда положений. Важнейшая особенность работы: ее лейтмотивом стала идея формирования пушкинского мифа. Исследовательница полагает, что качественные и содержательные характеристики пушкинского мифа зависят от той страты, которая этот миф представляет, причем у каждой страты “свой” Пушкин: “История русской критики предложит нам свой миф о Пушкине, история русской литературы – свой. Существует и общественное восприятие, массовое сознание, в котором рождаются свои мифы”⁴⁰. Плодотворная часть этой идеи – мысль о социальной множественности реакций,

воплощающих миф, – остается, к сожалению, лишь постулатом. Далее исследовательница отходит от этой множественности в одномерную историю отдельно взятых манифестаций мифа, не вдаваясь особенно в размышления о социальной “подоплеке” этой истории. Зато традиционная ошибка исследователей пушкинского мифа – мнение о существовании “нескольких мифов”⁴¹ о поэте – возводится в аналитический абсолют. Для меня же особенно важно показать, что пушкинский миф един по своей социокультурной природе, а разные манифестации его в разных социальных группах не являются самостоятельными мифами, а лишь по-своему манифестируют “базовый миф”.

Согласно статье О. С. Муравьевой, главные этапы истории пушкинского мифа следующие. Когда Пушкину исполнилось 14–16 лет, зазвучали пророчества “старших” (Карамзин, Жуковский, Вяземский, Державин) и возник миф о чудо-ребенке. С появлением первых знаменитых крупных произведений Пушкина наблюдается расхождение “ожидания и истины”, когда современники оказываются “в ножницах” реальной внешности и поведения своего “кумира” и представлений о нем. К сожалению, О. С. Муравьева не обращается в этой части исследования к ценным наблюдениям Е. И. Высочинной, касающимся роли гравюры с изображением “байронизированного” Пушкина в процессе восприятия “нового гения”.

Следующий этап истории мифа – распространение представлений о Пушкине как “надменном аристократе”. Особую роль здесь сыграла “демократическая критика” 30-х годов. Далее – смерть поэта, когда формулы “невольник чести”, “первая любовь” России, “солнце русской поэзии” навсегда вошли в пушкинскую мифологию, но ни одна из них не стала источником, первообразом развивающегося мифа. Это утверждение кажется не совсем обоснованным. Жаль также, что О. С. Муравьева отказывается от серьезного исследования “поэтических откликов третьего ряда”, считая их “безликими излияниями по поводу смерти гения”. Материал этих “третьестепенных” стихотворений, напротив, – прекрасное поле для анализа формирования мифа в сознании, которое можно назвать массовым для той эпохи. Главным источником мифа (консервативно-официозного) исследовательница считает письмо Жуковского отцу Пушкина, говорит о расхождениях Белинского и Гоголя. В итоге утверждает, что “доступный и непротиворечивый миф о Пушкине еще не предложен русскому обществу. До середины 50-х годов образ Пушкина не имел особенной социальной значимости...” Кратко упоминается о “Материалах для биографии А. С. Пушкина” П. Анненкова 1855 года как источнике нового всплеска интереса к поэту, быстро прекращенного ошеломляющим ударом, нанесенным Писаревым. Ни

деятельность Бартенева, ни формирование мемуаров о Пушкине не учтены. Поэтому не совсем понятно, как произошел переход от представлений о Пушкине как “ветхом кумире” и “возвышенном крестине” к утверждению его “центральной фигурой” русской культуры. Краткий, весьма избирательный анализ “третьестепенной” поэтической Пушкинианы не может дать достаточный материал для представления о путях усиления авторитета Пушкина в сердцах его читателей. Здесь нужна более полная картина, более тщательный разбор имеющихся (очень обширных) материалов (понятно, что такой анализ нельзя уместить в рамки статьи, специально ему не посвященной).

Пропуская юбилей 1887 года, О. С. Муравьева сразу переходит к столетнему юбилею Пушкина. Здесь самое важное – размышления о претензиях на контролирование “всенародной любви” к поэту со стороны властей и реакция на этот контроль интеллектуальной элиты. Далее следуют рассуждения о советском периоде: “Советский миф о Пушкине – не самый значительный, но весьма выразительный результат тех глобальных изменений, которые произошли в стране после революции и гражданской войны”⁴². По мнению исследовательницы, власть остановилась перед выбором – назвать Пушкина “другом самодержавия” (и сбросить с “Парохода Современности”) или “жертвой самодержавия” (и укрепить его культ): “Наверное, отчасти стихийно, отчасти сознательно, был избран второй вариант, который был вскоре официально узаконен”⁴³. О. С. Муравьева в этой части исследования не учитывает важнейшие законы мифообразования, согласно которым невозможно “сочинять” миф “сознательно” (вернее, это возможно, но без опоры на более глубокие уровни сознания, чем простая внушаемость и подверженность пропаганде, такой миф остается “версией”, не становится собственно мифом). Зато абсолютно точно наблюдение исследовательницы о “близнецовой идентичности” официальных версий о Пушкине царской и революционной эпох. Еще одно ценное наблюдение – о том, что навязываемые сверху представления о культурной внеисторической роли Пушкина были активно поддержаны “снизу” не только полуграмотной массой, но и представителями интеллектуальной элиты, тайно враждебной по отношению к новому режиму. Такое редкостное единение О. С. Муравьева объясняет, по-моему, предельно точно: “Но, наверное, не только на страхе и принуждении держался этот миф, не только инерция мышления питала его. Как и все сколько-нибудь влиятельные и популярные мифы, он опирался и на реальные запросы общества, затрагивал и живые струны в душах людей. В нем отзывались и действительная, непритворная любовь к Пушкину, и редкая по тем временам возможность адресовать восхищение тому, кто в

самом деле его заслуживает, и национальная гордость, и затаенный интерес к прошлому своей страны”⁴⁴.

Отношение к Пушкину после юбилея 1937 года исследовательница рассматривает бегло, конспективно. Она выделяет следующие периоды: ослабление интереса к поэту в 50-е годы, формирование новой мифологической модели “мой Пушкин” в противовес претенциозному “наш Пушкин” в 60-е годы, возникновение мифа о Пушкине – “хорошем человеке” в 70-е годы, огромный интерес к личной жизни гения в 80-е: “Бывший пророк, учитель и основоположник стремительно превращался в мужа красавицы Натальи Николаевны и рисовался воображению не иначе, как в окружении кудрявых малышек”⁴⁵. Общий вывод, к которому приходит О. С. Муравьева, несколько неожидан и вступает в противоречие с теорией мифотворчества в современном обществе: “Таким образом, к концу 1980-х годов мифологизация Пушкина как будто зашла в тупик, придя к такому мифу, который почти не нуждается, как в своей основе, в фигуре такого масштаба, как Пушкин”⁴⁶. Исследование О. С. Муравьевой представляется энергичной, полновесной попыткой представить историю формирования и функционирования пушкинского мифа. Однако невнимание к “теоретической базе”, отсутствие размышлений о сути мифотворчества нового времени, механизмах массовых реакций на различные явления культуры, наконец, о функционировании культурной матрицы национального масштаба обедняет наблюдения исследовательницы, мешает им развернуться в строгую концепцию, хотя статья О. С. Муравьевой, как уже отмечалось, занимает важное место в ряду исследований проблемы пушкинского мифа.

Наконец, в книге американского слависта П. Дебрецени “Социальные функции литературы: Александр Пушкин и русская культура” 1997 года дан глубоко научный анализ истории пушкинского мифа. Конечно, удивительно, что книга не принадлежит перу нашего соотечественника (кстати, П. Дебрецени справедливо гордится уникальностью своего труда в мировом литературоведении), но, как известно, очень часто именно со стороны, с позиций “внешнего наблюдателя”, очевидны те факты и связи, которые не ведомы нам “изнутри”⁴⁷. Так как книга не переведена пока (насколько мне известно) на русский язык и малодоступна в стране, а в то же время максимально близка к нашей проблеме, подробно охарактеризуем ее содержание.

В книге три части, в каждой из которых подробно рассматривается одна из граней заглавной проблемы – “социальные функции литературы”.

Первая часть озаглавлена “Читательская реакция на текст” и посвящена особенностям восприятия пушкинского творчества чита-

тельским сознанием разных эпох: современниками, последующими поколениями XIX века, интеллектуальной элитой серебряного века. “Источники первой части – мемуары, дневники, письма. Чтобы интерпретировать этот материал, пришлось обратиться к различным психологическим методам, от изучения восприятия через развивающую психологию к психоанализу. Ни одно направление литературоведения не должно отвергать методы других наук”, – отмечает исследователь во введении⁴⁸. Однако в целом внимание в первой части сосредоточено на нескольких, весьма произвольно отобранных, историко-литературных фактах. Для названия первой главы использовано сталинское выражение “Писатель как инженер человеческих душ”, и речь в ней идет о восприятии пушкинской вольнолюбивой лирики в среде декабристов и всей радикально настроенной части русского общества до 1827 года (“Послание в Сибирь” Дебречени называет последним вольнолюбиво-политическим текстом Пушкина; раздел “Пушкин и декабристы”), а также о восприятии Пушкина после спада его популярности (раздел “Поэт и Толпа”). Важнейшие выводы, к которым приходит Дебречени, таковы: Пушкин сразу, изначально, в момент пика своей известности (“наводнения” России “возмутительными стихами”) воспринимался искаженно. Конвергенция читателя и автора (П. Дебречени ссылается на труды В. Изера), без которой невозможна жизнь литературного произведения, неизбежно порождает “гравитационное поле” между текстом, “творимым автором”, и “реализацией его читателем”. “Пространственная форма” Дж. Франка есть самое точное объяснение механизмов памяти: отпечатывается “пространственный образец”, то есть не полный объем текста, а несколько самых ярких штрихов. Дебречени говорит об уникальности распространения пушкинских текстов – не только списочная культура, но и коллективные читки. Естественно, такое чтение не предполагало полного воспроизведения настолько сложного текста, как, например, “Вольность”. Но нескольких точных знаков вполне было достаточно для того, чтобы слушатели прониклись ее резким революционным пафосом (хотя по сути она таковой не была): ее названия, отсылавшего к опальному бунтарю-одиночке Радищеву, и строфы “Тираны мира, трепещите!”, восходящей к “Марсельезе”. Это и отпечатывалось в сознании читателей и слушателей. Такова была и судьба “Деревни” – спокойно-охранительная концовка этого стихотворения просто не замечалась читателями, и произведение воспринималось как резко обличительное.

Искаженное восприятие текстов Пушкина в последующие годы роста его таланта только усилилось. “Фильтровка” текстов привела в конце концов к тому, что от всего творчества поэта осталась формула “Не для житейского волнения...” и он был провозглашен стол-

пом “чистого искусства”. Дебрецени объясняет такую трансформацию изменением политической ситуации, выработкой новых ценностей, но также и отсталостью читателей (даже таких “профессиональных”, как Огарев, Герцен, Белинский) от гения. Итак, обобщая наблюдения Дебрецени, можно прийти к выводу, что творчество любого большого писателя не может восприниматься в том объеме, в каком оно представлено – оно неизменно будет упрощаться и просеиваться в соответствии с горизонтом ожидания читательской массы.

Во второй главе первой части (“Литература и самовоспитание”) Дебрецени анализирует мемуарные материалы о Пушкине как любимом писателе. В принципе, материалов, отвечающих его задаче, он не находит (сообщает, что просмотрел все материалы по библиографическому указателю Минцлова⁴⁹). Единственный дневник, где содержалась информация о восприятии пушкинских произведений, – некоего Жоржа Тельберга⁵⁰ (обнаружен в Библиотеке Конгресса США, публиковался в “Новом русском слове” в 1944 году, 24, 28 сентября и 1, 8, 15, 27 октября), который сообщает о том, что “первые представления о людях и первые уроки практической морали” он и его товарищи получали из пушкинских сказок, что чувства его развивались благодаря пушкинским стихам о природе, наконец, что стрелялся он на дуэли “по-онегински” (когда решена была дуэль, противники старательно перечитали шестую главу и сделали все по тем правилам, которые там были изложены). Кстати, когда Тельберг поднял руку с пистолетом, целясь в друга, он вспомнил: “Враги! Давно ль...” – бросил пистолет и подал другу руку. Дебрецени замечает по этому поводу: “Так пушкинская поэзия была не только образцом бравады, но и парадигмой гуманных отношений”. Анализируя функции литературы как возможного образца жизни, Дебрецени много внимания уделяет характеристике с этой точки зрения Татьяны как читательницы в поисках модели жизни. “Матрицей моделей” называет исследователь литературу и приводит еще три мемуарных свидетельства интереса к “полузапрещенному” Пушкину в 30–40-е годы. Важнейшей особенностью пушкинского творчества, способствовавшей признанию его произведений образцами для самосовершенствования и самовоспитания, Дебрецени называет отсутствие “героя времени”, которому можно было бы подражать, как, скажем, горьковскому Павлу Власову. Тем самым провоцировалось стремление читателя понять самого себя и заняться “позитивным самосозиданием”. Эта часть исследования Дебрецени представляется слабой потому, что введенные в оборот материалы скорее уникальны, нежели симптоматичны. Период “тайного” Пушкина в истории восприятия творчества и личности поэта чрезвычайно невелик и очень неоднороден в разных местах страны (столицах и провинциях – дальних и близ-

ких). Интерес к “тайной” литературе также чрезвычайно различен в разных социальных стратах. Не учитывая этих моментов, Дебрещени оказывается в положении исследователя, которому во что бы то ни стало надо доказать понравившуюся ему мысль. Однако и единичные факты (как, например, дневник Тельберга) представляют интерес, будучи примерами отдельных читательских реакций на пушкинское наследие. В частности, свидетельства 30–40-х годов демонстрируют, что устойчивое представление об охлаждении к Пушкину в этот период, возможно, является заблуждением. Ситуация была более сложной и запутанной.

Третья глава первой части называется “Катарсис” и близка психоаналитическому дискурсу. Речь здесь снова идет о читательских реакциях на пушкинское творчество, анализируется фраза из письма Грановского невесте (“Безумных лет...”) и несколько похожих историй, например, Соханской. Пушкинское творчество оказывается для читателей ключом к собственным переживаниям. Дебрещени подробно рассуждает о книге М. Цветаевой “Мой Пушкин” как образце такого восприятия. Цветаева благодаря пушкинским текстам расширяет собственный жизненный опыт и находит в них модель саморегулирования.

Подводя итоги первой части, можно сформулировать мнение Дебрещени следующим образом:

- 1) читатель воспринимает творчество писателя искаженно, в соответствии со своим горизонтом ожидания;
- 2) читатель ищет в книгах любимого автора ответы на вопросы собственной жизни; прочитанное становится пережитым; по литературной модели строится реальная жизнь;
- 3) читатель в строках поэта находит адекватное выражение собственных переживаний.

Все эти наблюдения представляются достаточно верными и ценными. Однако первая часть книги американского исследователя не дает ответа на вопрос: почему именно Пушкин? Она, скорее, рассматривает общие закономерности восприятия литературных произведений на примере “околопушкинского” материала.

Вторая часть озаглавлена “Социальная детерминация эстетических норм” и полностью посвящена собственно социальным функциям литературы. В основе этой части – теории о распространении в обществе культурных ценностей сверху вниз и теория Я. Мукаржовского об эстетической ценности. В целом вся вторая часть “потребовала обращения к семиотике и социальной истории. Самая трудная задача этого раздела – установить различие между социальными ожиданиями, воодушевлением и эстетическим наслаждением; я надеюсь, мне это в первом приближении удалось”⁵¹.

В первом разделе речь идет о бесчисленных подражаниях южным поэмам Пушкина (собранным и проанализированным В. Жирмунским в его книге “Байрон и Пушкин”) и о важности всего этого материала для определения качества восприятия пушкинских текстов, затем Дебрецени переключается на проблемы изменения социального состава читательской аудитории в России (ее основу составил быстро развивающийся класс чиновников). Чтение распространялось стремительно благодаря психологическим причинам (а не, скажем, из-за дефицита информации). Новое чиновничество, только что вошедшее в образованные страты из более низкого социального уровня, из личных амбиций хотело казаться начитанным – и идти дальше, а главное, выше “лакейской литературы”. В то же время оно создавало почву для так называемой “посредственной литературы” (о необходимости которой убедительно рассуждает Белинский) и, следовательно, диктовало уровень эстетической нормы. Дебрецени рассуждает о ненужности “большой” литературы полуграмотной массе крестьян, которой нужен только лубок. Пушкин в лубок попадает очень рано – его лицейский “мещанский” романс “Под вечер осенью ненастной” стал одним из популярнейших лубочных сюжетов. Также быстро начинают в народе “распевать песни” на стихи Пушкина (например, “Черную шаль” или “Зимний вечер”). Пушкинская реакция на “посредственную литературу” становится предметом пристального внимания исследователя. В разделе “Пушкин и Гоголь” Дебрецени задается вопросом, как имитатор Пушкина мог подняться до уровня Пушкина (теперь, по мнению Дебрецени, очевидно, что не выше Пушкина).

Во второй главе (“Измерение популярности”) исследователь обращается к трем методикам – анализу школьных хрестоматий как “культурной рамы” эпохи, рассмотрению театральные интерпретаций пушкинских произведений и, наконец, методике Карла Розенгена, основанной на изучении упоминаний имени писателя в журнальных статьях, прямо ему не посвященных. Анализ школьных хрестоматий проделан Дебрецени скрупулезно – он анализирует состав пушкинских произведений, включенных в 24 хрестоматии. Затем он обращается к обширному списку “учебных книг” (всего 19) и анализирует содержание комментариев к творчеству Пушкина. В результате столь тщательного и материалоемкого анализа автор приходит к выводу, что в целом школьная литература представляла некую синекдоху творчества поэта, но комментаторы давали вполне адекватную картину представлений о Пушкине (основные темы – “русскость”, “Пушкин и западные влияния”, “взаимоотношения с предшественниками”, “идея поэзии”): “Комментаторы просто переводили дебаты о Пушкине середины века на упрощенный язык”⁵². Ос-

новой просчет исследователя в этом разделе связан с двумя моментами – неверным определением первой учебной хрестоматии, включившей произведения Пушкина (он называет хрестоматию Золотова 1829 года, тогда как до этого было издано семь других хрестоматий, использовавших пушкинские тексты в качестве учебных материалов), и исключением из обзора хрестоматии Галахова, которая вышла впервые в 1842 году и переиздавалась затем в течение 70 лет. “Галаховская” хрестоматия была признана официальной хрестоматией по литературе и, следовательно, была допущена в учебные заведения. Те книги, которые столь тщательно анализирует Дебрецени, не могут считаться равными хрестоматии Галахова по широте распространения, поэтому полученные выводы сомнительны. Но сама идея проанализировать круг включаемых текстов и основных литературоведческих “формул”, адаптированных для школьников, плодотворна. Далее исследователь обращается к сценическим интерпретациям пушкинского наследия. Это менее интересная часть книги, поскольку во многом повторяет известные материалы книги С. Дурьлина⁵³.

Применив методику Розенгрена, Дебрецени берет несколько номеров журналов “Вестник Европы” за 1820–1828 годы, “Сын отечества” – 1820–1829, “Современник” – 1862, “Отечественные записки” – 1882, “Русское богатство” – 1902. Он специально избирает не самые яркие в истории пушкинского мифа годы, но анализ убеждает, что “ранг Пушкина уже при жизни был такой, какого Достоевский достиг только после смерти, а Толстой к 70 годам”⁵⁴. Разыскания в сфере “точного измерения” пушкинской популярности в конце концов приводят Дебрецени к мысли, что “выражение «русский Шекспир» – не пустое клише. 100-я годовщина его рождения это доказывает – он стал внутренней частью личности среднего русского, возникая в уме так же спонтанно, как Шекспир у англоязычного человека”⁵⁵. Дебрецени оговаривает, что “средний русский” относится к 21% грамотного населения России. К проблеме массового сознания исследователь обращается в следующем разделе второй части – “Массовая культура и литературная элита”. Он достаточно подробно исследует проблему распространения пушкинских произведений и представлений о его личности среди безграмотного и малограмотного населения страны. Речь идет о дешевых изданиях, книге Х. Д. Алчевской “Что читать народу?” как свидетельстве читательских реакций “низшей” социальной страты, о деятельности специальных комитетов по распространению грамотности, распространении лубочных вариантов пушкинских текстов и песен на его слова. В то же время, согласно материалам ряда анкетирований, проведенных разными журналами и отдельными лицами на рубеже веков, Пуш-

кин неизменно оказывается аутсайдером рейтинговых таблиц. Эти факты не получают у Дебрецени особого объяснения, он предпочитает сослаться на мнение Дж. Брукса⁵⁶ о “полуинтеллигенции”, продолжавшей ставить Пушкина чрезвычайно высоко (Брукс полагает, и Дебрецени с ним согласен, что в конце концов мнение полуинтеллигенции, а не “рабочих и крестьян” оказалось решающим в триумфе пушкинской славы). В разделе “Отчуждение элиты” Дебрецени как раз показывает, что именно Пушкин стал для “полуинтеллигенции” знаком отмежевания от профанной толпы. Анализируя историю с Е. Э. Толмачевой (небольшой эпизод культурной жизни Перми – чтение отрывка из “Египетских ночей” – стал причиной бурного скандала в прессе), Дебрецени делает упор на самом антураже исполнения: Е. Э. Толмачева подчеркнуто отгородилась от стандартных в провинции представлений о красоте – вместо “пышных одежд” она облачилась в простое и строгое платье. Как это платье, так и выбор отрывка для декламации стали показателем отношения к Пушкину вообще. По мнению элиты, Пушкин принадлежит только ей. П. Дебрецени доказывает, что в России Пушкин занимает уже к концу XIX века прочное место в шкале эстетических ценностей самых разных страт.

Наконец, третья часть книги названа “Миф о Пушкине” и “посвящена восприятию личности Пушкина. Пытаясь понять формирование мифа, я обратился к помощи антропологии”, – отмечает автор⁵⁷. Первый раздел назван “Канонизация”. Здесь исследователь излагает свои излюбленные идеи, к которым он обращался в более ранней статье⁵⁸. Их суть сводится к попыткам определить главные причины возведения Пушкина в “ранг святого”. К этим причинам прежде всего относится представление о судьбе Пушкина как “страстотерпца”. “Он стал легендой при жизни, но даже если бы этого не произошло, восприятие его творчества шло бы с включением биографии. Более того, легенда о жизни писателя открывается и таким людям, которым нет дела до чтения художественных произведений, и мифы могут твориться не только о писателях, но о любых общественных фигурах. В американской культуре Джордж Вашингтон и Джон Кеннеди породили больше мифов, чем любой писатель. Но в пушкинском случае следует иметь в виду, что его произведения были читаемы, эстетическое восприятие и мифотворчество усиливали друг друга. Как в церковной музыке, святость и эстетика оказались взаимосочетаемы”⁵⁹. “Страстотерпчество” Пушкина Дебрецени возводит к житию Бориса и Глеба: “Я предполагаю, что моделью поэтизации пушкинской дуэли было «Мученичество Бориса и Глеба» – первая летопись, черты которой можно найти во всех русских агиографиях. Борис и Глеб стали считаться защитниками Земли Русской... Важно,

что Пушкин был убит иностранцем, но также важно, что считалось, будто Пушкина затравил Николай I и его приближенные”⁶⁰. С этим связаны формулы стихотворений, посвященных смерти поэта, – о терновом венце, закатившемся солнце и пр. Размышляя о мифотворчестве в современном обществе, Дебречени обращается к трудам Клайда Клакхона и Бронислава Малиновского. В результате он приходит к выводу о том, что Пушкин занял в Советской России вакантное место кумира, не просто “навязанного” сверху, но искренне принятого на уровне эмоций и “душевной глубины” большинства носителей языка. Это интересная, но не всегда подробно обоснованная часть размышлений ученого. В частности, он обходит стороной фигуру Сталина, хотя говорит довольно подробно о культовом потенциале Ленина. Однако сама идея мученичества как вневременной культурной матрицы представляется чрезвычайно продуктивной и точной по отношению к русскому менталитету. Мысль эта, разумеется, не нова, но Дебречени сумел показать, как представления о частной судьбе трансформируются в представления о судьбе целой нации. Пушкинская дуэль разрасталась до поединка с самодержавием, героического безумия во имя счастья остальных. Миф о страдании поэта прикладывался к нации.

Менее интересна вторая глава третьей части – “Пушкин жив”. Дебречени поверхностно называет явно не очень интересные ему факты отношения к Пушкину в советский период, отмечает, что официальное навязывание сверху было неожиданно поддержано искренним и истовым признанием снизу, перечисляет некоторые этапы в развитии пушкинского мифа во второй половине XX века.

Интересны выводы, к которым приходит исследователь: “Позиция Пушкина уникальна – он говорил со всеми читателями на самых разных уровнях – и благодаря этому прочно вошел в эстетический опыт страны. Обстоятельства, благодаря которым Пушкин достиг своего читателя, демонстрируют, как эстетические нормы распространяются в обществе и наследуются поколениями. Процесс вовлечения в малограмотные круги, переоценка элитой, адаптация в каждый конкретный период – в случае с Пушкиным это сплошной триумфальный марш. Что делает Пушкина уникальным – это беспрецедентное усиление его литературных достижений социальными обстоятельствами и потребность в национальном мифе”⁶¹.

Представленный свод работ по теме убеждает, что история пушкинского мифа в общих чертах в литературоведении оформилась. Однако упомянутые нами книги и статьи подводят к одной мысли: механизмы мифотворчества изучены недостаточно. Общая канва истории пушкинского мифа согласно сформировавшимся представлениям такова.

Начало славы Поэта (известности) – лицейские стихи, затем эта слава распространяется во время его пребывания в Петербурге после лица благодаря резким вольнолюбивым стихам, упрочивается во время южной ссылки (в печати все время появляются новые произведения опального поэта, факт, что автор находится в ссылке, придает восприятию этих произведений необходимый налет романтичности), пиком славы можно считать осень 1826 года, когда Пушкин возвращен царской милостью из ссылки в Михайловском и оказывается в Москве. Затем начинается период резкого охлаждения к поэту, его произведения, слишком опережающие эстетические возможности читательской аудитории, оказываются осмеяны или принимаются холодно-равнодушно. Дуэль и смерть возвращает поэту былую славу, однако ненадолго. Формируется представление о Пушкине – гениальном поэте и плохом человеке, который, правда, несколько исправился перед лицом смерти. Тут же начинается период почти полного забвения имени и наследия Пушкина (собрание его сочинений никто не покупает, считается, что самое ценное, что он создал, – его южные поэмы и вольнолюбивые произведения). Короткий период интереса к Пушкину, возникший благодаря анненковскому “Собранию сочинений”, тут же сменяется еще более резким охлаждением, связанным со статьями Писарева. Пушкин предстает теперь “легкомысленным версификатором”, не способным понять нужды и чаяния своего народа. 1880 год оказывается переломным. Интеллигенция обнаруживает, что Пушкин являет некое объединяющее начало, персонифицирует в своей личности и материализует в своих произведениях тот идеал, о котором так тосковала душа “кающегося дворянина”. К 1899 году имя Пушкина занимает прочное место в сознании не только интеллигенции, но и “среднего” (грамотного) русского. Национальная значимость наследия поэта объявляется вневременной. Фактически миф сложился в главных своих чертах. Некоторые нюансы внесет революция (Пушкин – жертва самодержавия, отважный борец за освобождение крестьян и обличитель царских порядков). Советский миф о Пушкине развивался при воздействии как силы сверху, со стороны политических кругов, так и снизу как результат эмоциональной энергии масс. Все исследователи особенно отмечают громадные тиражи его произведений. В результате выработался взгляд на Пушкина как гениального поэта, самого лучшего русского писателя и великолепного по своим личным качествам человека. Конец XX века развивал отдельные стороны этого представления.

Прежде чем мы отметим “темные места” в истории пушкинского мифа, оформившейся в этих работах в более-менее цельное явление, следует обратиться к самому понятию “миф” в применении к конкретному лицу, в данном случае – Пушкину.

П. Дебрецени, рассуждая о мифотворчестве нового времени и ссылаясь на К. Клакхона, указывает, что главная причина здесь – попытка “общества охватить те сферы опыта, которые оказываются вне рационального и технологического контроля”⁶². Антропологи более позднего времени говорят о конструктивной ценности таких построений⁶³. Создание мифа о Пушкине было продиктовано настоятельной потребностью русского общества обрести свою “национальную идентичность”. Однако изыскания Дебрецени в области антропологии ведут его к более чем сомнительным предположениям: “Глубочайший вопрос связан с проблемой национальной идентичности. Мартин Малиа утверждает, что поиск этой идентичности вел русских мыслителей в объятия немецкой идеалистической философии. Можно добавить, что результатом широкого распространения идеалистических философских схем и стало мифотворчество. Минимум возможностей к достижению каких-либо серьезных политических перемен вел к росту символической деятельности... Мифотворчество привело к возникновению славянофильства, с одной стороны, и революционного социализма – с другой (кажется, что это противоположные тенденции, но на самом деле они замешаны на одних дрожжах). И древний вопрос о национальной идентичности естественно ведет к поиску национального поэта”⁶⁴. Мнение ученого о том, что “распространение идеалистических философских схем”⁶⁵ вело к развитию мифотворчества, представляется примером подмены причинно-следственных связей. Очевидно, что мифотворческая деятельность нового времени и все, что связано с формированием “базовых мифов”, гораздо шире отдельных влияний каких бы то ни было культурных факторов.

Определимся с понятием “миф нового времени”.

Создание мифов традиционно относилось к древнейшим временам. Однако благодаря усилиям К. Г. Юнга и других ученых было неоспоримо доказано, что мифотворчество присуще любой эпохе. Л. О. Акопян во вступительной статье к книге “Карл Густав Юнг о современных мифах”⁶⁶, анализируя ключевые концепции Юнга, отмечает: “Мифотворчество – непрерывный процесс, свойственный человеку во все времена. Работает тот же механизм, что и в древности”⁶⁷. Основные причины мифотворческой деятельности в условиях нового времени – это, во-первых, реакция на высокую степень прагматизма жизни (даже современный верующий – скорее, реалист, чем искренне верящий в постулаты своей религии человек); а во-вторых, “нуминозный остаток” (особая потребность в чудесном, иррациональном, святом, неуничтожимая научно-техническим прогрессом). Речь идет о той зоне сакрального, которая неизменно присутствует в человеческом сознании и наиболее прочно связана со структурами

коллективного бессознательного. Миф отнюдь не является прямым выражением коллективного бессознательного (рассуждая об этом, М. Элиаде говорит: “Миф является продуктом бессознательного ровно настолько, насколько «Мадам Бовари» есть «продукт» адюльтера”⁶⁸), хотя и связан с ним. Коллективное бессознательное имеет сложную и разветвленную природу, восходит к древним структурам видения мира, не оставляет человеческое сообщество ни в какой момент развития. Возникает напряжение между этим невыразимым и невоплощенным коллективным бессознательным и потребностью человека в четких формулировках (то есть стремлении к “реалистичному”, эмпирическому объяснению всего сущего, в том числе темных зон бессознательного). Результатом этого напряжения становится мифотворческая деятельность. Главная задача любого мифа, как полагает Мирча Элиаде, – объяснить, “как нечто проявилось таким-то образом”⁶⁹. В этом отношении миф ближе стоит к понятию “учебник”, чем к понятию “вера”. Задача мифа – снять панический ужас или чрезмерное изумление перед тем или иным явлением жизни (цель – самосохранение; объяснить источник страха или чрезмерного эмоционального напряжения равнозначно победе над ним). В древнейшие времена, когда сфера научного знания не была столь мощно поддержана современными методами исследования (сам научный потенциал человечества во все эпохи имеет примерно один и тот же коэффициент⁷⁰), мифотворчество играло важнейшую социальную и психологическую роль. Сфера непознанного и необъясненного была столь велика, что требовалась целая система мифов для ее объяснения. Е. М. Мелетинский отмечает, что тотальная персонификация, очеловечивание природы в мифах было следствием неразвитости первобытного сознания, неспособностью выделить себя из окружающей среды: “В мифе форма тождественна содержанию и поэтому символический образ представляет то, что он моделирует. Мифологическое мышление выражается в неотчетливом разделении субъекта и объекта, предмета и знака, вещи и слова, существа и его имени, вещи и ее атрибутов, единичного и множественного, пространственных и временных отношений, начала и принципа, то есть происхождения и сущности. Эта диффузность проявляется в сфере воображения и обобщения”⁷¹. Очевидно, что новая эпоха открывает новый взгляд на трактовку особенностей мифомышления древних – перед нами те самые формы синкретизма, которые позволяют проникнуть в суть устройства мира, минуя линейность логики. Мифотворчество древних отталкивалось от простой задачи – объяснить мир, но связано было и с извечной психологической потребностью человека в чуде, тайне и авторитете⁷². Эпоха нового времени сохранила эту потребность, диктовавшую новые мифотворческие задачи и определяв-

шую новые мифотворческие усилия. Пересечение двух силовых линий – стремления объяснить неясное и воплотить сакральное (заведомо необъяснимое) – задавало характер этого мифотворчества.

Всякая мифология сводится к системе историй из “жизни” богов и героев. Такая персонифицированная схема связана с важнейшими законами функционирования человеческого сообщества. Сообщество нуждается в Боге и Герое – чтобы снять с себя ответственность выбора и принятия решений. Мифотворчество поэтому более всего должно быть связано с лидерами, политическими вождями. Однако этого не происходит. Мифотворческие усилия направлены прежде всего на созидание мифов вокруг духовных вождей. Это объяснимо важностью духовной сферы в человеческом обществе. Никакие прагматические интересы и экономические проблемы не смогут затмить и отодвинуть проблемы духовности. Целеполагание человеческой жизни направлено на то, чтобы выработать максимум духовной энергии (главное отличие от животных сообществ). В этом смысле материальная сторона жизни должна стать лишь опорой, условием выработки этой энергии. Б. Малиновский за год до смерти сформулировал это положение на основе многолетней “полевой” работы в примитивных человеческих группах. Он выделил понятие института как главной реальной обособленной единицы организованного поведения и показал, что высшим принципом объединения в институт всегда является “хартия” (charter), то есть система высших ценностей, ради которых люди организуют группу⁷³.

По мнению В. Н. Топорова, святость – один из вариантов духовности, в определенном смысле высшее ее проявление. Исследователь, посвятивший феномену святости обширный труд, отмечает: “Идейным итогом работы русского самосознания в Киеве, начиная с 40-х годов XI века и до начала XII было формирование трех идей-концепций (которые потом стали императивами русской жизни): 1) единство в пространстве и сфере власти («Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве»); 2) единство во времени и духе, то есть идея духовного преемства («Слово о законе и благодати»); 3) святость как высший нравственный идеал поведения, жизненной позиции, точнее – особый вид святости, понимаемый как жертвенность, как упование на иной мир, на ценности, которые не от мира сего («Борисоглебский цикл»)»⁷⁴. Он же говорит: “...прорыв к сфере «исторического» на Руси чаще (легче?) достигался подвигами *духовного* характера (вера, язык, литература, искусство, творения народного духа), чем деяниями, приводящими к созданию материально-экономических ценностей”⁷⁵.

Таким образом, уточняя общечеловеческие закономерности мифотворческих схем для русского варианта, мы приходим к простому

выводу о наличии инвариантных черт личностей, которые должны были попадать в зону мифотворческих структур в качестве объектов “проекции” (по выражению Юнга: “проекция – перенос содержимого сферы бессознательного на некий объект; в этом объекте скрытое прежде содержимое бессознательного находит свое проявление... Миф формируется из плотного кольца легенд, обрастающих объект проекции”⁷⁶). Эти черты должны были коррелировать с идеей святости.

Мы получили ответы на важнейшие вопросы:

1. Мифотворческий процесс нельзя ни остановить, ни спровоцировать. Он есть порождение коллективного бессознательного, нуждающегося в определенной сакральной зоне, на которую не распространяется власть (потребность “нуминозного остатка” в адекватном воплощении).

2. В русском варианте мифотворчество нового времени связано с персонификацией подобно эпохе Древней Руси; причем главной мифотворческой моделью становится “возведение в святые”.

3. В качестве “объектов проекций” избираются личности, связанные напрямую с духовными сферами жизни.

Что же представляет собой миф нового времени с теоретической точки зрения? Какова его структура? И как все это применимо к понятию “пушкинский миф”?

Прежде всего, миф должен объяснять, “как нечто произошло”. Пушкинский миф объясняет, что именно Пушкин создал русскую литературу в современном понимании этого явления – как важнейшую манифестацию национального самосознания. Функционирование мифа зиждется на объяснениях, как могло так случиться, что эта личность (Александр Сергеевич Пушкин) и стала выразительницей идеи национального identity (то есть воплощением национального самосознания).

Во-вторых, миф должен всесторонне охарактеризовать объект своей проекции – характер, жизнь, духовный подвиг. Это задача агиографии, житийного дискурса. Таким образом, миф о Пушкине должен был обернуться рассказом (сказом) о его жизни.

В-третьих, миф должен стать связующей нитью между объектом своей проекции и своими носителями, то есть создать определенный контакт настоящего времени с прошлым. Это задача во многом ритуальных построений, в которых, как известно, миф и оживает. Сюда можно отнести юбилейные сценарии российского масштаба.

Очевидно, что функции мифа не может взять на себя научное знание. Составление даже самой высоконаучной биографии Пушкина не даст ответа на вопрос: почему именно он? Напротив, научные биографии поэта порождают недовольство и заставляют все новых

и новых авторов братья за свои интерпретации документов и фактов⁷⁷. В то же время особенно важно, что в русской истории мы не имеем ни одного социокультурного мифа, который бы функционировал столь долго и не зависел бы от смены политических режимов (политические культы Ленина и Сталина оказались быстро преходящими).

Некоторые объяснения этого феномена можно почерпнуть в знаменитых лекциях Томаса Карлейля⁷⁸, где дается классификация героев. Она любопытна и поучительна. Герой – обязательный атрибут общественной жизни любой эпохи: “Почитание героев никогда не умирает и не может умереть. Преданность и авторитетность вечна в нашем мире”⁷⁹. Карлейль говорит, что даже протестантизм, одним из главных пунктов программы которого была борьба с каким бы то ни было авторитетом в человеческом лице (против папы), порождает настоящее поклонение своему лидеру – Лютеру, наделяя его всеми функциями “протестантского папы”. Для древних эпох было свойственно наделение функциями героя божественных существ, для эпох возникновения крупнейших религий – пророков. Средние века и Возрождение порождают новую форму героя – героя-поэта. “Герои-боги, герои-пророки суть продукты древних веков; эти формы героизма не могут более иметь места в последующие времена. Поэт, как героическая фигура, принадлежит всем векам, все века владеют им, раз он появится”⁸⁰. Еще одна форма героев – герои-пастыри (например, Лютер), талант которых в том, чтобы повести за собой в духовном мире (к ним близки герои-полководцы, ведущие войско). Наконец, важнейшей исторически сложившейся лишь сто лет назад формой героизма Карлейль считает героя-писателя (отличающегося от героя-поэта тем, что вынужден продавать свои произведения): “Герой как писатель будет существовать как одна из главных форм героизма, во все грядущие века... Именно такого писателя-героя мы должны считать самой важной личностью среди наших современников. Он, каков бы он ни был, есть душа всего. То, чему он поучает, весь мир станет делать и осуществлять. Писатель, как и всякий герой, является именно для того, чтобы провозгласить, как умеет, эту действительность. В сущности, он выполняет ту же самую функцию, за исполнение которой люди других времен называют человека пророком, священником, божеством, для исполнения которой, словом или делом, и посылаются в мир всякого рода герои”⁸¹. Карлейль называет книгу высшей ценностью цивилизации и считает, что именно она формирует убеждения людей.

Эта позиция представляется особенно интересной. Возможно, наибольшую ценность для человека должна иметь книга с максимальным коэффициентом полезного действия – то есть наиболее ценная

как инструкция. Самая инструктивная книга в истории человечества – Библия (или другие религиозные книги такого масштаба). Здесь объясняется, как человек должен жить, чтобы его жизнь имела высший смысл (т. е. решается наиболее сложная в человеческой практике проблема духовности). Инструктаж обладает великой силой воздействия: императив заставляет человека двинуться по избранному пути слепо и счастливо, поскольку выбор за него сделан. Новый Завет принципиально отличается от Ветхого тем, что инструктивность скрыта формой свободного выбора (в отличие от жестких заповедей Моисея, регламентирующих не только духовную, но и повседневную жизнь человеческого сообщества, заповеди Христа имеют суггестивный характер и могут прочитываться неоднозначно). И все же это тоже инструкция-императив (не случайно наиболее востребованной в практике верующих оказалась Нагорная проповедь Христа, построенная по принципу прямых указаний, а не в виде притч). Читатель обращается к книге за ответами на волнующие вопросы, прежде всего, а уж затем как к источнику эстетического наслаждения.

Но творчество Пушкина менее всего можно считать “императивом”. Оно настолько далеко от “социальной озабоченности” и нравственных претензий ряда других великих писателей XIX века, что здесь, скорее, мы сталкиваемся с нарастающей виртуальностью смыслов и прочтений. Из пушкинских текстов извлекаются всевозможные смыслы, они порождают бесчисленные интерпретации, пушкинское наследие не поддается “разъяснению” и определенному идеологическому формулированию, оно неуловимо и текуче. Дело здесь отнюдь не в “эстетическом релятивизме”. Опасность сбиться на громкие слова подстерегает любого, кто возьмется за “выявление роли” Пушкина в литературе и российской жизни вообще. Но это не будет данью заведомой схеме, тому самому мифу, который заслоняет оригинал. “Погружение” в творчество Пушкина может вызвать некий “священный ужас и восторг”, то есть ощущение той сакральной зоны, которая определяется размахом гения Пушкина и не формулируется “бедным” и “слабым” языком, относится к зоне невыразимого. Если же попытаться абстрагироваться от этого явления, выходящего за рамки научных представлений, то можно предположить, что пушкинское наследие содержит тот самый эстетический потенциал, который успешно заменяет необходимый “императив”. Заменяет потому, что эстетическое воздействие пушкинских произведений на абсолютное большинство воспринимающих сознаний выражается в активизации внутренних сил реципиентов, их духовных возможностей. Пробуждая духовный потенциал своего читателя, пушкинский текст оказывается вне литературоведческих (сугубо филологических)

интерпретаций, поскольку его воздействие уходит в сферу психологии читательских реакций, превышает возможности литературоведения как научного подхода. Отсюда бесчисленные “мой Пушкины”.

Общепринято, что уникальность места Пушкина в культуре обусловлена его гениальными творениями. Но они же (вернее, их неисчерпаемость, бесспорная новизна для каждого нового поколения) обусловили развитие мифа. *Такой* феномен требовал своего объяснения на языке мифа. И миф был сотворен⁸². “Если в мире появляется что-то экстраординарное – человек, вещь, идея – реакция со стороны содержимого сферы бессознательного может выразиться в виде соответствующей проекции. Объект проекции, наделенный отныне мифической силой, источником которой служит субъект проекции, приобретает для последнего нуминозный смысл. Вследствие этого он оказывает огромное суггестивное воздействие и вырастает в миф о спасителе, в основных своих чертах повторяющийся постоянно, начиная с незапамятных времен”⁸³.

Существует ряд предположений о сценариях, на которые могла ориентироваться мифотворческая деятельность, связанная с Пушкиным. Это, с одной стороны, вненациональная мифология (мифы о героях), а с другой – русская агиография. Первая схема тяготела к общечеловеческому компоненту национального сознания, вторая соответствовала национальному “объекту проекции”. Е. М. Мелетинский выделяет следующие категории героев: это могут быть герои-первопредки и культурные герои. Первопредки определяют нынешнее состояние мира, их действия относятся к “раннему времени”. Культурные герои доставляют людям разные культурные блага, обучают их ремеслам и пр. Мелетинский указывает также, что наиболее архаичным вариантом является комплексный образ первопредка – культурного героя-демиурга (то есть все важнейшие категории героев совмещаются в одном образе). Для самой мифотворческой схемы не столько важна классификация героев, сколько инварианты сюжетов мифа, поскольку именно сюжет является сутью мифа: “Мифы героические фиксируют важнейшие моменты жизненного цикла, строятся вокруг биографии героя и могут включать его чудесное рождение, испытания со стороны старших родичей или враждебных демонов, поиски жены и брачные испытания, борьбу с чудовищами и другие подвиги, смерть героя. Биографическое начало в героическом мифе в принципе аналогично космическому началу в мифе космогоническом; только здесь упорядочивание хаоса отнесено к формированию личности героя, способного в дальнейшем поддержать своими силами космический порядок. Отражением инициации в героическом мифе является обязательный уход или изгнание героя из своего социума и странствия в иных мирах, где он приобретает ду-

хов-помощников и побеждает демонических духов-противников, где ему иногда приходится пройти через временную смерть”⁸⁴.

Агиографическая схема описана В. Н. Топоровым: призвание во младенчестве; раннее проявление дара; отказ от детских развлечений, увлеченное посещение церкви; “запойное” чтение книг (В. Н. Топоров подчеркивает, что для русских житий не свойствен “соблазн аскезы – отвержения культуры”); “худость риз: одевался как убогий, несмотря на протесты родителей”; самоистязание – “облачается в железный пояс, уродующий его тело”; столкновение с матерью как врагом и вредительницей; “поля труженичества во Христе”: победа над собственным эгоизмом, деятельность в монастыре – “внешнее и чужое поле становится благодаря труженичеству внутренним и своим”, деятельность в миру – “в мир он идет из «жалости к миру»; «вольная жертва» как подражание Христу”⁸⁵. Задолго до В. Н. Топорова об агиографическом каноне в том же духе рассуждал С. А. Раппопорт (ссылаясь на Глеба Успенского, он анализирует суть русской святости): “Желание угодить Богу в русском святом всегда выражалось в труде самом реальном и самом простом на пользу ближнему, незнающему, неимущему... Русский святой человек отрекается от себя, отрекается полно, всецело, но только от себя, а не от всего живущего, – и это составляет главную отличительнейшую черту народного святого, которую народ выше всего в нем ценит и чтит”⁸⁶. Он же говорит о том, как редуцировалась агиографическая схема в “бездарных” лубочных изданиях: “...житие мученика обычно содержит четыре главных аспекта – рождение, просветление, искушение, смерть. Очень редко между мучениками встречается разбойник или мытарь, обычно это выходцы из богатых греческих и римских семей. В сонном видении голос велит ему стать христианином... Затем герой жития отказывается поклоняться идолам и совершает чудеса исцеления. Его хватают язычники, подвергают ужасным мучениям и казнят. Святой переносит муки не только стойко, но даже с хладнокровием. Христос плачется в Гефсиманском саду, молит, чтобы чаша его миновала; а святой не только не плачет, а еще и радуется и веселится, что сподобляется получить мученический венец, который, таким образом, выступает как бы главной целью, к которой он всю жизнь стремится. Святой является читателю не человеком, сознательно перешедшим от язычества к христианству, а предназначенным свыше для подвигов. Он не труженик и печальник для людей, а избранный, не проповедник христианского учения, а искатель мученического венца”⁸⁷. Несмотря на трансформацию схемы в сторону ее упрощения и “уплощения”, и модернизированные жития сохраняют инвариантные черты, развитые в агиографиях Древней Руси. Если говорить о заложенных в коллективном бессознательном схемах

мифопостроений, то вполне реально предположить, что эти инвариантные черты оказались усвоены и применены. Как видим, в мифологической и агиографической схемах много общего: описание жизни героя идет от самого детства, причем и в том и в другом случае герой с младенчества проявляет чудесные свойства, далее следуют разные в мифологической и агиографической схемах варианты испытаний, но в любом случае герой должен проявить “нечеловеческие” возможности. В обеих схемах присутствует смерть героя как обязательный, завершающий повествование элемент. Главное различие агиографической и мифологической схем связано с целеполаганием героев: герой мифа живет в определенном смысле “обычную” жизнь, только все его действия оказываются “параллельно” согреты высшим смыслом (герой совершает подвиги в своих личных целях, а в результате облегчает и улучшает жизнь других людей); герой агиографии сознательно посвящает себя благу других. Таким образом, русские агиографии можно рассматривать как эхо мифов о героях⁸⁸.

Итак, схема мифопостроения обнаруживаема, причины создания мифа установлены. Остается уточнить, как миф формировался, – то есть наконец вернуться к собственно истории пушкинского мифа и обозначить “темные” места этой истории, требующие дополнительного изучения.

Начало формирования мифа установлено исследователями и вряд ли подлежит пересмотру – лицей, “Воспоминания в Царском селе”. Экзальтация Державина мгновенно пробудила жадный интерес со стороны “старших” (Батюшков, Карамзин, Жуковский) к юному Пушкину. Можно констатировать “цеховое” признание юного поэта. В его стихах старшие уловили ту самую природную гениальность (“Аполлон дал чуткое ухо”, по словам К. Н. Батюшкова), которая и станет главной причиной мифотворчества вокруг фигуры Пушкина. Тут же возникает представление о Пушкине-Сверчке, легкомысленном и несерьезном человеке, который запросто может “забросить” свои таланты ради сомнительных удовольствий. Вся последующая судьба Пушкина в восприятии современников оказалась внутри этой схемы “двух Пушкиных”. Для прослеживания истории мифа нет смысла подробно выяснять, как развивалась слава Пушкина, как она угасала, какие претензии предъявляли ему критики, друзья, враги, любовницы⁸⁹. Суть была одна – “гений”, но “злодей” (в общем смысле – “плохой человек”). Срабатывал простейший психологический механизм – стремление “опустить” выдающуюся личность до своего уровня, доказать, что он так же “мерзок и подл”, и Пушкин прекрасно это осознавал. Кроме того, рассуждения об охлаждении интереса к Пушкину в конце 20-х – начале 30-х годов сводятся к лотмановскому “Пушкин ушел настолько далеко вперед от своего

времени, что современникам стало казаться, что он от них отстал”⁹⁰, не учитывают обычно еще одного психологического момента – Пушкин был для них современником, принадлежностью эпохи, он жил в столицах, его можно было видеть на светских раутах, к нему можно было зайти... Паломничество к Толстому вряд ли могло достигнуть таких размахов, живи он в столице. Ясная Поляна обособила его, стала некой “Меккой”, куда надо было идти, добираться, где все настраивало на высокий тон. Пушкин, подобно Чарскому, старательно стремился выглядеть абсолютно светским (совершенно непоэтическим) человеком⁹¹. Близость Пушкина (временная и пространственная) ломала пиетет, превращала поэта в будничное явление. Психологически это неизбежно – странно обвинять в “нечуткости” современников. Картежник, ловелас, задира – но автор “божественных песен” (особенно современников занимали неслыханные цены за строчку). Как строить отношение к такому человеку? Носить на руках Пушкина было некому – он не был тогда фигурой мифа. Я полагаю, что известность Пушкина, интерес к нему в провинции (последние недели южной ссылки и переезд из Одессы в Михайловское) не перешагивали за рамки обычного восторга: “Передо мной знаменитость!” – и не носили размаха прижизненного культа. История о прапорщике Григорьеве, устроившем Пушкину “салют”, вполне может быть от начала до конца вымышленной (ведь автор истории – Н.В. Гоголь, ни одно слово которого о Пушкине не может быть воспринято как однозначно достоверное⁹²). Только смерть Пушкина заставила современников поэта пересмотреть свое отношение к нему. Дуэль превратилась в загадку на века (не проходит ни одного юбилея, чтобы не появилось новое исследование фактов и обстоятельств дуэли), а сама фигура Пушкина стремительно трансформировалась в фигуру мифическую.

Смерть Пушкина как основной фактор формирования пушкинского мифа изучена наиболее подробно. Специальные работы посвящены даже письмам Жуковского Сергею Львовичу и Бенкендорфу⁹³, не говоря уже о самих подробностях “дуэльного вопроса”. Никто из исследователей истории пушкинского мифа, о работах которых мы говорили выше, не обходит стороной это событие как важнейшее в мифопостроениях вокруг имени Пушкина. М. Н. Эпштейн говорит: “Лучшее начало для мифа – безвременный конец (все мифы от Пушкина до Высоцкого – о тех, кто ушел недокурив, недолюбив...)” Именно «недо» и обнаруживает возможность мифа, как некоей идеи, которая не успела стать реальностью и потому брезжит вечным символом... Оттого-то наряду с Пушкиным мы имеем еще миф о Пушкине: то пушкинское, что не воплотилось в самом Пушкине, живет теперь вне самого Пушкина. То, что не успело развернуться во вре-

мени, спускается в вечный прообраз... В культуре можно различить два ряда: актуальностей и потенциалов. То, что реализовалось, становится историей культуры. А то, что не реализовалось, но как-то заявило о себе, оформилось хотя бы зачаточно, становится ее мифом. И неизвестно, чего в культуре больше и что для нее важнее. В русской культуре, при всей значимости ее истории, все-таки очень велик удельный вес мифов. Миф – воздаяние за недожитое... Призрак выходит из ранней могилы и посещает своих потомков”⁹⁴.

Мысль о “недо” как источнике мифопостроений точна. Строить миф вокруг человека, умершего “пресыщенным днями”, не так-то просто, хотя и возможно (Гете родился за пятьдесят лет до Пушкина, а умер за пять лет до смерти русского поэта). Агиографические тексты сплошь основаны на “вольной жертве”, как мы уже отмечали, на добровольном приятии мучений и смерти. Прообраз такой модели поведения – Иисус Христос. О. С. Муравьева отмечает, что смерть Пушкина провоцирует “консервативно-официозный” миф о Пушкине, горячо благодарившем государя за благодеяния, оказанные семье, причастившегося и умершего честным христианином⁹⁵. Однако все стихи, посвященные смерти Пушкина и отличающиеся абсолютной искренностью (как не вспомнить нежелание Пушкина писать стихи “на смерть Байрона” – эта смерть казалась ему “правильной”; отсюда очевидно – современникам смерть Пушкина казалась абсолютной катастрофой), все некрологи, которые выходили в полуполюгальной ситуации⁹⁶, содержали универсальные формулы, которые будут в памяти поколений и сто, и больше лет спустя (например, “солнце русской поэзии”). Подробный разбор стихотворений на смерть Пушкина делает М. В. Строганов⁹⁷ и отмечает общее и нарочитое забвение фактов охлаждения русской публики к великому поэту. Творческий и жизненный путь Пушкина в этих стихотворениях предстает как сплошной триумф, путь, усеянный розами, на фоне которых безвременная гибель гения прозвучала как гром среди ясного неба. Стихи на смерть Пушкина содержат и “канон” произведений Пушкина, которые, по мнению современников, обеспечивают ему бессмертие: “Руслан и Людмила”, “Кавказский пленник”, “Бахчисарайский фонтан”, “Цыганы”, “Полтава”. Редко упоминаются “Евгений Онегин”, “Борис Годунов”, пару раз “Братья-разбойники”. Лирические произведения вспоминает только Ф. Н. Глинка⁹⁸. Таким образом, современники отразили в стихах на смерть поэта свои представления о его значении в русской литературе. “Божественный глагол” оказывается главнейшим достижением поэта (то есть его место в пантеоне бессмертных обеспечено именно художественными произведениями). При таком горячем признании значимости пушкинского творчества и всеобщем ощущении невосполнимости

утраты трудно объяснить последовавшие вслед за этим годы охлаждения к Пушкину.

Об охлаждении говорят все историки пушкинского мифа. Важнейшие факты: плохая раскупаемость его собрания сочинений, умалчивание его имени в широких общественно-литературных кругах. П. Дебрецени говорит, что проштудировал все материалы дневникового и мемуарного характера 40–50-х годов в поисках фактов признания Пушкина, и обнаружил лишь 7 таких свидетельств (два из них он приводит развернуто – дневники Тельберга и Соханской, об остальных упоминает вскользь). Правда, этих нескольких фактов ученому достаточно, чтобы сделать выводы о роли Пушкина как программного поэта для последующих поколений, по произведениям которого можно было строить жизнь, а опыт его персонажей делать непосредственно своим личным опытом⁹⁹. Но следует добавить, что 40–50-е годы – это очевидно “белое пятно” в истории пушкинского мифа. Мнение о забвении поэта – не более, чем мнение. В сознании последующих поколений 40–50-е годы прочно объединились с 60-ми, временем активного ниспровержения авторитета Пушкина. Простая мысль: зачем свергать, если авторитета и так нет? – должна привести к сомнению в том, что в 40–50-е годы Пушкин был забыт. Приведем некоторые факты помимо тех, что отыскал П. Дебрецени. В “Записках” барона Е. А. Розена говорится (запись относится к 1845–1848 годам): “Тогда благоговение к памяти Пушкина было во всей силе. Нашему тогдашнему прекрасному полу была по плечу легкость поэзии Пушкина. Вот Смородинов (И. В. Малиновский, дядя Е. А. Розена – М. З.) и начнет: «Ведь как вы думаете я в лицее с Пушкиным учился? Сколько раз за вихры его таскал, вот в этих руках сколько раз бывали его кудри!» При этом он растопыривал руки и маслянисто смотрел на почитательниц великого поэта; а дамы в свою очередь так же лакомо смотрели на две пятерни Смородинова, в которых неоднократно бывали кудри поэта”¹⁰⁰. Кроме того, Пушкин сохранял незыблемый авторитет в писательской среде, был бесспорным авторитетом “цеха”. Например, И. А. Гончаров, чьи воспоминания о переживании гибели поэта приводятся во множестве исследований, пишет свой “Сон Обломова”, прямо ориентируясь на “Историю села Горюхина”¹⁰¹. В статье “Лучше поздно, чем никогда” он не без оснований говорит: “...почти все писатели новой школы – Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Майков, Фет, Полонский, между прочим и я и все мы, шли и идем по проложенному Пушкиным пути, следуя за ним и не сворачивая в сторону, ибо это есть единственный торный, законный, классический путь искусства и художественного творчества”¹⁰². Фактов “цехового” признания Пушкина этой эпохи немало, многие из них собраны в диссертации Е. В. Абрамовских

“Рецепция незавершенной прозы А. С. Пушкина в русской литературе XIX века” (Екатеринбург, 2000). Но и в широкой читательской публике интерес к поэту велик: таковы факты увлечения пушкинским творчеством в семье Достоевских (родители не были профессионально связаны с литературой), а в “Бедных людях” (1846) большой эпизод описывает приобретение собрания сочинений Пушкина Варенькой Доброселовой¹⁰³. Ассигнациями собрание сочинений (11 томов) стоило около 60 рублей. А. И. Белецкий говорит о посмертном собрании сочинений: “Факты известны: вспомним циркуляры министра внутренних дел графа Блудова к губернаторам с предложением к ним распространить посмертное издание произведений Пушкина для продажи его в пользу семьи поэта. Губернаторы направляли подписные листы к исправникам, но, несмотря на все уважение к авторитету губернаторов и исправников, обыватель не поддавался. В Пскове не нашлось покупателей вовсе; аккерманский исправник писал, что он старался... но желающих не оказалось; в Бессарабской губернии было продано всего 18 экземпляров, купленных по большей части чиновниками канцелярии губернатора (бедные!), ярославский губернатор из присланных ему 50 экземпляров вернул обратно 39 и т. д. Нужды в Пушкине у рядового читателя в пушкинский период русской литературы не было, а нужда в Булгарине, Сенковском, Марлинском была...” Далее он говорит об упреках в адрес русского читателя со стороны историков литературы: “Странное и бесполезное занятие! Это почти то же, как если бы кто стал распекать лошадь, предпочитающую овес сливочному мороженому”¹⁰⁴. Факт покупки “полного Пушкина” “бедной” Варенькой Доброселовой корректирует резкое мнение А. И. Белецкого. Дело не в том, что Пушкин был не нужен обывателю, а в том, что за собрание сочинений была назначена сказочная цена. Обыватель не имел таких денег. Акакий Акакиевич у Гоголя считает фантастической сумму в 80 рублей ассигнациями (чтобы накопить сорок рублей, ему понадобилось несколько лет откладывания по грошу с каждого рубля). Разве могли чиновники пусть даже с большим доходом, чем Башмачкин, позволить себе роскошь приобретения такого дорогого издания¹⁰⁵? Интерес к Пушкину сохранялся и был велик. В это время активно составляется корпус мемуаров о Пушкине¹⁰⁶. Мемуарные свидетельства 30–40-х годов задают ряд основных линий “литературного” взгляда на Пушкина (то есть рассчитанного на массовое звучание).

В 50-е годы в пушкинской мемуаристике наступает знаменательный перелом. Это время начала “полевой” деятельности. Сама феноменальность пушкинской мемуарной литературы (устные предания) говорит о многом: никто не хотел писать, но многим было что порассказать. Воспоминания о Пушкине превратились в “Рассказы,

записанные со слов...”. Получился некий “Table Talk”. 67 авторов мемуарных свидетельств зафиксировано у В. Э. Вацура (1974), из них почти четверть (16) – дают устные рассказы. Это характеризует культ Пушкина в сознании “собирателей” (отправляющихся в “полевые” условия подобно энтузиастам-фольклористам). Наблюдается простой психологический эффект: устный рассказ избегает столкновения с листом бумаги, не нуждается в маске автора (пользуясь бахтинским выражением), то есть не требует особого искусства (в прямом смысле), он более естественен, хотя “собираатель” потом может его и олитературить. Устное повествование о Пушкине тем не менее входит в рамки жанра анекдота. Бартенева оказался у истоков создания пушкинских полевых записей. Это одно из проявлений самого настоящего культа, и не повторилось больше в отношении кого-либо другого, кроме Пушкина. Разумеется, существует множество мемуарных записей о других поэтах и писателях, например, Л. Толстом, число мемуарных свидетельств о котором в два раза превышает пушкинское мемуарное наследие, но нигде эта работа не принимала размаха “дела”, причем дела всей жизни. Еще один важнейший момент: друзья Пушкина чувствовали ответственность за создание настоящих, подробных воспоминаний о поэте, но никто из них не мог толком реализовать эту задачу. Соболевский придумал уловку о “молчании”; этому предшествовала настоящая “перепалка” друзей Пушкина, сваливающих друг на друга ответственность за создание настоящих мемуаров о Пушкине¹⁰⁷. “Друзья поэта” оказались беспомощны как мемуаристы потому, что задача была слишком огромной, и чем далее в глубь времени отодвигалась пушкинская эпоха, тем величественнее вырисовывались ее контуры. В. Э. Вацура точно отмечает, что фигура Пушкина требовала концептуального освещения. Никто из друзей Пушкина не мог подняться на такую высоту. Появление в это время юного Бартенева (в 1851 году, когда он приступил к своей подвижнической деятельности, ему было 22 года) оказалось настоящим спасением. Вот почему с таким азартом “пушкинский круг” начинает доставлять материалы первому пушкинисту. Шевырев, Плетнев, Соболевский оказывают Бартенева всевозможную помощь, пишут рекомендательные письма к разным лицам; Чаадаев беседовал со студентом Бартенева о Пушкине 13 часов подряд; Нащокин показал ему пушкинские письма... Бартенева оказался центром всей деятельности в стране, связанной с собиранием “материалов для биографии”. Но у него был конкурент – П. В. Анненков. Конфликт вокруг воспоминаний Павлищевой¹⁰⁸ достаточно показателен: воспоминания о Пушкине превращались в самый настоящий фетиш, эквивалент капитала. От противостояния Бартенева и Анненкова было два шага до настоящей битвы армии журналистов за “пушкинскую

информацию” в период с 1880 по 1899 год. За три года Бартенев собрал такие значительные материалы, что писал Плетневу: “Не без основания думаю, что издание Анненкова не совсем уничтожит мои труды... Хочу с ним состязаться в любви к Пушкину и во внимательности к его творениям”¹⁰⁹. Разумеется, противостояние “фольклориста” и “подвижника” Бартенева “профессионалу” и “официальному хранителю” бумаг Пушкина Анненкову не шло на пользу отечественной пушкинистике. Каждый из них видел в другом досадного конкурента, и вместо того, чтобы объединить свои усилия, они продолжали конкурировать. Об этой ситуации точно сказал С. Соболевский: “Удивляюсь мелочности наших литераторов и их жадности! Как не делиться тем, что есть и что знаешь?”¹¹⁰ Сбор материалов для биографии Пушкина шел своим чередом. Как Анненков, так и Бартенев оказались авторами “знаковых” книг “пушкинского текста”. Таковы “Род и детство Пушкина” и “Пушкин в Южной России” Бартенева; таковы “Материалы для биографии Пушкина” и “Пушкин в александровскую эпоху” Анненкова. Однако ни одна из этих книг не была более или менее удовлетворительной научной биографией поэта даже по меркам того времени. Бартенев и Анненков точно понимали свою задачу – собрать материалы, не упустить уходящих навсегда свидетелей жизни Пушкина... 50-е годы оказались десятилетием, когда материалов таких было собрано множество. Но публиковать эти свидетельства было невозможно – слишком откровенны были многие из них, слишком разрушительны для тех концепций, которые пытались воплотить в своих книгах Бартенев и Анненков.

В то же время в это десятилетие книги Бартенева и Анненкова только появлялись; они не могли еще “затмить” собой воспоминания современников, стать готовыми образцами для пересказа. Теперь не так существенно, когда мемуарное свидетельство было “введено в оборот”: оказавшись в руках биографа, оно уже “попадало в свет” как часть составляемой биографии Пушкина. Активизируется жанр устной новеллы-анекдота о Пушкине. В этот период мы обнаруживаем рассказы о ночи с Долли Фикельмон (П. Нашокин), историю о тридцатилетии поэта (чествовании его в Тифлисе – К. Савостьянов), истории о детстве поэта (Павлищева), рассказ кучера о жизни Пушкина в Михайловском и т. п. “Анекдот” о Пушкине начинает занимать прочное место в воспоминаниях современников. Рассказ П. Парфенова, кучера Пушкина в Михайловском, открывает серию воспоминаний “простых людей”, знавших поэта. Таков и рассказ Н. Берга о дочери Арины Родионовны, Марье, живущей в селе Захарово; к этому же типу воспоминаний можно отнести запись Зеленецким рассказа одесского извозчика, возившего Пушкина на дачу в Рено и неосторожно просившего поэта расплатиться с ним (а Пуш-

кин гнался за ним с бритвой, что, по мнению Зеленецкого, давало ему “респект” простого народа¹¹¹). Характерная, хлестаковская линия воспоминаний продолжается в это время, хотя и не столь уж активно: таковы воспоминания К. (Скарлата) Прункула (“Что, Пушкин? – Да так”); на них мигом последовало гневное разоблачение В. П. Горчакова¹¹².

Собирательская деятельность Бартенева и Анненкова побуждает современников Пушкина писать свои воспоминания. Появляются воспоминания о Пушкине Л. С. Пушкина, М. А. Корфа, В. П. Горчакова, А. П. Керн, А. О. Смирновой-Россет, В. А. Соллогуба, И. И. Пущина, П. Катенина. Это “золотой фонд” мемуарных свидетельств. Особняком стоят воспоминания М. А. Корфа. Напечатаны полностью они были только в 1899 году, но Корф составлял их для Анненкова, который не только использовал факты, приведенные Корфом, но и “принял тезис о «двойкости Пушкина», хотя и в несколько смягченном, психологически более тонком понимании” (Я. Л. Левкович). У Корфа мысль о “двойкости Пушкина” высказана категорически и совершенно однозначно. Резкое отношение к памяти поэта, пристрастная интерпретация его поступков, низкая оценка того, что сделал Пушкин в литературе, не имеют аналогов в мемуарных сочинениях о поэте. Пафос воспоминаний Корфа вполне сводим к формуле “Ну и что такого, что Пушкин?”, которая позднее будет иметь своих адептов. Близко к позиции Корфа оказывается и воспоминание К. А. Полевого. Он старательно разворачивает факты общения Пушкина с А. Орловым (“трактирным писакой”), хотя и отдает дань славе и популярности великого поэта (впрочем, как и Корф, главный тезис которого – величие Пушкина-писателя и его житейская мелочность).

Остальные “развернутые” воспоминания современников этого периода отличаются соблюдением уже сформированной “нормы”: припоминания мельчайших подробностей, связанных с жизнью поэта, восстановлением хронологической последовательности событий, обозначением роли Пушкина в своей судьбе и своей роли – в его. Новым можно считать стремление дать “комментарии” к различным произведениям Пушкина (это было результатом деятельности Бартенева и Анненкова, для которых важно было установить, кому адресованы стихотворения, обстоятельства создания разных произведений и т. п.). Каждый мемуарист стремится “собрать сведения”, воспоминания приобретают вид “ответов на вопросы”: это, с одной стороны, снижает литературность воспоминаний, с другой стороны, придает им большую достоверность, заставляет их авторов сосредоточиться на припоминании всего, что связано с именем великого поэта. В некоторых воспоминаниях этого периода очевидна невозможность дать “очищенный” от наслоений времени образ эпохи. Так,

И. Пущин восклицает, что “горячо обнял” няню поэта, воспетую им в его стихах (тогда как стихи о няне и соответствующая глава “Евгения Онегина” появились значительно позднее приезда Пущина в Михайловское), а Ф. Вигель постоянно указывает, что с самой первой минуты, как он увидел юного Пушкина, он предчувствовал его гениальность. Корпус “женских воспоминаний” отличается (естественно) высокой степенью недоговоренностей, когда на первый план выступают рассказы о проявлении внимания со стороны Пушкина, стихи, посвященные им автору воспоминаний и т. п. Ряд воспоминаний связан со стремлением просто исправить неточности в “Материалах для биографии” Бартенева. Характерно, что П. Катенин, например, завершив воспоминания о Пушкине, прибегает к апострофе: “Прости меня и ты, милый мой, вечнопамятный А.С.! Ты бы не совершил, даже не предпринял неблагодарного труда Ломоносова – не достало бы твоего терпенья; но ведь и то молвить: ты белоручка, столбовой дворянин, а он был рыбацкий сын, тертый калач. Скажи, свет мой! Как ты думаешь, равен ли был твой гений гению старика Державина, от которого ты куда-то спрятался на лицейском собрании? Пусть потомство поставит вас в меру. Во всяком случае благодари судьбу: ты родился в лучшее время; учился, положим, «чумнибудь и как-нибудь», да выучился многому: умному помогает бог. Твои стихи не жмутся в тесном кругу России наших дедов; грамотные русские люди читают их всласть; прочтут и чужие, лишь бы выучиться им по-нашему; а не учатся покуда оттого, что таких, как ты, немного у нас. Будут ли? Господь весть!..”¹¹³

Обобщая деятельность мемуаристов 50-х годов, можно точно отметить, какие представления о Пушкине все активнее вводились в оборот. Это, прежде всего, истории о няне поэта и все, что связано с народностью Пушкина. Далее, появляется наконец (но не в “Материалах” Анненкова и Бартенева) история о саранче.

В 60-е годы выступают последние “живые свидетели”: Вульф, Липранди, Данзас, доктор Рудыковский, Ф. Н. Глинка. Дистанция во времени все увеличивается, но полной откровенности в воспоминаниях ждать не приходится... В этот же период времени множителем число воспоминаний тех, кто был слишком юн в годы жизни Пушкина: М. И. Осипова, И. С. Тургенев, некто Облачкин и др. К этой поре относятся и записи рассказов Вяземских (Бартенев беседовал с ними о Пушкине постоянно). Интересное свидетельство этой поры: М. Н. Лонгинов отмечает, что письма Пушкина к его отцу (деловые) не сохранились: одесские дамы разорвали их на клочки, потому что каждой хотелось иметь автограф великого поэта. Это культовое проявление кажется вполне симптоматичным.

Такой обзор составления мемуаров о Пушкине позволяет обнаружить, что интерес к Пушкину не уменьшился, а даже возрос по

сравнению с 1837 годом. Когда Ю. В. Дружников говорит, что, если бы не Анненков, Бартенев и Грот, Пушкин, скорее всего, не достиг бы того апофеоза, какой мы наблюдаем сегодня¹⁴, он не учитывает простейший факт: деятельность Анненкова, Бартенева, Грота, других апологетов пушкинского культа была не “личной инициативой”, а обуславливалась логикой развития мифа, явилась следствием, а не причиной. То, что Бартенев “пошел в народ”, “в поле” за фактами из пушкинской жизни с установкой на важность мельчайших подробностей, говорит скорее о том, что назрела необходимость в таком собирании, а не о том, что Бартенев был “болезненно одержим” “пушкиноманией”. Ю. В. Дружников не задается вопросом, почему не было такого собирательского движения по следам лермонтовской жизни (эпоха одна и та же). Очевидно, что в 40–50-е годы миф о Пушкине разрастался и упрочивался. Прежде всего, аксиомой стало признание его Первым Национальным Поэтом, а это важнейшая сторона мифа о герое-поэте.

Писарев, “разрушение эстетики”, “Пушкин и Белинский” – все это, как ни удивительно, не занимает особенно историков пушкинского мифа. Характерно, что в ходе пушкинского семинара, организованного кафедрой русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета весной 1999 года, заведующий кафедрой профессор А. Б. Муратов в лекции, посвященной истории пушкинского мифа, прямо заявил, что не собирается говорить об этом периоде “ниспровержения авторитетов”. Считается, что Писарев “перегнул палку”. Однако ярость нападок на поэта может рассматриваться как наиболее очевидное подтверждение фактов распространения мифа о Пушкине. Писарев брался “разгадать тайну” Пушкина – то есть показать, что никакой тайны, собственно, и нет, перед нами “легкомысленный версификатор”. Выбирая объектом нападок Пушкина, Писарев сбивался на Белинского (главное преступление которого, по мнению критика, заключалось в апологетировании пушкинского несуществующего таланта и никому не нужного наследия). Следует иметь в виду, что Писарев, самый ярый защитник “реализма”, прожил жизнь, ограниченную обстоятельствами от всех “нормальных”, “реальных” моментов. Воспитанный матерью как “маменькин сынок”, обязанный проявить гениальность, в кругу университетских товарищей он сразу ощутил свою ущербность. Душевный дискомфорт быстро развился в психическое расстройство, некоторое время Писарева лечили в клинике для душевнобольных, а после побега оттуда – в родительском имении. По возвращении в университет он попадает в редакцию “Русского слова”, где под настойчивым влиянием Благодетлова занимает все более радикальные позиции. Принцип Писарева – *aut Caesar, aut nihil* – вел его к резкости

тона и безапелляционности эпатажных оценок и характеристик. В то же время эти черты публицистики Писарева воспринимались современниками как “безумство храбрых” и вызвали уважение к критику. Арест Писарева за антиправительственную прокламацию и помещение его на 4 года в Петропавловку упрочили славу этого общественного деятеля и сделали его “властителем дум” молодежи 60-х. Писарев занял те крайние левые позиции, которые в XX веке будут названы “контркультурой” в применении к молодежному движению 1960-х годов. Статьи человека, заключенного в крепость за крайний радикализм, жадно прочитывались и расценивались как своеобразное “руководство к действию”, хотя были связаны только с литературой, а не с общественными проблемами. Однако резкость интонаций и отважность выпадов Писарева прочитывались именно как фронда вообще (в духе базаровского “отрицания всего”). Две статьи под общим названием “Пушкин и Белинский” были опубликованы в “Русском слове” в 1865 году (в 4-м и 6-м номерах) и обозначили целую эпоху в отношении к наследию Пушкина со стороны радикально настроенной части молодежи. В принципе, Писарев “эзоповым” языком проводил идею о ветхости кумиров, иными словами повторяя то же, что было сказано им и в скандально известной прокламации “О брошюре Шедо-Феротти”: “Династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть... То, что мертво и гнило, должно само собою свалиться в могилу; нам останется только дать им последний толчок и забросать грязью их смердящие трупы...”¹¹⁵, только на другом материале. Пушкин был избран мишенью нападков как “литературный царь”.

Почему поколение увлеклось этими нападками? Потому что это было резкое, эмоциональное, заражающее своей энергией выступление, обвинявшее поэта прежде всего в “нереальности”, в отсутствии той опоры на реальную земную действительность, которую теория реализма, исповедуемая критиком, считала единственно оправданной. Писарев, имевший мало представления об этой самой “реальности” (из-за “тепличности” воспитания), обрушился на поэта всей силой своих испытанных приемов – предельно профанированный пересказ сюжетов, “оглупление” персонажей, не столкновение разных точек зрения и убеждение читателя в своей правоте, а категоричное провозглашение одной единственной истины и приглашение читателя однозначно согласиться. Оспаривать мнение петропавловского заключенного было бы равнозначно драке с безруким. Все это предопределило ту ситуацию, о которой позднее вспоминали с раскаянием и сожалением многие писатели и общественные деятели вроде Г. В. Плеханова. Идеи неприятия Пушкина как адепта “чистого искусства” в выпадах Писарева были доведены до крайности и по-

лучили свое законченное воплощение. Знаменательное размежевание на “пушкинское” и “гоголевское” направление не могло остаться без крайних проявлений полемики. Однако в целом очевидно, что Писарев своими статьями в крайне резкой форме отвечал все на тот же вопрос, ответ на который может дать только миф: “Почему именно он?” Призывая сбросить Пушкина с “Парохода Современности”, Писарев парадоксально оказывался адептом его наследия, человеком, бессильно пытающимся постичь суть пушкинского первенствования и признающим свое фиаско.

Не ставя своей задачей подробно рассматривать ситуацию 1860-х годов, отметим, что Пушкин в это время стал восприниматься весьма “однобоко” – как автор стихотворений “Герой”, “Поэт и толпа”, “Поэту”. “Формулы” этих стихотворений многократно повторялись и истолковывались таким образом, что к ним и сводилось все наследие поэта¹¹⁶. Однако в то же время существовала и иная тенденция – открытие “нового” Пушкина (публикация Анненковым ряда неизвестных ранее произведений). Для “цеха” это было настоящим событием. Растущая читательская аудитория (число грамотных постоянно увеличивалось) продолжала приобщаться к “мифу о национальном поэте”. Здесь особое место занимает история памятника Пушкину в Москве.

Прежде всего, установление памятника есть “вещественное свидетельство” “невещественной значимости”, в каком-то смысле, попытка реализации той самой “нуминозности”, о которой рассуждает К. Г. Юнг. Признание Пушкина Первым Национальным Поэтом требует адекватных ритуальных схем. Важнейшая часть ритуала – изображение, лик, идол (несмотря на обязательное положение христианского учения – невозможность узреть Божий лик – без икон нельзя себе представить религиозный обряд, икона выступает неким консенсусом между психологической потребностью в созерцании лика и запрещающим это созерцание догматом). Установление памятника – это признание неоспоримых заслуг “государственного масштаба”. История памятника подробно прослежена американским славистом М. Ч. Левиттом¹¹⁷. Отметим самое главное.

Идея создать памятник возникает среди лицеистов в 1850-е годы. Это еще одно подтверждение, что никакой остановки в формировании мифа в это время не было. Знаменательно также, что правительство вовремя не оценило по достоинству важность фигуры Пушкина (то есть массовое мифотворческое сознание опережало политически узкие цели государства): выделить деньги на создание памятника Пушкину из казны оно отказалось. Возник прецедент – всенародный сбор средств на создание памятника. Газеты и журналы сообщали о пожертвованиях. М. Ч. Левитт подчеркивает, что памятник

Пушкину не был первым памятником представителю писательского цеха. До этого события были установлены памятники Ломоносову (Архангельск), Державину (Казань), Кольцову (Воронеж), Карамзину (Симбирск), Жуковскому (Поречье), Крылову (Петербург). Но именно памятник Пушкину занял особое место в культурной жизни страны. Деньги собирались медленно, но пожертвования не прекращались и в 60-е годы (когда сильны были настроения в духе Писарева). Сооружение памятника сопровождалось длительным и тщательным отбором конкурсных работ, отбором, который потребовал концептуального отношения к наследию великого поэта. Избран был проект бывшего крепостного скульптора Опекушина (задумчивый, загадочный Пушкин, Пушкин-интроверт, Пушкин-философ – новая концепция по сравнению с представлениями о “неисправимом романтизме” поэта, характерными для современников Пушкина, которые воспринимали отход Пушкина от “романтических стратегий” как свидетельство угасания таланта). Тем самым в мифе о Пушкине утверждалась победа первой части “двоякого Пушкина” над второй – “гениальный поэт”. Более яркого эпизода установки памятника кому бы то ни было и днях его открытия история России не знает. 1880 год стал триумфальным для Пушкина, окончательным прорывом скрытых мифотворческих процессов в сознательные формы, пусть не совсем адекватно, но психологически верно отражающие эти процессы.

Страницы истории пушкинского мифа, связанные с 1880 годом, описаны довольно подробно и обстоятельно¹¹⁸. Пушкинский миф входил в этап официального признания. Новая эпоха искала ответ на вопрос: “Почему именно он?” – и формулировала свой вариант ответа. Теперь этот ответ был пронизан извечной социальной озабоченностью. Полновесно (на всю Россию) было заявлено, что Пушкин явил своим творчеством и своей жизнью образец всепримирения и всепонимания (Достоевский). Тема “Пушкин и его наследие как выражение русского народного самосознания” оказалась лидирующей на празднике. Интеллигенция задумалась о распространении пушкинского творчества в “простом народе”, хотя процесс этого распространения шел неостановимо – и не только через лубок.

Школьные программы с середины XIX века являются индикатором стихийно складывающейся системы ценностей. Только к концу века они будут подвергнуты жесткому идеологическому пересмотру. В школьных хрестоматиях по словесности, строившихся как сборник примеров на разные виды жанров и риторических фигур, пушкинское наследие неизменно занимало немалое место. А. Алферов отмечает: “Одной из первых серьезных попыток, вводившей в средней школе произведения Пушкина, была хрестоматия Галахова, пер-

вое издание которой вышло в 1842 году... Попытка удалась. Поворотный труд: «Конспект русского языка и словесности» Галахова и Буслаева, 1852 год¹¹⁹. Обратим внимание – 1842 год, пять лет спустя после смерти поэта. Учебник русского языка Галахова и Буслаева – еще более показательный момент, чем включение текстов Пушкина в хрестоматию¹²⁰. Русский язык предстал в пушкинских образцах и примерах. Обучение самого примитивного, начального уровня уже касалось пушкинских текстов (к 80-м годам наиболее распространенной схемой народного образования станет двух-трехлетняя школа). Главный методический прием в школе – зубрежка. Заучивание наизусть пушкинских текстов происходило обычно вечером, когда вся семья собиралась дома, и неграмотные старшие невольно учили стихи Пушкина вместе с младшими. Тем самым образовывался особый слой “неграмотных читателей”, знавших Пушкина наизусть. Стихотворные строчки через учебники и хрестоматии, лубочные картинки и “народные книжки” распространялись и закреплялись в сознании публики “низших” слоев. Этот процесс шел, как уже отмечалось, стихийно, до того, как “верхний слой” (и государственный, и интеллектуальный) взялся за “образование простого народа”.

Проникновение стихов Пушкина в массовое “потребление” и факт постановки памятника оказались связаны – возникал вопрос о социально-исторической ценности наследия Пушкина (“За что ему поставлен памятник?”). Народное сознание, казалось, творило свой миф (многочисленны факты невежества широких слоев российского населения относительно жизни и творчества Пушкина, выявленные в ходе подготовки и ожидания столетнего юбилея поэта¹²¹), но на поверку этот миф был все тем же вариантом единого национального пушкинского мифа, который бытовал и в привилегированных слоях общества. Суть мифа сводилась к тому, что за Пушкиным признавалась великая гениальность (“краснопевец”). Новым в развитии мифа стала корректировка второй части сформированных представлений о “двоём Пушкине”. Если раньше это “раздвоение” воспринималось как досадная помеха, то теперь наметилось преодоление ножиц. Факты “непричесанной” биографии Пушкина стали загоняться в схему “гениальной жизни”, причем смутное ощущение прошлых периодов, что Пушкин хоть и “мерзок и подл”, да не так, “как мы”, теперь реализуется в признании всех “темных мест” биографии, чудачеств, нелогичностей пушкинской жизни особыми проявлениями гениальности. В народной среде мнение о “гениальной” и “мученической” жизни Пушкина складывается почти автоматически – на основе заимствования готовых житийных схем. В среде интеллигенции процесс переоценки прежних претензий к Пушкину идет столь же стихийно, по законам развивающегося мифа, требующего цель-

ного, общего объяснения. Гениальность Пушкина оказывается знаком Божьей искры, а его жизнь – единственно возможным вариантом земного пути Пророка, облеченного божественными дарами. Этот момент истории пушкинского мифа никак не отражен в исследованиях, ей посвященных. Мнение О. С. Муравьевой, например, о том, что в национальном сознании к началу XX века складывается несколько взаимоисключающих мифов о Пушкине, представляется неверным. Мифов об одном и том же явлении не может быть несколько, поскольку мифопостроение основано на коллективном бессознательном, является результатом действия скрытых духовных интенций национального масштаба, а не плодом воображения отдельно взятых лиц. Вот почему принципиально важным следует считать факт неизбежной “монологичности” мифопостроений, которые, будучи сами по себе сложными и разношерстными “ходами”, должны сгущаться вокруг одного ядра. Все девиации в таком случае в равной мере подчиняются одному общему правилу. И рассуждения о Пушкине с “панибратских” позиций (их было много с самого начала формирования мифа), и ни с чем не сравнимый пиетет (вплоть до сакральных формул) были плодами одного дерева – того самого вопроса “Почему именно он?” То есть и тот, кто говорил о легкомысленности и беспечности Пушкина-человека и Пушкина-писателя, и тот, кто называл его Учителем, наставником, образцом нравственности и жизненного подвига, по сути, стремились к одному и тому же – найти объяснение легкости и неувядающей прелести творений Пушкина “для всех”. Эстетика заслоняла историю и идеологию – поскольку в национальном сознании “эстетическое” почти синоним “духовного”, а духовное, как мы уже говорили, извечная “доминанта” русской нации.

Поэтому различные нюансы представлений о Пушкине в этот период (между 1880 и 1899 годом) не могут считаться созиданием разных мифов. Пушкин утвердился в сознании нации как Первый Национальный Поэт, а это и был важнейший миф, та самая зона святости, победы над “раздутостью Я нации” (по словам Юнга), которая жизненно необходима в любом обществе.

Демарши интеллигенции периода празднования столетия Пушкина (“Мир искусства”), острая критика “плебейского уровня” юбилейных торжеств, грандиозный размах доселе неведомого проникновения китчевых форм культуры в ранее закрытые для них “интеллектуальные” сферы оказались лишь “брызгами” на общем фоне национальной эйфории. Пушкин был с умилением признан “русским Шекспиром”.

Таким образом, миф сформировался и “сполз” вниз по общественным стратам к 100-летию поэта (чуть более, чем за 60 лет) – гораздо быстрее, чем миф о Шекспире или о Данте, например.

Столетний юбилей Пушкина можно считать завершением формирования мифа. Дальнейшая история (весь XX век) – это история попыток “приспособить” Пушкина (миф о нем) в узко-политических целях. Впрочем, такая попытка не была изобретением Советской России. Юбилей 1899 года наиболее точно демонстрирует основные механизмы взаимодействия мифа с политическими структурами в плане “манипуляций массовым сознанием”, то есть XX век только повторяет испытанные схемы.

Для историка пушкинского мифа, конечно, чрезвычайно важны нюансы альянса “литература – власть”, но в целом ситуация изменилась только в связи с увеличением читательской аудитории и общей трансформацией ее социального состава. Идеологические моменты остались практически прежними (за небольшим изменением “переменных” в общей формуле). Самое важное в истории советского мифа о Пушкине – поддержка официальной (довольно примитивной) схемой горячим сочувствием “снизу”¹²². Впрочем, этот “интересный” факт объясняется отнюдь не “оболваниванием” советского народа, послушно следующего за официальными указаниями, а единством пушкинского мифа и логики его функционирования. Один раз возникнув, миф закрепляется в качестве универсалемы, варьируются только отдельные его аспекты. Нетрудно убедиться, что XX век не дает ни одного нового толкования пушкинского мифа, не предлагает ничего такого, что мы не обнаружили бы в истории пушкинского мифа в XIX веке. Технический прогресс предлагает все новые формы воздействия на население, но содержание этого воздействия остается вполне узнаваемым. Судьба пушкинского мифа в XX веке, когда дважды сменился государственно-политический строй, позволяет строить прогноз на будущее. И дело здесь не в том, что “невозможно сказать, каким будет Пушкин XXI века – это зависит от того, какими будем мы”¹²³, а в том, что и в XXI веке, и далее будут действовать те же самые механизмы, воплощающиеся в похожих формах, варьирующиеся вокруг одних и тех же идей. Очевидно, что невозможно дать единый исчерпывающий ответ на вопрос: “Почему именно он?” – в силу ускользания объекта проекции от самой проекции. Но миф устроен так, что будет стремиться искать ответ на этот вопрос, забывая о прежних своих изысканиях и повторяя их вновь, как в первый раз¹²⁴.

Такова история пушкинского мифа в беглом обзоре. Краткость анализа ситуации 1899 года будет компенсирована соответствующими разделами книги о годе 1999-м – в каждом конкретном случае будет уместно напомнить, какие элементы мифопостроений XIX века повторил XX век.

ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ “ПУШКИНСКОГО БУМА” 1999 ГОДА

Юбилей Пушкина совпал с двумя важными историческими моментами: концом тысячелетия и изменением социально-политического строя в России. Оба эти фактора повлияли на размах пушкинских торжеств.

Настроения “конца века”¹²⁵ могут быть охарактеризованы как страх, панический ужас перед неизвестностью. Условность летоисчисления (и понимание этой условности) не устраняет страх – магические нули действуют как окна в непознанный, чужой мир. Чем быстрее развивается цивилизация, тем ярче и острее переживаются эти настроения. По мнению К. Г. Юнга, “эпохальные модификации коллективной психической субстанции связаны с переходом точки весеннего равноденствия в иные знаки” (при смене Овна Рыбами сформировалось христианство, теперь ожидается переход в созвездие Водолея)¹²⁶. Формируется особая “эмоциональная матрица”, которую Юнг называет универсальной и связывает с общим состоянием аффективной напряженности¹²⁷.

Но ожидание 2000 года, смены не только столетия, но и тысячелетия, ознаменовалось в России резким падением интереса к дате, раньше казавшейся фантастической. Центр социологических исследований МГУ провел опрос населения “Ожидание 2000 года”, показавший, насколько россияне равнодушны к этому событию: “...у большинства людей в современном российском обществе преобладает нейтральное, безразличное отношение к наступлению 2000 года”¹²⁸. Социологи МГУ на основе полученных данных предположили, что устраивать какие-то особые торжества в стране по поводу смены календарных эпох нет смысла – слишком инертное, незаинтересованное отношение россиян к этому моменту. Уныние и депрессия – главные причины таких настроений – представляются социологам следствием социально-экономических перемен в государстве, когда завтрашний день кажется полным негативных перемен. Ненадежность новой российской жизни, отсутствие уверенности в будущем, озабоченность собственной судьбой и судьбой детей не связана, как некоторое время назад, с ожиданиями вооруженных конфликтов, а основывается исключительно на экономических (и соответственно определяющих их политических) проблемах.

Падение 70-летнего режима, сформировавшего свои традиции и устои, наивная попытка вернуть былые традиции из “предыдущей” эпохи путем их простого переноса (строительство храмов, распространение христианских знаний, переход церкви на не только вполне

легальные, но и легитимные позиции, очевидное стремление политических лидеров страны считаться с мнением церкви и демонстрировать свою приверженность ее идеям; канонизация Николая II и его семьи, шумиха вокруг вопроса о возвращении института монархии и царской власти и пр.), расслоение общества на богатых и бедных, не скрываемое больше, рост сторонников бывшего режима, множество политических программ, быстро утомивших избирателей, – все это никак не способствовало усилению оптимизма. Уникальность ситуации заключается в том, что в иные эпохи смена традиционных представлений и устоявшегося порядка жизни сопровождалась приходом нового авторитета (Владимир крестил Русь, Петр Первый рушил устоявшийся порядок силой своего характера, Ленин был культовой фигурой перехода к социализму). Но “мягкая революция” конца XX века не имела вождя. Режим себя исчерпал по всем параметрам – экономическим, политическим, нравственным.

Д. В. Затонский справедливо пишет: “Суперсистема – по крайней мере в финальной своей стадии – это запредельный апофеоз стабильности, стагнации, пассивности, так что с «концом истории» ее связывают не случайно. Взять хотя бы Советский Союз: восемнадцатилетнее брежневское правление справедливо именуют «застойным». И прежде всего потому, что власть стала куда более либеральной. Но почему? Одни говорят – по причине ее одряхления, другие – из-за личности властителя. В какой-то мере и те и другие правы. Но ведь «холодная война» продолжалась, Великое Противостояние ничуть не ослабело, число и мощь нацеленных друг на друга ракет возрастали, да еще Афганистан прибавился... Какое уж там одряхление! И суть, очевидно, в том, что, ни с чьими волями не считаясь, наступил «конец идеологий». Может быть, впервые они по-настоящему стали не меняться, а как бы сокращаться, усыхать, выпариваться: ведь бесконечное, бесперспективное, бездеятельное противостояние лишало надежды и веры, а сопутствовавшая ему атмосфера «делки» окрашивала все вокруг в тона меланхоличного или даже циничного фарса”¹²⁹. Такое “усыхание” не могло пройти без последствий. Реанимация режима оказалась невозможной. Поэтому “перестройка” – лишь логичное следствие неумолимо начавшегося процесса.

Любой политический режим рухнет только тогда, когда будет расшатана его легитимность. Легитимность социализма расшатывалась изнутри не потому, что идеи коммунизма и его строительства оказались заведомо ложными, а потому, что путь достижения этих идей оказался тупиковым. Время не выдвинуло героя, способного вывести общество из этого тупика. Пустующее место авторитета провоцировало выбор фигуры, которая могла бы восполнить дефицит национальной уверенности в своей “самости” (термин К. Г. Юнга). Такой фигурой стал Пушкин.

Ощущение “неправильности” жизни не покидало российское общество в течение всех десяти последних лет (разумеется, такое ощущение актуально для интеллигенции всегда, но последние десять лет недовольство самим “курсом” развития охватило самые широкие слои). “Нуминозному остатку”, о котором рассуждает К. Г. Юнг, не в чем было воплощаться. Создалась лагуна, провал, который, подобно зоне низкого давления в атмосфере, не мог быть вечным. Общество быстро убедилось в бессмысленности предвыборных обещаний, на чехарду выборов стало смотреть весьма отстраненно и в лучшем случае с раздражением и досадой. После самой яркой политической карьеры этого периода – карьеры Бориса Ельцина – все остальное казалось заранее обреченным на неуспех. На фоне такого “коллапса” политической жизни (активная более чем когда-либо, она превратилась в игру, правила которой очевидны любому среднему обывателю) неизбежно должен был актуализоваться институт культуры как некоего пристанища и прибежища “нуминозного остатка”.

Здесь особенно следует сказать о роли литературы в общем культурном поле страны. Место литературы как социального института в XIX веке, когда она выполняла не только сугубо литературные, эстетические функции, многократно рассматривалось. Если вспомнить размышления Т. Карлейля, станет ясно, почему эта уникальность распространяется на все эпохи и все государства – “герой-писатель” становится проповедником, вождем. Однако такое положение вещей было свойственно исключительно эпохе расцвета книжной культуры. Пока книга была главным источником знаний, литература неизбежно оставалась центральным общественным институтом. В XX веке книга (и, как следствие, литература) теряет свои позиции. Установка советского правительства на формирование писателя и читателя по заданной схеме, отвечающей политической доктрине, достаточно обстоятельно рассмотрена в двух фундаментальных и очень интересных, хотя и не бесспорных, исследованиях Евгения Добренко: “Формовка советского читателя” и “Формовка советского писателя”¹³⁰. “Сужение” горизонтов литературы, уничтожение такой ее функции, как профетизм, чем она и славилась в XIX веке, “связывание крыльев” в конечном итоге должны были низвести литературу до уровня “пса у трона”. Но такие рассуждения так же заведомо категоричны, сколь рассуждения о “великой роли” литературы в советском обществе. По-видимому, книга (литература) остается важнейшей частью жизни человека – человека вообще, вне связи с политикой и географией.

Какое же место занимает чтение в жизни человека грядущего тысячелетия? Новые технологии отличаются простотой в освоении. Высокий профессионализм в большинстве случаев не нужен для ра-

боты на ПК. Чтобы смотреть видеофильмы, не надо быть “киномехаником”. Если в “дотелевизионный” период существовали целые группы населения, вообще не имеющие никаких культурных интересов (книг, журналов, газет), то теперь телевизор стал достоянием даже самых далеких от культуры слоев.

Между тем чтение занимает ту уникальную нишу культурного пространства, которая не может быть заполнена другими формами культуры. Телевидение (особенно нынешнее, “пультовое”, мультиэкранное и пр.) формирует так называемое рассеянное внимание. Телезритель весь вечер “нажимает на кнопки”, отключаясь от просмотра фильма, когда идет реклама, и переключаясь на другой канал – он успевает увидеть новости спорта или погоды, фрагмент другого фильма, клип и т. п., а затем опять смотреть “главный” фильм. Чтение с “рассеянным” вниманием невозможно. Стоит при чтении на некоторое время отвлечься на “свои мысли”, как оказывается, что прочитанная страница не прочитана, а честно “просмотрена” и совершенно не осталась в памяти. Можно смотреть телевизор и убирать квартиру, но нельзя читать и делать уборку или мыть посуду. Теле- и видеокультура формирует “раздробленное” мировосприятие. Человек получает массу интересной информации, но она не скреплена воедино, не подчинена какой-либо целостной конструктивной энергии, эклектична. Мир превращается в набор кадров, хаотично сменяющих друг друга. Зритель невольно ищет какую-либо доминанту в этом хаосе, опору, за которую можно было бы зацепиться, и выбирает сценарий, близкий своему характеру. Например: “мир – это веселая музыка” или “правительство ворует, а мы в дураках”. Телевидение услужливо подыгрывает любому сценарию.

Совсем другое дело – книга. Художественный текст скреплен единой волей автора, является завершенным отражением полного мировидения. Читатель вынужден сосредоточенно погрузиться в мир книги, чтобы хотя бы узнать, что будет дальше. Серьезный художественный текст, который мы можем назвать классическим, остается в памяти в виде замкнутого, цельного нового мира, превращающегося в часть не столько читательского, сколько жизненного опыта человека. Классический текст не стирается из памяти сразу, как только закрыта последняя страница. Между тем такова судьба многих детективов. Большинство из них живут лишь в момент чтения, но во второй раз читать их уже не придет в голову. Классический текст может стать любимым – его хочется перечитывать вновь и вновь. Процесс чтения уникален. Каждое читательское сознание по-своему реагирует на произведение¹³¹. Зрительское восприятие более однообразно, потому что большую часть той работы, которую должно проделать воображение читателя (представить внешний облик героев, интерьер дома, пейзаж и т. д.), выполнил режиссер.

В США провели специальные исследования, направленные на выявление качеств “читателей” и “нечитателей”. Известный российский исследователь проблем чтения С. Н. Плотников проанализировал результаты этих опросов: “Читатели, в отличие от нечитателей, способны мыслить в категориях проблем, схватывать целое и выявлять противоречивые взаимосвязи явлений; более адекватно оценивать ситуацию и быстрее находить правильные решения; имеют больший объем памяти и активное творческое воображение; лучше владеют речью: она выразительнее, строже по мысли и богаче по запасу слов; точнее формулируют и свободнее пишут; легче вступают в контакты и приятны в общении; обладают большей потребностью в независимости и внутренней свободе, более критичны, самостоятельны в суждениях и поведении. Словом, чтение формирует качества наиболее развитого и социально ценного человека”¹³².

Таким образом, чтение – это не “устаревшая форма” получения информации, а созидательный процесс. Человек в процессе чтения творит в себе новые качества. Чтение, по словам С. Н. Плотникова, оказывается уникальной технологией интеллектуального воспроизводства в обществе. А значит, оно не может исчезнуть.

Среди челябинских школьников был проведен конкурс на лучшее сочинение на тему “Какой я вижу библиотеку будущего”. Одна из учениц 9 класса создала следующий проект: “Входишь в большой зал, где по стенам стоят книги. И они сами определяют, что тебе нужно, и засылают эту информацию в голову”¹³³. Между тем чтение потому и оказывается уникальной технологией в сфере интеллектуализма, что оно – труд, хоть и радостный, но именно труд. Чтобы научиться читать, надо приложить больше усилий, чем для освоения компьютера. Чтобы стать настоящим читателем, придется тоже трудиться. Но “сопротивление материала” и становится той силой, которая помогает человеку выработать новые качества. Видеокультура, телевидение, массовая литература, не заставляющая человека трудиться для их усвоения, в конце концов превращают жизнь в “страну вечных каникул”, от которых хочется отдохнуть, то есть потрудиться. Видимо, эти скрытые потребности и делают чтение неуничтожимым.

Таким образом, смена “железного” века веком “электронным” вряд ли станет причиной “умирания” литературы (и искусства). Характерный пример: на одном из сайтов в Интернете электронная библиотека снабжена эффектом “перелистывания страниц”¹³⁴ – “ностальгия” по книге, какой она была много веков подряд. Впрочем, переход от “книги в переплете” к “книге на дисплее”, если он и произойдет, не меняет сути дела. Чтение остается в культурном пространстве как его важнейшая часть. Согласно опросу, проведенному в 1997

году Центром социологических исследований МГУ, не менее раза в неделю к чтению художественной литературы обращаются 51,1 % лиц в возрасте 24 лет и 49,7 % лиц в возрасте 31 года. Таким образом, половина поколения не расстается с художественной литературой (кстати, чуть меньше половины этого числа опрошенных читают “почти каждый день”)¹³⁵.

Но хотя книга перешагнула рубеж тысячелетий, нет ответа на вопрос: что же будет с классической литературой?

К концу 80-х годов XX века сложилась ситуация, не имеющая аналогов в прошлом, – развернулась эпоха бесцензурной печати. Цензура всегда была важнейшим звеном в цепи “автор – читатель”. Исследуя русскую литературную ситуацию, Г. Морсон говорит о “мастерском” развитии “возможностей камуфляжа”: “Можно сказать, что имплицитным читателем каждого русского произведения был цензор. Отношения между читателем и автором часто становились конспиративными. Автор ориентировался на читателя, который знает, что стоит за условной формулой”¹³⁶. Мнение Е. Добренко о “замутнении” “самих источников гармонии” в душе поэта советской эпохи¹³⁷ представляется несколько категоричным. Впрочем, автор подчеркивает, что эпоха “соцреализма” породила сотни писателей, чьи имена сейчас и не вспомнить, они-то и формировали “советскую литературу” (а не единицы реально талантливых людей). И все же следует прислушаться к мнению К. Кларк (монография “Советский роман: История как ритуал”): давление сверху, даже очень жесткое, стимулировало развитие литературы¹³⁸.

Цензура создавала ситуацию, подобную игре “автор – читатель” XIX века. Отмена цензуры оказалась для литературы серьезным испытанием. Фазиль Искандер рассуждает о новой литературной ситуации: “Представьте себе, что вам нужно было всю жизнь делить комнату с буйным помешанным. Мало этого, приходилось еще с ним играть в шахматы. Причем так, чтобы, с одной стороны, не выиграть – и не взбесить его победой, а с другой – и поддаваться следует незаметно, чтобы опять-таки не разозлить сумасшедшего. В конце концов все стали гениями в этой узкой области. Но вот «буйный» исчез, и жизнь предстала перед нами во всей неприглядности наших невыполненных, наших полузабытых обязанностей. Да и относительно шахмат, оказывается, имели место немалые преувеличения. Но самое драгоценное в нас, на что ушло столько душевных сил, этот виртуозный опыт хитрости выживания рядом с безумцем оказался никому не нужным хламом. Обидно”¹³⁹. Оказалось, что гражданские функции литературы (которыми она всегда гордилась – и по праву) теперь возложены на другие общественные институты – прежде всего, профессиональную политику. В бесцензурных условиях быст-

ро развивались социология, политология, антропология, философия, культурология и другие науки о человеке, которым нечего было делать в условиях “готовых результатов”, когда всякое исследование должно было подтвердить “основные положения” “единственно возможной” и “единственно правильной” идеологии. Уступая свои позиции, литература обнаруживает то, о чем так точно сказал Ф. Искандер: она не умеет быть просто литературой (искусством слова).

Казалось бы, теперь дело только за тем, чтобы общество привыкло к новым, “скромным” функциям своего “главного института”, переставшего быть “главным”. Однако, думается, дело вовсе не в этом. Дело в том, что литература неизбежно “потянет одеяло на себя”, она не удержится (не в силу своего агрессивного характера, а в силу того, что это субъект общественной жизни страны) от претензий на те сферы, какие она контролировала раньше. Это может выразиться в двух основных направлениях: с одной стороны, будут возникать новые кумиры, с другой стороны, актуализируется классическое наследие.

Вторая позиция особенно важна для наших рассуждений. Конец века (тысячелетия, света и т. п.) провоцирует ожидание нового мессии. Мы уже приводили слова Юнга о “спасителе” как мифе, повторяющемся с незапамятных времен. То, что “спаситель” должен явиться в сфере культуры (а не политики, например), обусловлено тесной связью этой сферы с “нуминозным остатком”. А. Шопенгауэр в свое время, основательно доказав, что мир людей не имеет ни одного уголка, где душа могла бы укрыться от вселенской тоски и разрушительной “воли-к-жизни”, говорит об искусстве как месте бегства от действительности, единственной сфере, где возможно “незаинтересованное” (то есть незгоистическое) созерцание¹⁴⁰.

Научная теория культуры как равнодействующей трех сил-сфер: искусства, психологии и социального – предложена Уолтером Эйбелем¹⁴¹. Согласно этой теории, “культурное напряжение воображения (мифы, религия, искусство, философия и т. п.), воплощая нереализованные возможности коллективных достижений или бессознательное ощущение коллективных потребностей, помогает переориентировать коллективное бессознательное к лучшему осуществлению жизненных желаний, взаимодействующих со средой (географической и человеческой), в результате чего создаются исторические обстоятельства (экономические, социальные, политические, военные и т. п.), которые порождают коллективное психическое состояние (отражающее стремление к социокультурному комфорту), в свою очередь генерирующее импульсы к символическому выражению в культурном напряжении воображения”¹⁴². Это схема кругообращения процессов, протекающих в разных сферах, но тесно переплетенных.

У. Эйбель отмечает, что в этой цепи сложно найти исходное звено – все взаимосвязано. Поэтому трудно определить причины и следствия. Исследователь утверждает, что, тем не менее, разные исторические обстоятельства сопряжены (не ясно, провоцируют или являются порождением) с конкретными психическими состояниями, чувствами, реакциями общенационального масштаба. Если культурное напряжение воображения порождает мифы, связанные с демонами, монстрами, то этому соответствуют такие реакции, как страх, фрустрация, и социальные обстоятельства, характеризующиеся проигрышем в войне, общегосударственными неудачами, репрессиями. Такой тип культурно-исторической ситуации Эйбель называет “негативным”. Если же результатом коллективных культуропорождающих усилий становятся мифы о защитниках – богах, святых, ангелах и героях, то этому соответствуют экзальтация, вера, надежда, уверенность в удаче на уровне массовых психических реакций, а также плодородие, победа в войне, крупные достижения государственного масштаба в плане исторических обстоятельств. Этот тип называется “позитивным”. Наконец, существует третий тип – “нейтральный”. Для такого варианта характерна редукция мифосозидающей деятельности, тенденция к рациональной и утилитарной активности. С этим связаны ощущения скуки, эмоционального холода, равнодушия. В общественной жизни наблюдается застой, непрогрессивное существование без всяких видимых усилий, рутина ежедневной жизни¹⁴³. В принципе, и “негатив”, и “позитив” противопоставлены “нейтралу”, как энергия противопоставлена энтропии. Неважно, каковы обстоятельства культуропорождающей деятельности – важно, что эта деятельность возникает как сопротивление застою.

Вернемся к ситуации конца XX века. Как уже отмечалось, она характеризуется резким спадом интереса к каким бы то ни было сферам жизни, безразличием к самой “вехе” (2000 году и третьему тысячелетию), однако и большой долей “негативных” реакций – страха и безнадежной тоски. По-видимому, негативный компонент все же уступает “нейтральному”: резкое снижение интереса к выборам и политике показывает, что жизнь людей стабилизировалась на каком-то приемлемом уровне, и они не желают ее изменять. “Нейтральность” культурно-исторической ситуации на грани с “негативом” неизбежно тяготеет к изменению, к заполнению. Здесь либо должны усилиться настроения страха и отчаяния, либо должна образоваться тяга к позитиву, к освобождению от фрустрации.

Не думается, что ожидания “мессии” отвечают такой ситуации. В каком-то смысле ожидание “второго пришествия” требует более накаленной социальной атмосферы, резкого ухудшения жизни людей. Таким поворотным событием стало 17 августа 1998 года.

Потеряв накопленные сбережения, оказавшись в ситуации обманутых собственным государством граждан, люди ощутили беспредельную незащищенность (это был не первый такой случай государственного масштаба, но обычно события меньшего размаха затмеваются большими; так более страшные войны вытесняют на периферию исторической памяти менее кровопролитные). Государство оказывалось враждебным населению, интересы которого оно представляло. Возникла лакуна легитимности – разные общественные институты дискредитировали себя один за другим, общественное признание перестало быть столь неразборчивым, как раньше. Политические обещания никого не обманывали. Но потребность найти объект приложения легитимных санкций имманентна. Общество не может стабильно существовать без внутренней стабильности, сбалансированности разных противоречивых процессов, которые в нем протекают.

К осени 1998 года российская культурно-историческая ситуация стала наиболее благоприятной для разворачивания культовых действий вокруг имени Пушкина. Во-первых, рейтинг литературы как общественного института резко падал, но функции литературы, утраченные, как мы видели, в силу ряда объективных причин, ощущались в общественном сознании как не востребовавшиеся. Это провоцировало актуализацию классического наследия как “контркультуры” по отношению к литературе постмодерна и в целом литературному затишью современной литературы. Классика, начиная с 1880 года, прочно ассоциировалась в русском сознании с именем Пушкина.

Во-вторых, ощущение утраты прежних нравственных ценностей в национальном масштабе создавало условия для активного поиска опоры. То, что имя Пушкина было воспринято как символ национальной идеи, не было новостью. Это было эхо 1880 и 1899 годов. С этим моментом связано и ожидание “спасителя” – который должен прийти и спасти нацию от нравственного вырождения. Пушкинское творчество оказалось соломинкой, за которую ухватилось общество, утопавшее в собственном безверии, пессимизме и прагматизме. Этим трем состояниям Пушкин противостоял как “вера”, “надежда” и “любовь”, понятых не в качестве “лозунга”, а в прямом, причем общественно значимом смысле. В. Ф. Кашкова в разговоре с В. Писигиным выразила эту мысль следующим образом: “Общенациональную идею ищут, а тут как раз Пушкин”¹⁴⁴. Мнение подвижницы пушкинского музея в Торжке, на энтузиазме которой во многом этот музей и держится, достаточно точно отражает ситуацию: Пушкин традиционно является таким выразителем национальной идеи, с которым соглашаются все. Всепримиряющее значение его творчества и, что еще важнее, его “фигуры” в истории страны было обозначено в пушкинской речи Достоевского 8 июня 1880 года.

В-третьих, в национальном масштабе Пушкин оказался лучшей кандидатурой на место кумира, избранного “большинством голов”. Теоретически важно, что без культовых построений общество существовать не может. Если общество утрачивает прежние идеалы и объекты культа и им на смену не приходят другие, оно оказывается в ситуации поиска замены. Вакантное место неизбежно “провоцирует” претендента, и культовое место оказывается занято очередным кумиром.

Заповедь “не сотвори себе кумира” в Новом Завете была высказыванием желаемой, но заведомо недостижимой модели поведения людей. В “Великом Инквизиторе” Достоевский разворачивает обоснование готовности людей подчинить свое свободное “я” какому бы то ни было сознанию, лишь бы оно избавило их от мучений выбора и принятия собственных решений. Кумиротворение тесно связано с мифопостроениями вокруг конкретных лиц, является одной из форм этих мифопостроений, “мостиком” между мифом и ритуалом. Миф о герое – словесное, смысловое явление, порождение ментальных усилий. Кумиротворение во многом основано на эмоциональном компоненте, ближе стоит к психическим процессам коллективного бессознательного, имеет еще более “темные” корни, чем миф, согретый, во всяком случае, светом объективности. Возведение в кумиры может быть результатом определенной массовой слепоты, манипуляции сознанием масс со стороны некоторой субъективной воли¹⁴⁵. Влияние авторитета на коллективное сознание поистине безмерно. Ж. Тард в книге “Законы подражания” называет это влияние “социальным чувством”: “Социальное чувство можно сравнить с сомнамбулизмом. Гении просто погружали нации в сомнамбулизм... Фиксация взора на блестящей точке – славе или гениальности какого-нибудь человека – повергала в каталепсию весь народ!”¹⁴⁶ Кумиротворение оказывается результатом возникновения моды на определенный объект. Говоря о подражании в социальном смысле, тот же исследователь отмечает: “Все это можно очень хорошо наблюдать на наших европейских обществах, где необычайное развитие всякого рода моды, моды по отношению к одежде, пище, жилищу, потребностям, идеям, учреждениям, искусствам, ведет к превращению всего населения Европы в людей, представляющих собою издание, набранное одним и тем же шрифтом и выпущенное в нескольких сотнях миллионов экземпляров”¹⁴⁷. Тард сочувственно цитирует Токвиля: “По мере того, как граждане делаются более равными и более похожими друг на друга, уменьшается склонность каждого слепо верить известному лицу или известному классу. Зато увеличивается склонность верить массе, и общественное мнение начинает все более и более руководить миром”¹⁴⁸. Тард доказывает, что если оп-

ределенное лицо признано “общественным мнением”, поколебать этот авторитет непросто, особенно если авторитет освящен традицией: “Обаяние преданий, завещанных предками, повсюду преобладает над стремлением к новизне”¹⁴⁹. Таким образом, важен факт утверждения нового авторитета общественного значения, далее поддержка его прямо пропорциональна продолжительности традиции. Свержение авторитета (кумира) может произойти так же стремительно, как и его утверждение, и всегда связано со сломом шкалы ценностей в обществе.

Авторитет Пушкина, утвержденный еще при его жизни и, как мы старались показать в первой главе, имевший постоянную поддержку, возникает благодаря харизматичности его личности (по терминологии М. Вебера¹⁵⁰). Вебер указывает на три типа легитимного господства: легальное – законы (основано на “рацио”); традиционное – вера (основано на не нуждающемся в осмыслении “зове предков”); харизматическое – дар (противоположно традициям, основано на индивидуальной гениальности, внутренней энергии и творческом потенциале личности, способной сказать свое новое слово, которое подорвет традицию)¹⁵¹. К концу XX века пушкинская харизма, согласно той же теории, должна была неизбежно “сползти” в низшие общественные страты (и это произошло), рутинизироваться (то есть потерять свой блеск, стать более стертой, неяркой, привычной), наконец, в результате этого распространения она должна была трансформироваться в антиавторитарном направлении (сделать своего носителя непривлекательной, обязательной фигурой в общественном сознании). В таком случае харизматическая легитимность перешла бы в свою вторую ипостась – традицию (веру).

Уникальность ситуации с Пушкиным заключается в том, что рутинизация, распространение харизмы не повлекли антиавторитарных последствий. Пушкинское творчество в конце XX века воспринималось как еще более ясное откровение, “пророчество и указание”, говоря словами Достоевского, чем в момент его славы в конце века девятнадцатого. Сила харизмы гения оказалась так же велика, как, например, сила харизмы Данте, Гете или Шекспира. Произошла знаменательная трансформация: пушкинское наследие, ставшее объектом национальной рецепции, оказалось трижды легитимным: как закон (понимание, что Пушкин оказался вершиной русской мысли и русского искусства, умственное постижение его высшего места в русском культурном пространстве, научные исследования, связанные с этим вопросом), традиция (восприятие творчества Пушкина как “завета”, данного “золотым веком”, априорное признание его первенства, не нуждающееся в системе логических доказательств, восхищение его гением), харизма (постоянное открытие “нового” Пушкина,

возможность бесчисленных интерпретаций, обнаружения скрытых ранее смыслов, неисчерпаемость наследия, невозможность поэта “разъяснить”, эффект постоянного эмоционального воздействия на читателей разных эпох).

Легитимность “в третьей степени” пушкинского авторитета стала важнейшей основой для культовых построений вокруг его имени. Обращение к кумиротворению в других национальных культурах позволяет более четко осознать специфику ситуации с Пушкиным. П. Дебрецени, обратившийся в своей книге к сопоставлениям культа Пушкина с культом Шекспира, отметил: “Когда я это сделал, я понял, что место Пушкина в русской культуре уникально”¹⁵².

К. Шмидт формулирует три главные позиции “символа веры”, связанного с Шекспиром: 1) его тексты идеальны; 2) эти тексты совершенны; 3) Шекспир вне времени¹⁵³. Первая позиция обозначает отношение шекспировских текстов к национальным ожиданиям (и полное этим ожиданиям соответствие), вторая связана с признанием шекспировских текстов безусловной эстетической ценностью, третья утверждает бессмертие его гения (“Шекспир – наш современник”). Шмидт отмечает также, что “в академической науке символ веры Шекспира относили к подсознанию”, а любые домыслы о великом барде только укрепляли веру в него¹⁵⁴. Анализ общенационального восприятия Шекспира в английском шекспироведении сводится к констатации абсолютного кумиротворения. Шекспир имеет статус “секуляризованного святого”. К его имени постоянно применяется лексика богослужебных книг. П. Давидхази прямо говорит, что “шекспировский миф основывается на некотором скрытом религиозном архетипе”¹⁵⁵. Он выделяет три главные манифестации культа: ревнивое оберегание произведений писателя – культовой фигуры – от всякого рода критики; ритуал, который может включать паломничество к “святым местам” (связанным с жизнью и творчеством поэта), особое поклонение, празднование “священных дат”, все виды общего празднования, сопровождаемые священным символизмом; наконец, использование цитат из произведений кумира по любому случаю¹⁵⁶. Как видим, все эти манифестации вполне приложимы к русскому Первому Национальному Поэту. Культ Пушкина формировался во многом по тем же схемам, что и культ Шекспира, но более быстрыми темпами. В принципе, уже столетие Пушкина было обставлено теми же атрибутами, что 200-летие Шекспира, дата, от которой идет отсчет окончательного оформления культа. Ритуальной практике, связанной с именем Пушкина, посвящена отдельная глава нашего исследования.

Гении национального масштаба во многом воспринимаются нацией как любимые дети, которыми можно хвалиться. В этом смысле

особенно важно, разумеется, мировое признание национального гения. Русский вариант в этом отношении самый странный – Пушкин не имеет такого признания в мировом сообществе, как Данте, Гете или Шекспир. Его удел – национальное признание.

Но другие русские гении мирового масштаба (Толстой и Достоевский) не могут претендовать на то уникальное место, которое занимает Пушкин. Возможно, это связано с тем, что они “не поэты” – об этом есть ряд рассуждений М. Н. Эпштейна. Впрочем, рассуждения эти несколько субъективны и далеки от разработанной научной теории современного мифотворчества: “Русская литература изобилует мифами, поскольку в общественном сознании почти и не существует ничего, кроме литературы и ее производных. При этом мифологическая значимость писателя не обязательно соответствует его литературным достоинствам. Достоевский вот не стал мифом, а Надсон стал, Есенин стал. Но и Пушкин стал, а вот Грибоедов не стал. Какие нужны условия, чтобы писатель стал мифом? Прежде всего, нужно, чтобы он успел воплотиться в какого-то персонажа, желательно лирического. Поэты, как правило, и становятся мифами, потому что они создают свой собственный образ, в котором вымысел и реальность сплавляются воедино. Мифу о Льве Толстом очень мешает 90-томное собрание сочинений с черновиками и вариантами. Потому что миф не любит лгать, не любит уклоняться от прямой стези правды, и лишь когда факты отсутствуют или противоречат друг другу, тогда-то он берется за дело. Миф очень чувствителен, даже обидчив: если ему показывают на гору материалов, он говорит: ну что ж, верьте материалам, отворачивается и замолкает навсегда”¹⁵⁷.

В любом случае место Пушкина в мировом культурном пространстве менее значимо, чем подобных культовых фигур других наций. И тот факт, что это несколько не умаляет значения Пушкина в сознании его соотечественников, и оказывается тем самым уникальным моментом, о котором говорил П. Дебрецени. Если английский исследователь заканчивает статью о культе Шекспира следующим образом: “И шекспировские слова актуальны и для тех, у кого в руках автомат Калашникова, и для тех, кто одет в гестаповскую форму”¹⁵⁸, то отечественному литературоведу достаточно гордо написать о Пушкине: “...среди гениев великих мировых культур нового времени он – единственный, кто является не только символом, но и актуальным фактором единства своей культуры и ее самосоответствия, вызывающим самые живые, трепетные и пристрастные чувства ее сердечным средоточием... народным героем, персонажем легенд и анекдотов, национальным мифом и в известной мере национальным идеалом, ценностью характера чуть не религиозного – ос-

таваясь при этом живую личностью во всей полноте неповторимости и интимной, если не фамильярной, доступности”¹⁵⁹.

Подведем итоги. “Пушкинский бум” 1999 года был обусловлен, с одной стороны, “стажем” пушкинского юбилея (подобно “шекспировскому буму” 1769 года) и опробованностью разных форм ритуальных практик, с другой стороны – очередным социально-политическим кризисом в стране, провоцирующим настроения, благоприятные для разворачивания культовых построений. Очевидно, что шумиха вокруг 6 июня 1999 года не была результатом излишнего рвения некоторых чиновников, а оказалась несколько сумбурным, но искренним выражением реально существующей, действительно проявляющейся всенародной любви к поэту. Большинство полагало, что слишком много внимания уделено Пушкину в средствах массовой информации (по данным, опубликованным “Общей газетой”, 78 % опрошенных назвали пушкинскую кампанию слишком навязчивой¹⁶⁰), многие высказывали мнение, что такой “бум” опошляет и принижает великого поэта. Обращение к ряду фактов, связанных с юбилейными днями, позволит проанализировать их как важную часть культурной жизни страны.

ГЛАВА 3. ПУШКИНИАНА КОНЦА ВЕКА

Согласно различным антропологическим изысканиям, миф не задумывается сам о себе, он существует вне рации, на априорном уровне: “Лишь представителю сторонней культуры миф кажется странным. Для человека же прирожденного тем или иным мифам они есть некая самоочевидная реальность, которая не требует какого-то опытного подтверждения: ведь они санкционированы авторитетом социума. И потому любые без исключения мифы, как бы они ни выглядели нелепыми и абсурдными с точки зрения наружного наблюдателя, выглядят абсолютно естественными для своих носителей”¹⁶¹. Однако эта позиция нуждается в существенной корректировке. Начиная с древнейших времен, мифология как “комплекс представлений о мире” развивалась параллельно с мифологией как “комплексом представлений о мифах”. По словам П. Труссона, “...в Греции мало-помалу мышление начало дистанцироваться от мифа. Союз, взаимодополняемость Мифа и Логоса тогда превратился в оппозицию, где последний провозгласил себя высшим над первым. Миф был тем, что не нуждалось в доказательстве своей «подлинности»; он стал тем, что неспособно доказать себя как «истинное». Таким образом, он стал означать то, во что ложно верят как в существующее, чистую выдумку, плод воображения, то, что разум выделяет в пробелах ра-

циональной речи и познания, поддающегося проверке. Уже у Платона миф становится лишь реликвией, хотя еще сохраняет характер «аутентичной речи». Рождающееся христианство усилило этот процесс, окончательно отбросив мифы в область иллюзий и измышлений, в то же время утверждая свои. Сократ, который, по мнению Жоржа Гуздорфа, стал именно тем человеком, кто «отошел от себя», «уничтожил примитивную мифологию», первым констатировал эту деградацию мифического мышления. «Миф, – уточняет Гуздорф, – был участием, вовлечением. Отраженное сознание заменило этот режим слияния новым режимом разделения и противопоставления. Человек отделился от своего окружения, с которым до сей поры составлял единое целое. Он открыл автономность своего мышления и собственного бытия. Одновременно природа, от которой он отстранился, предстала перед ним как независимая реальность, область, открытая для захвата разумом и определенная осязаемыми данными в своей материальности. Сам организм отделился от мышления и бросился во вселенную вещей». Произошло разделение на субъект и объект”¹⁶².

По мнению этого ученого, шаг от Мифа к Логосу есть шаг назад, в менее цельное и результативное постижение мира. Однако очевидно, что этот шаг необходим. “Расчленение” объекта субъектом заменило “алетейю” (снятие покровов с бытия). В современных условиях мифотворческая деятельность сопровождается такой же реакцией со стороны разума – раз миф возникает, его следует перевести в зону сознательного, понятного, демистифицировать, разоблачить (что нетождественно понятию “уничтожить суть мифа”, но связано с желанием “поверить алгеброй гармонию”, перевести миф с языка аксиом на язык теорем, “доказать” его). К такой “доказательной” деятельности в области пушкинского мифа можно отнести усилия литературоведов, в том числе и литературоведов конца XX столетия.

Их непосредственная задача, с одной стороны – наиболее полно и качественно представить “первоисточники” мифа, предъявить нации те документальные свидетельства, которые подтверждают сам текст мифа (Пушкин – Первый Национальный Поэт). Перечислим важнейшие достижения пушкиноведения юбилейной поры. Наконец было опубликовано в прекрасном полиграфическом исполнении рукописное наследие поэта¹⁶³. Была доведена до конца и летопись жизни и творчества Пушкина, начатая М. Цявловским и после его смерти заброшенная почти на полвека¹⁶⁴. Было начато осуществление грандиозного проекта по изданию Полного собрания сочинений поэта со всеми комментариями на высоком научном уровне, соответствующем сегодняшним представлениям об академических изда-

ниях такой важности. Первый том торжественно вышел к юбилею, работа над вторым продолжается. Наличие подробнейших комментариев было предусмотрено и юбилейным “полным Пушкиным” 1937 года, но тогда, как известно, комментирование пушкинских текстов было запрещено “сверху”. “Полный Пушкин” 1937–1959 годов был прямой манифестацией мифа “в чистом виде” – только тексты, без всяких “частных пояснений” – читатель мог истолковывать их так, как считал нужным. Включение комментариев в новое Полное собрание сочинений представляется вариантом “логосного” отношения к мифу – попыткой дать качественные характеристики пушкинским произведениям на обобщающем (для нынешнего времени) уровне, рационально объяснить эффект воздействия его строк. Идет и подготовка Пушкинской энциклопедии – настоящего академического издания, второй серьезной работы такого жанра после Лермонтовской энциклопедии. (Московские издания “Пушкинской энциклопедии” и “Онегинской энциклопедии” можно отнести, скорее, к разряду конъюнктурных юбилейных книг, имеющих лишь некоторое отношение к фундаментальной науке¹⁶⁵.) Все эти издания (жаждущие своего завершения) составляют тот обязательный “минимум”, который пушкиноведение определяет как “исполнение долга”. В определенном смысле рукописные тетради, Полное собрание сочинений с комментариями, Летопись жизни и творчества и Пушкинская энциклопедия выступают аналогом “священного текста”, сакральность которого подтверждается важностью пушкинского мифа в национальном масштабе.

Пушкинский юбилей неизбежно стал катализатором пушкиноведческой науки. Е. П. Чельшев с удовлетворением говорит об успешности этой отрасли литературоведения¹⁶⁶. И. Сурат в статье, посвященной итогам юбилея, говорит об издании большого числа книг о Пушкине как “о картине почти отрадной”¹⁶⁷. Впрочем, она же отмечает: “Никогда еще в России между небольшим культурным сообществом и всеми остальными не пролегла такая бездна. Касается это и филологии. Раньше молодое поколение было вольно или невольно к ней причастно, хотя бы через школу, теперь – полностью от нее отрезано. Двадцать лет назад для литературоведческих книг нормальным был тираж от 20 000 до 50 000, они широко продавались и автоматически поступали во все библиотеки. И столичные и провинциальные учителя литературы могли по ним преподавать. Тиражи Пушкинианы были выше средних: в 1984 – 1985 годах книга П. В. Анненкова «Материалы для биографии А. С. Пушкина» и двухтомник «А. С. Пушкин в воспоминаниях современников» были переизданы тиражом соответственно 75 000 и 100 000 экземпляров, а книги Ю. М. Лотмана в издательстве «Просвещение» печатались тиражом

300 000 – 600 000, и все это прекрасно расходилось. Сейчас хорошие литературоведческие книги выходят тиражом 1000 – 2000 экземпляров на всю страну, а значит, филологи пишут теперь друг для друга. Но и эти ничтожные тиражи не очень-то расходятся”¹⁶⁸. Ю. Б. Орлицкий указывает: “При этом духовная атмосфера конца века (и тысячелетия!), помноженная на все нарастающий накал юбилейных страстей, столь же неизбежно приводит к катастрофическому снижению среднего уровня научной и околонаучной пушкинистики”¹⁶⁹ (правда, конкретные примеры не приводит). И тем не менее научных книг (действительно научных) о Пушкине выходит много. Их содержание можно рассматривать как частные усилия ученых, в основном не объединенных общей задачей или координирующим центром (каким выступают в случае издания Полного собрания сочинений или Пушкинской энциклопедии сами жанры этих изданий), направленные на достижение тех же результатов – на рациональное объяснение пушкинского феномена (т. е. объяснения феноменального воздействия на широкие круги читателей в течение столетий).

По меткому выражению В. Зайцевой, “наука о Пушкине стала эзотерической – скрытой для непосвященных”¹⁷⁰. Эти слова, сказанные двадцать лет назад, точно описывают ситуацию: сборники “Пушкин: Материалы и исследования”, “Временник Пушкинской комиссии” рассчитаны на хорошо подготовленного читателя, а не на дилетанта. Впрочем, странно было бы обвинять в излишнем сциентизме ученых-пушкиноведов. Ведь филология – отрасль профессиональная, не приходит же в голову, например, специалисту адаптировать текст статьи из сферы механики жидких сред для “непосвященного” читателя. И все же во фразе В. В. Зайцевой есть подспудный, добавочный смысл – именно наука о Пушкине (а не о Толстом или Достоевском, скажем) наиболее важна огромной аудитории, не принадлежащей к литературоведческому кругу, наиболее ответственна перед этой аудиторией. Так сложилось, что с профессионалов, изучающих пушкинское творчество, требуют постоянной готовности отвечать на самые тяжелые вопросы, объяснять все противоречивые условия бытования пушкинского творчества и представлений о его личности в культурном пространстве. Пушкиноведы “виноваты”, что он написал “Гавриилиаду”, что неуважительно отзывался о христианских святынях, что заискивал перед царем, что непонятно написал какие-то строки и т. п. Мифологизация пушкинского наследия (“нет ничего, что он написал бы плохо” и “нет ничего, что он не мог бы сделать”) навязывает соответствующее прочтение его текстов.

В каталоге Российской государственной библиотеки числится 126 литературоведческих книг, посвященных Пушкину и поступивших за предъюбилейное пятилетие и послеюбилейный год (на рус-

ском языке). Из всего корпуса юбилейных работ немалую часть занимают переиздания “старых мастеров”. Труды Виноградова¹⁷¹, Винокура¹⁷², Цявловских¹⁷³, Бонди¹⁷⁴, Ермакова¹⁷⁵ вышли новыми изданиями. Кроме того, появилось несколько сборников эмигрантских статей о Пушкине¹⁷⁶, сборники статей, речей, высказываний мыслителей прошлого¹⁷⁷. Все это “старое пушкиноведение” воспринимается сейчас как “новая мысль” о поэте. Издан наконец на русском языке комментарий В. Набокова к “Евгению Онегину” – двумя “конкурирующими” изданиями (Москва и Петербург)¹⁷⁸. Общее отношение к Пушкину в этих “старых” работах лучше всего объясняется словом “пиетет”. Исключение составляет труд В. Набокова, в комментариях которого рассыпано множество замечаний о пушкинской ограниченности, невежестве, художественных неудачах и откровенных провалах. Однако тщательность и подчеркнутая фундаментальность как перевода, так и комментариев, заставляют судить о сохранении пиетета: “Парадоксально, но, с точки зрения переводчика, единственным существенным русским элементом романа является именно эта речь, язык Пушкина, набегающий волнами и прорывающийся сквозь стихотворную мелодию, подобной которой еще не знала Россия”¹⁷⁹. В. Набоков наиболее точно формулирует центральную задачу литературоведения, связанную с пушкинским мифом: “делается попытка путем разбора конкретной мелодии того или иного стиха объяснить магию пушкинской поэзии”¹⁸⁰. Способы “разбора” могут быть разными, но важно объяснить “волшебство” творчества Национального Поэта.

Тематические сборники, выпущенные разными издательствами страны в преддверии юбилея, отражают настроения пиетета по отношению к Пушкину еще более очевидно¹⁸¹. Общий состав книг отдельных авторов вполне соответствует обычной “рубрикации” науки о Пушкине: исследование его мировоззрения¹⁸², языка его произведений¹⁸³, целостный анализ отдельных разделов пушкинского творчества¹⁸⁴; монографические исследования отдельных произведений¹⁸⁵; исследование связей пушкинского творчества с другими художественными пространствами¹⁸⁶. Как всегда, много книг, по жанру стоящих на границе литературоведения и публицистики, близких литературоведческому эссе¹⁸⁷.

Во всех этих изданиях нет намерения оспорить пушкинскую гениальность или усомниться в художественной безупречности, образцовости его наследия. До сих пор не появилось ни одного обстоятельного исследования на тему “Поэтические неудачи Пушкина”, скажем, хотя отдельные мнения об этом высказывались литературоведами. Когда академик Ф. Е. Корш в конце XIX столетия выступил с четырехсотстраничным исследованием “окончания” пушкинской

“Русалки” (мистификация Д. П. Зуева), то “поставил своей целью доказать, что за исключением нескольких неудачных выражений, естественных в первом наброске, опубликованный Д. П. Зуевым конец «Русалки» не содержит в себе почти ничего такого, чего нельзя встретить в бесспорных произведениях Пушкина. Подчеркивая гениальность поэта, Корш отмечает «пятна на солнце» – частные погрешности его стихов, которые обычно не замечаются за красотой целого, как то: слабые рифмы («плоды» – «мечты»), отступления от правила цезуры на второй стопе пятистопника, недостатки чередования рифм или тавтология... Такие произведения Пушкина, как «Под вечер осенью ненастной...» или «Черная шаль», Корш вообще считал слабыми. По его мнению, Пушкин был ленив, работал по вдохновению, подчас не вкладывая в работу достаточного труда, а если что-то не получалось, – оставлял незаконченным”¹⁸⁸.

В отсутствии принципиальных сомнений (частные замечания о пушкинских неудачах не редкость, но обычно они немедленно получают и соответствующее оправдание) в гениальности поэта и невозможности объективно разобраться в его художественном наследии усматривается важнейший механизм культовых построений: авторитет имени деформирует взаимодействие “...между основными элементами системы (сочинитель – автор – текст – контекст)... Фигура автора оказывается вне зависимости от рецепции... Тексты «гения» составляют канон и по определению не могут быть плохими”¹⁸⁹. А. Битов описал этот эффект так: “Если ругать Толстого – ничего, сойдет, даже прислушаются; если Пушкина – могут выцарапать глаза. Тут даже русский ощутит себя русским. Не трожь святыню!”¹⁹⁰

Эстетическая ценность, освященная авторитетом, признана всеми. Я. Мукаржовский утверждает ряд критериев понятия “всеобщезобязательная эстетическая ценность”: “...это объективно неизбежный «стимул» искусства, луч, пронизывающий все назад и в будущее. Критерии (равноценные) всеобщей обязательной эстетической ценности: 1) всеобщезобязательной является ценность, достигшая максимального распространения в пространстве, включая сюда максимальное распространение в разных видах общественной среды; 2) ценность, успешно противостоящая напору времени; 3) ценность, которая самоочевидна”¹⁹¹. Согласно этим критериям, творчество Пушкина максимально полно отвечает понятию “всеобщезобязательной ценности”. А значит, оно и провоцирует “идеологический” подход.

Наиболее полно “идеологический” подход к пушкинскому наследию обоснован в трудах В. С. Непомнящего: “Пушкин – это самая фундаментальная область нашей гуманитарной культуры как сферы пока еще безусловного национального самостоянья. Все сказанное основано не на опыте богослова, культуролога или полито-

лога – такого опыта у меня нет; все это возникло исключительно из размышлений о Пушкине, в частности из рассмотрения его главной макроколлизии, лежащей в основе, по существу, всех пушкинских сюжетов и во многом определяющей его поэтику. Суть этой коллизии – отношения пушкинского героя, каков он есть в наличии, в своей практике, с тем, каким он мог бы и должен бы быть, то есть с тем, как он прекрасно замышлен Богом (отсюда и трагедия и притягательная сила таких героев, как Борис или Сальери, Дон Гуан или Вальсингам, отсюда же такие идеальные, но бесконечно живые герои, как Татьяна или Петруша Гринев). Универсальная по масштабу, онтологическая по характеру, эта коллизия – среда и воздух пушкинского творчества, особенно зрелого и позднего; в иной масштаб Пушкин не вмещается, а в таком – как у себя дома, а сверх того и онтологическое делает близким, и универсальное – твоим. Филология привычно трактуется в чисто словесническом духе: греческое *logos* переводится как латинское *verbum*, то есть **слово** понимается лишь как единица речи. Но в нашу эпоху, когда самые актуальные проблемы суть проблемы глобальные, из них же главная: сохранит ли человек свои изначальные родовые свойства как существа вертикального, то есть духовного, – в эту эсхатологическую эпоху пора вспомнить изначальный же – и полный смысл слова **логос**, означающего, как известно, и слово, и смысл, и разум, и закон, и творящую силу, и организующий, иерархический принцип, и, наконец, Слово, что было **вначале**, – и соответственно истолковать высокое назначение занятий филологией. Эта проблема не узкопрофессиональная, а человеческая, духовная; Пушкин столь же неукоснительно ведет к ней, сколь надежно помогает нам понять самих себя, уяснить наш исторический жребий, определить нашу национальную стратегию, чтобы не исчезнуть с тяжелой ношей нашего мирового задания. Ведь наша эпоха сильно похожа на петровскую, даже с большим – пожалуй, трагифарсовым – превышением; так что «через двести лет» Пушкин нужен нам, как сказал поэт, не ради славы – ради жизни на земле (выделено В. С. Непомнящим. – М. З.)¹⁹².

Так обосновывается особая миссия не столько самих пушкинских текстов, сколько толкований этих текстов, литературоведческих (филологических) интерпретаций, позволяющих “понять самих себя” (в национальном масштабе), что можно считать актуальным для большинства современных исследований пушкинского творчества.

Второе место по числу изданных книг занимает тема “биография поэта” (102 книги). Когда Ю. Дружников в своей статье “Венки и бюсты в каждом абзаце” говорит: “Особому статусу Пушкина в русской культуре способствовали три фактора: скандальность его жизни и смерти, популярность его среди женщин и выгодность ис-

пользования известного имени для идеологических, националистических, военных и других целей... А тексты мешали”¹⁹³, – он демонстрирует непонимание самой проблемы “венков и бюстов”. Согласно его мнению, слава Пушкина искусственна, во многом результат “отдельно взятых воль” чиновников, манипуляторов сознанием нации. Однако абсолютно искусственных культов нет и быть не может. Они могут возникать вследствие удачной политики определенных заинтересованных групп, но и в таком случае разворачиваются в подлинный культ только в том случае, если коррелируют с глубинными ожиданиями нации. Тем более культы неполитические. Почему, например, не превратился в культовую фигуру, хотя бы приблизительно соотносимую с пушкинской, Сергей Есенин? Столетний юбилей этого поэта в 1995 году прошел почти беззвучно, был совершенно заслонен политическими событиями, во многом свелся к “разбирательствам” на страницах печати по поводу его трагической гибели. Каковы шансы Есенина на возвышение до пушкинского уровня? Вряд ли можно считать, что велики. Скорее всего, останется “одним из”... Значит, “скандальная жизнь и смерть” и “успех у женщин” залогом славы “на века” не являются. Должно быть, и манипулирование “известным именем” – это следствие известности, а не способ ее “раздуть”. Нет смысла подробно рассматривать субъективную статью Ю. В. Дружникова, но это яркий образец признания всеобщего интереса к жизни и смерти гения и четкая формулировка расхожего мнения об этой жизни.

Биографические исследования о судьбе Пушкина появляются сразу после его смерти, хотя авторы их и вынуждены “обходить стороной” “больные” точки биографии поэта. И Бартенев, и Анненков собирают “мельчайшие свидетельства”, любые факты, относящиеся к судьбе Пушкина, особенно старательно выискивая “адресатов любовной лирики” Пушкина. В архиве Бартенева хранилась информация, которую никак нельзя было предавать гласности. Версия о “двух Пушкиных”, о которой уже говорилось, укреплялась. Но умолчание фактов и правды создавало пустое пространство, которое неизбежно заполнялось домыслами, логическими построениями, далекими от реальности умозаключениями и пр. Потребность в восстановлении истинной картины этим не удовлетворялась. Исследования о разных периодах жизни Пушкина появлялись с завидной частотой на всем протяжении существования мифа. Казалось, за более чем полуторавековую историю биография должна была, наконец, быть составлена. В общем-то, это и сделано – документы собраны и обнародованы, написаны научные биографии, биографии в сплошных фактах и документах, множество биографических романов, пьес... Но процесс этот никогда не прекратится по простой причине – каж-

дое новое поколение нуждается в собственной переоценке хорошо известных фактов.

Не углубляясь специально в историю хронографирования пушкинской жизни, отметим основные черты этого раздела пушкиноведения в конце XX века.

Прежде всего, как мы уже отмечали, появились “Материалы к летописи”¹⁹⁴ и сама “Летопись жизни и творчества Александра Пушкина”¹⁹⁵. Однако этот фактографический труд ни в коем случае не поставил точку в исследовании жизни поэта. Назовем ряд биографий, появившихся в последнее время. Кстати, сами их названия подчеркивают, что авторы намереваются сказать, наконец, “долго утаиваемую правду”, “открыть глаза” на истинное положение вещей. Так, в предисловии к книге “Сатанинские зигзаги Пушкина” автор пишет: “Я открою вам совершенно нового Пушкина... Я предлагаю Любознательному Читателю вместе со мной отринуть стандартное «пушкиноведение» и поверить собственному взору и слуху”¹⁹⁶. Л. М. Аринштейн назвал свое исследование “Непричесанная биография”¹⁹⁷, а М. Митник – “Пушкин без легенд”¹⁹⁸. Другая группа новейших и переиздаваемых биографий Пушкина носит оценочные названия: Н. Н. Скатов озаглавил свою книгу “Русский гений”¹⁹⁹, а Г. Н. Качура – “Русский пророк Пушкин”²⁰⁰. Традиционно – цитатой – обозначена “хроника жизни и творчества Пушкина”, составленная А. С. Мельниковым²⁰¹. С одной стороны, биографии, написанные этими авторами, – доказательство неослабевающего интереса к обобщающим работам о жизни Пушкина, с другой – свидетельство дефицита биографической версии без “белых пятен”. Такая версия в принципе невозможна, поскольку полный свод биографических документов, которыми может располагать сейчас любой исследователь, во многом запутан и недостоверен: факты сталкиваются, противоречат друг другу и никак не укладываются в целостную картину. Кроме того, первая группа названных биографий является явной реакцией на “конфетную красоту” официально закрепленных версий.

Как всегда, большое место среди биографических исследований отводится конкретно “женскому вопросу” – это и изучение “донжуанского списка”²⁰², и исследования, посвященные “прекрасной Натали”²⁰³. Когда-то, отвечая на вопросы анкеты, которую проводил журнал “Наука и жизнь” к 150-летию со дня смерти Пушкина, М. Гиллельсон отметил: “Надо поставить крест над дантесоведением и гончароведением. Доколе мы будем потакать низменным вкусам мещан, получающих наслаждение от заглядывания в замочную скважину?”²⁰⁴ Это частное мнение филолога-профессионала выражает и более общее раздражение по этому поводу. Но интерес к час-

тной, интимной жизни поэта не утихает. Очевидно, что этот интерес вовсе не связан с “низким уровнем интеллекта” и “низменными вкусами мещан”. Устойчивость определенных тем в общем своде биографических исследований можно рассматривать как показатель реальной (а не привнесенной) важности темы.

Личная жизнь гения оказывается в фокусе внимания потому, что сам гений становится мифом. Срабатывают те же механизмы, что заставляли составлять жития святых – не в целях “пропаганды” веры, а спонтанно, искренне, причем так же искренне они слушались и читались. Биографические исследования показывают, что общая, иногда подспудная их цель, связанная с “базовым мифом”, одна и та же – ответить на вопрос: почему именно он? При этом рассказ о жизни гения должен соответствовать его высокому статусу – неважно, будет ли это объясняться “божественным глаголом” или “сатанинскими зигзагами”.

Поэтому к юбилею были переизданы “старые” биографические материалы и исследования (от Данзаса до Кулешова)²⁰⁵. Кстати, републикация старых книг, содержащих документы и факты, в свою очередь, доказательство того, что в сознании читателей живет недоверие к любым интерпретациям этих фактов. Оживление документов новыми изданиями провоцирует новые и новые поколения исследователей братья за свои интерпретации жизни Пушкина. При этом обращение к предшественникам-интерпретаторам не обязательно (характерно, что А. Мадорский, призывающий отречься от “официального” пушкиноведения, повторяет одну за другой версии, многократно варьируемые в разных исследованиях. Вполне возможно, что он сам выработал эти версии – это подобно изобретению велосипеда в конце XX века). Отметим, что “дуэльный текст” как всегда тоже представлен широко²⁰⁶.

Наконец, особую страницу биографических исследований составляют изыскания в области родословной поэта. Сам интерес к “тысячелетнему древу” Пушкиных объясним теми же факторами, что и интерес к его личной жизни. В родословной ищут проблески его будущей необыкновенности, в судьбах потомков – ответ его гениальности. снаряжается экспедиция в Африку в поисках родины Ганнибала, появляются исследования “темных страниц” “книги пушкинского рода”, а также разыскания о судьбах его прямых потомков²⁰⁷.

Биографическая литература о Пушкине конца XX века представлена и художественным творчеством: как переизданиями, так и новыми произведениями²⁰⁸. Кстати, романы, повести, драмы на сюжеты пушкинской биографии составляют на сегодня огромную библиотеку. Разумеется, среди этого вида биографических исследований есть шедевры (например, “Пушкин” Ю. Тынянова), но всегда возни-

кает вопрос: что заставляет авторов (нередко любителей) вновь и вновь обращаться к жизни поэта как ко “второй реальности”? Возможно, в этом проявляется одна из схем ритуализации сознания. По словам К. Кларк, “смерть и возрождение – сердце любого ритуала”²⁰⁹. Пережить еще раз жизнь и смерть Пушкина – это значит приобщиться к мифу о его первенствовании и гениальности.

Следующий раздел Пушкинианы – литература о местах, связанных с жизнью поэта (81 книга), – отражает действие тех же механизмов, что и предыдущий. Основные тенденции литературы о пушкинских местах – это расширение географии. Те пушкинские места, о которых ранее говорилось немного в связи с незначительностью их в жизни поэта, теперь стремятся “наверстать упущенное”. Эта тенденция рассматривается нами как одно из типичных проявлений ритуальной практики: так называемого рэмблинга (“шатания” по местам, связанным с жизнью и творчеством кумира; подробнее о рэмблинге в связи с пушкинским мифом см. гл. 5). Собственно к творчеству Пушкина эта литература имеет скорее косвенное отношение. Характерное слово “тропинка” (“гатчинская”²¹⁰, “кинешемская”²¹¹, “тамбовская”²¹²) указывает сразу на несколько устойчивых черт этих изысканий: их косвенное, скромное место в жизни поэта, тесную связь с “негородским” топосом, особую “интимность” и лиричность самих этих книг. Высокая эмоциональность, представляющая собой стилевую доминанту текстов о пушкинских местах, может считаться инвариантом всей этой литературы. В краеведческих очерках нет места сомненьям и раздумьям о ценности поэта, его наследия – это принимается как безусловная аксиома. Общее содержание книг о пушкинских местах содержит два обязательных элемента – повторение той части пушкинской биографии, которая связана с данным местом, и рассказ о бедах и хлопотах музея или деятельности энтузиастов, пытающихся сохранить здесь “материальное” свидетельство жизни Пушкина. Здесь есть свои герои, чья известность перешагнула “местную славу”. Таков С. С. Гейченко, превратившийся в легендарную фигуру²¹³. Важнейшая черта этого процесса – экстраполяция части пушкинской харизмы на людей, близко стоящих к памятным местам. В “хранении” памятных мест есть момент жреческий, требующий от музейщиков особого рода “святости”. Это характерно, наверно, для любых музеев – памятных мест, но все, что связано с Пушкиным, превращается в “зону особого внимания”, повышенного и слишком придирчивого интереса²¹⁴.

Пушкинское присутствие читается отдельными “краями” и “областями” как важнейшее доказательство собственной “географической” значимости. Помимо работ, традиционно озаглавленных “Пушкин и... край”²¹⁵ или близко к этой формуле, появились “словари” и

“энциклопедии” “краевого значения”²¹⁶. Очевидна тенденция к монументализации краевых сведений о Пушкине, переход от взволнованно-интимных рассказов к “большой науке”, стремление повысить статус краеведческих сведений. Основная причина такой тенденции – неуклонный рост авторитета Пушкина в национальном сознании.

Большое число работ посвящено традиционным пушкинским местам (Полотняный завод²¹⁷, Остафьево²¹⁸, Захарово²¹⁹, Москва²²⁰, Петербург²²¹). Новым можно считать расширение границ типичных маршрутов рэмблинга и одновременное стремление к “местной автономии”. Расширение связано с тем, что различные сферы краевой специфики “освящаются” пушкинским присутствием. Так, появились книги об обрядах Нижегородского края, с посвящением Пушкину²²², о травах и цветах Михайловского как “пушкинском вертограде”²²³. “Местная автономия” проявляется в литературе о памятных местах больших городов: вышли книги о пушкинских местах Хамовников в Москве²²⁴ и о приморском районе Петербурга²²⁵. “Интимизация” отношений с гением – одна из главных причин таких “сужений”.

Разумеется, литература, выдержанная в жанре путеводителей, посвященных пушкинским местам, содержит много конъюнктурного, рассчитанного на всплеск интереса к памятным местам в связи с юбилеем. Но когда выходят более обстоятельные, чем просто путеводители, книги о музейной деятельности, связанной с Пушкиным, в них ощущается присутствие живого, ничем особенно не провоцируемого, ровного в своей высокой напряженности интереса к поэту. В качестве примера можно назвать “Эхо пушкинской строки” В. Писигина²²⁶, книгу, демонстративно посвященную некруглой 198-й годовщине со дня рождения поэта и ее празднованию во второстепенном для Пушкина Торжке. Книга написана увлекательно, полна остроумных наблюдений и интересных размышлений, фактически представляет собой большой очерк и очень напоминает книгу И. Щеглова (Леонтьева) “По следам Пушкинского торжества: Из записной книжки” (СПб., 1900) по самому своему духу, отношению к “предмету разговора”.

Таким образом, главные разделы Пушкинианы – исследования произведений, исследования жизни поэта и книги, посвященные пушкинским местам, – отражают основные манифестации мифа. Далее следуют издания, адресованные школьникам и студентам. По своему содержанию они во многом повторяют первые два раздела Пушкинианы – это анализ творчества Пушкина и биографические сведения о нем. Сюда включаются книги как методического, так и практически-учебного характера. Вполне вероятно, что эта категория книг наиболее конъюнктурна во всем корпусе пушкинской юбилейной

литературы, поскольку категория читателей-школьников относительно стабильна и всегда определяет довольно высокий спрос на книги “для школы”. В самой практике “школьного” (и – шире – “учебно-го”) книгоиздательства больших изменений не наблюдается: это, как всегда, издания текстов Пушкина с подробными комментариями, темами и планами сочинений, обзорами критики²²⁷, а также выпуск учебных пособий, антологий критических статей, связанных с Пушкиным²²⁸. Новым в этой сфере можно считать выпуск “дайджестов” – кратких изложений содержания произведений Пушкина со всевозможными “шпаргалочными” материалами в придачу²²⁹, выпуск литературы о Пушкине энциклопедического характера специально для школьников и абитуриентов²³⁰, а также целую серию пособий по русскому языку, полностью основанных на пушкинских текстах²³¹.

Все это показательные моменты: Пушкин мыслится (как и в начале XX века²³²) “нравственным ориентиром”, а его произведения помогают “превосходным образом воспитать из себя человека”. Школа как один из важнейших институтов “воспроизведения харизмы” и донесения ее до новых поколений является наиболее ясным индикатором общегосударственной идеологии. Ориентируясь на произведения Пушкина не только в курсе литературы, но и в курсе преподавания русского языка, то есть на глубинном и первичном уровне формирования менталитета, школьное образование много лет подряд подтверждает эстетическую ценность пушкинского наследия. Причем не только эстетическую, но и идеологическую тоже, поскольку школа была, есть и будет одним из самых идеологических общественных институтов. Формирование школьной программы подчиняется стратегическим целям государства, выходящим далеко за рамки собственно образовательных задач. Анализ той части пушкинской литературы, которая адресована школьникам и студентам, требует небольшого экскурса в историю школьных программ по литературе.

Реально программы по литературе формировались с началом демократизации образования в России, то есть в середине XIX века²³³. Они основывались на объемистых изданиях, в которых литературный материал служил примером различных теоретических понятий, связанных с риторикой и поэтикой. Художественные тексты в связи с этим брались в усеченном виде, фрагментарно. Первый обстоятельный “Опыт истории” русской литературы в XIX веке составил Н. И. Греч в 1821 году²³⁴. Кстати, современный период развития литературы завершился сообщением о Пушкине – его биографией и анализом “Руслана и Людмилы”. Напомним, что Пушкину в то время было всего 22 года и он был автором названной поэмы (тогда еще без всем известного “Лукоморья”), полусотни опубликованных и ряда “спи-

сочных” стихотворений. Греч дал пример оперативности и острой современности в составлении “программы” (обзора). Но последующая эпоха резко изменила ситуацию. Если в 1821 году русская словесность только начинала развиваться, а “население Парнаса” было весьма немногочисленным, то уже к 1830-м годам труд писателя превращается в почетную профессию, средство заработка, и армия литераторов умножает свои ряды.

В течение всего XIX века курс словесности представляет собой не историю, а теорию литературы. Так построена и знаменитая “Полная русская хрестоматия” А. Д. Галахова (как мы уже говорили, постоянно переиздавалась с 1843 по 1912 год). В основу этой и подобных хрестоматий, заменявших и учебник, и сами книги с текстами, была положена концепция русской литературы В. Г. Белинского (основные имена – Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Кольцов). В альтернативных учебных хрестоматиях предпринимались попытки “осовременить” курс школьной словесности. Но эти попытки натывались на массу непреодолимых преград: цензурных, церковных, государственных, политических, даже методических. Так, в результате дебатов конца XIX века из школьных программ любого уровня были исключены имена Салтыкова-Щедрина и Достоевского (как “несоответствующих детскому возрасту”). Постепенно программы специальных гуманитарных классов накопили “канон” – набор признанных всеми классических произведений русской литературы: “Горе от ума” Грибоедова, “Евгений Онегин” Пушкина, “Мертвые души” Гоголя, “Записки охотника” Тургенева.

Революция, разумеется, ситуацию пересмотрела. В 1921 году была дана установка на “экономное изучение” литературы как третьестепенного предмета (по сравнению с историей, обществоведением), программы 1923, 1925, 1927 и 1931 годов ориентировали на использование литературного материала в качестве иллюстрации обществоведческих тем. Курс литературы представлял собой ряд разделов (“Жизнь помещиков”, “Доля барских крестьян”, “Борьба крепостных за свои права” и т. п.), в которые включались “подходящие” фрагменты из “Капитанской дочки”, “Дубровского”, “Записок охотника” и пр. Так стал формироваться новый “набор” идеологически значимых текстов.

Значит ли это, что советская власть определила искаженное содержание “классического” канона, подчиненного теперь новым задачам “строительства социалистического общества”? Разумеется, да. Впрочем, как всегда. В XIX веке в школьных программах царствовала все та же идеологическая цензура. Правила цензуры были жесткими: обязательность прославления христианского вероисповедания, соблюдение уважения и пиетета по отношению к верховной вла-

сти и Царскому дому, а также исключение печатных сочинений и статей, излагающих вредные учения социализма и коммунизма. Правила цензуры советской эпохи остались фактически теми же, только место “христианского вероисповедания” заняла “борьба за коммунизм”, Царского дома – лидеры компартии, а исключать следовало статьи, содержащие “вредные учения” (любые, кроме марксизма). Так что принцип был неизменен.

Включение в школьную программу пушкинских текстов и их интерпретация традиционно подчинялись “политическому диктату”. П. Дебрецени подробно анализирует все стихотворения и фрагменты пушкинских текстов, включавшихся в русские хрестоматии XIX века, а также основные интерпретации его наследия в учебниках за полстолетия и отмечает, что Пушкин самодержавием был причесан, подогнан под себя²³⁵. То же самое неизбежно должна была проделать и другая идеологическая система, что и произошло.

Естественно, что после слома советского государства “канон” пушкинских текстов был пересмотрен. Здесь ситуация связана с готовящимся переходом на 12-летнее среднее образование. При этом в программу среднего звена (5–9 класс) предполагается включить следующие тексты: “Руслан и Людмила”; “Полтава”; “Медный всадник”; “Повести Белкина”; “Дубровский”; “Капитанская дочка”; 7–8 стихотворений, например: “Пушину”; “Зимнее утро”; “Зимний вечер”; “Узник”; “Песнь о вещем Олеге”; “Я вас любил”; “Я помню чудное мгновение”; “Анчар”; “Вновь я посетил”; “Птичка”; “Туча”; “Еще дуют холодные ветры”; “Бесы”; “Жених”; “Зимняя дорога”; “К Чаадаеву”; “Во глубине сибирских руд”; “19 октября”; “На холмах Грузии”; “Мадонна”; “Арион”; “Признание”; “Поэт”; “Я памятник себе воздвиг”. Для старшего звена (10–12 класс) предназначен следующий круг произведений: стихотворения, например, “Пророк”, “Поэту”, “Осень”, “Брожу ли я вдоль улиц шумных...”, “Отцы-пустынники и жены непорочны...”, “На холмах Грузии...”, “Я вас любил...”, “Погасло дневное светило...”, “Безумных лет угасшее веселье...”; “Маленькие трагедии”, например, “Моцарт и Сальери”, “Каменный гость”; роман “Евгений Онегин”. Как видим, изменения, на первый взгляд, незначительны, но достаточно симптоматичны: исчезла “Сказка о мертвой царевне...” (а вместо нее появилась сказка “Жених”), вернулся убранный ранее “Дубровский”. Остальное все примерно в прежних пропорциях – лирика любви и дружбы, вольнолюбивые стихотворения, тема назначения поэта и поэзии. По сравнению с прежними, дореволюционными программами список фактически не изменился. Здесь нет стихотворения “Кавказ” (лидера дореволюционных хрестоматий после “Песни о вещем Олеге”) и менее популярного, но часто встречающегося в разных хрестоматиях стихотворения “Клеветникам России”.

По этим грядущим переменам можно судить о смене образовательной парадигмы. Вводятся ранее не включавшиеся в программы “христианские” стихотворения поэта. В то же время остались и “революционные” стихотворения – “К Чаадаеву”, “Арион”, “Во глубине сибирских руд”²³⁶. Составители программы задались целью составить у школьников объективное представление о творческом наследии Пушкина (с идеологической точки зрения). Абстрактные цели и задачи, ставящиеся перед всем обществом и его отдельными институтами, не могут сформировать сколько-нибудь жесткой (в идеологическом плане) концепции. Отсюда возможность такого объективизма. Создаются условия, наиболее благоприятные для формирования действительно максимально объективного взгляда на творчество Пушкина. Уникальная ситуация бесцензурности и относительная свобода в образовательных сферах неизбежно создадут возможность нового массового взгляда на творчество Пушкина. В тех некоторых признаниях юного поколения, которые приводились выше, можно усмотреть ростки такого “нового взгляда”. Пушкин сейчас в школьной программе так же синекдохичен, как и ранее, но эта синекдохичность определяется лишь рамками учебного времени, а не идеологическими установками. Насколько быстро положение дел изменится – неизвестно, но и эти годы принесут (и уже приносят) свои плоды. Кстати, массовое отношение к пушкинскому юбилею 1999 года во многом инспирировано таким положением дел в школьной программе – ведь относительно “вольная” программа действует уже более пяти лет. В литературе предъюбилейных лет, связанной с образованием, такие тенденции вполне очевидны.

Все следующие разделы Пушкинианы можно считать различными вариантами “ритуальных подношений” поэту. Это прежде всего книги, представляющие собой “творческие отчеты” к юбилею поэта (80 изданий). Вообще само стремление посвятить любимому поэту собственные стихи, рисунки, адресовать ему любую творческую деятельность удивительно потому, что это было нормативной частью всех культовых построений последнего времени в стране. Нормативизм должен был выработать неприятие, поскольку он навязывается сверху, спускается как разрядка. Поэтическая Пушкиниана эпохи советских пушкинских юбилеев носила отпечаток обязательности (хотя и не всегда). Однако прессинг в этой сфере прекратился; наступило время ниспровержения былых кумиров. Крушение культа личности Ленина стало свидетельством, что политические культы недолговечны. Но “старый” культ Пушкина сохранился и не был поколеблен; более того, не появилось фактически ни одного выпада против самого Пушкина. Даже упомянутая статья Ю. В. Дружникова направлена не против Пушкина, а против непонимания Пушкина

(как считает автор). Представители “поэтического цеха” оказались во власти пушкинской харизмы так же, как это было и сто лет назад. При этом можно разделить поэтические сборники на две условные части – специально адресованные Пушкину и посвященные ему. Первые называются характерным словом “Венок”²³⁷ и оказываются частью ритуала, подобно книгам о пушкинских местах.

Как известно, ритуал чествований Пушкина широко формировался с момента открытия памятника в Москве, и предполагал неизменное возложение лаврового венка к памятнику или его замене (бюсту). Трансформация ритуального венка в “венки стихотворений” представляется вполне закономерной. Стихи о Пушкине, его произведениях, о восхищении авторов гениальностью поэта, о судьбе и смерти становятся “лучшим подарком”, “главным венком” человеку, предсказавшему себе славу до той поры, пока “жив будет хоть один пиит”. “Цеховое” признание Пушкина остается важнейшим залогом сохранения и развития мифа, поскольку суть мифа сводится к признанию Пушкина лучшим и главным Поэтом России. Профессиональное подтверждение статуса мифа оказывается необходимым. Факт этого признания особенно значим и потому, что меняются поэтические направления, поэтические “технологии” подменяют “вдохновение” в пушкинском смысле этого слова. Признание Пушкина и незыблемости его профессионального авторитета оказывается частью мифопостроений вокруг имени поэта. Вариантом “венков” можно считать и “Пушкинианы” – целые циклы произведений (иногда разных жанров), посвященных поэту²³⁸ (вместо оригинального творчества “Пушкиниана” может быть представлена антологиями высказываний и стихотворений известных авторов о Пушкине²³⁹), и, например, сборник с характерным названием “Ландыши Пушкину”²⁴⁰. “Коллективный” характер “венков” – тоже отличительная черта. Возможно, это досталось в наследство от эпохи “всеобщего коллективизма”, возможно, связано с элементарными “полиграфическими сложностями” (одному автору гораздо труднее издать сборник своих стихотворений, чем, например, литературному объединению, имеющему официальный статус). Но вполне вероятно, что на Пушкине поэты “мирятся”, чувствуют консолидацию и единство неких ключевых позиций²⁴¹. Сборники стихотворений, рассказов, эссе “одного автора”, впрочем, подчинены этому общему направлению²⁴², даже если автор лишь “посвящает” свое творчество пушкинской юбилейной дате, “приурочивает” к ней.

Многие эти “подношения” и свидетельства признания великого поэта – искренни. Но не менее искренно и детское творчество, посвященное Пушкину, во многом “спровоцированное” взрослыми²⁴³. Приверженность к творчеству Пушкина детей – качественно иная

ступень отношения к поэту. Это уже признание не на уровне “цеха”, а на уровне нового поколения, которое “выбирает Пушкина”. Приведем некоторые примеры из книги “Россия. Пушкин. Новый век: Всероссийский открытый конкурс творческой молодежи в Сочи. 1997–1999”: “Пушкин – superstar (а Татьяна – глава феминизма). Пушкин энергетичен. Некоторые современные критики даже сравнивают силу его воздействия на публику с силой воздействия «Битлз», численно идентифицируя коэффициент энергетики обоих... Саморазвивающаяся спираль пушкинских текстов продолжает набирать обороты. И кто знает, в какую сторону ее спружинит?” (Чечина Мария, 15 лет)²⁴⁴; “Почему Пушкин – гений? В дочитательском своем, в полусознательном детстве, я твердо знала одно из первых слов: гений. Гений – это черный силуэт с забавными кудряшками на обложке книги в маленьких руках. Гений – это Пушкин. Пушкин – это гений. Так и вошло в душу сразу и навсегда...” (Якушева Евгения, 16 лет)²⁴⁵. Сам факт “освящения” детского творчества пушкинским именем представляется симптоматичным, а также подтверждает авторитетность поэта на уровне самых различных общественных слоев.

Следующий раздел Пушкинианы – отчеты о конференциях, проводимых в разных городах страны²⁴⁶. По-видимому, в каталоги Российской государственной библиотеки попала не вся информация о таком широко распространенном явлении, как “юбилейная конференция”. Не каждый вуз вышел на уровень оформления материалов конференции в виде отдельного издания. Но те 40 конференций, которые такие материалы подготовили, – весьма показательное количество. Здесь интересна и география, и тематика. Представлены следующие города: Москва, Санкт-Петербург, Архангельск, Белгород, Биробиджан, Волгоград, Йошкар-Ола, Казань, Калуга, Красноярск, Курган, Липецк, Нижний Новгород, Новомосковск, Оренбург, Орехово-Зуево, Ростов-на-Дону, Рязань, Самара, Симферополь, Смоленск, Ставрополь, Старица, Стерлитамак, Сургут, Ташкент, Тбилиси, Челябинск, Южно-Сахалинск. Основная тематика конференций носила довольно общий характер – чтобы удобно было открыть разные секции: иногда тема обозначалась цитатой (“Чувства добрые я лирой пробуждал”²⁴⁷, “И назовет меня всяк сущий в ней язык...”²⁴⁸, “Я в губернии Тверской...”²⁴⁹) или образным выражением, стихотворной строкой, посвященной Пушкину (“Пушкин в сердцах поколений”²⁵⁰, “Пушкин в меняющемся мире”²⁵¹, “Пока в России Пушкин длится, метелям не задуть свечу”²⁵², “К Пушкину сквозь время и пространство”²⁵³, “Два века с Пушкиным”²⁵⁴). В эмоциональных и образных названиях конференций отражается некая мера отношения к Пушкину в конце XX века в профессиональных кругах. Это официальное признание главной позиции мифа – неоспоримого

первенства Пушкина в литературе. Другая часть конференций имеет в своих названиях обязательную часть “А. С. Пушкин и...” Вторая часть названия включает ту тему, которая реально наиболее интересна участникам конференции. Пушкин же здесь оказывается либо источником “примеров”, либо полем сравнения: “А. С. Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков”²⁵⁵; “А. С. Пушкин и его межнациональное значение”²⁵⁶; “А. С. Пушкин и мировая культура”²⁵⁷; “А. С. Пушкин и юг”²⁵⁸; “А. С. Пушкин и В. В. Набоков”²⁵⁹; “А. С. Пушкин и история русского литературного языка”²⁶⁰; “Пушкин и мир античности”²⁶¹ и т. д. Нельзя сказать, чтобы эта “вторая часть” была слишком “притянута” к Пушкину. Однако в таком разнообразии тем угадывается старый тезис А. Григорьева “наше все”, понятый буквально, без скидок на контекст.

С этим тезисом связано и большинство книг последнего раздела – “Пушкин и разные виды искусства”. Здесь отражается информация о развернувшейся особенно широко в ходе юбилейных кампаний 1937 и 1949 годов “прикладной” Пушкиниане – открытки²⁶², книжные знаки²⁶³, экслибрисы²⁶⁴, а также о скульптуре²⁶⁵, зодчестве²⁶⁶, музыке²⁶⁷ в связи с Пушкиным. К этому же разделу следует отнести ряд красивых подарочных изданий произведений поэта либо альбомы с графикой, отражающей пушкинскую эпоху или иллюстрирующей его произведения²⁶⁸.

В целом Пушкиниана юбилейной поры воплощает основные манифестации мифа о Первом Национальном Поэте: признание безупречности его творчества, глубокий интерес к жизни гения, распространяющийся на интерес к памятным местам, с ним связанным, “ритуальные подношения” Пушкину в виде поэтических венков, посвященных ему конференций, а также произведений разных искусств, отражающих его жизнь и творчество.

ГЛАВА 4. ПУШКИН В КОНТЕКСТЕ ПРАВОСЛАВНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Говоря о Пушкиниане предъюбилейных лет и собственно юбилейной поры, мы оставили в стороне раздел, связанный с новейшими тенденциями восприятия творчества Пушкина – интересом к его наследию и жизненному пути со стороны христиански ориентированного литературоведения и богословских кругов. Потребность вынести анализ фактов, относящихся к “православному пушкиноведению”, в особую главу продиктована важностью этой темы, которая, конечно, не исчерпывается вышедшими в последние годы книгами.

Формирование особого отношения к пушкинскому наследию со стороны церкви началось в связи с невиданным интересом к открытию памятника поэту в 1880 году; к 1899 году была выработана определенная политика церкви в отношении Пушкина.

Юбилей 1880 года, по общему мнению, был празднеством преимущественно интеллигенции. Государственного размаха открытие памятника не имело, хотя и не было специфически московским событием. Ф. Буслаев, подводя итоги праздника 1880 года, отмечает, что настоящие празднества прошли только в Москве, Петербурге, Опочке (Святогорский монастырь), Киеве, Одессе, Варшаве, Риге, Туле, Самаре и в селе Балакове Николаевского уезда Самарской губернии. В Пскове, Царском Селе, Кишиневе, Орле, Тифлисе – прошли панихиды и были произнесены небольшие речи²⁶⁹. Но уже 1887 год показал, что интерес к Пушкину в обществе (прежде всего, в постоянно увеличивающейся престолярной читательской аудитории) растет. Столетний юбилей Пушкина, по словам М. Ч. Левитта, представлял собой “событие всероссийского масштаба” и “официальное мероприятие, поражавшее своим размахом”²⁷⁰.

Так как Пушкинская комиссия была создана с санкции Николая II, а возглавлял ее великий князь Константин Константинович, Святейший Синод был обязан принять участие в подготовке и проведении пушкинских торжеств. Во всех образовательных учреждениях, подведомственных Синоду, должны были состояться юбилейные церемонии, правда, оговаривалось, что их характер будет определен самими этими учреждениями. Пушкинская комиссия потребовала также отслужить особые литургии в день столетия Пушкина, хотя это требование шло вразрез с порядком пасхальных богослужений. М. Ч. Левитт отмечает, что представители духовенства выступили против “канонизации” Пушкина и приводит показательный пример: Симферопольский епископ Николай запретил юбилейные службы по Пушкину в своем городе и подчеркнул, что чествование памяти Пушкина, даже если он действительно является великим поэтом, не должно переходить рамки “светского собрания”²⁷¹. А. Пешехонов, подводя итоги празднествам, отмечает, что в учебных книгах для чтения в приходских школах пушкинские тексты занимают три строчки, в Саратовской губернии из полного собрания сочинений Пушкина, которое раздавали детям на праздник, вырезали сказку о попе – причем грубо, очевидно, испортив и расположенные рядом произведения. Он же делает основной обзор нападок церкви на Пушкина – и “жил нехристом, и помер”, и “антихристовая печать шумит бесовски вокруг него”, и “епархии отказывались от участия в торжествах по поводу пушкинского юбилея”²⁷².

Более чем осторожное отношение церкви к шумихе государственного масштаба вокруг имени Пушкина и осуждение этой шумихи представляется вполне закономерным. Сам факт “канонизации” Пушкина (юбилей был сопоставим с царским: иллюминация, флаги) – человека сугубо светского, не героя-защитника отечества, не государственного деятеля, не христианского подвижника – был прецедентом в истории церкви.

Дальнейшая история государства оказалась связана с революцией и полным изгнанием института церкви из общественной жизни. Но юбилей 1999 года пришелся на время не просто возрождения духовных традиций, но некой моды на все, что связано с христианством. Рост интереса к религии, стоявшей у истоков русской государственности и национального самосознания, признание христианских ценностей отвечающими духу и смыслу новой государственной системы, участие чиновников в основных крупных мероприятиях церкви, а церковных служителей в важнейших государственных актах привело к тому, что пушкинский юбилей оказался в зоне пристального внимания официальных православных кругов .

Пересмотр отношения церкви к Пушкину во многом связан с осмыслением тех культовых действий, которые развернулись вокруг его имени.

Прежде всего, еще для прессы 1987 года общим местом стало провозглашение Пушкина “русским Богом”. Так, Н. Ерофеева прямо задается вопросом – не является ли Пушкин заменой Бога в безрелигиозном обществе. Она рассуждает о навязчивости мотива оживления пушкинского памятника в юбилейной поэзии разных лет (в том числе и к 150-летию со дня смерти поэта): “Может, ожившая статуя Пушкина – это своеобразная компенсация за утраченный нашим обществом миф и отвергнутую религию?”²⁷³ Игорь Клех дает следующую оценку юбилея 1987 года: “Этот юбилей прошел самым незамеченным. Потому что страна жила настоящим временем и шла на всплеск, отряхивалась от морока власти одряхлевших геронтов. Года не прошло после Чернобыля. Прокатилась по стране антиалкогольная кампания, начали расти тиражи журналов. Первые крупные капли «гласности» с шипением всасывались пересохшей почвой. Площадка у памятника Пушкину в Москве становится с этого времени излюбленным местом проведения политических митингов и акций. Особенно запомнился один, уже в середине 90-х, когда у памятника сошлось два митинга, и «коммунисты» загнали снежками «демократов» на балкон кинотеатра «Россия» (он же «Пушкинский»). Неудивительно и карикатурно – почти сюрреально – меняется облик площади. С юбилеем 87-го года связан выпуск беспрецедентного подшивного издания сочинений Пушкина в трех томах тиражом почти

11 млн экз.!) В периодике, как всегда, филологами, писателями и официальными лицами было опубликовано большое количество статей, посвященных Пушкину. И вот что интересно: на фоне нарастающего и всеобъемлющего идейного кризиса интеллигенцией предлагается народу нечто вроде «пушкиноверия», полуязыческого, полумессиянского культа русского национального поэта – отношение, идущее от Гоголя и эпохи романтизма XIX века, – на фоне колеблющихся и рушащихся авторитетов вчерашнего дня делается попытка утвердить догмат о «непогрешимости» Пушкина и опять поставить таким образом читателя «на колени». Старые и небескорыстные игры, хотя культ Пушкина, положив руку на сердце, не худший из культов. Один из образцов такого отношения – слова известного поэта²⁷⁴ в журнале «Новый мир» о посещении им могилы Пушкина: «Мне было трудно, почти невозможно представить, что здесь лежит Пушкин. Как, здесь покоится его прах? Куда естественней было думать, что он божество, воскресшее после смерти, взятое на небеса. Он растворен в воздухе, которым мы дышим. Он в хлебе, который мы едим, в вине, которое пьем. Разве его стихи стоят у нас на полке? Нет, они всегда с нами, растворены в нашей крови». Приблизительно в таком тоне выдержаны и другие статьи января-февраля 1987²⁷⁵. Но это не значит, что только 1987 год породил эти настроения. Сам автор статьи подчеркивает, что истоки давние.

В. С. Непомнящий еще в 1970-е годы указывал на ту высокую меру духовности, которая сосредоточена в наследии поэта и обаянии его личности, что помогает противостоять очевидному разложению окружающего мира. М. Ч. Левитт в книге о 1880-м году касается и последующей юбилейной истории. Обобщая изучение материалов 1987 года, он приходит к сходным выводам: литература этого года полна заявлений о том, что Пушкин – это Духовный Отец, Вера, Истина, Духовная опора и т. п., а вся современная культура представляется таинством, совершаемым перед алтарем Пушкина²⁷⁶. Михаил Ульянов заявил: “Обычному человеку, не гению, трудно, ему нужна опора, нужна вера. Пушкин и есть наша вера, прекрасная и светлая”²⁷⁷. П. Дебрецени, анализируя поэтическую Пушкиниану 1987 года, отмечает, что стихи памяти Пушкина наполнены религиозной символикой, провозглашают сакральный смысл пушкинской жертвенной крови, а также утверждают незыблемость пушкинской божественности, возвышающейся над “нынешним океаном безбожной пошлости”²⁷⁸. С. А. Кибальник, подводя итоги юбилейным торжествам, прямо отмечает (но со ссылкой на “зарубеж”): “В советской России, как иногда пишут за рубежом, Пушкин заменил Бога”²⁷⁹.

Пушкин попал и в “иконопись”: имеются в виду не только папехские шкатулки 1920-х годов, но и календари с портретом Пушки-

на, где лик поэта окружен сиянием, а вокруг летают ангелочки (выпускались к столетнему юбилею). На выставке в Манеже в 1999 году экспонировалась икона “Пушкин и Даль в виде свв. Козьмы и Дамиана” (предоставлена Государственным музеем религии).

Проблема отношения к Пушкину и его наследию как сакральному элементу, проникающему в мирскую жизнь, выходит далеко за рамки только фразеологии. М. Элиаде говорит в связи с этим об “иерофании” – проявлении священного в мирском²⁸⁰.

Мифотворческая деятельность нации связана, как мы уже отмечали, с неизбежной тягой к объяснению тех сфер жизни, которые оказываются вне “позитивистского” подхода и не поддаются рациональному представлению о причинах и следствиях²⁸¹. “Подключение” к мифотворческой деятельности оказывается эквивалентом познавательной ценности, то есть расценивается в сознании как вполне реальная и адекватная часть жизни. Как и в древние времена, мифотворчество “безотчетно”, но отличается растворенностью мифов в культурном пространстве, их выходом за рамки объяснений только быта и мира природы, то есть вторичностью современной мифотворческой системы (как и культуры в целом²⁸²). Сами механизмы мифотворческих процессов формируются в древнейшие времена, и эта древняя схема оказывается неизменной и в позднейшие эпохи. Три главных условия “омифотворения”, как мы уже говорили, наиболее четко сформулированы Достоевским: это ощущение чуда, осознание тайны и признание авторитета.

“Чудом” в пушкинском мифе оказалась собственно его поэзия. Уже в сознании современников Пушкин был Мессией поэзии, человеком, который владел “божественным глаголом” и был послан на землю для выполнения священной миссии²⁸³. Его деятельность фиксировалась в текстах его произведений, которые были “вещественным доказательством” святости. Очевидно, что “омифотворение” представителей других сфер человеческой деятельности (например, царей, революционеров, ученых, даже представителей других видов искусств – музыкантов, живописцев и т. п.) не может равняться по своему размаху с подобным “омифотворением” поэта, то есть “властелина слова”. В русском варианте это связано, разумеется, с уникальностью роли литературы в общественной жизни нации²⁸⁴ и с эквивалентностью словесного искусства выражению национальной идеи. Извечная проблема национального самосознания решалась именно в сфере слова. В то же время место Пушкина в национальном “мифологионе” не было вытеснено позднейшими мыслителями, которые непосредственно обращались к национальной идее (это, прежде всего, Толстой и Достоевский). Очевидно, что причину можно усмотреть в том, что для мифопостроения необходима аура иррацио-

нализма, чего-то неясного и непонятного, не выраженного словом, а стоящего за ним (эта аура возможна именно в поэзии). В случае с Пушкиным такая неясность ощущалась довольно остро в эпоху мифотворческого взлета – во время открытия памятника поэту в Москве – и четко была сформулирована Достоевским: “...унес тайну... и вот теперь мы ее без него разгадываем...”²⁸⁵. “Тайна Пушкина” оказалась “сердцем мифа”. Суть этой тайны сводилась всегда к одному и тому же: его национальному универсализму, воплощенному в творчестве, на который можно было указать, но который невозможно было “разъяснить”.

3. Хайнади, размышляя о сакральных функциях поэта в национальной жизни, говорит о параллелях “мессианского задания” Бога и Поэта: “Пушкин далёк был от инструменталистского подхода, когда поэты воспринимают слова простыми инструментами. У него в фактическом мышлении говорит само бытие. Для него слово – *logos*, божественный глагол, который мгновенно создаёт самого себя и всё иное наименованием. *Генезис* не что иное, как Слово Божие, проникающее в материю. Искусство сохраняет характер творческой деятельности, состязающейся с Богом. Поэт-пророк соперничает с Богом, использует слова таким образом, чтобы они превратились в магическое средство посвящения в мистерию: чтобы человек видел не «сквозь тусклое стекло, гадательно, а лицом к лицу». Вопрос, волновавший ещё греков, предстал и перед Пушкиным: *креационизм* (творение из ничего) является правом только одного Бога, или же созданный Им человек путём творения сам может стать творцом? Этот же вопрос можно поставить иначе: человеку полагается творение по сущности или – только творение по подобию? (курсив З. Хайнади. – М. 3.)”²⁸⁶

Развивая далее мысль о близости “задания” Поэта и Бога, Хайнади обращается к стихотворению “Пророк” и интерпретирует его как пушкинское решение вопроса о мере божественного начала в поэтическом даре: “Целью культовых (религиозных) обрядов было посвящение в тайну, то есть внедрение человека в полноту бытия. Когда метафорический язык перестал быть общедоступным, для большинства понадобилась помощь вещей людей, мудрецов, шаманов, жрецов, которые способны были установить связь между осязаемым и неосязаемым мирами и растолковать неясное предсказание *оракула*, исходившее от божества. Слово тогда ещё было одной из форм магии, средством посвящения в мистерию, оно сохраняло волшебную силу заклинания. Истина накрыта покрывалом, задача искусства – снять его. Хайдеггер переводит греческое слово *alethea* (истина) как *незапрятанность* существующего. Откровение истины аналогично срыванию покрывала. Пушкин в «Пророке» обращается к

более универсальным, нежели символы греческой мифологии, библейским образам. У него Бог отправляет посланца – шестикрылого серафима – пробудить к жизни омертвевшие для видения и слышания физического и метафизического мира органы чувств избранника. Он открывает ему уши и глаза, чтобы тот услышал и увидел то, чего не слышит и не видит обычный человек. Однако недостаточно только зоркого видения и острого слуха. Поэту-пророку необходимо огненное слово для высказывания истины, чтобы возпламенить людей. Дар языка пророк получает от Бога как особую, харизматическую милость. Огонь – совместный символ божественной истины и любви, которые Бог вдыхает в человека собственным дыханием. *Живой огонь, огненная пневма* – божественный логос, воздействующая на мир духовная сила, называемая по-еврейски *ruach*, а по-латыни – *spiritus*. В отношении пророка и Бога универсалистский план Бога и партикулярный подход Его посланника вступают в противоречие (опозицию). Бог высекает пророка из противящегося и непокорного, неподатливого избранника вопреки его воле (см. историю Ионы или Исаии), чтобы способствовать решению Своей задачи – проповеди божественного глагола. Цена избранности – страдание и борьба пророка. Пророк – это не только борец, но и мученик за истину (курсив З. Хайнади. – М. 3.)²⁸⁷. Поэт оказывается “обреченным” на божественное задание уже потому, что он Поэт.

Однако древняя национальная схема “омифотворения” предполагала, разумеется, не только результаты духовной деятельности человека, но и его “крестный путь”, то есть являлась по сути агиографичной (авторитет). При этом важнейшее место в агиографии занимали не столько сами подвиги и деяния (которые обычно приводились для того, чтобы продемонстрировать чудесные способности героя агиографии), сколько страдания и мучения, вынесенные героем за веру (что позволяло назвать его “страстотерпцем”). Агиографические сюжеты восходят к Четвероевангелию, где во всех случаях основное повествование сосредоточено на коротком последнем фрагменте жизни Иисуса. Причисление Пушкина к “лику святых” в нравственном сознании русских²⁸⁸ было связано с рядом необходимых для этого моментов. Первую позицию в схеме “омифотворения” Пушкина занимает его дуэль. Существует огромная литература, посвященная фактической стороне этого момента биографии поэта²⁸⁹, однако можно выделить ряд “резонансных” результатов восприятия дуэли в массовом сознании (факты в данном случае оказываются не столь уж и важны – они трансформируются и видоизменяются, переходя в легендарный план; конечно, важно и то, что ряд фактов сознательно искажался и скрывался – в разное время по разным причинам).

Определились следующие принципиально мифообразующие элементы: противник – иноземец (враг, чужой, пришлец); за спиной этого противника стояли всевластные высшие круги (“живая власть”, ненавистная народу); поэт оказался безоружен и беззащитен перед грозными силами врагов (“жертва вероломства”); своей смертью он стически защищал высшие идеалы добра, любви, истины (“погиб за честь”); его мучения перед смертью были невыносимы, но он мужественно принял смерть (“страстотерпец”). Эту схему активно разворачивает в своих книгах и статьях П. Дебрецени, возводя ситуацию “омифотворения” жизненного пути Пушкина к “Сказанию о Борисе и Глебе”.

Второстепенными и образующими “мифы второго порядка” можно считать следующие элементы: в смерти Пушкина была повинна жена, легкомысленная светская красавица, не умеющая ценить поэта; Пушкин умер монархически преданным человеком и истинным христианином.

Первый ряд элементов сформировал соотношение пушкинского мифа с идеей “искупления национального греха”, поскольку кровь поэта была пролита невинно, праведно. В то же время сама причастность современников к смерти Пушкина заставляла их ощущать себя соучастниками убийства поэта (“не уберегли”). В связи с этим возникло стремление “отмолить” свой грех у священной памяти поэта – неоднократно высказываемые мысли о готовности защитить поэта грудью и в себя принять пулю Дантеса²⁹⁰ и возникающие не сразу, но затем довольно устойчиво мотивы покаяния²⁹¹.

Сакрализация мифа отразилась и в применении к имени Пушкина специфически религиозных “атрибутов”, среди которых превентивал “терновый венец”, “язвивший чело”. Причем здесь очевидна “неметафоричность”, буквальность этих упоминаний²⁹²:

В нем Бог явил Себя для нас благоволеньем,
Созиждя чудный храм в твореньях мудреца,
Недосягаемого дав нам образца,
На поученье всем грядущим поколениям...²⁹³

Характерно, что в стихотворениях в честь столетия со дня рождения неоднократно подчеркивается, что младенец Пушкин был крещен именно в храме Богоявления в Москве²⁹⁴; это, по-видимому, воспринимается как символ его богоизбранности.

Пол Дебрецени, анализируя “схему омифотворения” Пушкина, отмечает: “После шести «Философических писем» Чаадаева возникла возможность поиска «нового князя» – культурного. Выразив дух народа через свою великолепную божественную поэзию и приняв мученическую смерть, Пушкин мог вполне соответствовать «универсальному духу» романтических философов, воплощая честь России в движении вперед по пути истории”²⁹⁵.

Как видим, элементы сакральности в формировании мифа возникают неизбежно, в силу особой значимости фигуры Пушкина в истории национального самосознания. Но церковь претендует на монополию в сфере сакрального. В годы изгнания церковного института из числа официально значимых наделение сакральными “атрибутами” заведомо светской фигуры было вполне оправдано и не вызывало протеста или обвинений в кощунстве. Но с возвращением церкви на исконно занимаемые ею позиции ситуация резко изменилась.

Сами попытки (даже поэтические, метафорические) поставить Пушкина рядом с Богом воспринимаются как посягательство на основы, сердце веры. На уровне высших стратегий церкви возник конфликт между необходимостью очищать православное учение от ересей и размахом “пушкинопоклонства”, основанного, как мы показали, на ряде объективных факторов.

В предъюбилейные годы проблема “Пушкин и христианство” стала рассматриваться особенно пристрастно. В Санкт-Петербурге и Москве были учреждены и стали традиционными чтения “Христианская культура: Пушкинская эпоха”, появились альманахи по материалам этих чтений (под редакцией Э. С. Лебедевой); с этой же тематикой во многом были связаны и периодические выпуски “Московского пушкиниста” (под редакцией В. С. Непомнящего²⁹⁶).

Какие цели ставят организаторы этой научной и – шире – общественной деятельности? Это, прежде всего, обоснование факта, что “Пушкин – при всех сложностях его пути, при всей многообъемности творческого метода – есть человек и деятель русской христианской культуры, культуры православного народа”²⁹⁷. Этот факт и заставляет участников чтений так много внимания уделять исследованию быта, культуры, нравов, социальных вопросов пушкинской эпохи как времени глубокой, фундаментальной христианизации сознания нации. Восстановление христианского контекста пушкинского творчества – действительно “белое пятно” в пушкиноведении, поэтому здесь ценны любые факты. Однако сама установка организаторов заведомо далека от объективного стремления просто “воссоздать эпоху”. Э. С. Лебедева отмечает: “Семидесятилетнее давление государственного атеизма прекращено, детские шалости и вольномыслие пушкинской эпохи обретают правильную оценку”²⁹⁸. Таким образом, “вольномыслие” сразу причислено к “детским шалостям”. Рассматривая эпоху, участники чтений особый акцент делают на оценке традиционно “очерненных” фигур – например, Александра I. Так, В. Н. Тростников пишет: “Надо понять, что проблема Пушкина – проблема всего «золотого века русской культуры». А с этим веком пора как следует разобраться. «Ах, золотой век!..» А ведь он не та-

кой уж золотой... Почему я так много говорю об Александре Первом? Потому, что это помогает понять специфику «Золотого века». Ведь эта поистине колоссальная фигура совершенно не отражена этим «веком». В чем же золотоносность его литературы, если она дает такое ... усеченное представление о нашей родовой биографии? И все упреки, которые можно адресовать этой литературе в целом, уместны и по отношению к Пушкину»²⁹⁹.

Вторая задача исследований православного контекста пушкинской эпохи – показать, “что сам поэт участвовал в жизни Православной Церкви: разумеется, венчался, разумеется, крестил своих детей, перед смертью покаялся и причастился, и без чьего бы то ни было принуждения”³⁰⁰. Решая эту задачу, участники чтений отбирают факты уважительного отношения Пушкина к христианству и конкретно православию. Наиболее востребованы здесь стихотворения каменноостровского цикла, диалог с митрополитом Московским Филаретом (святителю Филарету и, в частности, его поэтической переписке с Пушкиным посвящены особые Филаретовские чтения³⁰¹), суждения Пушкина поздних лет о Евангелии, Библии. Упомянуты факты “троичного” предупреждения Пушкина об опасности в декабре 1825 года, когда он пытался тайно пробраться в Петербург, но был остановлен “дурными приметами” (они истолковываются как Божье предупреждение)³⁰². Наиболее очевидный аргумент особого благоволения Бога поэту – 46 часов, которые были дарованы Пушкину перед смертью для того, чтобы успеть причаститься³⁰³.

Третья задача – показать, что факты “вопиющего неверия” Пушкина – лишь отблески его метаний и заблуждений, которые он все равно преодолел и выбрался в конце жизни на верный путь добросовестного верующего. Настойчивость подбора фактов не всегда производит впечатление объективного анализа (например, Л. А. Краваль объясняет рисунки Пушкина соотношением со святыми и почитанием святых, скажем, портрет Анны Керн 2 октября 1829 года соотносится с памятью Анны Кашинской и т. п.)³⁰⁴. Все это напоминает прежние “приемы” по отношению к Пушкину – его “причесывание” под определенную заданную идеологическую схему. Теперь в основе этой схемы лежит православная идея. Однако для выполнения этой задачи сделано много объективно ценного – такова, например, работа одной из активных участниц Чтений И. Юрьевой по фиксации всех явных и скрытых цитат из библейских текстов в творчестве Пушкина³⁰⁵.

В рамках этой работы сделано немало для того, чтобы выявить скрытое ранее. Глубокие исследования продолжают размышления русских философов-эмигрантов первой волны о природе религиозного чувства Пушкина. Опираясь на мнение С. Л. Франка, Г. П. Фе-

дотова, собственные наблюдения, С. Г. Стратановский приходит к следующему выводу: “Мне кажется, что религиозность эту следует понимать в экзистенциальном смысле, она возникла из душевного опыта Пушкина и связана с ощущением необратимости временного потока, бренности жизни, чувством греха. Теизм, если понимать под этим восприятие Бога как Владыки, Хозяина мира, был ему чужд. Поэтому «Подражания Корану» говорят нам не о том, к чему Пушкин пришел, а от чего он отталкивался. Он не был атеистом, но анти-теистом, религиозные темы осмыслились им соотносительно со своей жизнью, т. е. экзистенциально. Как точно заметил С. Л. Франк – «дух Пушкина всецело стоит под знаком религиозного начала преобразования»³⁰⁶.

Особое место здесь занимают труды В. С. Непомнящего. 6 июня 1998 года на радио “Свобода” прозвучала передача Я. Кротова, посвященная Пушкину. Ведущий во вступительном слове отметил: “Пушкин окружает нас всюду, причем уже даже не произведения Пушкина, а сам Пушкин превращается в некоторый миф, мифологическую фигуру. Полупроказник, полумудрец, наподобие Одиссея или Прометея, такой мошенник, плут, но благочестивый мошенник, который приносит в мир огонь с неба, но в то же время сам довольно легкомысленно к этому небу относится и нарушает его заповеди. Недавно «Пушкинский листок», издаваемый музеем в Пскове, сообщил печально читателям, что местная номенклатура посягает на могилу поэта и говорит прямо: «Раньше было указание развивать Пушкина, сейчас указание развивать церковь, так что если понадобится – перезахороним». Провинциальная номенклатура отстает от жизни потому, что сейчас все своеобразие нашего времени в том, что еще осталось указание развивать Пушкина, и в то же время прибавилось указание развивать церковь. В пушкинском юбилее эти два указания слились в одну мощную струю, которая фонтанирует и по всей России, и уж очень и особенно в Москве. В Москве Пушкин предстанет поистине святым, благочестивым, набожным человеком, который является одним из свидетелей об истине православной церкви в этом мире»³⁰⁷. Хотя и достаточно иронично, но в целом верно – именно в Москве тенденция объединить все, что связано с Пушкиным, с христианскими идеями проявилась особенно ярко.

В. С. Непомнящий, как мы уже отмечали, наиболее отчетливо и последовательно выражает эти настроения. В предъюбилейные годы он в самых разных выступлениях стремился подробно и последовательно объяснить свою позицию. Эта позиция очевидно связана с нашей темой. Ученый задается целью ответить, наконец, на главный вопрос мифа: почему именно Пушкин стал Первым Национальным Поэтом? В. С. Непомнящий называет этот вопрос “основным вопро-

сом пушкиноведения”. Ответ разросся в стройную концепцию, которая так или иначе определяет содержание всех последних работ исследователя. Изложим кратко суть этой концепции³⁰⁸.

Во-первых, пришла пора пересмотреть заблуждения пушкиноведения, которые являются “фундаментальными мифами” и фальсифицируют наследие Пушкина, давая ему заведомо ложную оценку. Эти мифы внедрялись долгое время в сознание советского человека через систему образования и сводятся к следующему: 1) тотальная политизация пушкинского творчества в духе учения о “трех периодах освободительного движения в России” (пожизненное вписывание поэта в идеологию декабризма), насаждение представлений об однозначно отрицательном отношении Пушкина к царям и царской власти вообще и однозначно положительном – к мятежам и революциям; 2) “историзм”, сводящий весь анализ произведений к простым иллюстрациям исторического процесса и полное невнимание к художественной стороне пушкинских шедевров; 3) насаждение мнения о торжестве в творчестве поэта западноевропейских влияний с их скепсисом и релятивизмом, фольклорные традиции рассматриваются только как отражение оппозиции “народ – эксплуататоры”, то есть тоже в политизированном аспекте. По мнению В. С. Непомнящего, задача пушкиноведения заключается сейчас не в “шараханье из крайности в крайность”, а в создании объективного анализа пушкинского наследия, равно как и в противостоянии стремлению насадить релятивистскую, лишенную системы ценностей “новую свободную науку”. Правда, ученый соглашается, что в области эмпирического, позитивного изучения – фактологии, текстологии, творческой истории произведений, языка, стилистики, поэтики – достижения пушкиноведения велики, имея в виду научные подвиги Виноградова, Томашевского, Модзалевского, Цявловских и др. И тут же добавляет, что духа пушкинского творчества эти достижения коснулись меньше всего. Таким образом, первая концептуальная позиция ученого – критика необъективности и поверхностности предшествующего периода пушкиноведения.

Во-вторых, В. С. Непомнящий выдвигает утверждение, что реальным смыслом пушкинского творчества, его “надмирным” заданием было восстановление связи (буквально – *religio*), воссоединение “концов” русской культурной истории, разрушенной Петром. В основе пушкинского творчества – мир христианских ценностей, воплощенных в их именно русском (иногда почти “рублевском”) облике, что объясняется “генетической памятью культуры” и родовой связью с фольклором. Говоря об этом синтезе, В. С. Непомнящий прибегает к понятию “чудо”: “...именно так называемая «древнерусская» (то есть допетровская) литература и культура есть та пра-

материнская почва, куда уходят главные корни Пушкина, а за ним, быть может, и всей великой русской литературы – почва, без которой эта литература (в тех качествах, что сделали ее одной из мировых литератур) просто не существовала бы. Возникнув, бесспорно, на плацдарме петровской цивилизации, как в новопостроенном, но уже родном доме, творчество Пушкина на новом историческом уровне обратило русскую культуру к ее изначальным ценностям и мерам. Пушкин не создавал «новой» литературы в том смысле, как это подразумевалось упоминавшейся формулой: был двуединый процесс русско-европейского взаимодействия на русской почве. Именно благодаря этому в деятельности Пушкина есть элемент чуда (конечно, предваренного как Ломоносовым и Державиным, так и Жуковским и Батюшковым, как «архаистами», так и «новаторами»). То, что широким потоком хлынуло в Россию через прорубленное Петром «окно» и могло если не затопить, то сильно деформировать национальное культурное развитие, Пушкин ввел в берега, разделил на реки и ручейки, одел в гранит, обуздал и пустил по тем нужным отечественной культуре путям, на которых она, оставаясь национальной, стала и европейской, и мировой. Чудо оказалось возможным потому, что за Пушкиным и его предтечами была могучая традиция, способная ассимилировать, поставить себе на службу и сделать благотворными любые сторонние творческие влияния, – и потому, что Пушкин уже ощущал эту традицию как свое неотъемлемое достояние³⁰⁹.

Таким образом, в последних работах В. С. Непомнящего (они большей частью вошли в книгу “Русская картина мира”) намечается концептуальное решение “базового” вопроса пушкинского мифа – и это решение связано с иерархией христианских ценностей, пушкинской мудрой приверженностью к вере, без особой рефлексии проявляющейся, то есть оказывающейся незыблемым, глубинным фундаментом всего явления “Пушкин”. Высшим действием мифа В. С. Непомнящий считает реальное влияние на нацию в самом широком смысле – влияние, которое заставляет почувствовать национальное единство: “...среди гениев великих мировых культур нового времени он – единственный, кто является не только символом, но и актуальным фактором единства своей культуры и ее самосоответствия, вызывающим самые живые, трепетные и пристрастные чувства ее сердечным средоточием... народным героем, персонажем легенд и анекдотов, национальным мифом и в известной мере национальным идеалом, ценностью характера чуть не религиозного – оставаясь при этом живою личностью во всей полноте неповторимости и интимной, если не фамильярной, доступности”³¹⁰. Высшей причиной такого влияния ученый считает сакральность художественного мира Пушкина: “С этим и связана природа сакральности пушкинского мира –

не объявленной, а пронизывающей, не откровенной, а сокровенной, не эстетизированной, а эстетичной по своему существу, ибо воспроизводящей сплошную священность Бытия, передавая его иерархию, его совершенство и красоту, его драму и его цель. Сакральность эта, с одной стороны, уходит корнями в архаическую древность, в язычество, для которого ничего сакрального в мире просто не существовало, и в Ветхом Завете картину мира, с другой же – свойственное Пушкину ясное ощущение в Творении некоторой светлой цели, которая относится к человеку и связывается с преобразованием, целиком принадлежит сознанию христианскому”³¹¹.

Как видим, здесь намечается возможность объяснить “сердце мифа” – сам характер гениальности Пушкина. Мнение о том, что гениальность Пушкина (ее размах, глубина) стала реальной причиной возникновения мифа о Национальном Поэте, В. С. Непомнящий обозначает как заведомо субъективное: “В самом деле, понимая, провозглашая и описывая на эмпирическом уровне сам факт главенствующей и универсальной роли Пушкина в культуре, пушкиноведение помышляло только о субъективно-причинной основе этого факта и видело такую основу в личной гениальности Пушкина. Оно не пыталось решить – ни даже поставить сознательно – вопрос об объективно необходимой природе такой роли Пушкина, об исторической «гениальности», судьбоносности самого появления в русской культуре подобной центральной фигуры, а тем самым – о том задании историческом, ради выполнения которого она явилась”³¹².

Таким образом, в рамках нового, православно ориентированного литературоведения возникает потребность и необходимость дать определение феномену Пушкина, связать его с “историческим жребием России”. Очевидно, что это возвращение к старой мысли – Пушкин есть пророчество и указание. Теперь эта фраза звучит в новом контексте, но суть ее остается прежней. Пушкин указал своей гениальностью, которая не могла оставить его незамеченным, что единственно верный путь этой страны – стремление к православным ценностям. Г. Красухин приводит в одной из статей слова С. Г. Бочарова об изысканиях В. С. Непомнящего последних лет: “С. Г. Бочаров говорил о «православном фундаментализме» Непомнящего и его последователей, который их побуждает относиться к Пушкину если не как к богу, то как к святому, выговаривая поэту за те случаи, где, по их мнению, ему не хватило святости”³¹³, тем самым выражая и свое отношение к проблеме. Раздражение против “христианизации” науки в различных кругах проявляется давно (на старорусских чтениях 1998 года профессор А. Н. Иезуитов выразил это раздражение коротко и резко: “Оставьте религии религию, а науке – науку”). Но в плане нашей проблемы вся “православная ветвь” пушки-

новедения представляется одним из ярких симптомов развития мифа, даже в определенной степени его расцвета. В. С. Непомнящий, стараясь провести грань между Пушкиным-человеком со всеми его страстями, заблуждениями и грехами и высокой миссией Поэта-избранника, в то же время в наиболее важных, фундаментальных моментах своих рассуждений неизменно приходит к мысли о высокой сакральности пушкинского гения, о его предназначенности, миссионерстве, в конечном итоге, приближая суть жизненной задачи Пушкина к пути Христа. Вл. Новиков в статье “Двадцать два мифа о Пушкине”³¹⁴ резко протестует против подобного подхода и язвительно разит В. С. Непомнящего цитатами из его же статей, считая, что такое отношение к Пушкину неизбежно обедняет и схематизирует представления о поэте. Но здесь очевидно искреннее желание ученого объяснить то, что, по его мнению, до сих пор не понято, не осмыслено нацией, разъяснить нации ее главный миф. То, что миф может быть адекватно “объяснен” только на языке несекуляризованной культуры, мнение вполне обоснованное. Научное и религиозное могут быть тесно связаны, между ними нет непреодолимой стены. Нет сомнений, например, в научной ценности изысканий русских религиозных философов первой половины XX века. В. С. Непомнящий и пробует “пробить стену” материалистического мировоззрения, в рамках которого находится огромное количество людей, в том числе абсолютное большинство русских ученых-литературоведов.

Итак, миф начинает переживать ситуацию вторичного функционирования, становится “снятым”, поскольку он уловлен и объяснен. Не приведет ли это, в свою очередь, к гибели мифа? Так, М. Н. Эпштейн, довольно свободно используя само понятие “миф”, говорит об излишней щепетильности и обидчивости мифа, готовности его замолчать навсегда при первом подозрении, что его начинают “проверять” и “материализовать”³¹⁵. Но здесь, скорее, мы сталкиваемся с вольностью интерпретации самого понятия “миф”.

Как уже говорилось выше, миф складывается во многом стихийно, а не “с подачи” какого-то конкретного лица, и в силу своей значимости для общественного сознания не может быть устранен по субъективным причинам. И возникновение, и функционирование, и исчезновение (или подмена, трансформация) мифа должны быть строго увязаны в общую цепь причинно-следственных закономерностей, относимых к сфере коллективной рефлексологии и коллективного бессознательного. Православный контекст размышлений В. С. Непомнящего и других ученых позволяет совершить прорывы в эти сферы уже в силу того, что православно ориентированное литературоведение оперирует понятиями, близкими этим сферам. Очевидно также, что мифу не грозит гибель от того, что он может быть объяс-

нен. Это связано, прежде всего, с принципиальной невозможностью полностью, без неясного остатка выразить миф и его суть вербально, а также и с тем, что миф существует вне зависимости от своих интерпретаций. Если нация не может существовать без своего Национального Поэта³¹⁶, значит, она должна такого поэта обрести. Обретение поэта, претендующего на роль Первого, в свою очередь, тесно связано с возникновением мифа о его значении в национальной истории. Размышления В. С. Непомнящего, таким образом, являются наиболее ярким свидетельством расцвета мифа.

Между тем это лишь одна тенденция в отношении православно ориентированных деятелей и ученых к Пушкину. По другую сторону остается резкое неприятие поэта вследствие его атеизма. Эта тенденция характерна для представителей собственно церковных кругов.

Я. Кротов в своей передаче на радио “Свобода” точно обозначил ситуацию: “Надо сказать, что отношение к Пушкину в церковной среде всегда было очень двусмысленным, мягко говоря, и можно в принципе растасовать верующих христиан на тех, кто всегда считал Пушкина если не святым, то великим христианским поэтом, великим религиозным поэтом, и тех, кто считал его безбожником, язычником, богопротивным, убийцей, да чуть ли не сатанистом, припоминая при каждом удобном случае «Гавриилиаду» – кощунственную юношескую поэму Александра Сергеевича”³¹⁷. Один из участников программы, священник Михаил Ардов, настоятель Никольской церкви в Москве, тут же подтвердил мнение ведущего: “Надо помнить, что церковь это не какой-то идейно-политический лагерь, это столп утверждения истины. И этот столп не нуждается в том, чтобы его подпирали авторитетом человека, который всю жизнь прожил развратником, чревоугодником, картежником и кого, по меткому августейшему выражению, едва заставили умереть христианином”³¹⁸.

Очевидно, что такое мнение противоположно мнению В. С. Непомнящего. Однако для деятелей церкви очень важно подчеркивать, что Пушкин для них – обычный мирянин, отнюдь не пророк или святой. В связи с этой позицией развернулись дебаты об идолопоклонстве – сторонники сохранения чистоты православных обрядов возмущаются тем, что ритуальная практика вокруг пушкинского мифа все время заимствует некоторые формы из обрядной практики христианства. Э. С. Лебедева рассуждает о том, что музеи Пушкина заменили многим храмы не только в то время, когда церкви были в опале, но и сейчас, когда можно пойти и помолиться в Божий храм: “Явления культового поклонения множественны. Поездка в Псковский край всегда осознавалась как совершение паломничества, а теперь, когда в Петербурге «у Пушкина» образовалась усадьба (после пере-

дачи всего дома Волконских музее), и на Мойку, 12 едут как на монастырское подворье. Был случай, когда одна молодая женщина целый рабочий день крестилась на памятник, читала томик стихов, молилась и плакала на глазах у смущенных посетителей и недоумевающих сотрудников”³¹⁹. Э. С. Лебедева полагает, что случаи таких диких проявлений – знак искалеченности сознания людей, результат многолетнего вытравливания истинной веры.

Споры между представителями церкви и музеев вокруг мест, связанных с Пушкиным, достаточно показательны. “Не монастырь при Пушкине, а Пушкин при монастыре” – под этим лозунгом развернулись азартные дебаты в прессе о том, что будет более грамотным решением – устроить в Святогорском монастыре музей или оставить могилу поэта у стен действующего монастыря? То же касалось и других храмов, имеющих отношение к поэту. В конце концов победу одержала церковь – один за другим начинали действовать храмы. Э. С. Лебедева отмечает: “Благотворный процесс восстановления Церкви ослабляет значение ложных религий и неоязыческих ритуалов. В Пушкинские дни толпы почитателей привыкли «приходить к поэту» – теперь у них есть возможность помолиться за него, помянуть по-христиански, вместо того чтобы предаваться массовому кумиротворению”³²⁰. Таким образом, важная задача православных деятелей, касающихся проблемы пушкинского влияния, – подчинить это влияние церковному, сделать культ Пушкина фрагментом религиозной практики, “свернуть” ритуальную практику пушкинского мифа. Эта задача невыполнима в силу самих законов манифестирования мифа, требующих исполнения особых ритуалов, о которых речь пойдет в следующей главе. Что же касается новейших религиозных исканий – они представляются логичным продолжением истории пушкинского мифа”³²¹.

ГЛАВА 5. ЮБИЛЕЙНАЯ РИТУАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Хотя миф проявляется именно в ритуале (это способ существования, бытования мифа), ритуальная практика нового общества вносит свои коррективы в универсальные характеристики ритуалом, приводимые классиками-антропологами.

Э. Шилз отмечает, что массовое общество – своеобразный новый первобытный коллектив³²². При этом “первобытность” понимается в леви-брюлевском смысле. В “Первобытном мышлении” Леви-Брюль подчеркивал: “Не существует двух форм мышления у человечества, одной пралогической, другой логической, отделенных

одна от другой глухой стеной, а есть различные мыслительные структуры, которые существуют в одном и том же обществе и часто, – быть может, всегда – в одном и том же сознании”³²³.

В силу особых механизмов “иквэлитаризма” – уравнивания всего со всем – происходит рассеивание харизмы (от центра к периферии). При этом очень важно, что харизма непременно редуцируется и подчиняется во многом процессу этого уравнивания, то есть усредняется. Шилз подчеркивает, что “идеалы пророков и святых могут укорениться только тогда, когда они ослаблены, терпимы и компромиссны к другим противоречащим им идеалам”³²⁴. Таким образом, рассеиваясь во времени и пространстве, харизма, будучи по сути этими самыми идеалами, воплощенными в определенных “материальных” проявлениях, упрощается и начинает соответствовать “среднему представлению” о собственной сути. Постоянным средством сохранения харизмы от полной редукции является ритуал.

Согласно выводам этого ученого, “ритуал – стереотипическое, символически концентрированное выражение верований... Это способ обновить контакт с исключительными вещами, или способ оживить в сознании через символическое представление определенные центральные нормы и процессы... Ритуал – часть сложного действия самозащиты от деструкции, вырождения, аморализма... Логически верованиям можно обойтись и без ритуалов, но ритуалам без верований – никогда. Ритуал ближе к церемониалу, чем к этикету”³²⁵.

Ритуальная практика помогает “сформулировать” харизму, перевести ее из мира абстрактных воздействий в сферу четких и ясных сценариев, наглядно “исполняемых” в ритуале. В. Н. Топоров полагает, что ритуал вступает в борьбу с хаосом, упорядочивая его, обозначая в нем определенные вехи, организовывающие этот хаос³²⁶. М. Евзлин, развивая эти идеи, выдвигает мысль об основном космогоническом ритуале – обращении хаоса в космос³²⁷. А. М. Пятигорский отмечает: “Ничто в содержании мифа не может однозначно свидетельствовать о его функции, ибо последняя всегда останется субъективной, зависящей от передачи, восприятия и использования мифа, в то время как миф может быть рассмотрен объективно, как текст и содержание. (Даже если миф включает в себя ритуал, он нейтрален, а в конкретном религиозном контексте наполняется конкретным смыслом.)”³²⁸. П. Дебрецени, обосновывая важность ритуальных практик в общественной жизни, приводит обширную цитату из работы Бронислава Малиновского (*The Myth in Primitive Psychology*. NY: Norton, 1926), где, в частности, говорится: “...миф – постоянный субпродукт живой веры, которой необходимы чудеса; социологического статуса, который занят прецедентом; моральных правил, которые требуют санкций”³²⁹.

Сейчас антропология вышла на новый уровень анализа мифоритуальных практик современного общества³³⁰. Этот уровень связан с переходом от “полевой” практики в условиях примитивных сообществ к “полевой” практике в условиях современного “окультуренного” массового общества. Важность ритуальной практики в жизни человечества очевидна и несомненна, уничтожить ее невозможно. Всякий ритуал, оживляя и воспроизводя содержание мифа, возвращает человека в ту самую “нуминозную зону”, которая неуничтожима рационализмом, позитивизмом и другими рациональными схемами мировоззрения. Очевидно также, что любой ритуал отвечает глубинным национальным потребностям, последовательно связан с ними, не должен быть конфликтен по отношению к системе национальных ценностей.

Наиболее подробно проблему ритуальной практики вокруг литературного культа рассматривает Петер Давидхази в статье “Культе и критика: Ритуал в европейском восприятии Шекспира”³³¹. Его замечания сводятся к следующим положениям. “Культе писателя” есть прямое порождение мифа, и, собственно, этим понятием обозначается ритуальная практика, в которой воплощается миф. Литературные культы изучены недостаточно потому, что антропологи всерьез интересуются только “культом племени Ндембу или карнавалом в Рио”, а литературоведы погружаются в “вакуумное” изучение творчества. Если же литературный культ становился объектом изучения, то это было не что иное, как конгломерат курьезных анекдотов и описаний эксцентрических выходок – ничего научного. Между тем культы, складывающиеся вокруг писателей, – это серьезная часть национального бытия, которая обязательно должна быть изучена. Речь идет не о специфическом “культе личности” какого-либо писателя, но об особом отношении, определенном ритуале, который исключает какую бы то ни было критику в адрес объекта. Это важнейшее положение размышлений ученого. Недопустимость критики в адрес Шекспира он считает наиболее ярким проявлением культа, тем ритуалом, который непрерывно воспроизводится по простейшим правилам (1. Шекспир никогда не ошибается. 2. Если Шекспир ошибается, см. п. 1). Это первая манифестация культа. Вторая – ритуал может включать паломничество к святым местам, особое поклонение, празднование священных дат, все виды общего празднования, сопровождаемые священным символизмом. Наконец, третья – приведение по любому случаю цитаты из наследия писателя.

Как видим, ближе всего к традиционному представлению о ритуале подходит вторая манифестация культа. Поэтому П. Давидхази особенно подробно рассматривает именно ее. Он отмечает, что шекспировский миф основывается на некотором скрытом религиоз-

ном архетипе. Подробно анализируя двухсотлетний шекспировский юбилей 1769 года, Давидхази показывает, как проявились все манифестации литературного культа. Организатором и инициатором торжеств стал конкретный человек – Дэвид Гаррик; он и создал ритуальную традицию празднества – одновременно торжественный и забавно-смешной обряд. Это была литургия, священная церемония, и “весь мир пал ниц на берегах Эйвона”: обряд евхаристии – огромная деревянная чаша из шелковицы (сам Шекспир посадил это дерево, все, что сделано из шелковицы, священо) была наполнена лучшим вином – и передавалась по кругу. Важный элемент празднования – маскарад, когда исчезают все иерархические различия и возникает имитация всеобщего братства. В письмах 1770 года Гаррик сравнивает Стрэтфорд со Святой Землей. Сюда потянулись “паломники” из всех стран (в 1962 году четверть миллиона из 150 стран). Участники празднества распевали оду, сочиненную Гарриком:

Where Nature led him by the hand.
Instructed him in all she knew, –
And gave him absolute command!
‘Tis he! ‘Tis he!
The god of our idolatry!³³²

“Шекспиромания” в Англии началась, по мнению исследователей, приблизительно в 30-е годы XVIII века, а пика достигла к 1769 году³³³. Отметим, что пушкинский миф формируется в значительно более сжатые сроки – возникнув еще при жизни поэта, он достигает пика к столетнему его юбилею. Впрочем, А. Песков обстоятельно доказывает, что дело здесь не в “качестве” объекта мифотворчества, а в самой эпохе: “Признание Пушкина в качестве всемирно-национального поэта – важный акт самоидентификации образованного русского общества: отъединенное от своей страны своей европейской образованностью, а от Европы – своей принадлежностью к русской культуре, оно находит действенное средство, чтобы считать себя, с одной стороны, полноценной частью нации, а с другой – полноценной частью европейской культуры. Это средство – мифологизация Пушкина. Вместе с тем мифологизация Пушкина – это, конечно, процесс, аналогичный тому, что происходил в других европейских странах (мифологизация Гете в Германии, Шекспира в Англии, Данте в Италии), – процесс, связанный с эмансипацией европейских культур от культуры французской, под чьим влиянием прошла интеллектуальная жизнь Европы в предыдущем, XVIII столетии”³³⁴. Шекспир проходит путь триумфальной канонизации, когда его личность (независимо от текстов и даже фактов реального существования этой личности) начинает олицетворять “дух Британии” (независимо от ее региональных различий)³³⁵. Соответственно ритуал чествования

Шекспира должен быть адекватен этому его значению. Национальное самосознание должно быть удовлетворено самим размахом празднеств – ведь чествование великого соотечественника укрепляет представления нации о собственной исключительности, талантливости на фоне мирового сообщества. Отсюда и выражение “Man of All Men” применительно к Шекспиру. Застолье с серьезно-шутливой имитацией евхаристии вполне возможно было в Англии, где основная конфессия (англиканство) существенно ослабляла обрядную сторону католического варианта христианства (хотя и не отрицала ее). Превращение Шекспира в “god of our idolatry” обставлялось соответствующими ритуальными действиями, заимствованными в религиозном обряде. По-видимому, здесь нет смысла говорить о кошунственном (атеистическом) отношении к церкви; скорее, перед нами вариант религиетворчества, “нового сектантства”.

О самом феномене “нового сектантства” рассуждает М. Н. Эпштейн – правда, применительно к русской истории недавнего прошлого³³⁶. Он же описывает особую секту “пушкинианцев”, которые “веруют в светлого, солнечного бога, рожденного в северной стране и убитого посреди снегов”³³⁷. Анализируя ритуальную практику секты, автор иронично отмечает: “Обряд почитания Пушкина включает непрерывный круглогодичный цикл чтения его стихов, которые образуют как бы новейшее священное писание, скрепленное кровью поэта-пророка. Цикл чтений начинается 6 июня, в день рождения Пушкина, и заканчивается 29 января, в годовщину его смерти, строго следуя хронологии пушкинского творчества, в котором «смена дней обладала своей неумолимой логикой воплощения божественного дара в человеческом слове» (С. Б. “Один день из жизни Пушкина”). Время с февраля по май, от гибели Пушкина до его нового рождения, в представлениях большинства пушкинианцев сливается с пасхальным циклом, начиная от Великого Поста, который осмысливается как скорбная дань памяти поэта, и кончая пятидесятницей, когда Святой Дух сошел на апостолов и они заговорили неведомыми языками, предвосхищая грядущий Праздник Слова. На протяжении пасхального цикла стихи Пушкина из разных периодов творчества читаются наравне с каноническими молитвами. Вообще отождествление Пушкина со Словом, гибнущим и воскресающим, занимает важное место в этом уникальном культе, к которому примыкают и многие искренно верующие христиане, для которых Пушкин – это как бы художественная ипостась Христа, поэт – помазанник Божий”³³⁸.

Как уже отмечалось в предыдущей главе, осознание такого отношения как еретического общепринято в среде представителей церкви; много энергии тратится на борьбу с этой “ересью”. Однако ритуальная практика отражает содержание и функции мифа, который,

как мы уже отмечали, опирается на глубинные основы национального сознания. Как видим, обрядность “пушкинианцев” мало чем отличается от обрядности “шекспироманов”. Это вновь и вновь оживление на новых основаниях отодвинутого и забытого христианского обряда (т. е. христианское англиканское сознание в этом случае в чем-то аналогично квазирелигиозному советскому – культ заклеимен и проклят, но потребность в нем велика).

Ритуальная практика, связанная с культом Пушкина, формировалась, как мы уже отмечали, в связи с юбилеями поэта. Индивидуальное, частное почитание поэта, впрочем, и до первого “юбилея” (не совсем юбилейного 1880 года) носило характер некоего обряда. Но первое публичное почитание поэта выдвинуло задачу сформировать ритуал как массовое действие. Именно эта манифестация мифа должна была свидетельствовать о равновеликой принадлежности гения Пушкина нации, о реальной значимости его “трансцендентного духа” как символа “русской души”.

Рассмотрим основные моменты формирования ритуала чествования. Прежде всего, уже в сам год открытия праздника был сформулирован основной ответ на важнейший вопрос – сердце ритуала: “Почему мы воздаем этому человеку такие почести?” Ф. И. Буслаев отвечает следующим образом: “Только начиная с Пушкина русская литература сблизилась с жизнью и стала принадлежностью и потребностью общества... Тем дороже, тем священнее для нас образ его, украшенный страдальческой кончиной... По словам Баратынского, русская поэзия возведена Пушкиным на ту ступень между поэзиями всех народов, на которую Петр Великий возвел Россию между державами...”³³⁹

Здесь выдвинуты важнейшие причины: положение “первопредка” по отношению к русской литературе, которая к 1880 году прочно заняла место важнейшего общественного института; “страстотерпчество” поэта, страдальческая гибель которого расценивается как подвиг; всемирное значение его гениальности, в которой невозможно усомниться. Как видим, названы основные причины мифотворчества вокруг пушкинского имени.

Что же касается самого сюжета ритуального действия, то достаточно продолжить размышления Буслаева, сочувственно цитирующего письмо Вяземского Пушкину в Михайловское: “Имя твое сделалось народной собственностью. Ты, может быть, силен у нас своею славою... В библиотеке отведена тебе первая полка, но мы еще не дожили до поры личного уважения. Пушкин по характеру своему... ничтожен в русском народе, за выкуп его никто не даст алтына, хотя по шести рублей платится каждая его стихотворческая отрыжка...”³⁴⁰ За этим скрывается “нерв” торжеств – мотивы покаяния и стремле-

ние “замолишь грех” перед поэтом. Наконец, автор юбилейного “венка” формулирует идею следующим образом: “...чистый образ гения, память о нем пробудила в нас спящую энергию, нет места злобе и мщению, только утешительное слово мира и братской любви; общая манифестация в честь мирного сподвижника мысли и слова... Все сошлись в том, что торжество должно явиться радостным благовестом нашего мужающего, наконец, самосознания”³⁴¹. Характерное “обмирщение” сугубо церковной лексики (“благовест”) в применении к пушкинскому имени не является открытием 1880 года, как уже отмечалось ранее. Но размах торжеств принимал характер настоящего почитания, присущего (адекватного) только лицам, так или иначе связанным с Богом (например, августейшим особам или хотя бы спасителям отечества).

Первая и важнейшая черта ритуала – массовый характер его исполнения. “Соборность” как одна из ключевых национальных черт вполне проявилась в этом празднестве. Хотя в прессе той поры неоднократно отмечалось, что торжество 1880 года стало праздником исключительно интеллигенции, сам момент открытия памятника происходил при большом стечении народа. Место у окна любого близлежащего дома продавалось за сказочные деньги (Ф. Буслаев называет цифру 25 рублей, впоследствии появляются данные об удвоенной плате). “Бронзовый лик” напротив Страстного монастыря собирает невиданную толпу. Массовость юбилейных празднеств становится доминантой ритуальной организации. Формирование сценария ритуала шло во многом с учетом такого массового интереса. Толпы людей, собравшихся на Тверском бульваре и близлежащих улицах, вдохновляли организаторов, удваивали ощущение необходимости, важности юбилейного чествования Пушкина, ощущение высокой ответственности за происходящее. Понадобилась организация демонстрации – шествия людей с белыми гирляндами и щитами-транспарантами, на которых были написаны названия произведений поэта (не обошлось без общего смеха – над группой, идущей под щитом “Братья-разбойники”).

Впрочем, сама идея массового шествия, освященного общей идеей, восходит к пра-формам ритуалов (задолго до крестных ходов; как, например, описание ритуально-языческого шествия в “Ледяном доме” И. Лажечникова). Соборность должна выразиться в реальной, “материальной” форме, осмысляемой всеми участниками именно как проявление единства частных. В случае с Шекспиром такое шествие осуществлялось как карнавал героев его произведений (в 1769 году, когда ритуал окончательно формировался, из-за сильного дождя шествие было “свернуто”, но не отменено)³⁴².

Помимо шествия и всенародного открытия памятника, организовывалось чествование в закрытых помещениях – залах. Велик со-

блази отнести ритуальные собрания в честь Пушкина к древним формам шаманизма; об этом говорила, например, С. Б. Адоньева на юбилейной конференции в Санкт-Петербургском госуниверситете³⁴³. Основным ритуалом шаманской практики является камлание. Оно бывает направлено на излечение больного либо связано с вызовом духов (чаще покровителей) для получения ответов на важные вопросы. Сам ритуал камлания обычно сопровождается традиционной для шамана техникой экстаза (об этом подробно рассуждает М. Элиаде³⁴⁴). Характерный момент: обязательное присутствие зрителей во время камлания, сопереживание ими ритуального действия, совершаемого шаманом. Суть камлания – проникновение в верхний или нижний мир в целях поиска нужной души. Это проникновение осуществляется за счет неимоверного напряжения сил (технически отработанного).

Празднование открытия памятника Пушкину в Москве во многом могло быть соотнесено с такой практикой. Ряд моментов показывает, что обряд соединял языческие практики идолопоклонства и элементы христианских обрядов. В зале Московской городской Думы возвышался огромный пьедестал, покрытый синим сукном, на котором установили бюст Пушкина; пьедестал был перевит белыми атласными лентами, вокруг – экзотическая беседка (пальмовые ветви), перед бюстом – стол с красной скатертью и золоченым позументом. Этот элемент чествований в конце концов закрепится как обязательный: уже в 1899 году Мережковский с раздражением будет говорить о том, что “...какое-то министерство заказывает 40 000 гипсовых пушкинских бюстов”³⁴⁵. Пушкинский бюст, осененный пальмовыми ветвями, представлял собой некое смешение языческого идола и христианского атрибута (вход Господень в Иерусалим). Но и в 1937 году специальным предписанием указывалось: “Избач должен: приобрести портрет поэта, бюст, несколько фоторепродукций”³⁴⁶.

Бюст Пушкина оказывался той необходимой частью обряда, которая фиксировала его вневременное присутствие, некую материализацию в момент чествования. Рассказ Э. С. Лебедевой о молодой женщине, молившейся на бюст Пушкина как на икону (см. выше), подтверждает сакральную роль “материального заменителя пушкинского духа”. В “Поединке” А. И. Куприна денщик Ромашова избирает бюст Пушкина в качестве “Бесиева” – идола, на которого он молится. Грубая топорность работы (“Этот бюст, кстати, изображавший, несмотря на подпись на нем, старого еврейского маклера, а не великого русского поэта, был так уродливо сработан, так засижен мухами и так намозолил Ромашову глаза, что он действительно приказал на днях Гайману выбросить его на двор”³⁴⁷) несколько не умаляет значение “идола”: “Когда он пришел домой, то застал Гай-

нана в его темном чулане перед бюстом Пушкина. Великий поэт был весь вымазан маслом, и горевшая перед ним свеча бросала глянцевитые пятна на нос, толстые губы и на жилистую шею. Сам же Гайнан, сидя по-турецки на трех досках, заменявших ему кровать, качался взад и вперед и бормотал нараспев что-то тягучее и монотонное”³⁴⁸.

Важной частью юбилейного ритуала, связанной с бюстом Пушкина, было увенчание главы поэта лавровым венком. Это действие получило специальное название – “апофеоз”. По своим истокам апофеоз восходит к языческим обрядам Древней Греции. В то же время в увенчании главы поэта лаврами есть и момент памяти о высокой внеисторической (до-логической) функции поэта – шамана, жреца, борющегося с хаосом своим необыкновенным даром. Е. М. Мелетинский отмечает: “Поэт, певец, в мифопоэтической традиции персонафицированный образ сверхъестественного видения, обожествленной памяти коллектива. Поэт знает Вселенную в пространстве и во времени, умеет все назвать своим словом... подобно демиургу (культурному герою) создает мир, но в его поэтическом, текстовом воплощении... Поэт помогает молитвам и жертвоприношениям людей достичь богов и воспринимает ответ богов, боги же возбуждают поэтическое творчество, помогают Поэту”³⁴⁹. Вот почему поэт воспринимается как посредник между людьми и Богом. Здесь особенно показательным сравнением вдохновенной творческой деятельности поэта с функциями шамана. Превращение чувствований поэта как “глаза верхнего мира” в некую шаманскую технику поэтому не так уж неожиданно.

Помимо бюстов Пушкина, заменявших опекушинский памятник (а тот, в свою очередь, заменял самого Поэта), важной частью юбилейных торжеств были речи. Ассоциации с шаманскими обрядами возникают здесь не случайно. Событием празднования 1880 года стала речь Достоевского. Экстатическое состояние, в котором пребывал оратор, выразилось не в повышенном невротизме произнесения речи, а в той энергии и безотчетном влиянии на слушателей, которое и отличает обряд камлания. Подробный рассказ Достоевского в письме жене об эффекте, который произвела эта речь, может быть наиболее точным подтверждением того необыкновенного состояния (“техники экстаза”, по словам М. Элиаде), в котором оказался писатель: “...сегодня было чтение моей речи в «Любителях». Зала была набита битком. Нет, Аня, нет, никогда ты не можешь представить себе и вообразить того эффекта, какой произвела она! Что петербургские успехи мои! Ничто, нуль сравнительно с этим! Когда я вышел, зала загремела рукоплесканиями и мне долго, очень долго не давали читать. Я раскланивался, делал жесты, прося дать мне читать – ничто не помогало: восторг, энтузиазм (всё от «Карамазовых»!). Нако-

нец я начал читать: прерывали решительно на каждой странице, а иногда и на каждой фразе громом рукоплесканий. Я читал громко, с огнем. Всё, что я написал о Татьяне, было принято с энтузиазмом. (Это великая победа нашей идеи над 25-летием заблуждений!). Когда же я провозгласил в конце о всемирном единении людей, то зала была как в истерике, когда я закончил – я не скажу тебе про рев, про вопль восторга: люди незнакомые между публикой плакали, рыдали, обнимали друг друга и клялись друг другу быть лучшими, не ненавидеть впредь друг друга, а любить. Порядок заседания нарушился: всё ринулось ко мне на эстраду: гранд-дамы, студентки, государственные секретари, студенты – всё это обнимало, целовало меня. Все члены нашего общества, бывшие на эстраде, обнимали меня и целовали, все, буквально все плакали от восторга. Вызовы продолжались полчаса, махали платками, вдруг, например, останавливают меня два незнакомые старика: «Мы были врагами друг друга 20 лет, не говорили друг с другом, а теперь мы обнялись и помирились. Это вы нас помирили, Вы наш святой, Вы наш пророк!». «Пророк, пророк!» – кричали в толпе. Тургенев, про которого я ввернул доброе слово в моей речи, бросился меня обнимать со слезами. Анненков подбежал жать мою руку и целовать меня в плечо. «Вы гений, вы более чем гений!» – говорили они мне оба. Аксаков (Иван) вбежал на эстраду и объявил публике, что речь моя – есть не просто речь, а историческое событие! Туча облегла горизонт, и вот слово Достоевского, как появившееся солнце, всё рассеяло, всё осветило. С этой поры наступает братство и не будет недоумений, «Да, да!» – закричали все и вновь обнимались, вновь слезы. Заседание закрылось. Я бросился спастись за кулисы, но туда вломились из залы все, а главное женщины. Целовали мне руки, мучали меня. Прибежали студенты. Один из них, в слезах, упал передо мной в истерике на пол и лишился чувств. Полная, полнейшая победа! Юрьев (председатель) зазвонил в колокольчик и объявил, что Общество люб<ителей> рос<сийской> словесности единогласно избирает меня своим почетным членом. Опять вопли и крики. После часу почти перерыва стали продолжать заседание. Все было не хотели читать. Аксаков вошел и объявил, что своей речи читать не будет, потому что всё сказано и всё разрешило великое слово нашего гения – Достоевского. Однако мы все его заставили читать. Чтение стало продолжаться, а между тем составили заговор. Я ослабел и хотел было уехать, но меня удержали силой. В этот час времени успели купить богатейший, в 2 аршина в диаметре лавровый венок, и в конце заседания множество дам (более ста) ворвались на эстраду и увенчали меня при всей зале венком: «За русскую женщину, о которой вы столько сказали хорошего!». Все плакали, опять энтузиазм³⁵⁰.

Увенчание Достоевского в развязке этой истории вполне соотносимо с дарами, которые получает шаман (после окончания камлания присутствующие делают шаману ритуальные подношения в виде лент, шнурков из кожи, которые шаман пришивает к своему костюму, а также мешочков с табаком и мукой). В то же время Достоевский выступил в качестве “живого заменителя” “духа Пушкина”, то есть добился главного результата камлания. Нет сомнений, что все эти параллели нужны вовсе не для того, чтобы уравнивать шаманскую технику экстаза с историей 1880 года. Но М. Элиаде особое внимание уделяет именно этой технике: отработке суммы навыков и приемов, позволяющих шаману войти в “необычное состояние сознания”, при этом вполне отдавая себе отчет в происшедшем. Достоевский достигает такого состояния в силу ряда причин, среди которых нет места сознательному “доведению себя” до такого состояния (что обычно характерно для шаманской практики). Однако эффект соотносим, и Л. Н. Гумилев в свое время привел в пример эту историю в подтверждение своей теории пассионарности (точнее, пассионарной индукции): “8 июня 1880 года Ф. М. Достоевский на заседании Общества любителей российской словесности произнес речь о Пушкине. Успех был, по воспоминаниям очевидцев, грандиозен. Однако в чтении эта речь особого впечатления не производит. Она никак не идет в ряд с главами из «Братьев Карамазовых». Видимо, личное присутствие Достоевского сыграло не последнюю роль в усилении воздействия его речи на зрителей”³⁵¹.

Получается, что перед нами ситуация не столько реального проникновения в “тайну Пушкина”, сколько момент высокого “заражения” публики экстатической энергией. Более чем холодные и даже язвительные нападки критиков “на следующий день” на эту речь – тому доказательство. Однако сам факт экстаза во время произнесения речи о Пушкине представляется вполне ритуальным моментом. Предмет общего собрания – Пушкин – требовал адекватного чествования, адекватного прежде всего представлениям о важности его фигуры в национальной истории. Дело не в том, что речи “меньшего” значения на самом деле таковыми не являлись, а просто их исполнители не имели такой степени пассионарной энергии, как Достоевский.

Но и здесь можно усмотреть закономерность, соотносимую с древними ритуалами: все речи отражали и варьировали один и тот же тезис, являясь ослабленным вариантом “главной” речи: начиная с “Бориса Годунова”, в творчестве Пушкина наметился знаменательный переход в сферу изучения народной жизни, и тут-то его и застала смерть. Народные чтения, организованные в Политехническом музее 6-го июня, представляли собой просмотр “теневых картин” с

рассказом о жизни Пушкина и чтением “Полтавы”. Выбор текста не случаен – “Полтава” должна была символизировать высокий патриотизм Национального Поэта – певца Отечества.

Еще одна сторона общего ритуала – праздничная трапеза. Совместное поглощение пищи во все времена расценивалось как важнейшее ритуальное действие. Не случайно ключевым таинством христианства становится евхаристия.

Разумеется, и в дохристианские времена трапеза расценивалась как важнейший ежедневный обряд и подчинялась ряду ритуальных правил. А. М. Лобок в “Антропологии мифа” подробно рассуждает на эту тему³⁵². В русской национальной традиции застолье – обязательная, важнейшая часть любого праздника. Впрочем, и шекспировские чествования не обошлись без обряда особой евхаристии, где фигурировала “священная чаша” из шелковицы.

Юбилей 1880 года предполагал одним из пунктов обязательной программы так называемый парадный складчинный обед Общества любителей российской словесности (состоялся 7 июня 1880 г.). Ф. И. Буслаев сообщает, что “обеденное меню было украшено виньеткой художника Трутовского со стихами Пушкина: Поднимем стаканы, содвинем их разом: Да здравствуют музы, да здравствует разум!”³⁵³ Подобный обед состоялся и в Петербурге. Обязательной частью и той, и другой трапез было провозглашение речей-тостов в честь великого поэта, его друзей, особенно (подчеркивает Буслаев) – его няни (и это упоминание вызвало взрыв восторга среди присутствующих). Обряд общей трапезы в честь Пушкина утвердился впоследствии, но будет принимать все более игровой, изощренный характер. Так, в 1899 году обед, организованный обществом гастрономов Петербурга, состоял из блюд, упомянутых в “Евгении Онегине”.

Ритуал празднества предполагал раздачу пушкинских произведений детям; подлинного размаха эта ритуалема достигла к 1899 году, когда наследие Пушкина стало всенародным достоянием. Однако, как уже отмечалось, эта раздача сопровождалась изъятием части текстов (в частности, “Сказки о попе и работнике его Балде”). Книги с текстами Пушкина были вариантом причастия – своеобразной духовной пищей, евхаристией. “Причастившийся” получал доступ к “меду поэзии”, “пище богов”.

Все эти моменты заставили Буслаева осторожно заметить: “Как кому-то своему внутреннему богу молились все на этом празднике, и Пушкин нужен был некоторою своею величавостью, чтобы служить только образом, только подобием этого бога”³⁵⁴. М. Ч. Левитт вторит: “И церемония открытия «бронзового лика» Пушкина и сопутствовавшее ей небывалое возбуждение наводят на мысль, что торже-

ства задели самые сокровенные, глубоко скрытые струны культурного сознания, родственные тем, которые приходят в действие на Пасху, являющуюся главным русским религиозным праздником...”³⁵⁵

Весь ритуал, связанный с торжествами в честь Пушкина, не исчерпывался только “заседаниями” – независимо от того, проходили они в академическом зале или за столом. Еще одна часть этой манифестации – все виды паломничества к “святым местам”. В XVII веке путешествие без особой цели, просто как факт приобщения к местам, по которым проходит маршрут путешествия, получило название “рэмблинга” (от англ. *gambling* – “бродячий”, “праздношатающийся”). Рэмблинг в конце XVIII – начале XIX века становится чрезвычайно популярен, причем именно в связи с “памятными местами”, относящимися к великим деятелям культуры и искусства. Таковы, например, швейцарские маршруты, связанные с Руссо. Классическое описание рэмблинга дает Н. М. Карамзин в “Письмах русского путешественника”.

Но паломничество к “святым местам” отечественной культуры формируется в России именно в связи с Пушкиным. А. И. Тургенев фиксирует в своем дневнике, как зарождается такое особое отношение к местам и всему, что связано с поэтом: “Марья Ивановна показывала... любимые сосны, два озера, вошли в домик поэта... Я искал вещь, которую мог бы унести из дома. Спросил старого испанского пера, мне принесли новое, неочиненное...”³⁵⁶

Важно, что все это происходило 6 февраля 1837 года, непосредственно сразу после поспешных похорон поэта. Пушкинский предметный мир превращался в музей на глазах современников. 7 февраля 1837 года неизвестный поэт пишет: “Да будет Меккою для нас // Святой Горы песок отрадный!!”³⁵⁷ Уже к 1850–60-м годам забили тревогу по поводу разрушения дома Инзова. Кстати, этот заброшенный полуразрушенный землетрясением дом, овеянный легендами о пушкинских выходках периода кишиневского заточения, превратился в народный музей – вроде соответствующего подъезда на “Садовой, 302-бис” или “стены памяти Игоря Талькова”. Сюда приходили толпы праздных гуляк (рэмблеров), почитавших своим долгом оставить запись в “книге посетителей” – то есть на стенах дома, где были видны следы пуль, которые всаживал юный поэт одну за другой в часы “праздной скуки”. Народное стихотворчество (по словам Л. Мацевича, тщательно собиравшего все, что относилось к пребыванию Пушкина на юге России) порой было весьма пошлым, но кое-что заслуживало внимания:

Здесь жил маститый генерал,
Враг шумных пиршеств и забавы,
Здесь русский гений отдыхал,

Стяжал венок народной славы,
Его и школьник память чтит,
И часто, преклоня колена,
Рукою детскою на стенах
Здесь имя гения чертит...³⁵⁸

Стены сплошь были исписаны стихами и приветствиями Пушкину. Это первый знак ничем не инспирируемого интереса и внимания к местам, связанным с поэтом. Перед установлением памятника в прессе развернулась целая кампания по вопросу о том, где же дом, в котором родился великий поэт. По сообщению А. Фаресова, в 1885 году великий князь Владимир Алексеевич, путешествуя по Псковской губернии, служил панихиду на могиле поэта (причем в связи с этим крестьяне решили, что здесь похоронен генерал Пушкин, бывший крестным отцом великого князя³⁵⁹).

И. Щеглов приводит факты о посещении могилы Пушкина (однако это свидетельства в книге посетителей, о реальной картине ничего не известно): 1896 – 16, первый – Л. Майков, 1897 – 98, 1898 – 13 (из них восемь – участники велосипедного пробега), май 1899 – 50³⁶⁰. Приобретение в казну у сына Пушкина Михайловского и установление государственного надзора за сохранением могилы поэта в Святогорском монастыре было результатом деятельности Пушкинской комиссии в ходе подготовки к столетнему юбилею. Поначалу 26 мая 1911 года там открыли колонию для престарелых литераторов и учителей, “подорвавших здоровье на ниве народного просвещения”. В речи на открытии колонии епископ Псковский и Порховский Алексей сказал: “Пусть никогда не забывается имя того человека, который в селе Михайловском вырос и сложился в великого поэта земли русской... Лучшего памятника Пушкину, чем этот, пожалуй, и не выдумаешь”. Первый попечитель колонии – барон А. Е. Розен – во многом ощущал себя директором музея, а не инспектором колонии для престарелых литераторов. Он пытался собрать вещи, имевшие отношение к Пушкину, и воссоздать усадьбу в “первозданном” виде. Но это было фактически невозможно. Дом, построенный сыном поэта Григорием Александровичем на месте проданного на слом пушкинского дома, в 1908 году сгорел и был заново отстроен архитектором В. А. Шуко. В этом доме в 1911 году был устроен музей. По одной из характеристик, опыт оказался не очень удачным: “Просвещенные дворяне меблировали дом мебелью с базара и работы местных кустарей и сделали из «музея Пушкина» места приятных прогулок, веселого препровождения времени с дамами сердца, сытых обедов и чаепитий под звуки граммофона”³⁶¹.

Во время революции и гражданской войны Тригорское и Михайловское были сожжены дотла. Дальнейшая концепция музея-за-

поведника в Михайловском связывалась с идеями воздействия на посетителей самой природы псковского края – увидеть то, что видел поэт, взглянуть на мир его глазами. На официальном открытии заповедника в 1924 году В. П. Семенов-Тянь-Шанский сказал: “А именно заповедывается в его имя участок той самой подлинной, никем не тронутой природы, которая подвигла его на величайшие им созданные образы или идеи... посетитель невольно, и притом очень живо и ярко переживает в этой естественной обстановке все то, что она когда-то навевала этому великому человеку”³⁶². С. Сандлер, комментируя речь Семенова-Тянь-Шанского, отмечает, что эту концепцию можно считать метафорической натяжкой, поскольку реально ничего пушкинского в этом пейзаже нет. Однако, отмечает исследовательница, “исчезновение живых следов присутствия Пушкина только способствует созданию в Михайловском храма Поэта, своего рода памятника, призванного вызывать в воображении нечто, давно и безвозвратно утерянное”³⁶³.

Паломничество не предполагает рационализма, оно основано на приобщении к тайне жизни кумира. Рэмблинг наиболее точно демонстрирует важность любых фактов, связанных с жизнью поэта, в сознании потомков. Памятные места – это вехи судьбы великого человека. Самые важные объекты рэмблинга – это место смерти и могила. Поэтому Михайловское (из-за непосредственной близости могилы поэта) и последняя квартира Пушкина в Петербурге на Набережной Мойки, 12 были оформлены как государственные музеи в первую очередь (1924 и 1925). Для сравнения – Царскосельский Лицей был открыт как музей в 1949 году, Всесоюзный музей А. С. Пушкина в 1967 году.

Переживание жизни кумира как факта собственной душевной жизни оказывается важнейшей пружиной рэмблинга. Пушкинская судьба нерасторжимо слита с его наследием. Мнение о “двух Пушкиных”, столь активно проповедовавшееся в XIX веке, постепенно вымещается мнением о едином Поэте – в котором все прекрасно. Вот характерное размышление известного педагога В. П. Острогорского: “Изучение его жизни, несмотря на его массу ошибок, увлечений, за которые он слишком тяжело платился, рисует его таким сердечным, добрым, честным и рыцарски прямым и великодушным человеком, верным в дружбе и любви, любящим все высокое и прекрасное, что сама эта личность не может не влиять благотворно на душу и отзывчивое сердце юноши”³⁶⁴.

Личность и судьба Пушкина в буквальном смысле “внедрены” в национальное сознание. Н. М. Зоркая отмечает, что степень этой внедренности несравнима с Гете или Шекспиром – просто другое измерение. Она вспоминает В. Набокова, выстраивающего универ-

сальную “русскую” ассоциативную цепочку: фонтан – деревенская усадьба – яблоко – снег – простреленный живот – и цитирует его слова: “Пушкин... неизбежно составляет часть нашей интеллектуальной жизни, как таблица умножения или другая привычка сознания”³⁶⁵. Личная “боль-жалость” пронзают русское сердце при воспоминании об этой смерти. Н. М. Зоркая отмечает, что на станции метро “Черная речка” всегда кольнет в сердце³⁶⁶. Эту “боль-жалость” пытаются выразить все новые и новые поколения, начиная с истового плача Лермонтова. А. Г. Битов объяснил это так: “Ни одного нашего писателя не воспринимаем мы до такой степени вместе с его жизнью... Его пуля в нас болит, его рана нам светит. Пушкин – это великая утрата. И вечная память об этой утрате. Наше узнавание его есть не что иное, как род воспоминаний, именно воспоминаний, как о современнике, как о родном, как о безвременно ушедшем, как о любимом – как о реальном для нас человеке. Каждый русский вызывает его дух, и дух этот не устает к нам являться. Вплоть до воплощения, до живого ощущения, что он рядом, до желания обернуться”³⁶⁷.

Следование по местам, связанным с поэтом, может принять самый разнообразный характер. О велосипедном пробеге по пушкинским местам с возмущением писал Д. Мережковский; Э. С. Лебедева с меньшим возмущением рассказывает: “Совершаются вполне ритуальные посещения места дуэли, телерепортеры едут «смертным путем Пушкина» в дрожках, с телекамерой. А вот еще одна инициатива: группа участников Великой Отечественной войны, спортсменов-ветеранов совершила пробег «путем капающей пушкинской крови» от Черной речки до последнего жилища поэта. Запись об этом событии с предложением продолжить традицию осталась в музейной книге впечатлений”³⁶⁸.

Заменить рэмблинг церковной панихидой, пусть даже в храме, имеющем непосредственное отношение к жизни Пушкина, вряд ли удастся – памятные места имеют особую притягательную силу, включающую не только любопытство и интерес к жизни писателя, но и духовное рвение, вызывают активизацию той части сознания, которую можно назвать “зоной святости”. В музее, связанном с жизнью поэта, можно прикоснуться к его миру, войти в него – и вряд ли это стремление можно остановить разумными доводами об искусственности и неподлинности музейных экспонатов. Число посетителей пушкинских мест чрезвычайно высоко. В 1949 году в Болдино на открытие музея съехались 15000 человек. Ленточку музея перерезал правнук поэта – Г. Г. Пушкин³⁶⁹. Ю. В. Дружников говорит о паломничестве в Михайловское в начале 1980-х – колонна по 8 человек в шеренге, с утра до вечера, ровным шагом текла по дороге к усадьбе³⁷⁰.

Следующая манифестация мифа – признание гения Пушкина универсальным (то есть отражающим все стороны национальной жизни). Когда фразу А. Григорьева (“Пушкин – это наше все”) пытаются вместить хоть в какие-нибудь “эстетические” берега, то нарушают сами законы функционирования ритуалом. Так, В. Новиков отмечает: “Это выражение Аполлона Григорьева стало расхожей половицей, нередко произносимой без ссылки на автора и почти всегда без учета того контекста, из которого эта фраза вырвана. Если понимать буквально, то перед нами полный нонсенс. Никакой поэт не может быть «все», ничье творчество не может заменить нам литературы в целом. Но не будем бросаться в споры с поэтом и критиком середины прошлого века: он вовсе не хотел, чтобы мы с утра до вечера читали только Пушкина. Гипербола Григорьева возникла в его статье «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» (1859) как полемический отклик на статьи А. Дружинина: «...Дружинин взглянул на Пушкина только как на нашего эстетического воспитателя. А Пушкин – наше все: Пушкин – представитель всего нашего *душевного, особенного*, такого, что остается нашим *душевным, особенным* после всех столкновений с чужим, с другими мирами». Как видим, подо «все» имелось в виду всего-навсего национальное своеобразие (то есть примерно то же, что Гоголь так нечетко пытался обозначить пресловутым «через двести лет»). В наше же время формулой Григорьева пользуются не столько для возвышения Пушкина, сколько для принижения других русских поэтов”³⁷¹.

Но Григорьев действительно выразил то, что у всех “вертелось на языке”. Пушкин по законам мифа должен был обратиться в это самое “все”. “Всего-навсего” национальное своеобразие и есть универсальная категория коллективного сознания нации. Если миф о Пушкине как главном национальном поэте возник, то неизбежно должен был разрастись до такого масштаба. П. Давидхази рассуждает об универсальности шекспировских текстов, которые можно цитировать по любому случаю. Пушкинское наследие ждала та же судьба. Не случайно на обеденном меню красовались “подходящие” строчки. Это было только началом “внедрения” пушкинских стихов во все сферы жизни. Разумеется, начало – понятие относительное. Согласно легенде, еще в 1822 году к Пушкину пришел толстый немец с просьбой продать ему в качестве рекламы ваксы, которой он торговал, строчку “Светлее дня, чернее ночи”³⁷² (в “малой прессе” 1890-х годов этот анекдот будет пересказан с характерным прибавлением о том, что на этой сделке Пушкин “заработал” 50 рублей³⁷³).

Пушкинские строки становились частью душевного опыта людей (такова интерпретация П. Дебрецени истории с письмом Грановского невесте, где он цитирует элегию “Безумных лет...”³⁷⁴). Но

его стихи выполняли не только свое “прямое назначение”. “Привлечение” пушкинского наследия к самым разным сферам жизни в качестве “эталона” или особого “освящения” предмета началось давно, и вовсе не в целях рекламы. Так, в 1840 году появляются воспоминания Н. Греча о Пушкине. Это просто небольшое вкрапление в его статью “Нынешняя орфография”, где он сообщает о том, что Пушкин в 1827 году заинтересовался его “Грамматикой”, делал разные замечания по этому поводу. Но это вкрапление интересно самим своим пафосом. Греч неслучайно предпосылает воспоминанию вопрос: “Знаете ли вы, кто еще из наших писателей был отличный грамматик, любил толковать о грамматике, старался решать затруднительные вопросы? – Пушкин!”³⁷⁵ Кроме Пушкина, любителями грамматики в статье названы Карамзин и Жуковский. Но они – само собой. А Пушкин – это сюрприз. И в то же время это “высшая санкция”.

Греча надо считать одним из первых, кто использовал факты биографии и само имя Пушкина в целях “привязки” к собственной теме, ее “освящения”, как использовались в советской науке имена Маркса, Энгельса, Ленина (или, в более “мягком” варианте, по словам Б. С. Мейлаха, “кто-то остроумно заметил, что рассмотрение любой проблемы обычно начинается так: «Еще Аристотель» или «Уже Аристотель...»³⁷⁶). Характерно, что в столетний пушкинский юбилей появились статьи: “Пушкин и железные дороги России”, “Пушкин и сельская школа”, “Русская ямская и почтовая гоньба в сочинениях А. С. Пушкина”. А. Пешехонов (критик-скептик, который, анализируя юбилейные события, горько повторил слова из “Сына отечества”: “...такое чувство испытывают люди, когда возвращаются с кладбища” – и сформулировал собственное отношение энергично и резко: “Пушкинский год мы действительно пережили”³⁷⁷), отмечая эту тенденцию к “привязкам”, говорит о тех, кто не сумел таких “привязок” найти: “Дворяне имели дело до Пушкина, потому что он был дворянин... почтальоны, потому что он воспел почтовую гоньбу, болтуны, потому что у Пушкина был долгий язык и т. п. Журнал «Хозяин» не имеет права писать про Пушкина, потому что он не имел отношения к сельскому хозяйству, а отчет о саранче его слишком краток”³⁷⁸.

Пешехонов называет города, отказавшиеся широко отмечать юбилей поэта – Серпухов, Вольск, Воронеж и т. п. – по той причине, что Пушкин “ничего для них не сделал”: ни одной каланчи не соорудил, ни одного колокола не повесил... Критик точно определяет причины такого отношения: “Обыватели ведь не напрасно занялись выяснением особенных заслуг Пушкина перед ними самими, не задумываясь о его заслугах перед литературой и о заслугах литературы перед родиной. Чествовали в сущности не литературу в лице вид-

нейшего ее представителя, а только Пушкина, вне связи с литературой и, пожалуй, даже в противовес ей”³⁷⁹. Но несмотря на горечь, выраженную в статье Пешехонова, важно, что автор уловил эту общую атмосферу “обязательной привязки”. Каждое ведомство, организация, шире – общественный институт – должны были искать какую-то “нишу” для Пушкина в своей специфической сфере. И это вполне удавалось.

Ю. В. Дружников составляет коллекцию таких “привязок” по отечественной прессе: “Особая часть поп-пушкинистики – использование имени Пушкина в различных областях жизни. Три непеременимых профиля: Пушкин посредине и по бокам Ленин и Горький – украшали долгие годы советскую «Литературную газету», сегодня остался одинокий Пушкин. Попытаемся привести в систему аллилуйю, поющую поэту.

Пушкин и идеологическая работа. Газета «Красная звезда» министерства обороны рассказывает о патриотизме самого Пушкина и о героических подвигах праправнуков поэта в разных войнах: «Потомки Пушкина защищают Отечество». В газете «Советский патриот» – статья «Мой друг, отчизне посвятим...» Страна празднует 50-летие революции, и «Известия» публикуют мистическую, судя по названию, статью председателя комитета по проведению всесоюзных пушкинских праздников Ираклия Андроникова «У Пушкина в год Октября». В республиках Пушкин назывался «певцом дружбы народов».

Пушкин в международных отношениях. Поэт разоблачал американский империализм: «Пушкин о США в “Джоне Теннере”». Из журнала «Народы Азии и Африки» узнаем, что Пушкин помогал писателям братского Вьетнама осваивать метод социалистического реализма. Журнал «Азия и Африка сегодня» печатает статью «Под небом Африки моей». Журнал «Звезда Востока» – статью «Мне ум и сердце занимали твой взор и дикая краса. Образ женщины Востока и эволюция Пушкина».

Пушкин и экономика. Согласно книге экономиста А. Аникина «Муза и Мамона: социально-экономические мотивы у Пушкина», поэт был выдающимся экономистом. Тут собрано все, что поэт когда-либо сказал о деньгах. Жалобы поэта на материальные трудности также отнесены к его экономическим взглядам; говорится и о любовных похождениях поэта, если он за них платил. Строка о лени Онегина «Зато читал Адама Смита» комментируется так: «В ней с гениальной интуицией затронуты важнейшие вопросы экономического развития Западной Европы и России». Пушкин раскрывает нам диалектическую зависимость формулы Маркса «товар – деньги». Нет доказательств, что Пушкин читал Смита. Значит, должен был услы-

шать о нем от лицейского профессора Куницына. Но читал ли Сми-та Куницын? Доказательство восхитительное: «Тургенев в своем гет-тингенском дневнике записывает, что читает Сми-та. Весьма вероятно, что одновременно Сми-та читал и Куницын». Маркс не читал Пушкина, но процитировал упомянутую строку Пушкина по подсказке Энгельса. Далее тринадцать страниц книги Аникина посвящены тому, как роман «Евгений Онегин» помог основателю марксизма понять социально-экономическое положение в России. Оценки самих произведений Пушкина в книге впечатляют: «На любую тему он пишет так, как никто не писал до него, да никто после» (!). По-видимо-му, экономические проблемы российский экономист уже решил и от избытка досуга занялся поп-пушкинистикой.

Пушкин и право. В журнале «Социалистическая законность» (статья «Право в жизни и творчестве Пушкина») сообщается, что Пушкин получил в лицее юридическое образование. В творчестве его занимают видное место государственно-правовые проблемы, критика буржуазного права и, конечно, жестокость американской демокра-тии. Занимался поэт также авторским правом и ставил вопрос о запрещении безнравственной литературы. Заметим: статья о том, что не от цензуры страдал Пушкин, а – помогал цензуре.

Пушкин в народном хозяйстве. Газета «Речной транспорт» печатает статью «Предки Пушкина – выдающиеся инженеры и деятели водного хозяйства». Журнал «Лесная промышленность» – статью «Приду под липовые своды». В газете «Гудок» – статья «Голос, тревожащий сердца». В журнале «Наука и религия» – статья «Еще ми-нута – и мы предстанем перед Богом...» Долгие годы существовала газета «Пушкинский колхозник», и поэт участвовал в коллективиза-ции. В газете «Сельская жизнь» – статья «Не зарастет народная тро-па», где Пушкина делают агрономом.

Пушкин и медицина. Кроме книг о Пушкине, сочиненных вра-чами, где утаиваются щекотливые детали здоровья (например, вене-рические болезни), в журнале «Вопросы курортологии» мы нашли статью «Пушкин и Лермонтов на Кавказских минеральных водах» о том, что поэты принимали грязевые ванны и нам велено. Журнал «Клиническая медицина» писал, что Пушкина интересовали вопро-сы запоров и задержки мочи у его героев, что способствовало «разви-тию передовой общественной медицинской мысли в стране»³⁸⁰.

Разумеется, в подборке Ю. Дружникова очевидна предвзятость, но в целом явление носит массовый характер, становится именно манифестацией ритуала, а не результатом излишней ретивости “це-ховых” журналистов (как полагает, очевидно, автор подборки).

“Энциклопедия русской жизни” (если так обозначить все твор-чество поэта) оказалась вполне универсальной и отвечающей свое-

му “ответственному” жанру. “Гадание” по книге стихотворений Пушкина прочно вошло в обиход. Особенно важно, что на разных страницах пушкинского собрания сочинений можно было найти строки, вполне устраивающие представителей враждующих партий и общественных движений, что можно считать доказательством универсальности наследия поэта.

Наконец, третья манифестация мифа в ритуальной практике – исключение какой бы то ни было критики в адрес объекта культа. Всевозможные интерпретации фактов, открытие новых документов, порочащих память поэта, нисколько не умаляют представлений о его непреходящей ценности в национальном масштабе. Все споры вокруг Пушкина идут именно о характере интерпретации. Резко выступая против “идоломании” вокруг поэта, интеллигенция тем самым пытается отстоять “своего Пушкина”.

Особенно ярко такое положение вещей обнаружилось во время столетнего юбилея, когда представители “Мира искусства” отмежевались от официального чествования поэта (но не от самого Пушкина). “Единый фронт” в защиту Пушкина в майском номере “Мира искусства” за 1899 год изучен достаточно основательно³⁸¹. Авторитет Пушкина оставался непререкаем. И если в этом номере “Мира искусства” В. Розанов заявлял о том, что Пушкин слишком “строг” и “трезв” для того, чтобы стать пророком, то уже в “Возвращении Пушкина” (1912) он становится по-настоящему одержим любовью к непогрешимому поэту. Пушкин превращается в Адама, который ходит по Божьему Саду и указывает: “А вот что еще можно любить!”, в конечном итоге, он становится тем самым “Потерянным Раем”, обретения которого жаждет нация³⁸².

Одно из основных утверждений И. В. Кондакова в статье “«Потерянный рай» русской литературы: Проблемы возвращения” таково: “...изменчиво отношение общества с таким всеобъемлющим, можно сказать, символическим именем для национальной культуры, как Пушкин: то его апология достигает поистине религиозного поклонения, обретая формы чуть ли не фанатического культа – со всеми вытекающими отсюда крайностями тотемизации и табуирования национальной святыни; то, напротив, низвержение идолов превращается в самоцель, и для борьбы со слепым восторгом традиционалистов оказываются хороши все средства – и осмеяние, и обличение, и научно аргументированная критика, и политические ярлыки... и презрительное игнорирование как наследия, так и самого имени поэта. При этом для обеих тенденций в принципе свойственны искажающие интерпретации и модернизации (в угоду современности) – либо в «лучшую», либо в «худшую» сторону: от сакрализации до пародирования”³⁸³. Мнение ученого спорно: периодов “низвержения идо-

лов” в истории пушкинского мифа не было. Отдельные голоса против поэта по сути были подтверждением внутреннего признания его первенства (как, например, в случае с Писаревым или футуристами). Любые азартные споры вокруг значения его наследия оказывались спорами в рамках “огромное” – “всеобщее”, амплитуда не так уж и велика. Нельзя назвать ни одного периода, когда отношение к Пушкину стало бы на *всеобщем* уровне негативным. Когда под “знамена” Писарева вставало целое поколение, другое поколение (и, кстати, то же поколение, но другого социального слоя) собирало деньги на памятник поэту. Что же касается “презрительного игнорирования наследия” Пушкина, то это было совершенно исключено. Тот же Толстой, не являвшийся на официальные чествования Пушкина с завидным долготелетним постоянством, трепетно перечитывал тексты поэта и мог “закрутить” из нескольких вскользь брошенных строк “целый роман” – так было, например, с “Анной Карениной”, как известно, “рожденной” из незавершенной прозы Пушкина³⁸⁴.

В подробном и обстоятельном (а также подкупающем своей методологической стройностью) исследовании Т. В. Назаровой³⁸⁵ дается обзор самых резких по отношению к Пушкину позиций 60–80-х годов XIX века, выраженных журналами “Отечественные записки” и “Дело”. В результате выявляется, что гениальность Пушкина признавалась всеми участниками дискуссий, и даже наиболее “антипушкинские” выступления отдавали дань уважения его таланту (основная критика сводилась к вопросу об утилитарной “нужности” наследия Пушкина, то есть повторяла главные пункты “обвинения” Писарева). Таким образом, даже в годы, которые можно назвать “ниспровержением”, это ниспровержение не имело всеобщего характера.

Отсутствие критики в адрес Пушкина становится общим местом во втором столетии существования пушкинского мифа и наиболее ярко проявляется в юбилейный 1937 год. Речь здесь идет не столько о выступлениях в Советском Союзе, где, как многократно показывалось, Пушкин в это время был “приспособлен” к “нуждам” новой государственной системы, а о праздновании пушкинского юбилея в эмигрантской среде и – шире – вообще за границей. Пушкин признавался важнейшей фигурой не только в российской, но в славянской культуре вообще. В предисловии к февральскому выпуску 1937 года “The Vassar Review” (литературный журнал женского колледжа “Вассар” штата Нью-Йорк) президент этого колледжа Г. Н. Мак-Кракен назвал XX век “веком славянской культуры”: “Либеральное образование Запада уже не может себе позволить игнорировать существование двухсот пятидесяти миллионов славян, имеющих свою высокую эстетическую культуру, которая должна будет сыграть великую роль в будущей мировой драме... Некоторые из

нас должны выучить их языки, их историю, их жизнь и стать переводчиками для других... Столетие со дня смерти Пушкина (10 февраля 1937 года), ведущей поэтической фигуры в славянской литературе, указывает на краткий срок, за который славяне получили признание. Мы правильно делаем, что присоединяемся к всемирному празднованию, чтобы отметить этот период, в течение которого мы поняли, что славяне – часть, и великая часть нашей нынешней цивилизации”³⁸⁶.

Пушкинская художественная непогрешимость (быть не просто “выше” критики, но абсолютно “вне” ее) становилась инвариантом мнений о поэте. Ритуалема (объект ритуала вне критики) превращалась в часть сознания.

Таким образом, основные манифестации мифа в виде различных ритуальных практик можно наблюдать на протяжении всей истории мифа. Беглый обзор этих проявлений позволяет более основательно остановиться на ритуале, исполненном непосредственно в юбилейные дни.

Прежде всего, двухсотлетие со дня рождения Пушкина было воспринято как ответственная дата. Важно, что, например, переход в новое тысячелетие не произвел на население такого будоражащего действия, как юбилей поэта. Наиболее очевидная манифестация мифа была связана с самой организацией чествований, причем во многих чертах эта организация повторяла ходы, “отработанные” сто лет назад.

Президент Б. Н. Ельцин подписал указ о создании специальной государственной юбилейной программы “Пушкин и современность” (1994–1999), которая была призвана координировать подготовку к знаменательной дате в масштабе всей страны (“пушкинская пятилетка”). Так же, как и Пушкинская комиссия 1899 года, ответственные организации, занимающиеся реализацией программы, планировали ряд самых различных акций. Главная ответственная комиссия получила название Юбилейной (Юбилейная комиссия по подготовке и проведению 200-летнего юбилея А. С. Пушкина, образованная постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 15 февраля 1993 года № 134 “О мероприятиях по подготовке и проведению 200-летнего юбилея А. С. Пушкина”). Само название комиссии (“Юбилейная” вместо “Пушкинской”) показательно. За шесть с половиной лет до двухсотлетия Пушкина создается комиссия, которая называется просто “Юбилейная” – это значит, что за весь этот период других юбилеев не предвидится. Синекдоха “юбилей” однозначно разворачивалась в полное “пушкинский юбилей”.

Важно, что к юбилею стали готовиться задолго до самого торжественного события (никому не пришло в голову готовиться к “встрече” третьего тысячелетия). Несколько лет подряд каждая область закладывала в свой бюджет расходы на федеральную программу “Пушкин и современность”³⁸⁷. Проведение торжеств, с одной стороны, стало закреплением сложившихся традиций, с другой стороны, продемонстрировало стремление “распределителей средств” “не ударить в грязь лицом” друг перед другом. “Экономить на Пушкине” оказалось непрестижно и непатриотично, хотя многие рассуждали о том, что эти средства можно было использовать в более насущных целях (точно так же роптали скептики сто лет назад). “Челябинский рабочий” от 5 июня 1999 года приводит факты о московских затратах: Лужков своими средствами перекрыл федеральные, истратив на юбилей 88 против 68 миллионов рублей³⁸⁸. Помимо “материальной стороны”, была и “идеальная” – как добиться адекватности самого ритуала переживаемым чувствам? Перечислим основные мероприятия, запланированные к юбилею на высшем уровне (Министерство культуры РФ).

На первое место были выдвинуты ремонтно-реставрационные работы. Их объем и характер говорят о стремлении государства максимально решить проблему “пушкинского мемориала”: реставрировались не только основные места паломничества, но и многое, что связано с Пушкиным косвенно (усадебные дома его знакомых, например): памятник А. С. Пушкину на Тверском бульваре – ремонтно-профилактические работы (Москва); Всероссийский музей А. С. Пушкина (Набережная реки Мойки, 12, г. Пушкин, Музей-лицей, Музей-дача) – ремонтно-реставрационные работы, создание литературно-монографической экспозиции “А. С. Пушкин. Личность, жизнь и творчество” (Санкт-Петербург); надгробия родных и друзей А. С. Пушкина в некрополе Александро-Невской лавры – реставрация (Санкт-Петербург); церковь Спаса Нерукотворного образа (Конюшенная церковь) – восстановление иконостаса (Санкт-Петербург); Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник “Михайловское” – ремонт и реставрация усадеб в Михайловском, Петровском, восстановление парков; создание экспозиций в Михайловском; реставрация могилы А. С. Пушкина (Псковская обл.); Государственный литературно-мемориальный и природный музей-заповедник А. С. Пушкина “Болдино” – воссоздание церкви Успения на территории музея-заповедника, проведение противоаварийных работ дома А. А. Пушкина в д. Львовка, воссоздание часовни на месте некрополя рода Пушкиных, создание новой экспозиции музея-заповедника, реставрация экспонатов (Нижегородская обл.); музей-усадебный комплекс Остафьево “Русский Парнас” – рес-

таврация памятников писателям, благоустройство парка, создание юбилейной экспозиции (Московская обл.); некрополь семьи А. А. Пушкина – реставрация надгробий в усадьбе Васильчиковых-Ланских в г. Чехове (Московская обл.); музей-заповедник “Большие Вяземы-Захарово” – ремонтно-реставрационные работы по Восточному флигелю усадьбы, реставрация памятника на могиле брата Пушкина (Московская обл.); музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Берново – создание экспозиции в доме Вульфов, реставрация экспонатов (Тверская обл.); усадьба Гончаровых “Полотняный завод” – реставрация главного дома, создание музейной экспозиции (Калужская обл.); усадьба В. Набокова “Рождествено” – создание экспозиции “От Пушкина к Набокову” (Ленинградская обл.). Последняя позиция весьма показательна и имеет отношение к такому ритуальному моменту, как “привязка”, “освящение” именем Пушкина любых мероприятий и событий (“круглые” юбилеи Набокова совпадают с пушкинскими с разницей в сто лет). Таким образом, государство достаточно полно взяло на себя все, что было связано с рэмблингом. Хотя, разумеется, федеральная программа ни в коей мере не исключала “инициативу снизу”³⁸⁹.

Чтобы посмотреть, как реализовывалась эта часть федеральной программы и в целом обнаружить некоторые закономерности ритуальной практики, обратимся к прессе юбилейных дней³⁹⁰. Взятые для анализа издания вполне репрезентативны. Газетный “юбилейный шум” интересен не как свидетельство “редукции” имени поэта, а как зеркало массового отношения к поэту, что, в свою очередь, и является “маркером” реального места Пушкина в культурном поле страны. В прессе юбилейных дней первое место по частоте занимают статьи о реставрации пушкинских музеев и памятных пушкинских мест. Это сообщения о лицее, музее на Набережной Мойки, усадьбах в Болдино, Захарово, домике “станционного смотрителя” в Выре и т. п. Лейтмотив публикаций на эту тему: хорошо, что так много сделано в преддверии юбилея, но что будет 7 июня³⁹¹? Газеты наперебой сообщают о завершении ремонтных работ, обновлении экспозиций, строительстве новых объектов, связанных с туризмом по пушкинским местам.

Очевидно, что общее большое количество сообщений о реставрации и введении в музейную практику очередного “массива” пушкинских мест прямо соотносится с федеральной программой. Здесь наблюдается “синтез” общественного мнения и государственных задач: в представлении населения именно государство должно заниматься сохранением памятных мест (так было и сто лет назад), а государство, в свою очередь, готово считать эту работу первостепенной по важности.

В рамках проблемы рэмблинга по пушкинским местам возник и спор между представителями церкви и государства о восстановлении культовых зданий, имеющих отношение к жизни Пушкина. Аргументы и с той, и с другой стороны имели веский характер, и единого мнения так и не возникло, хотя общая победа оказалась на стороне церковных кругов (см. материалы предыдущей главы).

Кстати, спор о соотношении в ритуале церковного и “неоязыческого” (по выражению Э. С. Лебедевой) вступает в противоречие с главным принципом рэмблинга – свободой передвижения. Храм ограничивает такую свободу (во многом), например, принадлежностью к определенной конфессии. Представитель иной, чем православная, веры оказывается в таком храме “чужим” и даже нежелательным лицом. Если же он входит в церковь как в музей (т. е. для него и богослужение, разворачивающееся в этот момент, – лишь элемент “экспозиции”, экзотика “памятного места”), то спор можно считать бессмысленным. В конце концов, и действующие храмы, имеющие какое-либо музейное значение, не отказываются от элементов “музейности” (например, экскурсоводов). По всей видимости, и Святогорскому монастырю не “вытеснить” могилу Пушкина на “второй план” (“Пушкин при монастыре”). Скорее всего, произойдет “победа” ритуальной практики рэмблинга – слом устанавливаемых запретов (это похоже на механизмы граффити – надписи делаются несмотря на то, что специальные службы занимаются их уничтожением, причем особенно ожесточенно восстанавливаются граффити, связанные с ритуально значимыми местами – например, рисунки в “булгаковском” подъезде).

Второй раздел федеральной программы – проведение всевозможных выставок, фестивалей, конкурсов, симпозиумов, чтений: Всероссийская выставка “Пушкин и история России” (Москва); Всероссийская выставка “Пушкин. Два века русской культуры” (Санкт-Петербург); выставка “Трагедия А. С. Пушкина “Борис Годунов”. Круги истории” (в рамках проекта “Пушкин и сцена”) (Москва); выставка, симпозиумы, чтения “А. С. Пушкин глазами современников и потомков” (Санкт-Петербург); выставка “Всемирный Пушкин” – Международная конференция, симпозиум, конкурс, литературные вечера на базе выставки (Москва); VI Пушкинский театральный фестиваль (Псков); Пушкинский международный театральный фестиваль (Москва); фестиваль “Русская классика. А. С. Пушкин – И. С. Тургенев” – прием коллективов, аренда залов (Орел); Всероссийский фестиваль оперно-балетного искусства “Болдинская осень” (Нижний Новгород); VI Международный Московский фестиваль театральных школ “Подиум-99” – “Пушкин и театр” (Москва); III Международный Рождественский фестиваль искусств (Новосибирск); Междуна-

родный фестиваль “Лицейская осень” (г. Пушкин Ленинградской обл.); мероприятия Российского Дома народного творчества “Народная Пушкиниана” (Россия): “Театр уж полон” – Всероссийский фестиваль детских любительских театров “Калужские каникулы” (г. Калуга); “Пушкинская хоровая ассамблея” – Всероссийский фестиваль академических хоров “Поющая Россия” (Москва); “У Лукоморья” – Всероссийский фестиваль-конкурс юных исполнителей народной песни (Псков); “Я помню чудное мгновение” – выставка работ фотохудожников России – заключительный этап (в регионах России); “Душой исполненный полет” – Всероссийский фестиваль коллективов классического танца (Санкт-Петербург); “По всей Руси великой” – праздник народного творчества с участием лучших художественных коллективов России (Москва, ЦПКиО; парки Москвы); торжественный вечер, посвященный 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина (Москва, Большой театр); Пушкинский праздник поэзии (Москва, Санкт-Петербург, Пушкинские Горы); фестиваль современного изобразительного искусства “Пушкин и современность”: а) выставка графики современных русских художников (Нижний Новгород, Самара, Казань, Тверь, Калуга, Иваново, Екатеринбург, Пермь, Кемерово, Санкт-Петербург и др.); б) акция “Пушкин в городе” (Москва); в) аудиовизуальные программы (Москва); Международный фестиваль искусств “Пушкин и Гете” (Москва); “Пушкину посвящается” – Международная выставка современного искусства, посвященная 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина (Москва); передвижная выставка “Пушкинские образы в творчестве наивных художников России” (два маршрута: 1. Москва – Калининград – Псков – Череповец – Котлас – Киров – Москва; 2. Москва – Владимир – Суздаль – Иваново – Ярославль – Кострома – Москва); постановка драматических и музыкальных спектаклей по произведениям А. С. Пушкина (Россия); показ лучших драматических и музыкальных спектаклей и программ по произведениям А. С. Пушкина (Россия).

Итак, это планы Юбилейной комиссии, достаточно разнообразно дополняемые планами “на местах”. Как видим, перед нами огромная программа выступлений самых разных коллективов – хоровых, танцевальных, художественных, театральных и др., – чье творчество “приурочено” к юбилею. Вся эта часть программы в определенной мере повторяет юбилей 1937 года (художественная самостоятельность была “нервом” этого праздника) и юбилей 1949 года (когда на первый план вышло “прикладное искусство”). Во всем этом многообразии можно проследить некоторые закономерности – “мажордомами” праздника назначаются музеи (на их базе организовываются симпозиумы и чтения), обязательный элемент празднества – торжественные заседания в лучших официальных залах, а также фе-

стиваль поэзии. В 1899 году в Санкт-Петербурге заседание состоялось в Большом зале петербургской консерватории, а на следующий день – гала-концерт в Таврическом дворце³⁹². В 1999 году заседание Первого Международного Конгресса поэтов состоялось в Таврическом дворце, а “гала-концерты” шли на всех крупных сценах города. В Москве торжественное заседание состоялось в Большом театре. Провинциальные города отмечали юбилей с немалым размахом.

Наиболее яркая примета фестивалей, конкурсов, концертов 1999 года (в отличие от столетнего юбилея) – их раскрепощенный характер, близость к фарсу, игре, стихии смеха. Поэтому “серьезные” формы празднования воспринимались нередко как “устаревшие” (например, критика в адрес центрального события пушкинских торжеств в Санкт-Петербурге – вечера в Александринском театре, где на протяжении всего концерта был сохранен высокий и торжественный стиль – от фонограммы с голосом Шаляпина, исполнившего романс на стихи Пушкина “Пророк”, до “Оды Пушкину” на музыку Чайковского и Глиэра в исполнении хоров Капеллы и Театра имени Мусоргского).

Напротив, “игровые” формы были наиболее желанными. Устроители праздника достаточно стихийно и массово почувствовали эту конъюнктуру. Ритуальная практика стала более гибкой, разнообразной по сравнению с предшествующими значительными пушкинскими юбилеями. Сохраняя традиционные формы (из которых вновь вернулись забытые и отодвинутые в сторону “торжественными заседаниями” панихиды по поэту), ритуальный репертуар обогатился за счет сближения с карнавальными ритуалами. Это проявилось, прежде всего, в постоянном, ставшем почти массовым, стремлении воссоздавать облик “живого” Пушкина. Желание “увидеть” поэта через 200 лет восходит, с одной стороны, к традиционной кумиротворческой формуле “живее всех живых”, а с другой стороны – буквально реализует потребность в “вызывании духа”.

Самая распространенная ритуальная практика, связанная с этим явлением, – приглашение прямых потомков поэта на торжества. Как мы уже отмечали, потомки Пушкина перерезали ленточки открываемых музеев, присутствовали на открытии памятников, включались в юбилейные комиссии и т. п. 1999 год не стал исключением, тем более, что потомков у Пушкина много. В число наиболее значимых событий культурной программы юбилейных дней, например, было включено торжественное открытие надгробного памятника на могиле Григория Григорьевича Пушкина (1913 – 1997), правнука А. С. Пушкина, последнего в России прямого потомка поэта по мужской линии (в церемонии приняли участие представители официальных кругов и потомки семьи Пушкиных). Интерес к родословной поэта про-

явился в самых разных формах – от путешествия экспедиции Игора Данилова в Африку и вручения в торжественной обстановке даров из Камеруна (где, как наконец точно установлено, и находится “историческая родина” поэта – а не в Эфиопии, как считалось до сих пор). Потомки поэта, приглашенные на основные юбилейные мероприятия, должны были в буквальном смысле олицетворять (и материализовать) “дух Пушкина”, быть его суррогатами. Это традиционное явление (Достоевский сообщает Анне Григорьевне о торжествах по поводу открытия памятника: “Видел (и даже говорил) с дочерью Пушкина (Нассауской)”³⁹³ – ошутим пиетет, хотя дочь Пушкина не является выдающейся фигурой в русской культуре, а Достоевский к 1880 году – признанная знаменитость).

Вариантом “материализации” духа Пушкина можно считать открытие новых памятников (например, в Царском Селе или у Пушкинского дома). Кроме того, были созданы десятки муляжей и манекенов “под Пушкина”. По-видимому, не сотни, а тысячи артистов – профессионалов и любителей – “переоделись Пушкиным”, загримировались под него. Кудри и бакенбарды оказались вполне репрезентативными чертами великого поэта. “Пушкин” в халате с “Санкт-Петербургскими ведомостями” в кармане открывал выставку в Фонтанном доме. “Пушкины” в цилиндрах разгуливали по Петербургу 6 июня 1999 года. Скорее всего, без этого не обошлось ни в одном городе, где прошли пушкинские торжества. Формулы “Пушкин с нами” и “Пушкин жил, Пушкин жив, Пушкин будет жить” не раздражали и не вызывали внутреннего протеста подобно формулам “прародительницам” ленинского периода советской жизни. 1 апреля 1999 года в Москве даже состоялась символическая свадьба Пушкина-памятника и вполне современной девицы в кожаных одеяниях и фате поверх вязаной шапочки. Девицу торжественно привели к самому памятнику, где развернули раскладушку. Девушка, которая собиралась провести апрельскую ночь на этой раскладушке, сообщила корреспондентам НТВ, что очень не прочь, чтобы памятник ожил³⁹⁴.

Важно, что празднование юбилея обязательно сопровождалось организацией массовых гуляний. В Санкт-Петербурге на площади Искусств было устроено настоящее шоу: на шести площадках шли всевозможные представления, основанные на привлечении зрителей к участию (особенная “ставка” делалась на детей). По всем улицам центра гуляла “массовка” в нарядах прошлых веков (совсем не обязательно пушкинской эпохи). Огромное стечение людей на Набережной реки Мойки, 12 производило впечатление демонстрации или, точнее, очереди в мавзолей. (Кстати, к 6 июня было приурочено открытие новой композиции в последней квартире Пушкина, и вход

для “простых посетителей” был закрыт на несколько часов. Особо никто этим не возмущался, но толпа продолжала терпеливо стоять на тридцатиградусной жаре в ожидании открытия музея – люди в толпе были самого разного возраста, от грудных детей до стариков и старушек). Стихийно выработался “маршрут” праздничного ритуала: площадь Искусств – Набережная Мойки (или Летний сад, где тоже было организовано уличное представление, – Набережная Мойки). Элементы “карнавальности” этого шоу в самом Петербурге были менее яркими, чем, например, в Царском Селе. На всех углах площади Искусств продавали флажки с различной “пушкинской символикой”, сделанные точно по образцу “первомайских”. Флажки охотно приобретались окружающими, особенно теми, кто пришел с детьми. Основными темами выступлений на открытых площадках были сказки Пушкина. Впрочем, открыто празднование было “серьезно”: пушечным выстрелом и речью губернатора Петербурга В. Яковлева, а также чтением стихов Пушкина и в честь Пушкина известными поэтами.

В Москве центральным “уличным” событием стал “официальный митинг” перед памятником Пушкину. Об этом подробно и с грустной иронией сообщает И. Сурат: “То, что происходило в Москве 5 июня 1999 года, во время ударных мероприятий у опекушинского памятника, воспринимается как печальная пародия событий 1880-го. «Уважаемые москвичи!» – обращался мэр с трибуны для почетных гостей. Обращался неизвестно к кому, поскольку улицы, прилегающие к памятнику, были перекрыты и потому пустынные, а «народная тропа» изображалась ковровой дорожкой через Тверскую, по которой шествовали мэр с премьером, чтобы «возложить цветы» руками курсантов, замедленно чеканящих шаг. Гремели оркестры и пели хоры, и все-таки это действие сильно напоминало возложение венков к Мавзолею или к могиле Неизвестного солдата и уж во всяком случае не имело отношения к Пушкину (не случайно и дату его рождения диктор провозгласил на всю страну с ошибкой). Русская литература была представлена поэтом Владимиром Костровым – комментировать его выступление, как и другие официальные речи, не хочется. Достоевского с Тургеневым не было. Камера то и дело наезжала на памятник и давала вид сверху. Боюсь, что сверху Пушкину все это было видно в истинном свете; Впрочем, и «грозных часовых», и кое-что еще он предсказал незадолго до смерти: «И, чтоб не потеснить гуляющих господ, пускать не велено сюда простой народ...»³⁹⁵ Как видим, торжественная часть предполагала участие “высокопоставленных лиц” и традиционный для событий государственного масштаба официоз. И. Сурат полагает, что больше всего это было похо-

же на “закрытие памятника”. Но и “карнавальный” Пушкин представляется ей таким же несчастьем юбилейных дней.

Театрализованное представление состоялось и на месте дуэли поэта. Царское Село устраивало Пушкинскую Ассамблею (в Москве тоже состоялось такое мероприятие) – настоящее костюмированное празднование с фейерверком (кстати, фейерверк стал одним из обязательных элементов праздников в Царском Селе). Большой концерт в Пушкинский День России проходил на открытой площадке для всех желающих, ливень остановил этот концерт, но как только тучи рассеялись, вновь собрались и артисты и зрители; праздник продолжался допоздна. Театрализованная экскурсия по городу и пушкинским местам тоже представляла собой карнавал – девушки-наездницы, гусарская форма оркестрантов, дети – участники экскурсии (из детских домов) были наряжены в костюмы пушкинских героев и ехали на дрожках. Главный праздник года в Пушкине – Царско-сельский карнавал – состоялся двумя неделями позже юбилейного дня, во многом повторяя свою “репетицию” 1998 года. Здесь “бронзовый Пушкин” (карнавальным костюмом под “памятник Поэту”) “открывался” весьма серьезной церемонией, а потом разгуливал по всему парку. Эмблемой карнавала стало “солнце русской поэзии” – стилизованный портрет Пушкина (бакенбарды, цилиндр) в окружении лучей с подписью “Пусть всегда будет Пушкин”. “Дурацкие” колпаки, дамские “чепчики” и “цилиндры” украшали головы гуляющих. Карнавальная культура, реализованная в русской традиции в основном на святки, переносилась на более “удобное” время года – лето. То, что праздник Пушкина и поэзии оказался вполне совместим с травестированными формами демонстраций, говорит о новом этапе ритуальной практики³⁹⁶.

Отметим, что подобные гуляния состоялись в разных городах России без всяких централизованных указаний. Например, О. Власова сообщает о праздновании Пушкинского Дня в Кузбассе: “У нас все гораздо проще – выпьем рюмочку за упокой его великой души, а вторую – за родной город. И Пушкин станет ближе и понятнее. Потом можно и погрустить наедине с поэтом и за нос его подергать, благо, такая возможность была. На аллее, ведущей к площади Пушкина и набережной, стояли симпатичные фанерные фигурки в костюмах начала XIX века, и сам поэт беседовал со своей тенью. А чтобы легче было погрузиться в ту далекую эпоху, по набережной гуляли барышни в платьях по моде “золотого века” русской литературы”³⁹⁷.

Игровые формы не исчерпывались “карнаваллизацией”. Так, центральная выставка к юбилею поэта, подготовленная Русским музеем, носила название “Игра и страсть” и достаточно резко отлича-

лась от традиционных “юбилейных” вариантов. Строгановский дворец разместил основные экспонаты выставки, представлявшей всевозможные игрушки, игры, народные празднества и гуляния, а также балы, маскарады, дуэли и азартные игры. Сцена дуэли Дантеса и Пушкина была представлена в восковых фигурах. На выставке была возможность поиграть в французскую рулетку или бильярд. Запланированная федеральной программой выставка “Два века русской культуры” в Манеже тоже содержала игровые элементы, особенно в той части выставки, которая была связана с современными интерпретациями судьбы поэта и его произведений. Все выставочные залы Союза художников на Б. Морской, 38 были отданы современной художественной Пушкиниане. И здесь можно наблюдать те же тенденции – особенно в “зоне авангарда”, о котором в связи с ритуальной практикой юбилея надо сказать особо.

Понятие “авангард” может считаться достаточно расплывчатым³⁹⁸. К авангарду традиционно относится “передовой фронт” культуры, ее самые “смелые и свежие” формы. Современный российский авангард в критических выступлениях разного плана традиционно связывается с постмодернизмом. Впрочем, есть смысл уточнить понятие “авангард” применительно к дальнейшему анализу фактов. Обозначим этим словом разные виды искусства, объединенные общим стремлением “слома традиции” – в основном, традиции соцреализма, хотя в последнее время это стало несколько банальным – зачем бороться с призраками, которых нет? Однако пушкинский юбилей оказался полем, потенциально заминированным опасностью “возрождения” “соцреалистической” практики (в самом широком смысле). Ритуализованное “по-советски” сознание вступило в конфликт с сознанием “пост-советским”. Как мы уже выяснили, общая тенденция перемен в ритуальной практике была связана с “раскрепощением” и выходом за рамки “освященного традициями” празднования. Миф о Национальном Поэте нуждался в адекватных ритуалах (адекватных новому уровню сознания носителей мифа), авангардные формы культуры оказались вполне востребованы юбилейными торжествами.

В чем особенности авангардистской позиции в “юбилейном вопросе”? Прежде всего, в искренности участия в торжествах. Не было обязательной “принудилочки”, “плана”, спускаемого “сверху”. Работы художников, поэтов, посвященные Пушкину, были действительно сердечной “данью”. На открытии одной из самых показательных выставок юбилейного времени, “Пушкин – это наше все” (объединившей экспонаты Всероссийского музея А. С. Пушкина и Хармсиздата), организатор выставки М. С. Карасик сказал: “Как ни смешно, нет художников в Петербурге, не откликнувшихся на юбилей Пуш-

кина”. Между тем на выставке раздавались листовки, содержащие “теоретическую” статью М. Золотоносова, и буклеты, текст которых был составлен С. Азархи. И статья, и буклет прямо декларировали отвержение былого поклонения, “ниспровергали” Пушкина и резко нападали на размах юбилейных празднований: “Нынче – финал: вызывающая рвоту телевизионная пропаганда, переиздания сразу всех книг о Пушкине, маразматические рассуждения старомыслов – от Н. Скатова до А. Кушнера... Все создает Большую Ложь. Ибо, конечно, представления о значении Пушкина для русской литературы и культуры очень сильно преувеличены, в поэты № 1 и «наше все» он возведен исключительно в пропагандистских целях (нужен царь зверей – лев, нужен царь поэтов – Пушкин), а на самом деле ему сильно повезло, что не он убил Дантеса, а Дантес – его”³⁹⁹; “Новый культ не только не отказался от старых традиционных обрядов, но без изменений позаимствовал их, взяв на вооружение мистерии, сопровождаемые религиозной экзальтацией, массовые паломничества к святым местам жизни и смерти, зажигание свечей по табельным дням, коллективное заучивание и произнесение вслух стихов – молитв и заклинаний, и ритуальный каннибализм, принявший форму причастия”⁴⁰⁰.

Однако сами экспонаты выставки демонстрировали “реальный вклад” авангарда в общие ритуалемы празднества. Если “ниспровержение” было понято как “выставление в смешном свете”, то эта цель оказалась недостижимой. Именно “ножницы” между “целями и задачами” выставки, формулируемыми организаторами, и самим характером работ ярко демонстрируют всеобщность манифестаций мифа. Вряд ли можно себе представить столь дружный отклик авангарда на, например, юбилей Есенина или Лермонтова.

Разумеется, можно возразить, что выставка и была “реакцией” на “тошноту славословий”. Однако и в форме примитивизма (“Сходите” М. Гавричкова – полотно, изображающее дуэль Пушкина и Дантеса в виде детского рисунка), и в жанрах “физиологического очерка” (“Мой Пушкин” Н. Эберлинг – литровая баночка с формалином, в котором плавают кишки, обвивая осколок гипсовой маски Пушкина) нельзя усмотреть столь призываемого “ниспровержения”. Дуэльная тема лидировала на этой выставке: и “след от пули Дантеса” (подпись под вполне случайной дырой на обоях), и картина В. Голубева с подписью: “...И переодевшись в платье убитого им Дантеса инкогнито покинул место дуэли”, на которой щеголь в плаще и золотой кирасе уверенно садится в карету, а другие участники дуэли за руки, за ноги тащат некое тело в подштанниках), и картина Д. Шагина “Пустое сердце бьется ровно”, где в Пушкина-“митька” целится страшный дядька, – все это многообразие не создает впечатления “ниспровержения”.

Попытка найти иные средства, убежать от “штампа” ведет к действительно новым формам выражения старого содержания, точно обозначенного общим названием выставки: “Пушкин – наше все”. Не случайно А. Флоренский включает портрет Пушкина в галерею “Любимые русские типы” наравне с Грибником, Солдатом, Матросом, Старушкой, Дачником и Солженицыным.

Подобные тенденции можно обнаружить в аналогичных выставках, развернувшихся в разных городах. Так, в Самаре был представлен экспонат “Мишень” (мишень для дертса), где каждый круг обозначался каким-нибудь жизненно важным органом Дантеса – “печень Дантеса”, “легкие Дантеса”, “глаз Дантеса”, а яблочко было “сердцем Дантеса”. В Челябинске была развернута целая выставка “Что в имени тебе моем?” художника Е. Щетинкиной, где Пушкин предстал в виде Циклопа, средоточия кровеносных сосудов, философа, призрака и пр. – в фарфоре, графике, керамике, живописи. Характерен текст буклета, выпущенного к выставке (Л. Сабельфельд): “К Пушкину у Елены отношение особое. Пушкин в пространстве ее творчества лишен мемориальности, стерта временная дистанция... при этом нет ни тени торжественного почитания”.

Но еще более яркий пример – поэзия. Поэтическая Пушкиниана пока не изучена – количество посвященных Пушкину стихотворений было огромным уже к столетию, а к двухсотлетию может считаться необозримым. Пушкинские библиографии не могут отразить всей полноты этого явления, особенно неуловимыми для “учета и инвентаризации” оказываются последние десять-пятнадцать лет, когда широко распространилась практика кустарного выпуска книг, в том числе и поэтических сборников. Пока не проведена подготовительная работа по сбору этой рассеянной информации, трудно говорить о закономерностях. Однако некоторые предварительные выводы возможны.

Прежде всего, размах Пушкинианы был неимоверен. Не только очень многие признанные поэты пожелали откликнуться на юбилей, но прошли специальные “самодеятельные” конкурсы поэзии на самых разных уровнях – от младших школьников до ветеранов.

Одно из ключевых мероприятий праздника – Первый Международный Конгресс Поэтов, открытие которого состоялось в Таврическом дворце, – тоже оказался во власти новых тенденций. Хотя внешне конгресс был строго выдержан в рамках жанра “серьезного” заседания, организация самого его хода имела вполне ощутимый налет импровизации и карнавальности. Выступления поэтов оказались сюрпризом для многих из них, а избранные для исполнения стихи часто рассчитаны на эпатаж. Эпатажным был и доклад Дм. Пригова (как и чтение мантры “Мой дядя самых честных правил”). Впрочем,

амплитуда избранных форм поминания поэта была огромна. Так, Б. Ахмадулина в своей речи избегала упоминать имя Пушкина, используя всевозможные метонимии, и объяснила это как принципиальную позицию: “Я не хочу его лишний раз окликать”.

Стихи, посвященные Пушкину, касаются в основном фактов его судьбы. Это достаточно характерный момент – поэты “примеривают” на себя инвариантный путь. Т. Кибиров пишет “Историко-литературный триптих” (с фрагментом которого он выступил на Конгрессе), долженствующий описать метасудьбу Поэзии:

Ната, Ната, Натали,
Дал Данзас команду: “Пли!”

По твоей вине, Натуля,
Вылетает дура-пуля.

Будет нам мертвец ужо,
Закатилось наше все.

Просто все буквально наше,
Что ж ты делаешь, Наташа?

Далее:

Виновата ли ты, виновата ли ты,
Может, Пушкин во всем виноват?
Ты скажи, Натали, расскажи, Натали,
Чем же люб тебе кавалергард...

И наконец:

Пока в подлунном мире
Жив будет хоть один
Бряцающий на лире
Беспечный господин,

Найдется и Наташа,
И счастливый певец
Увидит в ней все также
Чистейший образец...

В поэтической Пушкиниане 1999 года ощутим общий отход от “сакрального” в сторону “профанного”⁴⁰¹, “братание” с Пушкиным,

стирание “хрестоматийного глянца” – в противовес, например, Пушкиниане 1987 года, материалы которой анализирует П. Дебречени, подчеркивая общую сакрализацию всего, что связано с великим именем⁴⁰². В качестве примера можно привести поэму К. Арбенина “Пушкин мой”. Эпиграф – “Я памятник себе // И долго буду тем” – соотносится с увертюрой:

Пушкин всякий. Пушкин разный.
Пушкин с венником и нимбом.
С топором и пистолетом.
С бакенбардами и лысый.
При регалиях и без...
Только разве ж это Пушкин?!
Это ж так – игра природы,
Видимость изображения.
Сам ты Пушкин –
Вот в чем соль!⁴⁰³

Далее в поэме говорится о детстве поэта (“Няньки ему умилялись. // Дядьки же так рассуждали: // “Махонький гад, да шустрый! / / Знать, далеко пойдет”), лицею (“В Лицее Пушкина не ждали – // На что им нужен был поэт // С таким нечистокровным рылом // В своем прославленном лице!”), Михайловском (“И хочется родимому // Попить винца с девицами, // И хочется кудрявому // Проехать в двучколке”) и т. п.

В “Предисловии” И. Квасова дается следующая оценка содержания поэмы (которую автор, как сказано в начале, считает лучшим своим творением): “...в книге Арбенина ... персонажи разных мифов сливаются в одну внутренне не противоречивую фигуру. Берутся только те эпизоды биографии, значимость которых для разных Пушкиных неоспорима, сами эти вехи мифологизированы, стали фразеологизмами (Болдинская осень). Из книги принципиально невозможно узнать ничего нового об Александре Сергеевиче. Но адская смесь шаблонов вдруг показывает поэта сложным, таинственным, необъяснимым. В то же время оказывается, что «Пушкин всякий, Пушкин разный...», свободно себя чувствующий в любом качестве, становящийся действительно ВСЕМ даже в большей степени, чем мог предположить Григорьев. Аллюзия Пушкин – Бог («Как атеист я в Пушкина не верю...») кажется не абсурдной, а вполне уместной, объясняющей многое в его образе (так и хочется сказать: нерукотворном). Он, как джинн, как газ, занимающий весь свободный объем, проникает везде, растворяется во всем. Арбенин примеряет на себя Пушкина. Оказался впору. Это могло бы вызвать раздраже-

ние, но эта возможность предоставляется и нам. Оказывается, и нам по плечу, и нам впору. Как некая мечта антропософа: бог внутри нас. В общем, поскреби любого русского, и ты найдешь Пушкина (выделено И. Квасовым. – М. З.)⁴⁰⁴. Размышления И. Квасова показывают, насколько “профанное” оборачивается своей противоположностью – “сакральным”. Этот пример позволяет судить об общих тенденциях⁴⁰⁵.

Важная манифестация мифа – использование текстов поэта как “привязки” по любому случаю – была явлена в предельных вариантах. Так, юбилейный выпуск “Общей газеты” (16 полос) использовал пушкинские строки в качестве всех заголовков (например: “Все было мрак и вихорь” – о Тунгусском метеорите, “Зовут заманчивые волны” – о гамма-излучении, “Так вот где таилась погибель моя!” – об опасности употребления триклозана и т. п.).

Особое место в оформлении торжеств играла “уличная реклама” – теперь на месте рекламных щитов устанавливались плакаты со строками пушкинских произведений (и в Санкт-Петербурге, и в Москве подобным образом были оформлены остановки общественного транспорта). Интересная черта этой манифестации – Пушкину приписывались строки, вовсе ему не принадлежащие (например, “Средь шумного бала, случайно...” А. К. Толстого или “Я лиру посвятил народу моему...” Н. А. Некрасова). Прецеденты такого приписывания восходят еще к самым первым шагам пушкинского мифа⁴⁰⁶, когда его имя ставилось под любыми строками “вольного” характера. Далее это явление разрослось до “мнимого Пушкина” – круга произведений, неизменно приписываемых поэту. Наконец, синонимичность слов “Пушкин” и “поэт” в массовом сознании укрепила ситуацию “мнимого Пушкина”. Когда Ю. Дружников с возмущением приводит факты вопиющего незнания наследия поэта (С. Довлатов, будучи экскурсоводом, “цитировал” “Ты еще жива, моя старушка?” вместо соответствующих стихов о няне, и никто не поправил его⁴⁰⁷), он не учитывает этого явления – подобная “культурная неграмотность” ярче всего демонстрирует механизмы вращивания “пушкинского мифа” в сознание нации. В Сочи в связи с юбилеем проходил Всероссийский открытый конкурс творческой молодежи “Россия. Пушкин. Новый век”. Один из участников конкурса провел опрос на улицах города и узнал, что Пушкин написал оперу “Евгений Онегин”, сказки “Золотой ключик” и “Конек-Горбунок”, стихотворение “Бородино” и роман “Война и мир”⁴⁰⁸.

“Привязка” Пушкина к разным явлениям культурной жизни проявилась и в стремлении самых разных, возможно, мало относящихся к поэзии вообще учреждений участвовать в чествованиях знаменитого поэта. Яркие примеры – Музей хлеба и Музей им. Докуча-

ева в Санкт-Петербурге. В Музее хлеба состоялось открытие выставки “Уж стол накрыт” по произведениям Пушкина (еда в его текстах), что напоминает соответствующий обед Общества гастрономов в этом городе сто лет назад (правда, там были поданы блюда из “Евгения Онегина”, здесь же была развернута познавательная выставка – гастрономическое “путешествие” по произведениям поэта, рецепты, сервировка, изображения разных ресторанов, трактиров и пр. пушкинской эпохи). Музей им. Докучаева представил экспозицию “Почва, по которой ступал Пушкин” с образцами почв пушкинских мест (не исключая даже Лукоморья).

Таким образом, основные черты ритуальной практики юбилейного 1999 года позволяют уловить ряд закономерностей: 1) традиционная схема юбилея сохранена (от “серьезно-торжественной части” к “застолью и танцам”; 2) внесены некоторые новшества по сравнению с празднованием советского периода: вернулись панихиды и участие церкви в торжествах; 3) внесены новшества по сравнению с юбилейной практикой всех предшествовавших юбилеев (новый этап оформления ритуала и показатель его нестабильности) – карнавально-игровой характер празднования, стремление усилить значение “веселого имени – Пушкин” в современной России, подчеркнуть “нескучность” поэта. Это проявилось прежде всего в “просачивании” игровых форм в “серьезные” юбилейные мероприятия⁴⁰⁹. Можно резюмировать, что ритуальная практика манифестаций пушкинского мифа имеет определенную логику развития: ничего окончательно не отбрасывая из своего опыта, она прибавляет к нему новые ритуалы. Ритуал оказывается подвижным и изменчивым, хотя сохраняет свою основную суть – манифестирует непреходящую значимость для нации ее главного Национального Поэта.

ГЛАВА 6. КИТЧЕВЫЕ ФОРМЫ КУЛЬТУРЫ ЮБИЛЕЙНЫХ ДНЕЙ

Основная тенденция ритуальной практики связана с выходом к игровым, подчеркнуто травестирированным формам. От этих форм не так далеко до китча – в буквальном смысле так называли дешевые массовые подделки (вернее, имитации) произведений искусства для их “вобывтовления” всем желающим. Наиболее расхожее представление о китче – это использование классических образцов в качестве “муляжа” для каких-нибудь “прозаических” вещей. Пушкин стал одним из первых “промышленных” поэтов – причем еще в XIX веке. Гипсовые бюсты, о которых уже говорилось, статуэтки и настольные бюстики продавались не только в столичных магазинах, но и с лотков разносчиков, промышленявших вдали от крупных городов.

Существуют достаточно подробные исследования всей этой массовой продукции. Так, И. Щеглов (Леонтьев) сообщает: “В Святых Горах все полно Пушкиным: карамель Пушкина, папиросы Пушкина, на занавеске нарисован весьма похожий портрет Пушкина, в чайной – портрет Пушкина и т. п.”⁴¹⁰; в Новоржеве (которого терпеть не мог Пушкин) автор обнаруживает в продаже носовой платок с изображением поэта – “новоржевцы не чужды мстительного чувства и прибегают к Пушкину только в крайнем случае”⁴¹¹. На ярмарке все хватают карамель Пушкина – с его портретом и картинками из его произведений. “Это в некотором роде «крик ярмарки». Высоченный парень с умилением коверкает: «Кто там, в малиновом берете, С полом испанским говорит?»”⁴¹²

Обстоятельный анализ всего этого “промысла” 1899 года делает П. Н. Берков: он составляет подробный перечень всех конфет, наливок, папирос, сообщает о званом обеде “Евгений Онегин”, велосипедном пробеге, о бездарных лубках, возмущении прессы и пр.⁴¹³ Несколько расширяет перечень этой продукции М. Кублицкая: в обеих столицах к юбилею появились пушкинские конфеты, папиросы, духи, мыло, чашки и водка. Морская галька с портретом Пушкина – Ялта и Новороссийск, ученические перья с портретами – Киев, Борисов, Белгород, Владикавказ, Екатеринослав. Похвальные листы учащимся с портретом Пушкина и изображением его героев отпечатаны были во Владикавказе, Казани, Одессе. Папиросы “Пушкинские” выпускала табачная фабрика в Вильне и др. Спичечные коробки с портретом Пушкина производились в Борисове и Мозыре Минской губернии. Карамель “Юбилейная” – в Одессе, конфеты с портретом Пушкина – в Архангельске. Пакет от резиновых подмышников “Виктория” с портретом Пушкина – Варшава⁴¹⁴. Эта же исследовательница приводит в пример фельетон из “Закаспийского обозрения” (Асхабад) от 26 мая 1899 года за подписью “Р. Л.” “Около Пушкина”. Торговцы собираются у подножья опекушинского памятника.

Первый.

Бросим скучные вопросы,
В храм поэзии вот дверь...
Выпускаю папиросы
“А. С. Пушкин” я теперь.

Второй.

Вот был истинный поэт!
Все его поэмы, сказки...
Выпускаю я, сосед,
“В память Пушкина”... подвязки!⁴¹⁵

С. Азархи иронически замечает: «Ритуальный каннибализм, так же как и его символическая, вегетарианская форма – христианское причастие, заключается в поедании жертвы, наделяемой желательными для поедателей качествами: силой и храбростью для язычников, чистотой и благодатью для христиан. Пользуясь емкой формулой «ты – это то, что ты ешь», легко объяснить, что акт коллективного поедания однородной пищевой субстракции служил объединению группы: семьи, клана, племени, нации не только на духовном, но и на молекулярном уровне, настраивая все физиологические процессы организма на один лад. На идее достижения физиологического единства зиждутся все совместные трапезы, праздничные пиры и, разумеется, само причастие. В 1899 году в столетний юбилей Пушкина ряд предпринимателей, интуитивно предчувствовавших необходимость объединения нации перед лицом грядущих мировых катастроф, выпустил на рынок России продукты питания растительного происхождения под названием «Пушкинь»: карамель и конфеты ПУШКИНЪ товарищества А. И. Абрикосова и сыновей; мармелад высший сорт с фруктами ПУШКИНЪ, Конради; шоколад ПУШКИНЪ, а также водку в стеклянном сосуде в виде скульптурного портрета Пушкина ПУШКИНЪ. Народ, съедающий или выпивающий означенные продукты, неосознанно и незаметно причащался кровью и плотью Пушкина, обретая через причастие свойства, желательные для себя и полезные для государства: национальную культуру, дар слова и патриотизм, проявленный поэтом в произведениях «Клеветникам России», «Борис Годунов», «Золотой петушок». В том же 1899 году традиционные для любого развитого культа воскурения и возжигания ароматических веществ с наркотическим действием – фимиамов, обрели современную форму табакокурения. Уместно вспомнить прототип – пресловутую «трубку мира» пионеров табакокурения американских индейцев, ее миролюбивую объединительную функцию. В продаже появились: папиросы крученые «Пушкинь» фабрики торгового дома Н. К. Попова вдовы С. Ф. Поповой и К⁰ в Москве; папиросы «Пушкинскія» 25 шт. по 15 коп. Курительные принадлежности – спички, спичечницы и портсигары с изображением Пушкина – пополнили культовую иконографию... В 1937 году не было забыто и причастие. В продажу поступило печенье «Пушкин» Моссельпром государственной фабрики «Красный кондитер», Москва²⁴¹⁶.

Некоторые данные были собраны в свое время С. Либровичем (в 1890 году он писал об этой самой водке – во флаконе-голове Пушкина⁴¹⁷). Н. И. Михайлова отмечает также, что в собрании Государственного музея А. С. Пушкина хранятся сейф с портретами поэта, портсигар, папиросы, чернильница, выпускаемые к разным юбилеям с 1899 по 1949 год.

М. О. Горячева добавляет к общему списку следующее: мыло “Пушкин” с портретом поэта, чудная вакса “Пушкин”, воротнички, манжеты, кальсоны “Пушкин”⁴¹⁸. М. Варденга восклицает: “Наивные, вы, наверное, тоже думаете, будто «Евгений Онегин» – роман в стихах. Отстали вы от жизни, отстали. Не были вы в Музее А. С. Пушкина на выставке «Пушкин как объект китча». А то бы поняли, что «Евгений Онегин» – это набор ручек, ножей, рюмок, сорт пирожков и вид паштета...”⁴¹⁹

Во всех этих перечнях, как видим, есть определенная закономерность. Самое очевидное заключается в том, что с начала возникновения всей этой “юбилейной” продукции сам факт такого использования имени и творчества поэта осуждался. Но приближался следующий юбилей – и портреты Пушкина снова попадали на всевозможные предметы.

Н. И. Михайлова в своей статье “Шоколад русских поэтов – Пушкин” приводит ряд фактов “конъюнктурного” использования портрета Пушкина и строк его стихотворений уже после юбилея 1949 года: открытка выпускнику школы с портретом поэта в окружении “официально признанных ценностей” (компьютер, глобус, колосья и пр.), картофель “Арина” в честь няни Пушкина, пасхальные яйца с портретом Пушкина 1991 года, вымпел с изображением Натальи Николаевны, носовой платок с Татьяной Лариной и словами “Я вам пишу”, гусиное перо с профилем Пушкина и его автографом, полиэтиленовый пакет с профилем Пушкина и указанием “3 кг, для пищевых продуктов”, спичечные этикетки с силуэтами работы В. Свистальского, кружка “Моцарт и Сальери”, металлическая брошь с портретом Идалии Полетики⁴²⁰.

Этот ряд весьма основательно дополнен юбилейными торжествами 1999 года. Полиэтиленовые пакеты были распространены повсеместно: с автопортретом из ушаковского альбома (это привычное изображение для пакетов), но здесь же зимний пейзаж (видимо, район Черной речки) и рукописные строки черновики; просто автопортрет; эмблема царскосельского карнавала (Пушкин-солнце). Конфеты и шоколад появились так же закономерно, как во все прошлые юбилеи. На этот раз зафиксированы конфеты “Пир во время чумы” (информация прошла в “Литературной газете”⁴²¹) и “Ай да Пушкин!” фабрики “Красный Октябрь”. Кстати, этикетка последней содержала парадоксальную по отношению к своему составу (“сахар, патока, подварка морковная, кислота лимонная”) цитату: “В болото превращают луг // И обнажают лес вокруг”. Шоколад (“Сказки Пушкина”) не “догнал” своих предшественников (“Шоколад русских поэтов – Пушкин”). Значки с портретом Пушкина выпускались широко несмотря на устойчивое исчезновение “классического” металличе-

го значка из продажи вообще и вытеснение его “индивидуально штампованными” вариантами. Значительное новшество – юбилейный рубль в честь поэта, где вместо номинала “1 рубль” воспроизведен автопортрет, автограф и даты “1799–1999”. Кстати, на выставке в Фонтанном доме одна из картин Дм. Шагина называлась “Уберите Пушкина с денег!” и имела объяснение: “Поэты-шестидесятники протестуют против юбилейного рубля с профилем Пушкина”. Если в 1987 году на юбилейной конференции упоминался (в качестве примера непозволительно вольного обращения с наследием поэта) рецепт салата “Медный всадник” из “Московского комсомольца”⁴²², то в 1999 году в продажу поступило лекарство от импотенции под тем же названием. Пиком “новшеств” можно считать выпуск туалетной бумаги, на обертке рулонов которой воспроизводился автопортрет поэта.

Особенный раздел “пушкинского китча” 1999 года – использование его имени и произведений в рекламных целях. Как уже отмечалось, имя Пушкина и строки его произведений были задействованы как рекламные не в 1880 году, а еще при жизни поэта. Рекламные кампании могли носить характер “расхваливания” товаров пушкинскими строками, или пушкинских книг “товарными комплиментами” (в книжной лавке Пушкин спросил свои сочинения. Торговец заломил втридорога и объяснил: “Пейте чай без сахара и читайте эту книжку – будет так же сладко, как и с сахаром”⁴²³). Настоящий “расцвет” околопушкинской рекламы приходится именно на двухсотлетний юбилей. Приведем примеры рекламных роликов некоторых всемирно известных фирм.

Ролик фирмы Соса-Сола “Я помню чудное мгновенье”: два молодых человека обсуждают проходящих мимо девушек – кругом метет метель, девушки, конечно, и в метели хороши, но молодые люди твердят: “Нет, это не она!” Наконец, одна из девушек выходит из пурги – она закутана, как колобок, но в руках у нее бутылка Соса-Сола. “О! Вот и она! Я помню чудное мгновенье!” – говорят герои ролика. (Так же назывался конкурс молодых дизайнеров одежды, состоявшийся в Москве и показанный по НТВ 26 марта 1999 года.)

Фирма Nescafe выпустила огромные уличные постеры с изображением молодого человека – героя ряда их роликов – с красной чашкой в руке и надписью: “Я вас люблю... Чего же боле?” (несмотря на то, что слова эти в “Евгении Онегине” принадлежат Татьяне).

В рекламе шоколадного батончика “Twix” “Особенности национального почитания поэтов” молодой человек в тире выиграл гипсовый бюст Пушкина; по дороге он притомился от нелегкой ноши, поставил бюст на колонну в парке и вытащил заветный батончик (“сделал паузу”). Когда он обернулся, у бюста стояли навытяжку суворовцы (в духе старого советского варианта “Поста № 1”) и какая-

то парочка новобрачных возлагала цветы (сзади на памятнике уже была сделана соответствующая надпись-граффити)⁴²⁴.

Почему же широкое осуждение всех этих фактов не останавливает воспроизводства таких явлений? Снова и снова пушкинский профиль появляется в хозяйственных отделах магазинов. Спичечные этикетки, открытки, марки, конверты вполне можно исключить из “опального списка” продукции – они “оправданы” своим более-менее художественным “рождением”. Но пакеты, обертки от невероятного числа совершенно никак не связанных с поэтом предметов – все это должно иметь объяснение.

Зачем предпринимателю использовать чей бы то ни было лик на своей продукции? Исключительно для того, чтобы взгляд потребителя остановился на его товаре, чтобы товар “победил” конкурентов. Расчет на то, что именно Пушкин окажется таким “крючком”, не мог возникнуть на пустом месте. Солидное число юбилеев поэта, вызывавших к жизни китчевую продукцию, вполне отработало эту практику. Главная причина здесь – именно “бум”. Коллекция “пушкинской” промышленной продукции доказывает, что размах празднований в каждом случае был огромен.

В 1937 и 1949 годах, разумеется, промышленники не могли (да и незачем было) развернуться таким образом, и эти юбилеи имеют искусственно ограниченную китчевую реализацию. Однако и там не удержались от “санкционированного” выпуска печенья, например, или чернильниц. Что касается 1949 года, то 12 лет между этими двумя юбилеями страна готовилась, как ребенок к дню рождения любимого родителя, – казалось, что все, кто не успел поучаствовать в гигантской выставке в Историческом музее в 1937-м, строга́ли, пилили, вышивали, ткали, отливали подарки поэту. “Народный промысел” 1949 года⁴²⁵ (сервиз “Евгений Онегин”, двухметровый ковер по портрету Кипренского, резьба по кости, кружево, фарфор, фаянс, гравировка, чернь, чеканка, ткани, миниатюрная живопись русских художественных лаков, жостовские подносы и т. п.) в целом можно считать аналогом процесса “распыления” в китче, хотя бы потому, что этот “промысел” достиг промышленного размаха.

Однако очень важно, что и отсутствие прямых утилитарных задач (сбыт товара в 1949 году проблемой не являлся), и достаточно сильное и опасное давление сверху (нужно было в промысле пройти по грани между “искусством” и “опошлением” – причем как знать, какой приговор произнесет критик? Неслучайно в статье Соболевского содержится выпад против “пушкинской темы” на чайной ложечке⁴²⁶) не стали помехой этому процессу. Ведь палехское искусство, например (по своей природе китчевое – три деревни, Палех, Мстера и Холуй, при царской власти занимались иконописью; в каждом доме расписывали эти лаковые миниатюры, что называется, “оптом

и навынос”), во многом “выжило” при новой власти за счет обращения именно к пушкинской теме.

1999 год с экономической точки зрения был периодом свободной конкуренции товаров, причем никакого идеологического давления на создателей рекламной продукции быть не могло. Таким образом, мы имеем “чистый” вариант “опушкинизации” рынка. Предприниматель обращается к пушкинской теме в надежде остановить обывателя возле своего товара. Завидное постоянство и повторение в общих чертах ситуации столетнего юбилея доказывает, что обыватель-потребитель останавливается и потребляет товар с “торговой маркой” “Пушкин”. Думает ли потребитель при этом, что нарушает правила хорошего вкуса, поддерживает пошлый промысел и пр.? Скорее всего, нет. Все, что было помечено “пушкинским присутствием”, во время юбилея оказывалось более ходким товаром (не исключая и пресловутой водки “Пушкин” – кстати, ее вариантов в этот раз была масса, например, “Болдинская осень” или “Арина Родионовна”, а также водка “Михайловская” с указанием, что изготовлена она из экологически чистых продуктов, произведенных в пушкинских священных местах; самая дорогая водка повторяла вариант 1899 года – стеклянный флакон в виде головы поэта). При этом интересно, что “пушкинская продукция”, оказавшись в числе лидеров потребительского рынка, естественно, была дороже, чем ее “неюбилейные” аналоги. Но все же она разошлась с молниеносной быстротой. Когда во время олимпиады 1980 года в Москве ее символ – Олимпийский Миша – украшал собой самые разные товары, возникла жесткая поговорка: “Где эта рожа, там дороже” (действительно, любой товар с олимпийской символикой продавался по завышенным ценам). Что касается “пушкинской рожи”, она никого так не раздражала (хотя цены тоже были высоки).

Пушкин – знак “своего”. Раз Пушкин, значит, хорошо. Своеобразный “маяк” на прилавке. Внутреннего осуждения (на массовом уровне) не получилось. Значит, задействованы механизмы более сложные, чем только “хороший вкус – безвкусица”. Рассуждения о полном уничтожении “порога вкуса” в стране мало учитывают те внутренние процессы, которые этот порог обеспечивают.

“Пушкинский китч” тесно связан с одной из важнейших линий его восприятия – “брат Пушкин”, “свой в доску”. “Панибратство” с великим поэтом не может рассматриваться как знак ограниченности его носителей, слишком уж длительный, массовый и многоформный характер оно имеет.

Истоком такого отношения можно считать сам характер поэта, не избегавшего светской жизни, шумных компаний, бурных увеселений, другими словами, это ответвление культового отношения вос-

ходит к старинной версии о “двух” Пушкиных. Пушкин – праздный забияка, любитель карт, вина и женщин – оказывается идеально подходящей фигурой для такого “панибратства”. Хлестаковское “Ну что, брат Пушкин?” многократно отражается в воспоминаниях знакомых (и малознакомых) поэта. Пушкинская биография, варьируясь и дополняясь, наконец, распалась на ряд устойчивых анекдотов.

Анекдоты о Пушкине формировались еще при его жизни (слишком много с ним случалось приключений), а затем распространялись с невероятной быстротой, по каналам, известным только анекдотной практике и слухам. Например, И. Щеглов с восхищением приводит “предание”, рассказанное ему в Михайловском: “Полунасмешливо прищурясь, ящик передал мне, между прочим, старинную молву о том, как Пушкин сочинял свои стихи: «Будто в саду у него была пригната особая хитрая беседка, вся уставленная по полкам бутылками наливки, – Пушкин, значит, хлоп стаканчик, другой... и пошел писать!» – нелепая сказка, державшаяся еще в 30-х годах в Болдине (о чем Пушкин сообщал жене). Непонятная вещь, каким образом могла она не только пережить Пушкина, но даже перекочевать из Нижегородской губернии в Псковскую!»⁴²⁷

Анекдоты о Пушкине не только распространялись в устной практике, они собирались и издавались. К столетнему юбилею вышла книга М. В. Шевлякова “Пушкин в анекдотах. Анекдоты из жизни Пушкина”. Для сравнения: такая же книга вышла и к столетнему юбилею Гете⁴²⁸. Стремление взглянуть на объект культа как на источник забавного оказывается отнюдь не “демифологизацией” (о “демифологизации” Пушкина в анекдотной практике говорят Е. Курганов⁴²⁹, М. Горячева⁴³⁰), а одной из манифестаций культа. Если исследователи “шекспировского мифа” рассуждают о том, что никакие подозрения и нападки на гения не умаляют его значения⁴³¹ (например, подозрение в фиктивности самой личности Шекспира), то почему не рассматривать анекдоты о Пушкине как проявление культа?

В самом деле, взгляд на “анекдотического” Пушкина как на “сниженный вариант” его восприятия представляется ничем не обоснованным. Предположим, анекдот о Ленине может быть подтверждением его культа, а может быть и демифологизацией. Первый тип: “Ленин ожил, прислал телеграмму Брежневу: «Встречайте». Брежнев суетится, организывает встречу вождю, а того все нет. Брежнев входит в свой кабинет, а там записка: «Все видел, все понял. Ухожу в подполье. Ленин»”. В данном случае перед нами анекдот антибрежневский, а не антиленинский. Второй тип: “Крестьянин-ходок Ленину жалуется: «Владимир Ильич, такая голодуха, траву едим, уже и не мычим даже». А Ленин: «И мы с Феликсом Эдмундовичем недавно: медку поели – и ни жу-жу»”. Здесь сделан точный выпад про-

тив возвышения героя культа (позиции “Ленин разделял со своим народом его судьбу и терпел те же лишения”).

Корпус анекдотов о Пушкине в основном представляет собой первый тип. Это анекдоты о герое культа, несколько не умаляющие его культового значения. М. О. Горячева приводит примеры “контратаки” на “пушкинский бум” 1899 года в “Осколках”: Пушкин потерял перчатку – пошел и купил новые, на фраке оторвалась пуговица – надел другой фрак и т. п.⁴³² Это, по мнению исследовательницы, прообразы хармсовских анекдотов. Но в этих “антианекдотах” нет момента “демифологизации”, поскольку “возвышение” совсем не обязательно связано исключительно с сакрализацией. То, что Пушкин сумел соединить в себе “профанное” и “сакральное” органично, во многом не причина, а следствие его культа.

В семи анекдотах Хармса травестируются некоторые апокрифы о Пушкине: дружба-вражда с современниками (анекдот о Жуковском-Жукове и о друзьях, мешавших Пушкину ездить в инвалидной коляске), любовь к русской природе и русскому народу (анекдот о “вонючих мужиках”), железная трость (камни, которые швыряет поэт), “семейный” вопрос (четыре сына-идиота и клоунада за обеденным столом), “универсализм” (т. е. “Пушкин все может”: приговор часам Петрушевского) и бакенбарды (зависть к бороде Захарьина). Выбор “тем” травестирования вполне случаен, но Пушкин остается здесь “знаменитым поэтом”, в жизни которого было много странностей. “Пуантой” этих анекдотов является “предшествующее знание”, владение культурным кодом (“Пушкин – первый, главный, лучший национальный поэт”), а также и распространенность апокрифических легенд о поэте.

Таким образом, сложно говорить о “демифологизации” (в этом смысле попадание в анекдот уже особым образом отмечает героя анекдота). В “осколочных” анекдотах-предшественниках “пуантой” становится нарушение “горизонта ожидания”. Анекдотная практика, связанная с Пушкиным, приучила читателя к неожиданным выходкам, которые позволяет себе поэт в различных ситуациях. В “Осколках” неожиданное связано с прозаическими, скучными решениями “провоцирующих” ситуаций – и это выглядит “свежим решением” на фоне традиции. В то же время понятно, что основной корпус анекдотов о Пушкине был связан с возвышением поэта – это бесчисленные рассказы о его приключениях, путешествиях, романах, столкновениях с врагами, дуэлях, остроумных выходках. О Шекспире тоже до сих пор рассказывают, что он любил крепкий эль, туристам показывают дикую яблоню, под которой он заснул после одного “пивного” состязания, сообщают, что Великий Бард был браконьером⁴³³.

Анекдоты о Пушкине к концу XX века превращаются в свою

полную противоположность – наделяют Пушкина теми магическими свойствами, которые в “классических” анекдотах присутствуют лишь как объект “пуанты”. “Околохармсовские” анекдоты В. Пятницкого и Н. Доброхотовой-Майковой возводят Пушкина в ранг наиболее почитаемого из всех “веселых ребят” (самый лиричный, самый хитрый, самый остроумный и т. п.)⁴³⁴. Здесь уже начисто стерт парадокс – основа хармсовских анекдотов. Продолжением этой линии можно считать “серьезные” изыски в области пушкинской биографии и значения его творчества для грядущих поколений.

Эти “находки” можно во многом считать такой же реакцией на китчевые формы культуры, как и анекдоты. В основе их лежит все тот же миф о Первом Национальном Поэте, который предполагает вариант “Пушкин – это наше все” и уточнение “Пушкин – пророк на века”. Тиражирование “пушкиных” в самых разных формах приводит к соблазну воспринять его творчество как “единственно верное учение” и “руководство к действию”.

Интересные факты приводят В. Я. Лазарев и О. Э. Туганова: они сообщают о Международной конференции по циклическим процессам природы и социума Ставрополя⁴³⁵, где доказывалось, что Пушкин определил ритмы жизни Земли (2096 лет, 32 народа и пр.); анализируют выступление ЛДПР “«Руслан и Людмила»: Развитие и становление государственности народа русского и народов СССР в глобальном историческом процессе, изложенном в смысле образов Первого поэта России А. С. Пушкина”⁴³⁶, где за каждым героем юношеской поэмы Пушкина закреплено “сверхзначение”: Руслан – славянский центр (внутренний предиктор), Людмила – славянские народы, Финн – язычество, находящееся в подполье, Черномор – международный центр управления сознанием мира, Наина – масонство, печенеги – национальные “элитные” структуры, конь – “толпа, не вызревшая до народа”, а двенадцать дев – двенадцать апостолов и т. п.; рассказывают, что в редакцию “Нашего наследия” принесли статью о сестрах-радистках в Перми – из космоса они приняли информацию о том, что в произведениях Пушкина на “2 и 3 этажах” зашифровано пророчество о будущем церкви⁴³⁷. В одном ряду с этими фактами можно поставить и такое явление, как “парапушкинистика” – несколько искусственный шум вокруг “Тайных записок” Пушкина 1836 – 1837 годов (М. Армалинский)⁴³⁸. Близко к вопросу о “подлинном Пушкине” (в этом случае – заборном матерщиннике) подходит, например, Феррапонт Головкин в публикации “Московского комсомольца” – он ставит своей задачей расшифровку всех “непристойностей-многоточий” в текстах Пушкина⁴³⁹. О “Тайном архиве” Пушкина повествуется в журнале “Юность” (1997. № 2–5): “Космос вершит судьбы людей, творит законы жизни, а ведают ими Проро-

ки, в числе которых – А. С. Пушкин. Он владел сводом знаний, важных для всего Человечества, которые он и завещал хранить и обновлять – к тому времени, когда они будут более всего нужны нашему народу, – в канун очередной социальной революции 1998 года. Пророки заявляют о себе каждые 628 лет – таков цикл ведущей роли народов мира...”⁴⁴⁰

Стремление приблизиться к поэту очевидно и в практике “вызывания духа Пушкина”⁴⁴¹. Вызов Пиковой дамы стал в некотором смысле нормой детского фольклора в определенный период времени (1970–1980-е гг.); вызов духа Пушкина – старая традиция, идущая от ранних советских времен. Анна Амелькина (корреспондент “Комсомольской правды”) в целях того же “приближения к истине” вызвала духа Пушкина в ассоциации “Магия добра”, причем он сообщил ей, что живет в Шамбале рядом с Королевым и Наполеоном, а Ленина и Гагарина там нет⁴⁴². Та же “Комсомольская правда” объявляет конкурс на лучший рассказ о судьбах тезок поэта, лиц его окружения и героев⁴⁴³. “Истинного Пушкина” пытаются отыскать и биофизики: газета “Совершенно секретно” посвящает целый разворот рассказу об уникальной методике моделирования реального изображения поэта в разные возрастные периоды⁴⁴⁴.

Все это – попытки максимального приближения к Пушкину, стремление сделать его фигуру остроактуальной и близкой сегодняшнему дню, вернее, продемонстрировать эту близость. В целом именно этот эффект производит и китч. Распыляя пушкинское наследие и облик в окружающем бытовом пространстве, он не уничтожает значимости фигуры поэта, а лишь является следствием этой значимости.

Когда Б. Окуджава грустно-иронично запечатлел “семейство”, “снимающееся на фоне Пушкина”, он отразил общее отношение интеллигенции к пушкинскому китчу. Однако шло время, и в год двухсотлетия Пушкина его памятник из “фона” превратился в настоящую “атмосферу”: на Пушкинской площади открылся ресторан “Пушкин” – трехэтажный барочный особнячок, где на втором этаже в шкафах из настоящего дуба расположена неплохая библиотека спецхрановской и редкой старой литературы, мебель представляет собой подлинный антиквариат, меню напечатано на дорогой бумаге, а кухня придерживается традиций прошлой эпохи (ориентируется на “Великосветские обеды” Ю. Лотмана и Е. Погосян); у церкви Вознесения, где венчался Пушкин, фигуры поэта и его жены украшают питьевой фонтанчик (“фонтан-ротонда”)⁴⁴⁵, напротив памятника Пушкину установлен огромный щит, на котором физиономия Пушкина высовывается из кареты с колесами-флюгерами, крутящимися на ветру⁴⁴⁶. Одна из юбилейных публикаций в “Челябинском рабочем”

представляет собой “диалог с поэтом”: вопросы задает корреспондент, а ответы – это некий коктейль из строчек писем, стихов, автобиографической прозы “от первого” – пушкинского – лица, на всю полосу⁴⁴⁷. Компания “Восточный экспресс” (Челябинск) подготовила рекламный ролик крупнейшего регионального книгоиздательства “Урал LTD”: генеральный директор издательства беседует о новых книгах, выпущенных в его фирме, с Пушкиным (актером, под него загримированным). Перед нами отнюдь не ситуация “всеобщего бескультурия”, “отупения нации”, “деградации”, “утраты всего святого” и пр. Очень тонко суть этой ситуации почувствовала Н. М. Зоркая – факты любого приобщения к поэту суть знаки его “внедренности в сознание”, и произведение искусства (шире – наследие поэта) “доверчиво открыто всем, а не только избранным”⁴⁴⁸. Китчевые формы культуры и реакции на них непосредственно связаны с проблемой этой внедренности, а значит – с массовым сознанием.

Вместе с тем возникает еще один важнейший вопрос – о роли интеллигенции. Подчеркнутое неприятие всего “псевдопушкинского” прослеживается начиная от истоков его возникновения. Проникновение великого имени и великого творчества в мир рынка, примитивных вкусов, грубых поделок и подделок не может не раздражать. Почему же столетие за столетием ситуация не меняется? Если некоторое время назад модно было пенять на годы советской власти как период всеобщего уничтожения культурных традиций и ценностей, то простое сравнение с 1899 юбилейным годом позволило нам убедиться в стабильности ситуации независимо от эпохи и политического режима. В этом смысле кальсоны “Пушкинь” производства 1899 года и “кудрявый” презерватив “Пушкин” 1999 года – вещи вполне соотносимые. Однако оценка юбилейных событий со стороны интеллигенции с завидной точностью повторяет оценку прошлого столетия: верх пошлости, оголтелости, надругательства над поэтом, его массовое распинание и изнасилование⁴⁴⁹. Резюме А. Зорина: “Похоже, что миновавший пушкинский юбилей не понравился никому. Трудно даже припомнить событие последнего времени, вызвавшее столь единодушный резонанс. Одни говорили о торжествах с праведным негодованием, другие – с презрительной иронией, третьи – с цинической снисходительностью, но в сухом остатке неизменно оставалось одно: великого поэта очередной раз грубо и бездарно опошлили. Одобрительные отзывы о той или иной книге, выставке, телепередаче, появившейся в рамках торжеств, почти неизменно содержали дежурное противопоставление этой частной удачи общему безобразию. Даже сами участники проектов говорили о своей деятельности с какими-то оправдательными интонациями в духе пресловутой мудрости о паршивой овце”⁴⁵⁰.

Интеллектуальная элита ничего не могла противопоставить юбилейному шуму. Создать оппозицию массовому проявлению чувства благодарности поэту, который и Бог, и Свой-в-Доску, по-видимому, не удастся никогда. Юбилей Пушкина (особенно “круглые” – столетний и двухсотлетний) убедительно демонстрируют тщетность этих порывов.

Что же хотелось интеллигенции увидеть в качестве пушкинского юбилея? Ответ, кстати, тоже приобрел характер массового: не надо никаких “иллюминаций”, а возьмите-ка лучше в руки томик стихов и прикоснитесь к творчеству великого национального поэта. Это будет лучшим ему подарком. Как тут не вспомнить ожесточенный спор на страницах “Сельского вестника” 1899 года, где крестьянские и деревенские читатели обсуждали “пушкинский вопрос” – в частности, надо ли было ему памятник ставить или лучше было бы церковь возвести, школу открыть. Интеллигенция шокирована торжествами – иногда даже авансом, как, например, Ю. Дружников задолго до юбилея предвкушающий его маразматический размах.

Ситуация “интеллигенция против китча” вызывает ассоциацию: разговор Моцарта и Сальери о фальшивой игре уличного скрипача. Позиция интеллигенции точно воспроизводится репликой Сальери:

Мне не смешно, когда маляр негодный
Мне пачкает Мадонну Рафаэля,
Мне не смешно, когда фигляр презренный
Пародией бесчестит Алигьери.

Вспомним, что Моцарту как раз это очень утомительно. Моцарт смеется – Сальери гневается. Есть разница между непониманием, глумлением, с одной стороны, и карнавализацией – с другой. У травестирования характер может быть различным – и результаты “карнавального юбилея” могут оказаться неожиданно позитивными.

Здесь самое уместное – рассмотреть телеверсии торжеств. Нет никаких сомнений, что тележурналисты и создатели телепередач, посвященных Пушкину, – люди интеллигентные. Но им и досталось от собратьев за то, что телевидение стало главным источником “китчевости” юбилея. И. Сурат рассуждает: “Жив или мертв Пушкин сегодня? Эта острая коллизия символически выражена перекликающимися названиями двух телесобытий юбилейной недели – фильма «Медный Пушкин. Семь юбилеев, или Страстная седмица» (авторы – Андрей Битов, Игорь Клех, Максим Гуреев) на канале «Культура» и пятисерийного фильма «Живой Пушкин» Леонида Парфенова на канале НТВ. В «Медном Пушкине» живой классик Андрей Битов грустно поведал о том, что юбилейные славословия вызывают у него «ощущение постоянного убийства, постоянного распятия». Сюжет

этого убийства и сюжет фильма – это история пушкинских праздников начиная с 1880 года и до 1999-го. «Медному Пушкину» противостоит в фильме Пушкин Андрея Битова – «какой он был свободный!». «Живой Пушкин» Леонида Парфенова тоже внутренне полемичен по отношению к «медному Пушкину» – встроенные в рассказ ведущего сценки в эстетике немного кино в большинстве своем несут эпатажирующий характер: Пушкин с идиотским выражением лица надевает на невероятно длинный ноготь защитный золотой футляр; Пушкин примеряет отцовские башмаки, хохочет, от хохота валится на пол; Пушкин в темном коридоре пристает к престарелой фрейлине, приняв ее за горничную; Пушкин безобразничает в бильярдной, и его выбрасывают в окно; Пушкин в красной рубашке неумеренно поглощает апельсины, разбрасывая кожуру; Пушкин, лежа на подоконнике, развлекается с Калипсо Полихрони и т. п. Как видно, Парфенов хорошо знает, какой Пушкин сегодня востребован широкой телеаудиторией. Вообще фильм талантливый, динамичный, стильный, красивый, он изобилует роскошными видами (Эфиопия, Париж, Петербург, Москва, Крым, Кавказ, Молдавия, Одесса, Михайловское, Болдино, Оренбургские степи) и не менее роскошными интерьерами. Парфенова консультировали хорошие специалисты, обеспечившие его надежными биографическими сведениями и массой бытовых подробностей: боливар, брегет, шампанское «Вдова Клико»... Но я очень сомневаюсь, что после парфеновского фильма удовлетворенный зритель пойдет Пушкина **читать**. Этого импульса там не заложено. Пушкин Парфенова — это не творящий Пушкин, и нет в его жизни трагизма и тайны гения. Беглые слова о творчестве проходят как дополнение к биографическому ряду, а временами можно и забыть, о **ком**, собственно, речь⁴⁵¹. Ожидать от такого фильма серьезного анализа пути и судьбы поэта и не следует, и все же нельзя оставлять зрителя с уверенностью, что экстравагантные привычки и многочисленные романы с барышнями – это и есть настоящая жизнь Пушкина (выделено И. Сурат. – М. З.)⁴⁵².

“Телесобытия”, о которых рассуждает автор статьи, интересны как раз тем, что обращаются ко “второму ряду” манифестаций мифа – тем легендам, которыми обрастало имя Пушкина, и проявлениям ритуальных практик, о которых речь шла выше. Именно этот “запрещенный” Пушкин оказывается востребован – впрочем, это вновь попытки “оживить” кумира. Фильм А. Гордона из цикла “Собрание заблуждений” (ОРТ, 17 июня 1999 года) о пушкинском гомосексуализме и соответствующем объяснении трагедии отношений с Данте-сом представляет собою яркий пример конъюнктурной “серьезности”, основанной на “версиях”, восходящих, в свою очередь, к “слухам в третьей степени”.

Слухи, сплетни, легенды о Пушкине формировались в соответствующие тексты (то есть фиксировались как документы) именно к столетнему юбилею. Переход жанра сплетен в жанр мемуаров произошел ненавязчиво и вполне органично. Гипотезы относительно разных моментов биографии поэта, предлагаемые со специальными оговорками, превращались в утверждения и приобретали статус фактов. Сосредоточенность на этих “анекдотических” фактах отличала главные телепроекты. Их девиз – “Пушкин наш, как ты да я”.

В то же время очевидно, что каждый из этих проектов, как и анекдоты о Пушкине, предполагал “общую апперцепционную базу” – то есть общее знание “скучной” версии пушкинской судьбы. Сетования И. Сурат поэтому не совсем объективны – “беглость” серьезных размышлений о Пушкине объясняется всеобщим знанием “серьезного” варианта (и здесь не так важно, насколько этот вариант адекватен). Это пример дальнейшего развития харизмы: она движется вниз и вширь по общественной пирамиде, с одной стороны, захватывая все более широкие слои людей, с другой стороны, неизбежно упрощаясь, сводясь к ключевым формулам, кратким и однозначным. Особенность пушкинской харизмы и заключается как раз в том, что она переживает постоянное обновление, не дающее ей совершенно раствориться в культурном поле страны, перейти в зону автоматического присутствия (которое в силу автоматизма неощутимо, как неощутимо присутствие кислорода в воздухе). Фильмы о Пушкине, задачей которых было показать поэта неожиданного, были подтверждением того, что такой Пушкин и отвечал общему “горизонту ожидания”. Карнавального Пушкина ждали – такого и получили. Его карнавальность как нельзя лучше отвечала все тому же сценарию “приближения”: нужно было получить фактическое подтверждение, что он не “медный”, а “вечно живой” в самом карнавально-площадном смысле этого выражения.

Другая концепция приближения Пушкина к сегодняшнему дню воплощена в проекте ОРТ “Евгений Онегин: сегодня и навсегда”. Пресса с горечью назвала его самым провальным проектом всей юбилейной кампании.

М. Варденга: “Вряд ли всенародным знанием можно назвать сомнительный проект ОРТ «Евгений Онегин», где граждане великой страны каждый день читают по одной строфе из энциклопедии русской жизни по принципу: «одна голова – одна строчка», в результате чего понять не то что смысл – ритм стиха просто невозможно”⁴⁵³.

С. Костырко: “Пушкинская кампания становилась иногда чем-то вообще непристойным. В частности, на телевидении, когда «Евгений Онегин» звучал в исполнении десятков самых разных людей, повторяющих его строки как некую присягу на верность, как гимн или Торжественное Обещание Юных Пионеров (замечено Немзером).

Меня же, когда я смотрел этот монтаж, мучило другое омерзение – использованная «режиссерская находка» отсылала зрителя к уже опробованному на ТВ ролику с тем же приемом, там точно так же, сменяя друг друга на экране, разные люди произносили один текст, только текст был другой: о том, что человеческое уважение к другу (партнеру) и любовь должны предполагать обязательное использование презерватива. «Мы за безопасный секс!» Вполне возможно, что «Онегина» воплощал тот же режиссер, и телевидению в принципе нет разницы про Пушкина ли, про презервативы ли...»⁴⁵⁴

С. Азархи: “К 200-летию со дня рождения Пушкина в культовую обрядность проникли новые технологии и достижения нейролингвистического программирования. В виртуальном пространстве телесети слышится код «Пушкин сегодня и навсегда». Напряжение и тревогу ожидания и без того усугубленных апокалиптическими настроениями конца тысячелетия нагнетают ежедневно произносимыми формулами: «До дня рождения Александра Сергеевича Пушкина осталось (далее следует цифра в порядке убывания) дней». Коллективное монотонное чтение стихов с телеэкрана напоминает чтение мантр, одинаково вводящих в транс читающих и слушающих. Все вышеизложенное свидетельствует о применении зомбирующих психотехник, опробованных в практике тоталитарных сект Муна и Аумсенрике. Следует отметить, что кодирование и нейро-лингвистическое программирование могут служить делу объединения нации более эффективно, чем групповое табакокурение и ритуальный канныбализм»⁴⁵⁵.

Т. Чередниченко: “Телеканал помечил красивыми латинскими цифрами онегинских строф собственный эфирный календарь. Об этом свидетельствовали лица читающих, каникулярно-радостные, но принципиально далекие от «Вдовы Клико или Мозта / Благословенного вина / В бутылке мерзлой для поэта...», а близкие бутылкам «пепси» или «фанты», сопровождаемым рекламным слоганом «Вливайся!». Оказавшиеся под руками чтецы произносят доставшиеся строчки без особого старания попасть в нужный тон, напротив – «отвязанно» демонстрируя свободу от пиетета и собственную праздную стильность. «Евгений Онегин» в проекте ОРТ слился с опорным жанром телевидения – рекламным роликом. «Фишка» – в том, что в обычном рекламном ролике обыватели ласкают себя пылесосами, стиральными порошками и подгузниками. К. Эрнст придумал ролик необычный. В нем потребители пылесоса дополнительно обласканы (самообласканы) аристократической по генезису «культурой». Но в телеконтексте эта «культура» становится бытовым предметом... Текст встраивается в ряд с не сходящими с телеэкранов «звездами» наших дней. Так «демократически» съедается дистанция между ду-

ховным аристократизмом пушкинского мира и консуматорными радостями – политической суетой современной культуры. Но одновременно обнажается и пропасть, их разделяющая”⁴⁵⁶.

Из этих оценок очевидно, что большинство критиков этого проекта просмотрели большую часть его выпусков (а не ограничились первым роликом – возможно, “по долгу службы”), либо основательно смотрели “ночной монтаж” перед юбилеем. Отметим также, что опрос небольшого круга лиц показал, насколько этот вариант “телевремени” оказался более интересным, чем, например, реклама, которую традиционно “переключают”. Специальных данных нет, но по результатам этого опроса (29 лиц разного возраста и образования) можно судить о том, что в целом страна с интересом посмотрела “энциклопедию русской жизни” в исполнении дилетантов – шахтеров, врачей, иностранцев, пассажиров электрички, космонавтов и пр.⁴⁵⁷ “Телеинтеллигенция” ориентируется на вкус публики, во многом она считается с конъюнктурностью ситуации, но эта конъюнктурность вовсе не выступает синонимом заведомо пошлых интерпретаций. Здесь есть смысл сослаться на мнение А. Зорина (см. отрицательный отзыв о его позиции в статье И. Сурат): “Безусловно, одним из самых ярких проектов всего юбилея стало коллективное телечтение «Евгения Онегина», когда сотням людей, а в некотором символическом измерении и каждому носителю русского языка дали возможность побыть с Пушкиным на дружеской ноге. Многочасовой телетекст, накапливавшийся на протяжении нескольких месяцев, показали нон-стоп в последнюю ночь перед двухсотлетием. Было видно, что работало несколько разных съемочных групп, и соответственно чтение получилось неравноценным – не все фрагменты романа удалось создателям в равной мере. И все же смотреть это зрелище было захватывающе интересно – сегодняшняя Россия говорила о себе пушкинскими словами. И Александр Сергеевич снова не подкачал, в который раз дав возможность своей стране выглядеть достойно”⁴⁵⁸.

Кстати, И. Сурат, приводя эту цитату, комментирует мнение А. Зорина как показатель общего “снижения планки”, общего духовного обнищания: если интеллигенция (в лице А. Зорина) приветствует Пушкина, который получился “веселым, домашним, ярким, нарядным, избыточным, назойливым, чуть пошловатым”, значит, дела действительно плохи. Ведь такой результат – свидетельство культурной смерти поэта.

Юбилей, почти полностью избавленные от “китча” в прямом смысле этого слова, – это 1937 и 1949 годы. Тогда представить себе лик Пушкина на женской “недельке” (семь трусиков от “понедельника” до “воскресенья” с семью изображениями Пушкина – от юного к зрелому, производство 1999 года) было невозможно (как уже

отмечалось, даже изображение на чайной ложке, выполненное в сложной технике, а не для массового производства, вызывало сомнения). О таком ли отношении мечтают критики конъюнктурных фактов 1999 года? Явно нет. Пришло время осознать закономерности.

Китчевые формы культуры отвечают скрытой (или явной) потребности масс “обладать Пушкиным”. Воля-к-обладанию является следствием внутреннего потенциала мифа о Первом Национальном Поэте. Этот внутренний потенциал сводится к действию главной “пружины” мифа – ответу на вопрос: “Почему именно он?” (и за что ему “такая почесть?”). Отвечая на этот вопрос, каждый носитель мифа вырабатывает собственное представление о Пушкине (многократны размышления о формулах “Мой Пушкин” – “Наш Пушкин”), которое должно исчерпывающим образом ответить на вопрос. Эта исчерпанность в свою очередь оказывается мнимой, поскольку ответ не предполагает полного освоения наследия поэта. Понятно, что рассуждение о живучести (и неизбежности, непреодолимости) “китчевых форм” нуждается в определенном теоретизировании.

Китч оказывается одной из сторон харизматической редукции (процесса гораздо более широкого, чем собственно китч). Интеллигенция не может уничтожить социокультурное явление подобного размаха (как говорилось выше, когда такое “уничтожающее” отношение диктуется сверху, как, например, в 1937 году, китч находит выход – например, в народных промыслах, легальной форме китча того времени). Угрожает ли размах “остроумного” (пошлого, примитивного) использования пушкинских портретов и строчек его произведений в разных совершенно неподходящих ситуациях самому харизматическому объекту⁴⁵⁹? Очевидно, что не угрожает, а является свидетельством внедрения и распространения харизмы – то есть отражает вполне естественный процесс. Борьба с этим явлением возможно, но только “принудительными мерами”, что никак не может входить в расчеты интеллигенции.

Когда И. Сурат говорит о двух Пушкиных – медном и карнавальном – “оба хуже”, она точно выражает растерянность представителей интеллектуальной элиты перед развернувшимися манифестациями мифа⁴⁶⁰. Важным следует признать факт сближения китча и авангардного искусства. Гипсовый лик Пушкина, запутанный в формалиновых кишках, и туалетная бумага “Пушкин” не слишком различные явления. То, что творческая мысль двинулась к формам, явно соотносимым с китчем, доказывает, что процесс “обытовления” Национального Поэта отражает внутреннюю потребность нации, и это нельзя списать на общее бескультурье. Это явление, требующее научных, принципиальных, а не эмоциональных оценок. Прояснить ситуацию в масштабе массового сознания попытаемся в следующей главе.

ГЛАВА 7. ПУШКИН В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

Х. Ортега-и-Гассет предполагает, что масса к концу XIX века достигла того нового качественного состояния, когда она почувствовала себя триумфатором. Триумф массы, по Ортеге-и-Гассету, эквивалентен триумфу посредственности. По его мнению, человек массы отнюдь не подобие животного, одержимого стадным рефлексом. Напротив, он достаточно умен, чтобы осознавать свою победительность. Человек массы начисто лишен самокритичности: “В сущности, чтобы ощутить массу как психологическую реальность, не требуется людских скопищ. По одному-единственному человеку можно определить, масса это или нет. Масса – всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, «как и все», и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью. Представим себе, что самый обычный человек, пытаясь мерить себя особой мерой – задаваясь вопросом, есть ли у него какое-то дарование, умение, достоинство, – убеждается, что нет никакого. Этот человек почувствует себя заурядностью, бездарностью, серостью. Но не массой”⁴⁶¹.

Обосновывая свое мнение о посредственности массового сознания, Ортега-и-Гассет выдвигает тезис о всеобщей избалованности людей благами цивилизации. Он полагает, что отсутствие реальных условий какой бы то ни было борьбы, необходимости прилагать какие бы то ни было усилия привело в действие страшные механизмы – механизмы вырождения. “Привычка ощущать превосходство постоянно берedit желание господствовать. И массовый человек держится так, словно в мире существует только он и ему подобные, а отсюда и его третья черта – вмешиваться во все, навязывая свою убогость бесцеремонно, безоглядно, безотлагательно и безоговорочно, то есть в духе «прямого действия»”⁴⁶². Возникает оппозиция: масса – избранное меньшинство. Совокупность двух этих противостоящих слоев и есть общество.

Согласно мнению Ортеги-и-Гассета, изучение общего (национального) взгляда на любой артефакт предполагает совокупное изучение каждого из этих компонентов. Другими словами, есть “массовая культура” (потребительская, удовлетворяющая непосредственным человеческим желаниям и достаточно примитивным вкусам) и есть “элитарная культура” (обычно совершенно непонятная и ненужная массе). В “Дегуманизации искусства” Ортега-и-Гассет подробно объясняет, почему “новое искусство” (модерн) так непопулярно – в его основе лежит война элитарного сознания с массовым. Элитарное сознание выделяет основные идолы массового сознания (тради-

ции, признанную систему ценностей) и делает их главным объектом уничтожения. Поэтому дегуманизация нового искусства есть процесс борьбы за последний оплот гуманизма – спасение от “среднего” (“массового”) человека.

Русская ситуация (Ортега-и-Гассет полагает, что русская революция в высшей степени победа посредственности) оказывается никак не укладывающейся в эти схемы. Прежде всего, устройство российского государства во все времена предполагало такой инвариант, как кризисность. Вне кризиса Россия находиться не может, если ее экономика и социальное устройство достигают относительно стабильного состояния (энтропийного баланса), мгновенно включаются саморазрушительные механизмы, призванные эту энтропию сломать. Вечный кризис России мог бы стать эквивалентом энтропии (нормой, привычным состоянием), если бы он не был бесконечно многолик и изощрен. Русское общество в масштабах даже одного поколения не успевает привыкнуть к “благам”, которые мгновенно улетучиваются. Каждое новое поколение вынуждено вступать в жизнь все в той же ситуации борьбы, правда, под разными лозунгами. Тем самым “массовое” в русском обществе отличается от “массового” в европейском понимании (по Ортеге-и-Гассету).

Отсутствие главного условия “посредственности масс” – покоя и уюта цивилизации – ведет к более высокой степени развития той самой силы, которую условно можно назвать “духовностью нации”. Этот феномен неоднократно становился объектом самого пристального изучения; так, по мнению Н. А. Бердяева, русскую национальную идею ни в коем случае нельзя определить как “семейно-патриархальную”. Русскому человеку до уюта нет дела – ему подавай веру, религию, высший смысл. Сила “принципиального нестяжательства” гораздо выше силы богатства⁴⁶³. В связи с этим интересны размышления В. С. Непомнящего о характере русской литературы как зеркале менталитета: “Пасхальный характер культуры Руси предопределил целый ряд коренных особенностей русской литературы (власть преображения, проблема совести, переживаемая как драма вины)... Совесть – страдание... как главный нерв русской литературы – прямо противоположно глубоко трагическому западному культу успеха и счастья... Петр и хотел переделать нацию в рождественском духе. Пушкин – исторически немедленный ответ Петру...”⁴⁶⁴

Русское “среднее” (хотя бы в статистическом смысле) сознание и есть этот “пасхально-совестной” вариант. Позиция В. С. Непомнящего во многом напоминает позицию “почвенников”, считавших, что “элите” давно пора “смириться” и поучиться у простого народа, “потрудиться на родной ниве” (Ф. М. Достоевский). Если опереться на факты, ежедневно поставляемые прессой и средствами массовой

информации, то картина будет ничуть не лучше той, что видел вокруг себя Достоевский – один из самых внимательных читателей газет и хроники. Но, читая все эти отчеты о зверских преступлениях, попрании чести и достоинства, вырождении, деградации и т. п., Достоевский неколебимо провозглашал нацию носительницей самых лучших человеческих качеств, понимая под “национальным” – “простонародное”. Пушкин был для него символом этих лучших качеств.

Проблема массового (статистически среднего) сознания применительно к читательской аудитории имеет давнюю историю формирования, подробно рассмотренную, например, Джеффри Бруксом⁴⁶⁵. Когда Ф. Булгарин анализировал российскую читательскую аудиторию, он выделил следующие ее группы: “1) Знатные и богатые люди, которые в основном читают иностранную книгу; 2) Среднее состояние, оно состоит у нас из: а) достаточных дворян, состоящих в службе, и помещиков, живущих в деревнях; б) из бедных дворян, воспитанных в военных заведениях; с) из чиновников гражданских...; d) из богатых купцов, заводчиков и даже мещан. Это состояние самое многочисленное, по большей части образовавшееся и образующееся само собою, посредством чтения и сообщения идей, составляет так называемую русскую публику. Она читает много и большею частью по-русски; 3) Нижнее состояние. Оно включает в себе мелких подъячих, грамотных крестьян и мещан, деревенских священников и вообще церковников и важный класс раскольников. Этот класс читает весьма много. Обыкновенное их чтение составляют духовные книги, странствия к святым местам, весело-нравственные повествования и все вообще, относящееся к внутреннему управлению России; 4) Ученые и литераторы, численность которых невелика...”⁴⁶⁶

А. И. Рейтблат, приводя эту цитату (она относится к 1820-м годам), отмечает, что ситуация мало изменилась и 40 лет спустя. Он цитирует цензора Ф. Веселаго: “Наша читающая публика довольно определительно может быть разделена на три главные группы. Первую составляют люди современные, серьезно образованные, по развитию своему стоящие в уровень с общим европейским развитием и владеющие знанием иностранных языков. Во второй находятся люди, имеющие некоторые, более или менее совершенные научные сведения, но о многих современных идеях рассуждающие со слов других и по отрывочному собственному чтению. Третья группа требует от чтения одного приятного и полезного препровождения времени; сюда относится менее развитый слой так называемых благородных классов, с сильными изытиями купечество и все грамотное простонародье”⁴⁶⁷.

Представляется, что за сорок лет изменилось очень многое. В частности, Ф. Веселаго не столь важен социальный статус читатель-

ских групп, как Булгарину. Разночинный период в России был временем последовательной и всеохватной демократизации, эпохой, когда по закону подражания (Ж. Тард) общество, наконец, приобрело черты современной формации – где исчезает слишком яркий контраст между “верхами” и “низами”. Для Веселаго, как видим, уже неважно, “подьячий” перед ним или дворянин (за исключением характеристики третьей группы, куда, кстати, оба они и попадают). Важно отношение читателя к “потребляемой продукции”. Написанный в 1862 году, этот пассаж заставляет думать, что читательские предпочтения к той поре были вполне очевидны.

По мнению Дж. Брукса, основной слой русской читательской публики был представлен так называемой “полуинтеллигенцией”, которая и определила приоритеты русских читателей на рубеже веков и в начале века: “Модернисты быстро одержали победу. Но они победили только среди элиты – а была огромная группа читателей с флангов – народная интеллигенция или новая интеллигенция, или, презрительно говоря, полуинтеллигенция – малообразованные деревенские учителя, фельдшеры, мелкие чиновники и местные управленцы... Они были прослойкой между старой интеллигенцией и «народом» и формировали низший эшелон инфраструктуры, на котором основывалась индустриализация и урбанизация дореволюционной России, и весь дореволюционный период составляли самую широкую часть читателей серьезной беллетристики... Народная интеллигенция была обывательской, но не потому, что им не было дела до литературы; скорее, наоборот. Литература была для них видом культурной иконы, и они чувствовали себя увереннее, утверждая классику, а не новые произведения”⁴⁶⁸.

Мнение Дж. Брукса во многом представляется верным, однако он недостаточно учитывает исследования А. С. Пругавина, С. Раппопорта и Н. А. Рубакина о состоянии читательской аудитории “низшего слоя”. Там действовали свои механизмы, существовало свое расслоение, которое приводило к утверждению иных авторитетов. Классическая литература оказывалась для этого слоя читательской публики менее актуальной, чем, например, прикладная или политическая. Кроме того, по наблюдениям Н. А. Рубакина, две трети из 100 000 000 книг, выходящих в России, читают учащиеся⁴⁶⁹, интересы которых представляют собой слишком подвижное и неуловимое явление (хотя определенные закономерности обнаружить можно и там).

Несмотря на пристальный интерес к проблеме, “российский читатель, и серый, и полукультурный и наиболее интеллигентный, остается иксом”, как говорил об этом Н. А. Рубакин еще в 1895 году⁴⁷⁰. С. Н. Плотников отмечал, что многие из десятков исследований чи-

тательских интересов, проводимых уже в советское время – целенаправленно, с размахом, с научным обеспечением, к сожалению, должны быть признаны недостоверными⁴⁷¹. Понятно, что в рамках нашей темы нет смысла пытаться решить эти проблемы, тем более, что в последнее время культурологи, социологи, библиотечные работники взялись за дело всерьез, без приписок, пытаясь реально разобраться в ситуации⁴⁷².

Русская читательская аудитория живет по своим сложным законам, которые мало поддаются точному измерению и изучению, несмотря на основательные усилия эти законы открыть и исследовать. Российское массовое сознание конца XX века во многом “гомогенизировалось”, “демократизировалось”, “уравнялось”. Общество переживает очередной момент “рассеивания” элитарной части в “массе”. Такое рассеивание происходит не столько за счет типичной ситуации “деградации” высокого до посредственного уровня, сколько за счет все большего роста “элитарных” ценностей в масштабе нации.

Проблема изучения читательских предпочтений тесно связана с вопросами психологии. Как известно, долгое время усилия психологов были сосредоточены на объяснении и выявлении фактов так называемой “первой” психологии – экспериментальном обнаружении индивидуальных психических особенностей испытуемых. Методология этого направления в психологии в основном опиралась на идеи бихевиоризма.

Возникшая как альтернатива этим исследованиям “когнитивная революция”, ведущим деятелем которой можно назвать Джерома Брунера⁴⁷³, пыталась утвердить важность социального контекста в смыслообразующей деятельности личности. “Когнитивная революция” быстро переросла в “когнитивную науку”, главной целью которой стала технократизация исследовательских методов и попытка компьютерными средствами дать людям “меру человечности”⁴⁷⁴. В 80-е годы стало очевидно, что должны возникнуть некие синтезирующие дисциплины, которые уничтожат разрыв социальных наук с гуманитарными и искусством, чем, наконец, будет преодолена печальная ситуация многолетнего господства позитивизма в психологии⁴⁷⁵.

Одной из таких наук стала теория коммуникации, в рамках которой и выработано понятие “культурной психологии” – “второй” психологии XX века. Основателями этого направления по праву считаются отечественные психологи Л. Выготский и А. Лурия, сформулировавшие понятие “культурно-исторической психологии”⁴⁷⁶. Важнейшими позициями этого направления являются размышления о “подключенности” сознания личности к “культурному полю”. В от-

личие от традиционного взгляда на биологию и социальные взаимодействия как главные факторы психологии Л. Выготский и А. Лурия в центр поставили культуру. Тем самым наметился, наконец, путь преодоления конфликта “двух психологий” (“гуманитарной” и “биологической”).

По мнению этих ученых, определяющими факторами в когнитивном развитии личности следовало признать влияние письма и школьного обучения. В то же время очевидно, насколько культурное становление личности оказывается социально опосредованным: формулируя “общий закон культурного развития”, Л. С. Выготский отмечает: “Всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцену дважды, в двух планах, сперва – социальном, потом – психологическом, сперва между людьми как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка, как категория интрапсихическая... За всеми высшими функциями, их отношениями, генетически стоят социальные отношения, реальные отношения людей”⁴⁷⁷.

Таким образом, механизм массового восприятия того или иного “артефакта”, к которым психологи относят 1) орудия труда, 2) сами способы их использования и, наконец, 3) произведения искусства и процессы восприятия (терминология М. Коула), связан с включением данного феномена культуры в определенный контекст, общий для реципиентов определенной формации, “приспосабливанием” этого феномена как “альтернативно сконструированного” мира к миру объективно существующему, с процессом движения факта культуры *in vivo*.

Однако вопрос о принципах “отбора” из всего многообразия смыслов того или иного общекультурного факта остается открытым. “Актуализация” смыслов оказывается важнейшим явлением, которое, согласно теории рецептивной эстетики, и следует пристально изучать. В российской практике пока проблема остается открытой; традиционное отношение литературоведения к фактам читательского восприятия и “бытования” текста в культурном “поле” страны сводилось все-таки к изучению мнения критики и эволюции критических взглядов. Именно поэтому изучение читательского мнения представляется особенно важным с точки зрения исследования механизмов массовой рецепции, определение которых позволило бы сделать некоторые прогнозы и скорректировать работу образовательных учреждений; во всяком случае (учитывая традиционный консерватизм последних) хотя бы поставить вопрос о такой коррекции.

А. Зорин рассуждает: “Хотим ли мы, чтобы Пушкина помнили все, или мы бы предпочли, чтобы он остался достоянием культурного сообщества, а то и узкого круга профессионалов? Не стану утверждать, что «демократический выбор» ответа на этот вопрос являет-

ся единственно возможным, но если все же его делать, то стоит осознать, что дистиллированного бессмертия не бывает. Конечно, массовые торжества, которые принято устраивать на нашей родине, с неизбежностью вызывают ответную волну анекдотов и пародий. Так, коммунисты, отпраздновав в 1970 году столетие Ленина, навсегда покончили с созданным ими ленинским культом. Но Пушкин, слава богу, не Ленин и вполне способен постоять за себя. Ему доводилось становиться героем таких анекдотов, что Ленину со Сталиным и не снилось, и с него все как с гуся вода. Похоже, что историческая фигура, вокруг которой может существовать национальный консенсус, сегодня необходима, и другой кандидатуры на это место у нас нет. Как говорили в последнюю президентскую кампанию, «сердцем России за Пушкина»⁴⁷⁸.

В статье А. Зорина, одного из немногих, кто оценил юбилей Пушкина как удавшийся сверх всякого ожидания, есть противоречие: он говорит о “веселом” юбилее как результате творческой энергии некоторого “узкого круга” лиц. Однако юбилей был результатом многих отдельных волей той самой массы, о которой идет речь в приведенной цитате. И все дело в том, что как бы ни ставился вопрос об “элитарной” принадлежности Пушкина, это уже заведомо невозможно. Интеллигенция всегда может отмежеваться от “толпы” в свой новый “мир искусства”, но от этого “толпа” не перестанет иметь свои представления о поэте.

Во введении указаны основные механизмы вращивания пушкинского мифа в национальное сознание, но любые теоретические выкладки требуют проверки. В ряде работ, связанных с сегодняшним состоянием пушкинского мифа, содержатся размышления о примитивности и вопиющей безграмотности представлений “массы” о личности поэта и его наследии либо об абсолютном равнодушии к творчеству Пушкина. Чтобы подтвердить или опровергнуть эти предположения, понадобился эксперимент.

В. С. Непомнящий однажды заметил: “Тем, кто брюзжит, что масса интересуется только личной жизнью и женой, скажу – поговорите с ней, с массой”⁴⁷⁹. “Разговор” с “массой”, конечно, метафора, но провести репрезентативные опросы вполне возможно.

В этой главе будут представлены результаты опросов, проведенных в связи с приближающимся юбилеем. Здесь собраны разные анкетные данные – часть из них опубликована, часть предоставлена мне разными лицами. Суть всех анкет примерно одинакова – что значит Пушкин сегодня? Исследовательская задача в данном случае сводится к выявлению тех клише и формул, до которых “свернулось” в массовом сознании пушкинское наследие и образ.

У “читательских” (и – конкретнее – “читательских пушкинских”) анкет давняя традиция. Проводить их начали в конце XIX – начале

XX века в школьной (гимназической) среде, затем среди подписчиков “интеллектуальных” журналов. Революция несколько не изменила этой ситуации – напротив, анкеты стали “нормой дня”. Анкету о Пушкине, составленную Вересаевым в 1937 году, “Наука и жизнь” 50 лет спустя воспроизводит без всяких изменений. Материалов накоплено достаточно много, но литературные журналы опрашивали в основном хорошо известных и знаменитых людей. Анкеты “школьные” дают определенное представление о том, что читали и как читали, но не могут считаться “зеркалом” массовой ситуации. Вот почему оказался необходим дополнительный эксперимент.

В 1998 году в Челябинске (82 % опрошенных), Санкт-Петербурге (6 %), Москве (12 %) была опрошена группа лиц в возрасте от 14 до 80 лет, не имеющих специального филологического образования. Им были предложены следующие вопросы: 1. Когда впервые Вы прочитали произведения Пушкина? 2. Приходилось ли Вам читать произведения Пушкина без принуждения, “для себя”? 3. Выстройте “ассоциативный ряд”, который возникает в вашем сознании при упоминании имени Пушкина.

Для удобства выделим несколько возрастных групп.

Первая группа – лица в возрасте 70–80 лет на момент опроса (1918–1929 годов рождения). Половина опрошенных имеет высшее образование. До школы с пушкинскими произведениями познакомились 37, 5 % опрошенных, остальные читали Пушкина в школьные годы. По собственному желанию, без принуждения читали пушкинские произведения 62, 5 % опрошенных. Варианты мотивов: “интересно”, “любимый писатель”, “в силу доступности текстов и авторитетности его произведений”. Ряды ассоциаций можно представить в виде тематических групп (нет ассоциаций у одного респондента):

Время года: “осень”.

Природа: “солнце”, “роза”.

Оценка таланта и отношение к поэту: “гениальный человек”, “великий человек”, “умнейший”, “многое предвидел”, “положительное к нему отношение”.

Пушкинские места: “Болдино”, “Царское Село”, “Лицей”, “статуя мальчика”.

Эпоха: “история”, “опера”, “театр”.

Герои произведений: “Онегин”, “Балда”.

Родословная: “потомок Ганнибала”.

Статус: “поэт”, “сказочник”.

Творчество: “лирика”.

Жизнь поэта: “дуэль”.

Внешность: “портрет”, “кудри”, “кучерявый”.

Характер: “легкомыслие”.

Все ассоциации приводились по одному разу. Таким образом, наиболее устойчивые ассоциации связаны с оценкой таланта (“великий человек”) и с внешностью (“кудри”), поскольку обнаруживаются синонимические повторы.

Вторая группа – лица от 60 до 69 лет (1930–1938 годов рождения). Только 28 % познакомились с пушкинскими произведениями до школы. В этой группе большую часть составляют лица с незаконченным средним (4–7 классов – 28 %) и средним образованием (49 %). Один респондент сообщил, что не читал Пушкина без принуждения. Остальные на этот вопрос ответили положительно. Варианты ответов: “очень люблю его”, “обожаю Пушкина”, “интересно”, “иногда и нелегко, но интересно”, “люблю его неизвестно за что”, “читала с удовольствием, легко читается, бывает нелегко, но интересно, читая его, я даже представляла всю картину происходящего”, “легкий слог, хороший смысл, написанный с душой, легко читается, стихи складываются в песни, интересное, каждый раз новое, для душевного равновесия”, “нравится”. Ассоциации по темам (никаких ассоциаций не возникло у одного респондента):

Внешность: “негритенок”, “страшненький”, “молодой”.

Черты характера: “умный”, “баловень”, “хороший”, “он был умный, но вспыльчивый”.

Ощущения: “чистота”, “свежесть”, “легкость”, “уплываешь и полностью представляешь написанное”, “просто нельзя описать свое ощущение, с ним хочется все знать, все смотреть”, “каждую сказку представляешь такой живописной, красочной, всего и не пересказать”, “поднимается настроение, хочется писать стихи, но не получается”, “восторг”, “доброта”.

Оценка таланта: “ни с кем не сравнимый писатель и поэт”, “хороший писатель”, “много написал”, “каким надо быть гением, что столько написать и так здорово”, “талант”, “гордость русского народа”, “писатель”.

Отношение к поэту: “жалко его”, “жаль, что рано умер”, “очень жаль его, ушел из жизни молодой. Я с ним умственно общаюсь, все бы на его памятник смотрела. В метро на «Черной речке» думаю: «Господи, зачем так глубоко под землю тебя занесли?» Гадали, вызывали Пушкина в юности – матерился страшно, но учил, как детей воспитывать”, “большая любовь к нему, к его стихам, эмоции”.

Биография: “необдуманная шаг – дуэль. У него жена была красавица, царь специально мимо ездил, чтобы на ее балкон взглянуть”, “его жизнь”, “большая любовь”.

Пушкинские места: “посещение квартиры-музея на Мойке, обстановка квартиры, письма, библиотека”.

Эпоха: “даже мне просто дорога пушкинская эпоха”.

Природа: “голубой цвет”, “зима”, “сани”, “тройка лошадей”, “прогулка на лыжах”.

Творчество: “стихи”.

Как видим, устойчивыми ассоциациями можно считать выражение искреннего восхищения, причем респонденты почти не пытаются определить, что же именно так их восхищает. В этой группе наиболее эмоциональные ассоциации по сравнению со всеми остальными. Только в этой группе присутствует открыто выраженный мотив искренней жалости по поводу безвременной смерти поэта.

Следующая группа – в возрасте от 50 до 59 лет (1940–1949 годов рождения). До школы с творчеством Пушкина познакомился 61 % опрошенных (55 % с высшим образованием, остальные имеют среднее специальное). Читают Пушкина “для себя” 72, 5 % опрошенных. Варианты мотивов обращения к пушкинским произведениям: “потому что сам стал писать стихи и читать со сцены”, “моя любовь”, “нравится ритмика и гармония стиха, гармоничность сочетания формы и содержания”, “соответствовало душевному состоянию”, “нравится, красивая любовь”, “читал сверх программы письма, статьи”, “нравилась проза”, “для приятного отдыха”, “сказки, стихи, повести, потому что нравились”. Наибольшее число повторяющихся ответов – “интересно” (16, 5 %).

Ассоциации возникают у всех опрошенных, хотя в этой группе самые “бедные” ассоциативные ряды. Тематически распределяются следующим образом:

Оценка таланта: “великий человек”, “великий”, “великий поэт”, “талантливый”, “красота языка”.

Внешность: “кудрявый”, “бакенбарды”.

Творчество: “стихи” (2 раза), “сказки”, “романтика и сказочность”, “романтизм”.

Атрибуты творчества: “книга с золотым тиснением и пером”.

Ощущения и чувства: “радость на душе от всего прекрасного в его произведениях”, “меланхолия”, “оптимизм”, “легкость в чтении и для запоминания”, “что-то тонкое, чувствительное, остроумное”, “жизнь, интерес, радость, яркие цвета”, “любовь”, “красота духовной жизни”.

Родина: “Родина”, “Россия”, “русская история”.

Отношение к поэту: “вызывала дух Пушкина, он сочинял стихи, но не успели записать, “что делаешь?” – “Еду на лошади к няне”, “страшно матерился”, “преклонение”.

Пушкинские места: “город Пушкин, памятник в этом городе”, “Ленинград”.

Природа: “зимняя дорога”, “зима”.

Эпоха: “Державин”.

Биография и характер: “вольнодумство”, “поэт с женой”, “его жена”, “карты”.

Произведения: “Татьяна”, “образ Татьяны”, “Я к вам пишу...”.

Наиболее устойчивы ассоциации, связанные с оценкой таланта – “великий” появляется трижды; затем следуют различные попытки обозначить ощущения от чтения – в основном это чувство радости.

Следующая группа – от 40 до 49 лет (1950–1959 годов рождения). В школе познакомились с творчеством Пушкина 26, 5 %; 73, 5 % – до школы. Высшее и незаконченное высшее образование в этой группе имеют 54, 5 % опрошенных. Незаконченное среднее образование у одного респондента, остальные имеют полное среднее и среднее специальное образование. Не читали Пушкина без принуждения 20, 6 % опрошенных. Один из отрицательных ответов имеет обоснование: “из чувства противоречия, слишком много говорят о необходимости его читать”. Остальные назвали следующие мотивы обращения к творчеству поэта: “нравится” (вариант: “люблю его” – 14, 7 %); “интересно” (13, 2 %); эстетический интерес (“легкая восприимчивость стиля, возможность ближе познакомиться с историей России”, “в силу симпатичности идей и стиля (насыщенности, лаконичности, колоритности образов)”, “потому что это истинный поэт, поэт высочайшего класса”, “пишет складно, ровно”, “эстетический интерес, авторитетность, желание расширить знания о предмете”, “тяга к прекрасному”, “легко читать, интересны обороты речи, сказки, поэмы”, “красиво писал”, “чтобы познакомиться с творчеством великого писателя”, 13, 2 %); “для души” (варианты: “перечитывать его доставляет большое удовольствие”, “склонность к минорному резонансу”, “под настроение”, “в случаях эмоционального подъема”, “для гармонии души”, “он мне близок своим мировосприятием”, “когда хорошо на душе”, 10, 3 %); “любопытство” (в том числе – “за что его так любят и восхваляют”, “для расширения кругозора”, “хотелось узнать новое, неизвестное”, 5, 9 %); “привычка к чтению” (варианты: “потому что все книги, какие доставали, прочитывали быстро и без принуждения”, “приучили читать с детства, вот и читала все подряд”, “так как читаю все подряд”, 4, 4 %); интерес к отдельным произведениям (варианты: “перечитываю «Евгения Онегина»”, “очень люблю «Евгения Онегина», «Пиковую даму», чтобы разобраться с этим произведением”, 4, 4 %); воспоминания о детстве (варианты: “неосознанный интерес, навеянный детскими впечатлениями и авторитетом писателя”, “интерес к нему навеян детскими впечатлениями”, “как воспоминание о детстве”, 4, 4 %).

Таким образом, главным мотивом является выбор Пушкина как любимого поэта, затем идет “интерес” и “эстетическая значимость”, близко к которой подходит мотив “для души”. Очевидно, что стрем-

ление подробно объяснить причины обращения к творчеству Пушкина говорит об осознанности положительного ответа на этот вопрос, продуманного, а не случайного чтения пушкинских произведений, желании сформулировать для себя самого причины интереса к творчеству поэта.

У трех респондентов не возникает никаких ассоциаций при имени “Пушкин”, остальные дали развернутые ответы. Главные тематические группы ассоциаций:

Ощущения и чувства: “любовь” (вариант: “возвышенная любовь”, 13, 9 %), “радость” (вариант: “восторг”, “веселье”, 13, 9 %), “светлое” (10, 3 %), “легкость” (вариант: “воздушность”, 8, 8 %), “нежность” (вариант: “лирические, интимные ассоциации”, “лирический лад”, “тепло”, “душа”, 8, 8 %), “красота” (5, 9 %), “возвышенность” (4, 4 %), “мечтательность”, “порядочность”, “все, что хорошее”, “грация”, “ностальгия”, “свобода”, “детство, отрочество, юность”, “чистота чувств”, “хорошее настроение”.

Произведения: “Евгений Онегин” (7, 4 %), “Татьяна” (5, 9 %), “Руслан и Людмила”, (варианты: “вспоминаются строки из поэмы “У лукоморья дуб зеленый””, 4, 4 %), “Сказка о царе Салтане” (варианты: “33 богатыря”, “царь Салтан”, 4, 4 %), “Золотая рыбка” (вариант: “старуха у разбитого корыта”, 3 %), “Сказка о мертвой царевне”, “Золотой петушок”, “герои сказок, а вместе с ними и детство”, “Цыганы”, “герои прозаических произведений”, “Петр”, “Капитанская дочка”.

Эпоха: “декабристы” (варианты: “бунт”, “мятеж”, “площадь”, 8, 8 %), “балы” (5, 9 %), “красивые женщины” (4, 4 %), “Пушкин – высокообразованный дворянин, но ему близок народ, его прошлое – культура”, “большое общество нарядных богатых людей, среди них – небольшой худенький улыбающийся поэт, и все эти люди у него как на ладони”, “барская усадьба”, “гусары, баллады, Кюхельбекер”, “жизнь дворянства в начале XIX века”, “Николай, свобода”, “богема”, “жизнь России при крепостном праве”, “XIX век – «золотой век» русской культуры”.

Внешность: “бакенбарды” (5, 9 %), “автопортрет в лицейской тетради”, “острый нос”, “волосы”, “глаза”.

Характер: “Ловелас – неприятно” (вариант: “Ловелас, легкий в общении человек”, 3 %); “язвительный, насмешливый, тяжелый человек”, “галантность в отношении к женщине”, “ум”, “свободолюбие”, “мягкость”, “детскость”, “ненужная героинка”, “романтичность”.

Творчество: “лирика” (вариант: “поэзия”, “стихи о любви”, 7, 3 %) “детские сказки” (3 %).

Природа: “ясная морозная зима, хруст снега, тихое чтение у ка-

мина в ненастную погоду” (варианты: “пурга”, “зима”, “мороз”, 8, 8 %), “осень” (варианты: “золото осени”, “листья”, 7, 3 %), “природа” (3 %), “море, скалы”, “лес”.

Отношение: “восхищение, интересный человек, мечтала с ним познакомиться”, “уважение к великому поэту”, “загадочность”, “великое преклонение перед талантом”.

Оценка таланта: “великий русский поэт, неповторимый, узнаваемый слог (легкость, изящность), интересная проза” (варианты: “его величие как поэта”, “великий поэт, тонко чувствующий человеческую природу, передающий красоту и многообразие жизни”, “великий поэт, странная личность”, 5, 9 %), “талантливый” (вариант: “обычный, но талантливый человек”, 3 %), “восхищение, слог, красота, талант” (варианты: “русский язык, чистый”, “с первых строк понимаешь, что он гений!”), 4, 4 %), “поэт № 1 для русского человека”, “душа, гордость России”, “большой объем творчества, избитость”.

Биография: “дуэль” (варианты: “пистолет”, “его квартира, записка о состоянии здоровья”, 7, 3 %), “Арина Родионовна”, “вольнодумство”, “лицей”, “разгул”.

Пушкинские места: “Царское Село”, “Кавказ”, “памятник Пушкину в Москве”, “Болдино”.

Родина: “патриотизм” (3 %), “Родина”.

Предметный ряд: “пушка”, “огонь”, “лира”.

Абсолютные “лидеры” ассоциативных рядов у этой группы: “любовь”, “радость”, “свет”. Следом идут “легкость”, “нежность”, “декабристы”, “зима”. Наконец, замыкают частотный ряд “дуэль”, “осень”, “балы”, “лирика”, “Евгений Онегин”, “Татьяна”, “бакенбарды”, “великий русский поэт” и “красота”.

Группа лиц от 30 до 39 лет (1960–1969 годов рождения). С творчеством Пушкина до школы познакомились 80 % опрошенных. Высшее (в том числе незаконченное высшее) образование в этой группе у 53, 3 %, остальные имеют среднее и среднее специальное образование. 13, 3 % всех опрошенных не читают Пушкина без принуждения. Остальные назвали следующие причины обращения к творчеству поэта: “интересно” (в том числе “литературный, эстетический интерес”, “с возрастом стало интересно”, “интерес к любовной теме в поэзии”, 26, 6 %), “нравится” (15, 2 %), “люблю” (варианты: “люблю этого автора, чем старше, тем больше его люблю”, 13, 2 %), “читается легко” (в том числе “стихи легко читаются и воспринимаются”, “все просто и понятно”, 6, 6 %), “авторитетность” (вариант: “авторитетность, эстетическая симпатия, близость творчества собственным моим идеалам, цитаты из многих стихотворений положены в основу собственных композиций”, “хотела расширить кругозор, эс-

тетическое удовольствие, углубление знаний, признание авторитета”, 6, 6 %), “любопытно” (в том числе “узнать о жизни”, “хотелось больше знать”, 4, 4 %), “для души” (“под хорошее настроение, в стрессовых ситуациях читаю “Дубровского”, любимое – “Арап Петра Великого”, “Евгений Онегин”, “Медный всадник”, 4, 4 %), “случайно книга в руки попала”.

Ассоциаций не возникло у двух респондентов. Остальные распределелись следующим образом:

Ощущения и чувства: “любовь” (26, 2 %), “красота” (8, 8%), “красочные, приятные ассоциации” (варианты: “голубой, розовый, желтый”, “красный”, 6, 6 %), “счастье” (4, 4 %), “печаль” (вариант: “грусть”, 4, 4 %), “свет” (4, 4 %), “добро” (4, 4 %), “дружба” (4, 4 %), “воображение” (вариант: “фантазия”, 4, 4%), “молодость” (вариант: “юность”, 4, 4 %), “легкость” (вариант: “воздушное”, 4, 4 %), “нежность” (4, 4 %), “обыденно, нет ни вкуса, ни цвета, ни запаха”, “необъятное”, “романтическое”, “радость”, “детство”, “очень душевно”, “хорошо”, “ностальгия”, “песня”, “воля”, “сон”, “тепло”, “чистота”, “волшебство”, “вдохновение”.

Природа: “осень” (варианты: “Болдинская осень”, “осенний лес”, “осень (начало)”, 17, 6 %), “снег” (варианты: “Зима, крестьянин, торжествуя”, “розовато-голубой снег”, “метель”, 8, 8 %), “природа” (4, 4 %), “дорога”, “степь”, “воздух”, “солнце”, “космос”, “планета”, “костер”, “зеленый лес”.

Биография: “дуэль” (варианты: “гибель”, “трагедия”, “ревность”, “Дантес”, 17, 6 %), “Арина Родионовна” (вариант: “няня”, 4, 4 %), “Н. Гончарова”, “сверчок”, “лицей”.

Творчество: “поэзия” (варианты: “стихи”, “лирика”, 8, 8 %), “сказка” (8, 8 %), реализм (вариант: “эстетическая реальность”).

Характер: “спокойствие”, “честность”, “легкость в общении”, “влюбленность”, “достоинство”.

Оценка таланта: “талант” (вариант: “ассоциируется с талантливый человеком”, 4, 4 %), “гений” (вариант: “гений своего времени”, 4, 4 %), “молодец”, “классик”, “хороший поэт”.

Отношение: “Пушкин меня успокаивает, особенно стихи о природе”, “восторженность его таланту” (сохраняю оригинальное написание. – М. З.).

Произведения: “Евгений Онегин” (4, 4 %), “Барышня-крестьянка”, “У лукоморья дуб зеленый”, “герои произведений”, “Барков”.

Внешность: “кудряшки” (вариант: “кот кучерявый”, 4, 4 %), “бакенбарды”, “Пушкин в ночной сорочке”, “портрет Пушкина”, “внешность”.

Пушкинские места: “Болдино” (4, 4 %), “Москва”.

Родина: “патриотизм”.

Предметный ряд: “цилиндр”, “белые лайковые перчатки”, “вино”, “кружка”, “лодка”, “перо и чернильница”.

Эпоха: “бал” (4, 4%), “декабристы”, “Арзамас”.

Группа лиц в возрасте 20–29 лет (1970–1979 годов рождения). До школы с пушкинскими текстами познакомились 72, 5% опрошенных. 77, 4% опрошенных имеют высшее образование или учатся в высших учебных заведениях. Остальные имеют полное среднее образование, в том числе среднее специальное. 9, 6% опрошенных никогда не читали Пушкина без принуждения. Остальные 90, 4% назвали следующие мотивы обращения к творчеству Пушкина: “ради получения эстетического удовольствия” (“красота языка, простота”, “наслаждаюсь красотой слога, стилем; желание постоянно перечитывать некоторые произведения”, “язык, обороты речи”, “красота русской речи, самобытность характеров”, “для удовольствия, простой, красивый язык”, “обороты речи богаты и разнообразны”, “нравится тонкость психологии и лиризм”, 12, 8%), “от скуки” (“заняться было нечем”, “ради праздного интереса”, “для расслабления”, “от нечего делать”, 12, 8%), “интересно” (11, 2%), “для развития” (варианты: “для интеллектуального развития, для удовольствия”, “для самообразования, расширения кругозора”, “информативны в плане исторической психологии”, “чтобы повысить интеллектуальный уровень”, “для общего образования”, 9, 6%), “для души” (варианты: “классик, душа отдыхает”, “под хорошее настроение”, “так как лирика соответствовала романтическим идеалам”, 8%), “нравится” (“получаю наслаждение, русская речь интересна”, “естественно – взять в руки его произведения, неестественно – наоборот”, “нравится его глубина и необычность”, “красота языка, русская самобытность”, 8%), “из-за авторитетности” (варианты: “желание углубить знания, познать, в чем состоит авторитет Пушкина”, “для того, чтобы не быть похожим на других”, “интерес к классике, читать то, что не читают другие”, “ведь это классика”, 8%), “постоянно перечитываю” (варианты: “Евгения Онегина”, “Маленькие трагедии”, “сказки”, 6, 4%), “как спасение от стрессов” (“поиск в его творчестве выхода из кризисной ситуации, на основе еще детских впечатлений, усвоенных в школе, выход из творческого кризиса”, “в минуты кризиса стихи, «Капитанская дочка», «Евгений Онегин»”, 4, 8%), “люблю его произведения” (вариант: “любимый автор”, 4, 8%).

Как видим, мотивы “ради эстетического удовольствия” и “от нечего делать” лидируют в этой группе, затем следуют “интересно” и “для развития” и, наконец, “для души”, “нравится” и “из-за авторитетности”.

В этой группе нет респондентов, у которых не возникло ассоциаций с именем Пушкина. Основные группы ассоциаций:

Ощущения и чувства: “любовь” (25, 8%), “свет”, “добро” (8%), “радость” (в том числе “веселье”, “восторг”, 8%), “романтика” (8%),

“красота” (вариант: “прекрасное”, 6, 4 %), “приятное детство” (3, 2 %), “хорошо”, “уютно дома” (3, 2 %), “страдание” (вариант: “грусть”, 3, 2 %), “легкость” (3, 2 %), “нежность” (3, 2 %), “возвышенное”, “чистота”, “хохот”, “благородство”, “бодрость”, “приключения”, “сказочное что-то”.

Предметный ряд: “кружка” (3, 2 %), “лошади” (3, 2 %), “перо” (3, 2 %), “насыщенно красная роза”, “вино”, “русская изба”, “повозка”, “печь”, “дом”, “кот”, “яблоко”, “раскрытая книга и свеча”, “трость”.

Внешность: “кудри” (варианты: “кудряшки”, “кудрявая голова”, “кудрявый”, 9, 6 %), “бакенбарды” (8 %), “портрет Пушкина” (варианты: “автопортрет”, “портрет”, 4, 8 %), “рисунки” (3, 2 %), “обезьяна”, “борода”, “нос”.

Биография: “дуэль” (17, 7 %), “Гончарова” (варианты: “Наталья Николаевна”, “портрет жены”, 9, 6 %), “лицей” (8 %), “няня” (вариант: “Арина Родионовна”, 8 %), “Керн”, “женщины”, “пьянство” (вариант: “алкоголик”, 3, 2 %), “карты”, “ревность”, “болдинская осень”, “донжуанский список”.

Природа: “зима” (варианты: “русская зима”, “мороз и солнце”, “снег”, 19, 3 %), “осень” (вариант: “золотая осень”, 9, 6 %), “звезды”, “мошки”, “комары”, “лес”, “природа”, “сад”, “орел”, “дождь”, “вечер”, “море”, “поле”, “буря”.

Творчество: “стихи” (вариант: “лирика”, 19, 3 %), “сказки” (9, 6 %), “поэтика в чистом виде”, “проза”.

Эпоха: “балы” (4, 8 %), “декабристы” (4, 8 %), “дворянин”, “офицер”, “эпоха”, “полиция”, “бунтарство”, “царь”, “революция”, “поклонники”, “старинные платья”, “18 век”.

Родина: “русские люди”, “русская культура”, “Россия”.

Произведения: “Пугачев” (3, 2 %), “Татьяна” (3, 2 %), “ножки”, “много провинции”, “люди – малостоличные, в основном простые”, “негры” (3, 2 %), Петр I (6, 4 %), “Евгений Онегин” (3, 2 %), “Во глубине сибирских руд”, “Борис Годунов”, “Царь Салтан”, “образ Золотой рыбки”, “Барышня-крестьянка”.

Оценка таланта: “гений” (3, 2 %), “сложная речь”, “великий поэт”, “талант”.

Пушкинские места: “Михайловское”, “Лицей”, “Санкт-Петербург”, “Нева”, “Болдино”.

Разные виды искусства: “симфония № 1 Чайковского”, “врубелевские люди”.

Характер: “доброта”, “юмор”, “ум”.

Наибольшее число совпадений у ассоциации “любовь”, затем идет “зима”, “стихи”, “дуэль” и, наконец, “сказки”, “осень”, “кудри”, “Гончарова”.

Исходя из этих данных, можно выявить наиболее частые ответы всей “старшей” группы респондентов (старше школьного возраста). Общие данные следующие.

В дошкольном возрасте слышали о Пушкине 66, 8 % опрошенных. Остальные отмечают обычно, что слышали его имя и узнали его произведения в начальной школе. Читают Пушкина “для себя”, без принуждения 83, 9 % опрошенных. Анкета не предполагала выявления частоты обращений к пушкинскому наследию, но в целом указанный процент значительно превышает данные опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения в Москве (56 %) ⁴⁸⁰. Основной мотив обращения к пушкинским произведениям “для себя” – “интересно” (16, 1 %), “нравится” (12, 9 %), “любимый поэт и писатель” (7, 8 %). Среди ассоциаций бесспорным лидером стала “любовь” (18, 4 %), затем (в порядке убывания): “стихи” (16, 1 %), “великий” (12, 4 %), “зима” (12, 4 %), “кудри и бакенбарды” (10, 1 %), “дуэль” (9, 7 %), “осень” (9, 7 %), “сказки” (7, 4 %), “Онегин и Татьяна” (7, 4 %), “радость” (6, 5 %), “красота” (6 %), “легкость” (5, 5 %), “русскость” (5, 5 %), “декабристы” (4, 6 %), “свет” (4, 6 %), “добро” (4, 1 %), “лицей” (3, 7 %), “романтичность” (3, 7 %), “балы” (3, 7 %), “няня” (3, 7 %), “Болдино” (3, 2 %), “Наталья Николаевна” (3, 2 %).

Проанализируем эти результаты. При редукации русской литературной вершины первой величины происходит следующий отбор информации: остаются общечеловеческие ценности, воспетые поэтом (причем не “милость к падшим” и не “свобода”, а “любовь”), прочна ассоциация “Пушкин – стихи”, то есть клише “Поэт? – Пушкин” из известного “опросника на стереотипичность мышления”, оценка таланта поэта – “великий” (варианты: “талант”, “гений”) с нередко сопровождающим эту оценку выражением искреннего восторга и восхищения, “зимние ассоциации”, преобладающие над “осенними” (результат, по-видимому, действия школьной программы, где “пейзажный зимний” пушкинский текст представлен наиболее полно по сравнению с “философским осенним”), представление о внешности поэта (сведенной к “кудрям” и “бакенбардам”), факты биографии поэта редуцированы до дуэльной истории.

Остальные ассоциации, наиболее часто возникающие в сознании респондентов, могут быть условно распределены на две группы: “жизнь поэта” и “творчество поэта”. “Жизненные ассоциации” называют такие факты, как “декабристы”, “лицей”, “балы”, “няня”, “Болдино”, “Наталья Николаевна”. “Творческие” – сами произведения, из всего корпуса которых выделены сказки и “Евгений Онегин”, а также общие читательские впечатления – “романтичность”, “русскость”, “радость”, “красота”, “легкость”, “свет”, “доброта”.

Таким образом, жизнь Пушкина в среднем представляется “старшей группе” опрошенных в виде цепочки: лицей – светские развлечения – бунтарство – ссылки – женитьба – дуэль. Творчество поэта ассоциируется, скорее, с ценностями “чистого искусства”: любовь, природа, красота, радость, легкость. Главное “творческое достижение” Пушкина – именно поэзия (“стихи”), затем следуют сказки и “Евгений Онегин”.

Насколько такие представления далеки от “подлинного” Пушкина? Другими словами, насколько такая редукция “опошляет” и “унижает” имя великого поэта? По-видимому, особого беспокойства эти данные не вызывают. Упрощение (редукция) харизмы, как мы уже говорили выше, неизбежно. Сказать, что упрощение произошло до схемы, о которой (правда, применительно к “массовому пушкиноведению”) говорит В. С. Непомнящий, видимо, нельзя (“Как это ни странно, но спустя столетие со времени возникновения науки о Пушкине авторы некоторых произведений о нем помнят лишь следующее: 1) Пушкин был связан с декабристами и писал возмутительные стихи, 2) за это его притесняли Николай с Бенкендорфом и травило светское общество, 3) в результате всего этого он трагически погиб на дуэли. Это те три сосны, которыми дело и ограничивается. Иногда к этой триаде добавляется еще один момент: 4) Пушкин очень любил женщин”⁴⁸¹). Отметим, что в анкетах всех возрастных групп отсутствуют ассоциации с какими бы то ни было православными ценностями (подчеркнуто православными, без “фразеологических подмен”, то есть ассоциация “любовь” с именем Пушкина нигде не уточняется как, например, “любовь к ближнему”).

Обратимся к данным, полученным при анкетировании “младшей группы” (школьников и студентов негуманитарных вузов). И. Сурат сетует: “Новые поколения, generations 'П', рожденные теле- и компьютерной революцией и воспитанные в рекламно-клиповой эстетике, смотрят, конечно, не в сторону Пушкина. Они создают собственную, очень далекую от Пушкина, субкультуру, а если и читают что-то, то своим писателем выбирают в лучшем случае Виктора Пелевина. Беру на себя смелость утверждать, что поколение, выбравшее Пелевина, ни Пушкина, ни Толстого читать никогда не будет...”⁴⁸²

Приведем еще два факта (по газетным юбилейным публикациям) – в “столичном” и “провинциальном” вариантах. Это школьные сочинения о Пушкине. В первом случае их публикует “Парламентская газета”. Вот отрывок из одной работы (пишет семиклассница московской школы № 255): “Пушкин испытывает глубокое чувство гордости, чувство любви и благодарности к тем, кто стоит на границах Родины... Пушкин восхищается таким патриотизмом, он гордится своими предками. И хочет показать нам, как сильно надо лю-

бить Родину и быть всегда готовым отдать свою жизнь ради нее”⁴⁸³. Во втором случае подборка сочинений занимает место передовой статьи. Пишут второклассники школы № 6 города Челябинска: “Его убил офицер Парижа – Дантес. Он погиб на дуэли. А началось все так.

Дантес был ранен, а он – смертельно. Вечером слуга заметил тело хозяина и воскликнул:

– О боже, боже. Что с вами?

Но он лишь охнул в ответ.

Его врач Владимир Владимирович Даль, автор словаря, говорил:

– Не стони так, хуже будет.

Но 28 января Александр Сергеевич Пушкин умер”.

И еще: “Пушкин... однажды влюбился в одну женщину. Принцессу Питера. Она была очень красивая и умная и обыгрывала многих мужиков в шахматы. И Пушкина тоже”. И наконец: “Пушкин больше сказок написал, чем мы прочитали. Он был очень умный, у него была большая голова”⁴⁸⁴.

На этом материале вывод оба автора подборок делают одинаковый: вот как замечательно современные школьники чувствуют “связь времен”, “великую поэзию”⁴⁸⁵; новое поколение видит в Пушкине прежде всего человека, так что – “какое счастье! – Пушкин будет жить”⁴⁸⁶.

Анкетные данные позволяют говорить о месте Пушкина в сознании подрастающего поколения более определенно, без подмены фактов собственными ощущениями и впечатлениями, которые могут оказаться обманчивыми.

В опросе (проведен в 1998 году) участвовали 246 учащихся обычных средних школ и студентов негуманитарных факультетов разных вузов города Челябинска в возрасте от 14 до 19 лет.

На вопрос: “Когда Вы впервые познакомились с произведениями Пушкина?” – 86, 4 % всех опрошенных ответили “до школы” (с разными уточнениями – “в два года”, “в три года”, “мама читала”, “воспитательница в детском саду читала”). Остальные 13, 6 % сообщили, что в школе (варианты ответов: “во втором классе” и “в пятом классе”). Последний ответ (“в пятом классе”) явно недостоверный – по школьной программе Пушкин включен в материалы книги для чтения со второго класса. Скорее всего, учащимся не запомнилось, что это произведения именно Пушкина.

На вопрос: “Перечитывали ли Вы произведения Пушкина “для себя”, без принуждения?” – утвердительно ответило 74 % опрошенных. Половина из тех, кто ответил “нет”, относится к самой “млад-

шей” возрастной группе (14 лет). Основные причины обращения к произведениям Пушкина таковы: “из интереса” – 32, 5 %, “из любви к Пушкину” (ответы от “обожаю” до “нравится”) – 11 %, “от скуки” (“нечего было делать”, “надоел телевизор”) – 9 %, “захотелось” – 7 %, “нравилось сказки читать” – 5, 5 %, “по настроению” (“было плохое настроение”, “отвечало моему настроению”, “для души”) – 4, 5 %, “по совету” (матери, отца, сестры, друзей) – 4 %, “просто так” – 4 %. Трое (1, 5 %) отметили, что взялись читать Пушкина после телевизионных фильмов по его произведениям (“Маленькие трагедии”, “Сказка о рыбаке и рыбке”, “Барышня-крестьянка”). Двое (1 %) констатировали, что Пушкина читали “для собственного развития”. Один респондент отметил, что книга Пушкина у него настольная. Другой – “чтобы узнать больше красивых слов”. Остальные ограничились лаконичным “да” без объяснений.

Итак, важнейшей причиной обращения к пушкинским произведениям является “интерес”. Варианты развернутых ответов: “интересно было познакомиться с творчеством великого писателя”, “хотелось больше программы узнать о творчестве, интересно”, “очень интересно творчество этого великого поэта”, “личный интерес”. Затем следует признание ценности пушкинских произведений лично для респондента (“люблю Пушкина”). Варианты развернутых ответов: “потому что Пушкин – мой любимый поэт, и его прозу очень люблю”, “обожаю Пушкина”, “просто его обожаю”, “Пушкин один из моих любимых поэтов. Считается, что классиков читать скучно, но к Пушкину это не относится”, “я считаю, что именно Пушкин является олицетворением русской литературы и мне нравятся безумно его произведения”. Следующая причина – “от скуки”, большинство ответов – “от нечего делать” и “от скуки”, один ответ “надоел телевизор, захотелось почитать”.

В целом группа учащихся и студентов, объяснивших обращение к его творчеству этими тремя причинами, составила половину всех опрошенных, давших положительный ответ на вопрос о чтении без принуждения произведений Пушкина (52, 5 %). Можно констатировать, что для “генерации П” интерес представляет и Пушкин (а не только “пепси” и “фанта”, о чем размышляет И. Сурат).

Наибольший интерес представляют ответы на последний вопрос: “Какие ассоциации возникают у Вас при произнесении имени Пушкина?”

У 6 % опрошенных имя Пушкина никаких ассоциаций не вызывает. Остальные 94 % указали различные ассоциации, которые, как и в случае с ответами “старшей группы”, можно объединить в тематические группы.

Оценка таланта: “гений” (6 %), “великий” (4, 4 %), “выдающийся, знаменитый, известный человек” (3, 2 %), “хороший писатель” (2, 8 %), “умный” (2, 8 %), “талантливый” (2, 4 %), “всезнающий” (0, 8 %). Всего высокую оценку таланта дают 22, 4 % респондентов.

Упоминания произведений и персонажей: “царь Салтан” (вариант: “царь Салтан – картина из детской книжки: указывает рукой вперед, как бы говоря: «В дорогу! На остров Буян»”, 2 %), “его произведения” (без уточнений, 2 %), “герои” (сказок, произведений, “33 богатыря”, 1, 6 %), “Евгений Онегин” (1, 2 %), “кот на цепи ученый” (1, 2 %), “Золотая рыбка” (0, 8 %), “Капитанская дочка” (0, 8 %), “Татьяна” (0, 8 %), “Арап Петра Великого”, “богатырь”, “Борис Годунов и Лжедмитрий”, “всадник”, “Гавриилиада”, “Дубровский”, “Золотой петушок”, “Ольга Ларина”, “лукоморье”, “Пиковая дама”, “Повести Белкина”, “Руслан и Людмила”, “У Кларисы денег мало” (текст эпиграммы приведен полностью с ошибкой – “небогат” вместо “ты богат”), “царевна-лебедь, царица и Гвидон вылезают из бочки”, “Мороз и солнце – день чудесный”.

Здесь первое место, бесспорно, у сказок, среди которых наиболее часто упоминается “Сказка о царе Салтане...” (всего разных ее героев и ее саму назвали 3, 6 % респондентов).

Творческий “статус”: “писатель” (варианты: “писатель высоко-го роста с бакенбардами”, “писатель как писатель”, “хороший писатель”, 10, 8 %), “поэт” (7, 2 %), “автор”, “романтик” (1, 6 %).

Творчество: “сказки” (8 %), “стихи” (в том числе “поэзия” и “лирика”, 7 %).

Природа: “осень” (вариант: “золотая осень”, 3, 6 %), “зима” (вариант: “зимняя степь в “Капитанской дочке”, 1, 2 %), “природа” (1, 2 %), “море” (“морские волны”, 0, 8 %), “солнце” (возможно, оценочное слово, 0, 8 %), “береза”, “ветер”, “даль”, “заря”, “звезды”, “падающие листья”, “птица”, “с лугов стекают ручейки”, “снег”, “сухое поле”, “утес” (не лермонтовский ли?), “цветы”, “белая ночь”.

Всего “природные” ассоциации возникли у каждого четвертого опрошенного (26, 6 %).

Личные качества поэта: “веселый” (1, 2 %), “любвеобилие” (1, 2 %), “верность друзьям” (0, 8 %), “грустный человек” (0, 8 %), “задумчивость” (0, 8 %), “тихий” (0, 8 %), “точный” (0, 8 %), “борец за справедливость”, “вежливый”, “меткий”, “мягкость”, “наивность”, “невовремя интеллигентный”, “одаренный” (можно отнести к оценке таланта), “оптимист”, “приятный”, “пушистый”, “серьезность (в поведении Пушкина)”, “скромный”, “смелый”, “умеет себя занять”, “фривольный”, “храбрость”, “честь”, “шутник”, “мятежный характер”, “юморист”.

Здесь можно провести некоторые тематические стяжения, чтобы картина стала более ясной. Тогда получится следующий ряд: “серьезный” (1, 2 %), “любвеобильный” (1, 6 %), “смелый” (2 %), “веселый” (2, 4 %), “мягкий” (3, 2 %).

Разные состояния: “свобода” (1, 2 %), “будущее”, “жизнь”, “культура”, “ласка”, “мечты”, “молодость”, “патриотизм”, “переживания”, “слезы”, “смех”.

Разные ощущения от чтения: “радость” (3, 6 %), “доброе” (3, 2 %), “интересно” (2, 4 %), “школа” (2 %), “возвышенное” (1, 2 %), “легкое непринужденное чтение” (1, 2 %), “загадка” (0, 8 %), “скука” (0, 8 %), “вдохновение”, “здорово”, “издевается над школьниками”, “классика”, “неохота”, “непринужденность”, “понимание”, “потеря времени”, “прекрасно”, “принуждение”, “просто какое-то положительное к нему отношение”, “простота языка”, “разнообразие тем”, “серость”, “учеба”.

Как видим, здесь лидирует положительное отношение к произведениям поэта – 14, 4 % всех опрошенных. В то же время в этой группе ассоциаций сосредоточены главные негативные оценки – 6, 2 %.

Разные эпохи: “дворянство XIX века” (вариант: “жизнь и быт XIX века”, 1, 2 %), “вечно”, “древность”, “золотой век”, “история”.

Факты биографии поэта и памятные места: “дуэль” (5, 2 %), “Наталья Николаевна” (вариант: “Гончарова”, 1, 6 %), “Арина Родионовна” (вариант: “няня”, 1, 2 %), “лицей” (варианты: “лицейское братство”, “лицейская дружба”, 1, 2 %), “смерть” (вариант: “смерть Дантесу”, 1, 2 %), “Дантес” (вариант: “Дантес-майорез”, 0, 8 %), “биография” (0, 8 %), “декабристы” (0, 8 %), “масонство”, “места жизни”, “комната Пушкина”, “комнаты друзей Пушкина”, “Ленинград”, “Санкт-Петербург”, “Михайловское”, “Псков”, “разговоры о Пушкине”, “ранняя смерть” (0, 4 %), “трагедия”, “тяжелая судьба”.

Здесь очевидно преобладание “дуэльных” ассоциаций, составляющих в сумме 10 %.

“Творческие атрибуты”: “перо” (варианты: “волшебное”, “гусиное”, 4 %), “лист бумаги” (1, 2 %), “свеча” (0, 8 %), “потрепанная книжка и перо”, “рисунки”, “чернила”, “бессонные ночи”, “книга”, “лира”, “литература”.

Цветовой ряд: “свет” (4, 4 %), “черно-белый цвет” (2 %), “ярко” (1, 6 %), “буйство красок”, “золото”, “палитра от мягких приглушенных тонов до ярких глубоких насыщенных”, “темный”, “тьма”, “вся цветовая гамма”, “яркий желтый цвет”, “сине-розовый цвет”.

Предметный ряд: “пушка” (1, 2 %), “огонек” (0, 8 %), “окно” (0, 8 %), “палка” (0, 8 %), “пистолет” (вариант: “револьвер”, 0, 8 %), “памятник” (0, 8 %), “теплый дом” (вариант: “теплый камин”, 0, 8 %), “бочка” (0, 8 %), “кареты”, “душа”, “женщина”, “купол церкви”, “перчатка”, “избушка”.

Внешность поэта и общие оценки (безотносительно к творчеству): “кудри” (варианты: “кудряшки”, “кудрявый интеллигентный мужчина с бакенбардами на висках”, “кудрявый черт”, “маленький курдючный мальчик”, 19, 2 %), “бакенбарды” (6 %), “портрет” (вариант: “портрет, написанный Кипренским”, 5, 6 %), “внешность” (3, 2 %), “профиль” (2, 8 %), “красивый молодой человек” (1, 6 %), “баран” (1, 2 %), “черный курдючный силуэт” (вариант: “черный портрет”, 1, 2 %), “высокий мужчина” (варианты: “высокий мужчина, курдючный как баран”, “высокий мужчина в строгом черном костюме”, 0, 8 %), “маленькая обезьянка, причем гениальная” (вариант: “обезьяна”, 0, 8 %), “нос” (вариант: “острый нос”, 0, 8 %), “мохнач”, “мужик”, “мужчина”, “негр”, “некрасивый мужчина”, “узбек” (наверное, “друг степей”? – 0, 4 %), “худой”.

Отдельно можно отметить такие ассоциации, как “детство” (7, 2 %) и “любовь” (7, 2 %), а также развернутые картины: “на окраине поля стоит ветхая избушка, в которой сидит курдючный человек перед старинной лампой и что-то пишет”, “огромный смуглый человек с широчайшей лобной костью, которую скрывает лишь кожа да черные кудри”, “мой папа – он в молодости тоже курдючный был – я недавно его фотографию видела”.

Беспорным “победителем” среди всех ассоциаций стали “кудри”, причем общий процент упоминания этой черты внешности поэта составляет пятую часть (26, 6 % в отличие от 10 % старшей группы). Из тех, у кого не возникло желания самостоятельно почитать Пушкина, “кудри” ассоциируются с его именем в четверти всех случаев.

Далее идут: “природа” (в сумме всех упоминаний, в отличие от старшей группы, “осенний текст” здесь более востребован, чем “зимний”), “великий”, “писатель” и “поэт”, “сказки”, “любовь”, “детство”. Таким образом, “формула” младшей группы не очень отличается от “формулы” “старших”: “Великий курдючный писатель и поэт, создавший сказки для детей и воспевший любовь”.

Близко к “лидирующим” ассоциациям подходят ощущения “легкости” при чтении и “дуэльный” ряд.

Таким образом, на основании этого эксперимента можно сделать вывод, что Пушкин в массовом сознании закрепляется на уровне основных манифестаций мифа: непререкаемого литературного авторитета (“великий писатель и поэт”), “вечно живого” облика (“кудри”), поэта, воспевшего любовь (как тайну жизни).

“Дуэльные ассоциации” не так сильны, как можно было бы предположить, хотя присутствуют в разных вариантах – например, “револьвер” или “Дантес-майонез”. Пушкинские памятные места также оказываются на периферии ассоциативных рядов (возможно, это

определяется географической удаленностью большинства опрошенных от обычных маршрутов “по пушкинским местам”). “Сказки” и “детство”, столь актуальные для “младших”, не так часто фигурируют в ответах старших. Но зато “младшие” столь же часто упоминают “любовь” как твердую ассоциацию с именем Пушкина, что и представители “старших” групп.

Можно предположить, что перед нами модель “филистерского” отношения к классике, о котором так много рассуждает Джеффри Брукс. Все общество превращается в “полуинтеллигенцию”, для которой особую, неоспоримую ценность представляет классическая часть русской литературы, прежде всего, в лице ее главного представителя – Пушкина. Размах пушкинских юбилейных торжеств должен был отвечать степени этой ценности. И здесь мы наблюдаем “ножницы” между процессом “сползания харизмы” в нижние strаты общества и процессом ее рутинизации.

Приведем материалы еще одной анкеты. Она была проведена осенью 1998 года в начале работы семинара “Творчество Пушкина в 1999 году” в Тартуском университете⁴⁸⁷. В основном его участники – студенты-филологи, те, кто воспринимают литературу и чтение как неотъемлемую часть жизни. Анкета содержит несколько вопросов, ответы на которые помогут прояснить некоторые моменты.

Первый вопрос: “Назовите в порядке предпочтения 10 имен писателей / поэтов (любой литературы), творчество которых Вам наиболее близко и интересно”. Пушкина назвали в числе этих десяти 39 слушателей курса (из 45, то есть 87 % от общего числа), это самый большой рейтинг “выборов”. Далее следуют Ахматова, Достоевский и Булгаков (по 21 выбору). Из всех, кто признал творчество Пушкина для себя ценным, первое место в списке ему отдают шесть респондентов (13, 2 % от всех опрошенных; пятеро называют его вторым, десять – третьим). Больше такого высокого рейтинга нет ни у кого. Булгакову первое место отдают 5 раз, Л. Толстому – 4 раза, Куприну – 4 раза. Средний рейтинг места, занимаемого Пушкиным, – пятое. Приведем сводный список наиболее часто выбираемых респондентами писателей, чтобы прояснить контекст: 39 – Пушкин; 21 – Ахматова, Булгаков, Достоевский; 19 – Л. Толстой; 16 – Чехов, Лермонтов; 12 – Цветаева, Есенин; 11 – Блок; 9 – Гоголь, Набоков; 7 – Шекспир, Пастернак; 6 – Солженицын, Куприн, Дюма, Бунин; 5 – Гумилев, Довлатов, Тургенев, Ремарк; 4 – Гюго, Золя, Лондон, Лутс, Тютчев, Уайльд; 3 – Андреев, Гроссман, Джойс, Жуковский, Ильф и Петров, Манделштам, Мопассан, Саган, Северянин, Скотт, Сэлинджер, Таммсааре, Фет; 2 – Байрон, Бальзак, Белль, Бодлер, Бродский, Бронте, Диккенс, Драйзер, Замятин, Казакевич, Кушнер, Маяковский, Остин, Пруст, Ристикиви, Фицджеральд, Хемингуэй, Мозм.

Кроме того, по одному разу было названо 76 разных писателей от Аввакума до Сорокина. Как видно из этого перечня, диапазон читательских предпочтений достаточно широк. То, что Пушкин оказался здесь в лидирующей позиции, может быть объяснено общим интересом к Пушкину слушателей этого спецкурса. Если бы Пушкин не относился к числу любимых у большинства из них, возможно, семинар был бы им просто не нужен.

Второй вопрос: “Перечислите критерии, которыми Вы руководствовались”. Ответы на эти вопросы позволяют обнаружить главные “двигатели” читательского интереса. Результаты таковы: 6 опрошенных затруднились сформулировать критерии (13, 2 %). Остальные указали следующие критерии выбора: “близость тематики произведения лично мне” (20 опрошенных, 44 %); “стиль и язык произведения” (11 ответов, 24, 2 %); “эмоциональность произведения, соответствующая состоянию моей души” (9 ответов, 19, 8%); “занимательность” (7 ответов, 15, 4 %); “желание перечитывать эти произведения” (5 ответов, 15, 4%); “юмор” (5 ответов, 15, 4 %); “психологизм” (5 ответов, 15, 4 %); “сознание престижа” (3 ответа, 6, 6%); “легко читать” (“в сон не клонит”, 2 ответа, 4, 4%). Кроме того, были отмечены такие критерии, как “всесторонность интересов автора”, “философская проблематика” и “впечатление осталось надолго”.

В целом данные анкеты по этому вопросу подтверждают наблюдения В. П. Белянина. Он выделяет несколько постулатов, каждый из которых определяет закономерности взаимоотношений читателей и текстов: “Первый постулат: за языком стоит не только система языка, но и психология. Каждый языковой элемент обусловлен не только лингвистическими, но и психологическими закономерностями. Второй постулат: за разными текстами стоит разная психология. Разнообразие психологических типов людей рождает разнообразие текстовых структур. Третий постулат: структуры художественного текста коррелируют со структурами акцентуированного сознания. Художественный текст в большинстве случаев порожден акцентуированным (или психопатическим) сознанием. Четвертый постулат: организующим центром художественного текста является его эмоционально-смысловая доминанта. Являясь ядром модели порождения текста, эмоционально-смысловая доминанта организует семантику, морфологию, синтаксис и стиль художественного текста. Текст – это не имманентная сущность, а элемент целой системы “действительность – концепция – язык – автор – текст – читатель – проекция”. Пятый постулат: читатель имеет право на свою интерпретацию смысла художественного текста. Интерпретация читателя зависит не только от самого текста, но и от психологических особенностей читателя. Шестой постулат: читатель максимально адекватно интерпрети-

рует тексты, созданные на базе близких ему как личности психологических структур”⁴⁸⁸.

Согласно теории В. П. Белянина (во многом основанной на исследованиях Н. А. Рубакина), все тексты можно разделить на шесть типов, каждый из которых соответствует определенной психической акцентуации (и писателя, его создавшего, и читателя, выбравшего этот текст для прочтения): светлый (паранойяльность), активный (паранойяльность), темный (простой) (эпилептоидность), печальный (депрессивность), веселый (маниакальность), красивый (истероидность). Автор исследования провел эксперимент, подтверждающий его теорию. Он отобрал ряд текстов, отвечающих максимально его представлениям об этих типах текстов, “сжал” их до “микротекста” и предложил испытуемым их оценить.

Особенность методики В. П. Белянина связана с тем, что он вынужден был почти полностью отказаться от классических текстов и сосредоточиться на современных, в том числе переводных. В списке текстов, использованных им, есть только “Станционный смотритель”, отнесенный к “усталым” текстам (“печальным”), как, впрочем, и упомянутый в теоретической части, но не включенный в список “Медный всадник”. В то же время классическое произведение, по мнению Белянина, оказывает большее влияние на читателей, чем посредственное, поскольку в нем заложено больше разных типов сознания⁴⁸⁹.

Размышляя о пружинах читательского интереса и выбора “книги-собеседника”, Н. А. Рубакин вывел особую “формулу” – читателя, писателя, исследователя. Только при совпадении формул читателя и писателя можно надеяться на “контакт”. Признание книг Пушкина, большое число выборов его как любимого поэта обуславливается, согласно теории Н. А. Рубакина, множественностью психологических валентностей, заложенных в самих его произведениях.

Третий вопрос: “Что Вы вкладываете в словосочетание «национальный поэт (писатель)»? Существенно ли оно для Вас при оценке творчества писателя? Назовите несколько национальных поэтов (писателей)”. Ответы: “Поэт, пишущий на тему своей родной страны, ее истории, современности: Толстой, Карамзин, Пушкин, с другой стороны, это поэт (писатель), живущий интересами своей страны в то или иное время (независимо от того, живет ли он в эмиграции) – Жуковский, Фет, Тютчев, Достоевский, Толстой”; “Свойственный именно этой национальности, которого невозможно признать за представителя другой нации, в произведениях которого имеются яркие национальные черты. Это – Крылов, Гоголь, Таммсааре”; “Писатель, особенно популярный в какой-то стране. При оценке творчества писателя я прежде всего опираюсь на собственное мне-

ние, но мне интересно отношение к нему других людей. Для каждого писателя характерны свои “национальные писатели”. Но многие остаются любимыми навсегда”; “Человек, который всей душой переживает за судьбу своего народа и отражает это в своих произведениях. Таммсааре”; “Это тот писатель (поэт), чье имя всегда на устах, которого знает даже не очень близкий к литературе человек, который понятен людям. Пушкин, Солженицын”; “Поэт/писатель, произведения которого знают все люди, живущие на его родине. Пушкин, Шекспир”; “Тот, кто пишет о своем народе, о стране для того же народа. Это тот, кого ценят как личное достояние страны”; “Относит себя к той или иной нации, и особенности его нации отражаются в его произведениях. Койдула, Таммсааре, Пушкин, Есенин”; “Поэт, писатель, творчество которого определяет эпоху, в которой он жил и творил; то литературное наследие, которое он оставил своему народу. При оценке творчества для меня это не существенно. Пушкин, Лермонтов, Булгаков, Солженицын”; “Народный, близкий народу. Тот, кто пишет для этого народа, кто любит его. Хотя бы Пушкин или Есенин”; “Писатель, имя которого сразу ассоциируется с его родиной, народом. Пушкин, Толстой, Достоевский”; “Это понятие для меня не существенно. Национальные поэты Пушкин, Лидия Койдула, Шандор Петефи”; “Прежде всего, это Пушкин. Это человек, глубоко знающий и понимающий место своей нации в истории, пишущий искренне, писатель-провидец”; “Он должен отразить в своих произведениях искреннюю любовь к своему народу, к своей родине”; “Многие исследователи называют национальным того, кого изучают”; “Если называешь фамилию этого писателя, никто не спрашивает: «А кто это?», все и так знают. При оценке творчества это несущественно. Пушкин, Толстой – русские, Таммсааре – эстонский”; “Не обязательно тот, кто нравится абсолютно всем. Тот, кто представляет собой культурное наследие, является символом культуры страны”; “Пишет о своем народе, о своей родине и для своего народа и своей родины. Койдула, Есенин”; “Это человек, имя которого не задумываясь назовет любой человек. Для русских – Пушкин, Лермонтов, для эстонцев – Койдула, Таммсааре”; “Наиболее точно выражает чувства и мировоззрение своего народа. Для оценки это не важно, важнее индивидуальность. Гоголь, Пушкин, Лондон”; “Думаю, что национальным можно назвать того поэта (писателя), который пишет о родине, о своем народе, отражает в своих произведениях только жизнь и исторические события в своей стране. При оценке творчества это несущественно. Маяковский”; “В это словосочетание вложен патриотический смысл. Это значит, что писатель посвящает свою жизнь и творчество исключительно своему народу, родине. Пушкин, Маяковский”; “Кто пишет о своем народе, любит

его жизнь, быт, традиции, даже рискнул бы своей жизнью ради благополучия своего народа. Для оценки это несущественно. Койдула, Лутс, Кросс”; “Это патриот своей родины, в произведениях которого описываются или как-то выражаются черты народа, представителем которого он является. Для меня это существенно при оценке творчества. Пушкин, Гоголь, Ахматова”; “Писатель, который наиболее полно, ярко и точно отражает жизнь, взгляды, культуру, традиции нации. Для меня это не существенно. Пушкин, Шекспир, Таммсааре, Гете, Драйзер”; “Он должен писать не обязательно только о России, в значении территориальном, скорее, отражать дух нации и показывать свою любовь к отчизне, не только в красивых эпитетах и метафорах, а даже отображая и обличая ее быт, социальный уклад и т. д. (Пушкин, Гоголь, Чехов, Достоевский, Толстой, Тургенев, Тютчев, Лермонтов, Пастернак, Булгаков)”; “Есенин, Пушкин. Поэт, стихотворения которого близки нации, в данном случае русской. Стихи Есенина о природе понятны русскому человеку, любимы народом и стихи Пушкина”; “Это писатель, повлиявший на культуру своего народа, внесший что-то свое”; “Важно как писал писатель на том или ином языке, а не на каком языке он писал”; “Поэт, который пишет для и о своей нации, о стране, в которой живет. Это существенно для оценки некоторых писателей. Пушкин и поэты-декабристы”; “Пушкин, Толстой, Лермонтов”; “Маяковский, Есенин, Пушкин”; “Тот, кто сумел отразить национальные черты и особенности в своем творчестве. Пушкин, Довлатов, Маяковский”; “Это несущественно”; “Это поэт, который своими произведениями представляет свою родину. Он не только прославляет ее, но изображает реалистично. Но пишет он не только о родине. Главное, что он вносит огромный вклад в развитие родной культуры и литературы. Есенин, Койдула, Бернс”; “Писатель, который влияет на судьбу своей страны и народа своим творчеством. Пушкин. Лермонтов. Есенин”; “Тот, кто пишет о своем народе, о различных сторонах его существования, о его проблемах, тот, кто не отрывает собственное Я от народа. Некрасов, Достоевский, Пушкин, Толстой, Тургенев”; “Тот, для кого судьба своего народа, своей страны – нечто большее, чем просто частица своей собственной судьбы, кто видит истину и настоящего и будущего века, некую истину в судьбе поколений”; “Поэт (писатель), живущий в стране, о которой пишет”; “Доносящий особенности нации (характер, быт, мышление). Пушкин, Некрасов, Гоголь, Достоевский, Чехов”; “Поэт (писатель), в котором есть национальный характер, присутствует дух нации, который поднимает вопросы, волнующие именно эту нацию. Для России – Пушкин. Для Эстонии – Койдула”; “Пушкин, Грибоедов, Толстой, Солженицын”; “Тот, кто известен и любим как на родине, так и за ее пределами. Пушкин, Шек-

спир, Гете, Петрарка”; “Национальный русский писатель – это тот, при чтении которого я горжусь, что я русская и родилась в России. Для меня, кроме Пушкина, таких нет. Национальный писатель – создатель национального литературного языка, в итальянской литературе – Данте, в английской, наверно, – Шекспир”.

Размышления тартуских студентов о содержании понятия “национальный писатель (поэт)” представляются показательными. Прежде всего, в “нефилологической” анкете проблема “национального”, “русского” оказалась мало востребованной (хотя и не совсем исключенной). Хорошо известно, что особенности национального менталитета связаны с особым отношением к собственной национальности: русский шовинизм проявляется в неприятии всего “чужого” в своем окружении (презрительное отношение к “чухонцам”, “жидам”, “хохлам”, “немцам” и пр.), но практически не манифестирован в виде вознесения и восхваления “родной” нации. Не случайно А. Битов, рассуждая об отношении к Пушкину как к святыне, отмечает: “Тут даже русский ощутит себя русским”⁴⁹⁰ – как крайний случай проявления редчайшего свойства. С этим, возможно, связано и “не-стремление” выявить “особые заслуги” Пушкина перед мировым сообществом на уровне массовых опросов. Респонденты предложили ряд вариантов: 1) поэт-патриот, 2) широкоизвестный поэт; 3) поэт, пишущий для народа и о народе, 4) выразитель национальной идеи. Многие респонденты назвали русским национальным поэтом именно Пушкина. Важно, что абсолютное большинство полагает, что характеристика “национальный” применительно к поэту (писателю) не важна для общей оценки его творчества с читательских позиций. По-видимому, такое мнение во многом объясняет невнимание к “русскости” Пушкина в “нефилологической” анкете.

Четвертый вопрос: “Как Вы относитесь к творчеству Пушкина? Чем он Вам нравится (не нравится)? Перечислите произведения, которые Вам особенно нравятся, если таковые имеются”.

Ответы: “Первый вопрос провокационный. Если я скажу правду, то скажут, что я пребываю в юбилейной эйфории. Нравится, что экспериментирует во всем, в чем только может (в смысле жанров – стилей), но с «Гавриилиадой» он слегка переборщил... особенную любовь питаю к «Маленьким трагедиям», не говоря об «Евгении Онегине»; “С уважением. «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Повести Белкина»; “С интересом. Нравится разнообразием (тем, жанров и пр.). Я недостаточно знакома с его творчеством, чтобы что-то не нравилось. «Дубровский», «Повести Белкина», «Евгений Онегин», «Любови, надежды, тихой славы...», «Клеветникам России»; “Очень нравится. Нравится своей многосторонностью, непредсказуемостью, разнообразием, гениальной простотой, гениальностью,

легкостью. «Дубровский», «Цыганы», «Повести Белкина», «Пиковая дама», «Кавказский пленник»»; “Очень нравится; нравится легкость, живость, жизнеутверждающее начало в творчестве Пушкина, разнообразие тем. Некоторые стихи, «Кавказский пленник», «Метель», «Пиковая дама», «Дубровский», «Каменный гость», «Пир во время чумы», «Скупой рыцарь»»; “Чтобы судить творчество Пушкина, надо быть человеком его интеллектуального уровня, а кроме того, досконально знать его произведения. Мне нравится «Пиковая дама», «Евгений Онегин», «Маленькие трагедии»»; “Гениальный, прозорливый, замечательный поэт и писатель, чьи тексты всегда хочется перечитать”»; “Я, можно сказать, выросла на творчестве Пушкина. Еще в школе прочитала почти все его произведения и много стихов. Часто посещала пушкинские места. Его творчество мне близко, понятно, интересно. Время от времени чувствую потребность ощутить его слог, его фразы и т. д. Очень нравится «Евгений Онегин», «Капитанская дочка», «Повести Белкина» и др.”; “Мне нравится стиль и легкость, с которой написаны его стихи. Особенно нравится «Пиковая дама», «Дубровский»»; “Мне нравится творчество Пушкина. Мне нравится его романтический стиль, его музыкальный слог. Также нравятся и его реалистические произведения. Мне нравится, что он не боится писать правду. «Евгений Онегин», «Метель», «Барышня-крестьянка»»; “Мне нравится творчество Пушкина. Его произведения интересно читать. Особенно нравятся стихи, поэмы, например, «Евгений Онегин», «Медный всадник», также «Повести Белкина»»; “Положительно. Чувством юмора, стиля, гармоничностью. «Маленькие трагедии», «Граф Нулин», «Домик в Коломне», «Барышня-крестьянка», «Пиковая дама»»; “К творчеству Пушкина отношусь с большим интересом. У него нет того, что бы мне не нравилось. Произведения Пушкина нельзя не любить, они не могут не нравиться. Ведь с его стихами, поэмами, сказками мы знакомы с раннего детства”»; “Мне нравится творчество Пушкина, ведь любовь к нему прививалась с ранних лет и его есть за что любить. «Евгений Онегин», «Капитанская дочка», «Цыганы», «Дубровский», стихи”; “Пушкин – наше все, т. е. хорошо. Нравится практически все. «Граф Нулин», «Пиковая дама», «Цыганы», «Онегин», сказки”; “К творчеству отношусь как филолог. Нравится тем, что был достойный человек и поэт. «Маленькие трагедии», «Евгений Онегин». Не нравится проза Пушкина, равнодушен”»; “Отношусь к его творчеству с интересом. Нравится он мне по многим причинам: 1) интересны всегда сами произведения; 2) очень много проблем затрагивает в своих произведениях”»; “Мне очень нравятся произведения Пушкина, особенно его лирика. С творчеством Александра Сергеевича мы знакомимся еще в детстве, часто читаем его сказки. «Сказка о золотой рыбке» извест-

на каждому ребенку. Замечательно его произведение «Евгений Онегин» – энциклопедия российской жизни XIX века”; “Хочется выразить свое признание творчеству Пушкина. Да, мне нравится Пушкин, но все-таки это звучит банально, как сказали в школе – кому же не нравится Пушкин, это же солнце, наше все. Я с этим не согласна. Любимые произведения: «Руслан и Людмила», «Повести Белкина», «Дубровский», «Маленькие трагедии», лирика, конечно. Нравится язык, вечно актуальные темы, юмор, глубина проблем”; “Я отдаю предпочтение поэзии серебряного века, и потому мне больше нравится пушкинская проза, чем поэзия. Я обожаю «Моцарта и Сальери» и «Повести Белкина»; “Я отношусь к творчеству Пушкина с огромным уважением и восхищением. Мне нравится его язык. Особенно нравятся произведения «Евгений Онегин», «Рассказы Белкина», «Цыганы» и его стихотворения”; “Очень благожелательно. Мне нравятся особенно его стихотворные рифмы, размеры, построение стихотворений. Честно говоря, пытаюсь писать сам стихи, часто пытаюсь подражать Пушкину. «Евгений Онегин», «Няне», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Капитанская дочка»; “Мне не нравятся его произведения. Отношусь равнодушно”; “Мне нравится его творчество, но некоторые произведения пессимистичны, хотя его любовная лирика превосходит многих других поэтов по красоте”; “Безусловно, Пушкин гениальный поэт. Мне нравятся его стихотворения, посвященные женщинам и о его любви к ним. «Медный всадник», «Борис Годунов»; “К творчеству Пушкина отношусь положительно. То, что писал он, очень близко нам, русским. «Евгений Онегин»; “К творчеству Пушкина отношусь положительно. Нравится лирика Пушкина, его язык, умение красиво описывать природу”; “К творчеству Пушкина нельзя относиться негативно. Нравится простота и ясность слога, размер стиха, образность выражений, музыкальность стиха. «Бахчисарайский фонтан», «Пиковая дама», «Повести Белкина», «Евгений Онегин» (но это слишком тривиально); “Отношусь положительно, почти все легко читается, нравится «Евгений Онегин»; “О Пушкине можно говорить, с моей точки зрения, только в превосходной степени. Мне нравятся «Маленькие трагедии», «Повести Белкина», «Борис Годунов», «Евгений Онегин»; “Мне нравится творчество Пушкина. Никогда не обращаю внимания на то, что не нравится”; “Мне всегда нравился Пушкин. Еще с детства я помню его чудесные сказки «О рыбаке и рыбке», «О семи богатырях», «Сказка о царе Салтане». В школе с удовольствием читала «Капитанскую дочку» и “Дубровского», «Пиковую даму»; “Я болею Пушкиным. У Пушкина есть все: правда, язык, национальное провидение, историчность. «Моцарт и Сальери», «Борис Годунов», «Пир во время чумы», «Евгений Онегин», вся лирика”; “К творчеству Пушкина отношусь

положительно, особенно к стихотворениям”; “Творчество Пушкина очень нравится (но не все). «Медный всадник», «Моцарт и Сальери», «Бахчисарайский фонтан»”; “Больше всего люблю пушкинские лирические стихотворения, пушкинский ритм. Люблю в Пушкине то, что его легко понять, легко читать. «Евгений Онегин»”; “Пушкин – один из первых русских писателей и поэтов, с творчеством которого мне довелось познакомиться в своей жизни. Уже только поэтому его творчество очень мне близко. «Дубровский», «Барышня-крестьянка», «Сказка о царе Салтане»”; “Мне нравится творчество Пушкина как неповторимого и оригинального русского классика. Особенно нравится его любовная лирика и роман в стихах «Евгений Онегин»”; “Мне очень нравится проза Пушкина. «Барышня-крестьянка», «Станционный смотритель». Пушкин так писал, что как-то читатель сам переживает вместе с героем. Это такие нежные чувства! Я, например, когда читаю его прозу, сразу успокаиваюсь. Даже настроение повышается. От агрессивности вроде освобождаешься. Когда читаю, то уже не обращаю внимания на внешнюю злобу мира. Так легче все пережить””; “Произведения Пушкина мне нравятся тем, что, перечитывая их, я каждый раз открываю что-то новое для себя. Южные поэмы, «Медный всадник»”; “«Бахчисарайский фонтан», «Цыганы», «Повести Белкина», «Пир во время чумы»”; “Отношусь положительно. Нравятся его стихи. Его легко читать. «Капитанская дочка», «Моцарт и Сальери», «Евгений Онегин»”; “В детстве я любила читать его сказки. Уже тогда его творчество было мне не безразлично. Его стихи оставляют наиболее неизгладимое впечатление. «Евгений Онегин», «Пиковая дама», стихи””; “Нравится простотой языка, удобочитаемостью, глубоким пониманием психологии персонажей. «Пиковая дама», «Медный всадник””.

Как видим, негативный ответ был один (но человек, которому не нравятся пушкинские произведения, записался в группу слушателей семинара “Творчество Пушкина в 1999 году”). Все остальные ответы сводятся к высокой оценке творчества поэта с точки зрения читательского интереса к нему. Рейтинг предпочтений следующий: “Евгений Онегин” (21 выбор), “Повести Белкина” (16), “Маленькие трагедии” (11), “Пиковая дама” (10), “Дубровский” (8), “Капитанская дочка” и “Медный всадник” (по 5), “Бахчисарайский фонтан” (3), “Борис Годунов” и “Кавказский пленник” (по 2). По одному разу названы “Клеветникам России”, “Сказка о Золотой рыбке”, “Сказка о царе Салтане”, “Руслан и Людмила”, “Домик в Коломне”, “Няне”, “Граф Нулин”, “Цыганы”. Рейтинг “нефилологической” анкеты также выявил особое место “Евгения Онегина”.

Пятый вопрос: “Перечитываете ли Вы какие-нибудь пушкинские тексты для себя? Какие? Как часто?”

Ответы: перечитывают Пушкина “для себя” 90, 2 %. Произведения, которые названы в числе перечитываемых (по степени убывания числа выборов): лирика (46, 2 %), “Евгений Онегин” (39, 6 %); “Повести Белкина” (17, 6 %), “Маленькие трагедии” (13, 2 %), “Дубровский” (8, 8 %), “Руслан и Людмила” (8, 8 %), “Пиковая дама” (8, 8 %), “Капитанская дочка” (8, 8 %), “Кавказский пленник” (6, 6 %), “Медный всадник” (6, 6 %), “Борис Годунов” (4, 4 %), “Цыганы” (4, 4 %). По одному разу названы “Домик в Коломне”, “Сказка о царе Салтане...”, письма Пушкина, “Граф Нулин”, “Бахчисарайский фонтан”.

Сравним с “автоматическим” упоминанием разных пушкинских произведений в “нефилологической анкете”: первое место занимает лирика, затем сказки, далее “Евгений Онегин”.

Если указания на лирику (в тартуской анкете) и сказки (в основном, “младшая группа” опрошенных “нефилологов”) можно считать “неконкретными” (у каждого, указавшего “сказки”, может иметься в виду какой-то конкретный текст), то на первое место в рейтинге произведений Пушкина выходит “Евгений Онегин”. Не случайно в “филологической” анкете мелькнул ответ: “Евгений Онегин” (но это слишком тривиально). Массовый выбор “Евгения Онегина” в качестве синекдохи всего пушкинского наследия подтверждается еще рядом фактов.

Это, во-первых, большое число переделок и переименований, написания произведений “на сюжет” “Евгения Онегина” и пр. Довольно обстоятельно факты функционирования “Евгения Онегина” в российском сознании от момента появления первых глав романа в стихах до второй половины XX века представлены в исследовании Беатрисы ван Замбеек-Вайдели “Пути великого произведения: Русская рецепция «Евгения Онегина» Пушкина” (защищена как диссертация в 1987 году в Цюрихе)⁴⁹¹. Правда, в рецензии на это исследование Р. Ю. Данилевский указывает, что факты интереснее выводов⁴⁹². Исследовательница не использовала и обширный материал по “неофициальной онегиниане”, ставший сейчас доступным. Например, “сетевых” “евгениев онегиных” – построенных на обценной лексике (есть и более “мягкие” – печатные в старом смысле слова, но тоже неприличные варианты⁴⁹³).

Об одном из экспериментов с “Евгением Онегиным” говорится в статье Ирины Сурат: “...о том, как Пушкин питает современную литературу, можно судить по проекту «лермонтизации» “Евгения Онегина”, реализованному Приговым: еще в период самиздата он перепечатал пушкинский роман на машинке, заменив все прилагательные на «безумный» и «неземной». Как и любой постмодернистский эксперимент с классикой, этот опыт говорит о том, что сам по себе текст «Евгения Онегина» уже не является для современного литератора источником смыслов”⁴⁹⁴.

Объектом таких переделок мог быть только широкоизвестный текст – поскольку любые переименования и пародии предполагают всеобщее знание образца. Выбор именно “Евгения Онегина” в качестве объекта “массового чтения” в предъюбилейные месяцы на ОРТ определялся теми же причинами – автоматическим связыванием имени Пушкина с этим произведением в первую очередь (как имя Гете автоматически связано с “Фаустом”). Невозможность киноинтерпретаций романа в стихах связана, возможно, именно с высокой степенью ответственности перед аудиторией (помимо ряда эстетических причин). Английский фильм “Онегин” (режиссер Марта Файнс) можно отнести, скорее, к разряду курьезов (по словам Л. С. Дубшана, “длинный-преддлинный клип”⁴⁹⁵), хотя в юбилейные дни в прессе прошла волна публикаций разного характера – от полного неприятия до признания “первой ласточкой” и упреком российскому кинематографу в нерасторопности и невнимательности к классике. В юбилейные дни фильм показывался “для избранных”, позднее шел в прокате, был показан и по ТВ, не вызвав особого ажиотажа. Следует признать, что проект ОРТ “Евгений Онегин: сегодня и навсегда” оказался более удачным вариантом “презентации” этого произведения (несмотря на разные жанры, сравнение уместно), поскольку продемонстрировал причастность к этому произведению любого зрителя (на месте исполнителя мог себя без труда представить каждый). Материалы анкет подтверждают особую значимость этого произведения в массовом сознании⁴⁹⁶.

Последний вопрос тартуской анкеты касался юбилейного года: “Влияет ли “пушкинский год” на Ваше отношение к Пушкину? Если да, то как и чем?”

Ответы: отрицательные – 50, 2 % (варианты: “Пока пушкинский год не оказал на меня никакого влияния”; “Нет, не влияет. Как будто, если исполняется 199 лет со дня рождения, то это один поэт, а если уже 200 – то совсем другой”; “На мое отношение к Пушкину ничто не влияет”; “Отношение к Пушкину у меня всегда было хорошим. И остается таковым”; “Пушкинский год никак не влияет на мое отношение к Пушкину”; “Скорее, нет. Если есть потребность, то я как-то сама обращаюсь к Пушкину и анализирую”; “Я думаю, что нет, так как оно всегда одинаково”; “На мое отношение к нему “пушкинский год” не влияет, он как был для меня великим писателем, так и остался”; “Честно говоря, нет. Мне всегда нравилось творчество Пушкина”). Положительные: 35, 2 % (варианты: “Безусловно, влияет. Еще раз перечитаю, разберусь в том, в чем еще не успела разобраться. Обязательно найду что-нибудь новое”; “Это на меня не влияет как-то по-особенному”; “Большой интерес”; “Влияет, решила ходить на этот курс и узнать побольше об этом гениальном поэте”;

“Влияет несомненно. Стараюсь больше узнать о личности поэта по его письмам”; “Да, влияет, и прежде всего тем, что все более-менее считающие себя интеллигентными люди вспомнят хотя бы на один год, один раз за столетие, творчество этого великого поэта (чуть было не вырвалось: поэта современности), видимо, его творчество актуально и по сей день”; “Такое ведь бывает лишь раз в 200 лет. Очень важный для нас год, особенно для филологов, просто даты носят для нас какое-то важное значение вообще”; “Конечно. Хочется вспомнить его творчество, всеми любимые его произведения, хочется побывать в великолепных местах, связанных с именем Пушкина”; “То внимание, которое уделяют его личности, лишний раз доказывает о его гениальности и неповторимости. У нас есть возможность узнать его побольше и ближе”; “Я думаю, пушкинский год тем и повлиял, что появился интерес к творчеству писателя. Хочется прочитать труды о Пушкине”; “Я училась в нынешней Пушкинской гимназии. И в этом году все бывшие ученики приглашены на юбилей – 200-летие со дня рождения А. С. Пушкина – подготовка к нему заняла целый год. И мне очень приятно, что наша школа носит имя такого знаменитого писателя”; “Да, я как будто получаю какое-то необычное вдохновение, как только представляю, что 200 лет назад в доме родовитых дворян Пушкиных родился малыш Саша, который в будущем стал знаменитым поэтом. Хочется побольше времени уделять его творчеству”; “Да. Захотелось поближе познакомиться с его творчеством”; “Влияет и очень существенно. В самом воздухе чувствуется что-то поэтическое. Хочется снова и снова обращаться к его текстам”; “Наверное, да”; “Да, усиливает интерес”; “Влияет: мне все меньше и меньше хочется о нем говорить. И так слишком много говорят. А вообще уже в прошлом году совершила паломничество на Мойку, 12”, этот же респондент в вопросе о перечитывании Пушкина “для себя” сообщает: “Помнится, читали мы как-то Онегина на пляже, наши соседи-эстонцы очень интересовались, но не поверили, что мы на досуге Пушкина читаем...”). “Противоречивые” ответы: 14, 6 % (варианты: “Это важная дата в русской литературе. На меня не влияет “пушкинский год”, но мне нравится, что появляется много новой литературы, посвященной писателю”; “Нет. Но очень интересно”; “Нет, не влияет. Единственно, начинаю чаще вспоминать об этом поэте”; “Честно, не очень это пока помню, я думаю, ко дню рождения (к лету) буду больше об этом помнить”; “Нет, не влияет. Для того, кто интересуется творчеством Пушкина, наверное, не очень важно, какой год, хотя бесспорно, дата важная”).

Мнения тартуских студентов вполне можно рассматривать как отражение общей картины отношения к юбилею: большинство считает, что юбилейная шумиха излишня – и так поэт любим, зачем это

демонстрировать? Однако ответы, связанные с признанием важности даты, в сумме с внутренне противоречивыми “нет, но...” составляют почти такой же процент (49, 8 %). Значит, оценка юбилейного года разошлась “по полюсам”. При этом важно, что, выступая против влияния “пушкинского года” на восприятие творчества поэта, отвечающие подчеркивают свою любовь к нему (и без юбилейных торжеств), выражая, таким образом, протест против ритуала, а не против события.

Подтверждением этому (как всеобщему явлению) может служить письмо от домохозяйки Л. Ратомской в “Санкт-Петербургских ведомостях”: “Моя соседка злится до невозможности. Как услышит, что по телевизору замогильным голосом пугают: до дня рождения Пушкина осталось столько-то дней, так прямо из себя выходит. «Уж скорее бы Пушкин родился и они перестали народ запугивать, – возмущается. – Надоело». А я ей говорю, что ты все злишься, выключи телевизор, возьми Пушкина и почитай – он же не виноват ни в чем. Сначала она не захотела. «Я, – говорит, – его в школе проходила и не собираюсь снова за парту садиться». Я прямо заставила ее книгу взять, у меня собрание сочинений дома. И что вы думаете? Приходит: «Хорошие, – говорит, – у него стихи (я ей стихи подсунула). Дай еще другую его книгу». Я даже удивилась: «А что тебе больше всего понравилось?» Она: как Пушкин к женщине относится, я такого в своей жизни не встречала. И читает: «Как дай вам Бог любимой быть другим». А потом опять: «Я, например, такого в жизни своей не встречала». Я ей говорю: твоя жизнь – еще не пример. Вот тебе книга, в ней примеры получше – учись. Она мне ответила – я даже удивилась: так ведь я уже начала учиться. У Пушкина. Может, счастливее стану”⁴⁹⁷.

Приведем данные еще двух анкет. Одна из них была проведена в рамках Всероссийского открытого конкурса творческой молодежи в Сочи “Россия. Пушкин. Новый век” (1997–1999). Было опрошено 200 человек. Возможно, результаты не совсем корректны, во всяком случае, издание материалов конкурса не претендует на научную компетентность. Но эти результаты вносят некоторые коррективы в представления о “массовом” Пушкине.

Самое современное произведение Пушкина: “Борис Годунов” (15 %); “Маленькие трагедии” (12 %); дневник (10 %); “Сказка о попе и работнике его Балде” (6 %); “Пророк” (5 %); “Клеветникам России” (3 %); “Дубровский” (3 %). Более одного раза были названы также “Узник”, “Возрождение”, “Путешествие в Арзрум”, “Медный всадник”, “Пиковая дама”. Как видим, в число “современных” попали те же крупные произведения, что и в число “любимых” в таргуской анкете, однако с иным рейтингом. Есть и исключения – на-

пример, дневник или “Сказка о попе...”. Одинаковый рейтинг в обеих анкетах имеют “Маленькие трагедии”.

Самые любимые строки поэта?

“Любовь к родному пепелищу” (20 %), “Что чувства добрые я лирой пробуждал” (12 %), “Товарищ, верь!” (12 %), “На свете счастья нет, а есть покой и воля” (9 %), “Глаголом жги сердца людей” (7 %), “Не допускать существования Бога – значит быть еще абсурднее тех народов, которые полагают, что мир стоит на носороге” (5 %), “Я вас люблю” (5 %), “Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать” (3 %), “Сижу за решеткой в темнице сырой” (3 %), “Да здравствует солнце” (1,5 %). Цитатный ряд можно разделить на две противоположных линии: страданий и счастья, причем и к той, и к другой линии тяготеют цитаты “борьбы” – это и страдать, и быть счастливым. Очевидно, что в цитировании заметно влияние новых тенденций в изучении Пушкина – “христианского литературоведения”. По-видимому, и фраза “Товарищ, верь!” звучит в этом новом смысле, вне своего “родного” контекста.

Что вас больше всего привлекает в Пушкине?

“Независимость” (21 %), “доброжелательность” (20 %), “благородство” (17 %), “чисто поэтический гений” (15 %), “мудрость” (7 %), “оптимизм” (7 %), “милосердие” (5 %), “гражданственность” (4 %), “любвеобилие” (2 %). По сравнению с чертами характера Пушкина, выделенными в анкете “нефилологов”, наблюдаются следующие особенности: выход в лидирующие позиции качеств, связанных с противостоянием Пушкина “системе”. Вторая группа качеств связана с общим представлением о поэте как величайшем гуманисте.

Какой политической ориентации придерживался бы сегодня Пушкин?

“Никакой” (55 %), “национально-патриотической” (20 %), “монархической” (13 %), “демократической” (10 %), “затрудняюсь” (2 %). Вопрос анкеты отражает, с одной стороны, общую конъюнктуру ее целей, с другой – рассмотренные уже нами ранее механизмы приближения поэта к современности, желание заставить его “санкциями” (всеобщее мнение анкетированных о том, что Пушкин не принадлежал бы ни к какой партии, соотносится с выдвижением на первое место такой черты поэта, как независимость).

Исходя из данных этой анкеты, можно тоже выстроить некую формулу “среднего” отношения: “Пушкин – это автор современных сегодня «Бориса Годунова» и «Маленьких трагедий», любивший родину и пробуждавший добрые чувства лирой, всегда стремившийся к независимости”. Эта формула приближает к понятию “национальный поэт” согласно представлениям тартуских студентов. Доброта (гуманность), независимость и патриотизм возводятся в ранг

главных национальных добродетелей, наиболее полно воплотившихся в пушкинском гении.

Другая анкета проводилась среди студентов профессионального лицея (бывшего ПТУ) № 46 г. Озерска (Челябинск-40). Результаты анкеты были представлены на ежегодном областном конкурсе научных работ “Шаг в будущее” (1999 год). 100 % опрошенных читали произведения Пушкина, однако лишь 47, 5 % познакомились с творчеством поэта до школы. Большая часть респондентов читает Пушкина только в рамках школьной программы (75 %); постоянно к нему обращаются 2, 5 % (1 опрошенный), не хотят читать совсем 2, 5 % (тоже один). На вопрос: “Какие чувства возникают у Вас при чтении лирики Пушкина?” – получены следующие ответы (рейтинг не указан): грусть, радость, любовь, ласка, теплота, доброта, хорошее настроение, задумчивость, интерес, любопытство, хочется читать и перечитывать. На просьбу определить мотивацию обращения к произведениям Пушкина получены следующие ответы: ради хорошей оценки по литературе Пушкина читают 77, 5 %, из интереса 17, 5 %, из желания почитать про любовь 2, 5 %. Один человек не смог ответить на этот вопрос. Наконец, было предложено назвать самое “трудное” произведение Пушкина: “Пророк” (40 %); “Пиковая дама” (22, 5 %); “Евгений Онегин” (12, 5 %); “Маленькие трагедии” (10 %); “Руслан и Людмила” (7, 5 %); “Сказка о царе Салтане” (5 %); “Борис Годунов” (5 %).

Как видим, эти результаты отличаются от анкетных данных челябинских школьников (правда, и анкеты слишком уж различны). Можно предположить, что на уровне школьного сознания восприятие Пушкина во многом определяется программой и субъективными обстоятельствами преподавания литературы (анкета представляет собой опрос одного потока учащихся лицея), хотя ответы челябинских школьников демонстрируют немалую степень самостоятельности восприятия наследия поэта.

Отметим еще один момент. Важнейшим фактом включения представлений о Пушкине как неотъемлемой части национального бытия в массовое сознание П. Дебрецени называет фразеологический оборот “А платить (делать что-либо) кто, Пушкин будет?”⁴⁹⁸ и подчеркивает, что “Ленин” в словарь не вошел. Словарь новейшего русского языка включает в словарную статью “Пушкин” следующие толкования: “Пушкин – 1. кудрявый человек. *А этот Пушкин со второго курса, у него что, свои кудри или химия?* (запись 1997 года). 2. умный. 3. красивый. *Джинсы – во!!! Пушкин!*”⁴⁹⁹ В. Писигин, комментируя “пушкинскую фразеологию”, рассказывает об одном своем знакомом, который “...всех матом крыл. А скажешь – Пушкин – он добреет и за бутылкой лезет”, и приводит пример: тренер футбо-

листа ругает за то, что промазал по воротам. “Я тебе что, Пушкин?” – обиженно отвечает виноватый спортсмен. И тут уж ничего не поделаешь, действительно, не Пушкин (вот Петра Первого не поминают ведь в таких случаях)⁵⁰⁰.

Можно сделать некоторые обобщения. Амплитуда восприятия наследия Пушкина и представлений о его личности на исходе XX века достаточно велика. Невозможно доказать, что есть некая схема восприятия, которой подчиняется “поголовное большинство” реципиентов. По-видимому, особенности пушкинского наследия как всеобщепобязательной эстетической ценности в том и заключаются, что он не подгоняем под жесткую схему. Анкеты разного содержания, выявляющие мнение о Пушкине самых разных респондентов, позволяют обозначить лишь некоторые общие “вершины” многообразного и противоречивого процесса включения пушкинского наследия в общее культурное поле страны. Эти “вершины” таковы.

1. Абсолютное большинство русскоязычного населения страны знакомится с творчеством Пушкина до школы, в период раннего детства, слушая сказки Пушкина от своих воспитателей. Несмотря на единичные протесты профессиональных педагогов о несоответствии пушкинских текстов детскому уровню сознания⁵⁰¹ (впрочем, мнение о том, что это сказки “для взрослых”, никогда и не оспаривалось), сказки Пушкина прочно вошли в национальный педагогический “золотой фонд”.

2. Респонденты не сомневаются в гениальности поэта и его высоком авторитете, но стремятся это подчеркнуть.

3. Главной ценностью наследия Пушкина признается его лирика, особенно стихи о любви. В сознании большого числа опрошенных метонимией Пушкина может служить выражение “поэт любви”.

4. Лучшим и важнейшим “отдельным” произведением поэта признается “Евгений Онегин”.

5. Важна внешность поэта; облик кудрявого Пушкина с бакенбардами (в основном автопортретного) возникает в сознании при имени поэта со стереотипической закономерностью – велика потребность знать Первого Национального Поэта в лицо.

6. Для читателей Пушкина важно определить причины обращения к его творчеству. Здесь важнейшими становятся ощущения “легкости” от чтения и характеристики “свет”, “радость”, “красота”, по-видимому, отвечающие национальным представлениям об эстетической категории прекрасного.

7. В массовом сознании практически не востребованы ощущения трагичности художественного мира Пушкина (хотя, например, “Маленькие трагедии” неоднократно упоминаются в числе наиболее интересных читателям произведений), в то же время категория

трагического полностью экстраполируется в сферу личной судьбы гения. Гибель Пушкина на дуэли (и ее обстоятельства) – один из самых широкоизвестных фактов его биографии.

8. Результаты анкет показывают, что проблема “Пушкин как национальный поэт” реципиентов фактически не занимает. Ощущение “русскости” пушкинского гения и национальная гордость “сыном нации” не актуальны для большинства опрошенных.

9. Представления о Пушкине расширяются и углубляются с возрастом; потребность обращения к его наследию реально велика.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На первой странице газеты “Смена” от 7 июня 1999 года над огромным воздушным шаром с портретом Пушкина надпись: “Свободен!”, а дальше резюме: “У нас если любят, так заласкают насмерть. В этом, может быть, и проявляется широта русской души. Точнее, она проявляется во всем. Поскольку нет у нее узких мест. Великая пушкинизация всей страны, развернутая много лет назад, достигла апофеоза. Нет больше Пушкина, есть нечто, замещающее народ, страну и государство в целом. Пугающе огромный Пушкин, потертый от прикосновений тысяч рук, повис над одной шестой частью суши. Вчера, наконец, перерезали канат. До свидания, наш ласковый Пушкин, возвращайся скорее назад”⁵⁰².

Пушкинский юбилей 1999 года стал наиболее полной и явной манифестацией пушкинского мифа, возникшего чуть менее двухсот лет назад.

Основные причины возникновения мифа – потребность нации в самоидентификации, с одной стороны, и в воплощении сакрального – с другой. Это ведет к выбору фигуры мифотворческой “проекции”. Представитель “поэтического цеха”, стоящий у истоков не только русской поэзии как развитого и широко внедренного в отечественную культурную практику явления, но и русского современного языка (возвеститель “нормы”) наиболее адекватно отвечал потребности в самоидентификации нации. “Божественный глагол” поэта в сочетании с его судьбой “страстотерпца” коррелировал с национальными представлениями о сакральном.

Оказавшись в зоне мифотворчества, пушкинский феномен развивался далее по законам функционирования мифа. Эти законы, по видимому, сохраняются и в наши дни.

1. Возникновение и функционирование культа поэта. Культовые практики отличаются от мифотворческих процессов большей степенью осознанности и регламентации, демонстрацией в разных

формах пиетета к культовой фигуре со стороны адептов культа. Этот пиетет проявляется в ряде моментов:

а) отсутствие критического отношения к наследию поэта, признание его творчества образцовым и идеальным, эталоном для последующего развития культуры, недостижимой вершиной, которую не дано превзойти последующим поколениям поэтов;

б) деформация канала “личность писателя” – “автор” – “произведение” – “читатель”, когда первые три участника цепочки сливаются в нечто общее, идеально образцовое, а последний участник еще до восприятия имеет в сознании оценку текста как великого произведения;

в) сакрализация всего круга предметов и явлений, имеющих отношение к жизни и творчеству гения (памятные места, музеи, родословная, потомки и пр.).

2. Распространение мифа виширь: все более широкие слои населения приобщаются к признанию Пушкина национальной святыней (в основном благодаря образовательным стратегиям). При этом “включается” ряд механизмов:

а) редукция творчества и биографии поэта до ряда свернутых “формул” (Н. А. Рубакин назвал это явление “суправербальностью”: “К отделу суправербальной библиопсихологии относится исследование не только перехода отдельных слов в каждой фразе в бессловесные переживания или в переживания, выраженные другими словами, но и перехода нескольких фраз в одно общее суммарное переживание и перехода нескольких текстов, книг и целых групп книг – в их суммарные переживания высшего порядка”⁵⁰³. Н. А. Рубакин полагает, что суправербальность ведет к образованию аксиом, ярлыков, прочно заслоняющих истинную суть текста, не дающих возможности взглянуть на произведение (или творчество автора в целом) непредвзято: “Ярлык объективируется как проекция и держится по большей части на эмоциях, а не на фактах”⁵⁰⁴. По мнению Рубакина, с негативными перегибами суправербальности можно бороться просветительскими методами. Однако представляется, что процесс суправербальности менее поддается коррекции “извне”, чем это можно было бы ожидать. Механизм “сворачивания” “высокой” литературы до “шифра”, “кода”, “формулы” родственен механизму возникновения прозвищ – нередко вопреки фактам, под воздействием каких-то темных, непознаваемых импульсов. Природа этих импульсов, возможно, скрывается в общенациональном “ядре” и соотносится с глубинными “формулами” вневременного культурного пласта);

б) стремление “приблизить” к себе объект проекции (выражается в ряде “карнавальных” практик, цель которых – сделать Пушкина “своим”).

3. Миф о Первом Национальном Поэте создает ощущение единства нации “снизу доверху” (всеобщее признание одного авторитета способствует консолидации национальных сил).

4. Мифотворческая деятельность разделяет нацию на “интеллектуальную элиту” и “массу” по отношению к объекту проекции. “Интеллектуальная элита” борется с редукцией, пытаясь противопоставить естественному процессу рассеивания харизмы титаническую работу по сохранению пушкинского наследия в максимально полном объеме (в сознании нации), что выражается в непрерывных попытках актуализации отвергнутых “стереотипическими формулами” фактов жизни и творчества. В масштабе нации неизбежно продолжается процесс упрощения и редукции этой новой информации, выражающийся в частичном обновлении формул каждым новым поколением.

5. Объект проекции мифа национального масштаба неизбежно оказывается средством манипуляции массовым сознанием со стороны институтов власти и становится источником политических формул, не всегда совпадающих со стихийно выработанными в процессе рассеивания харизмы. Политические формулы внедряются в образовательные парадигмы, благодаря которым широкие массы носителей языка приобщаются к харизматическому объекту, но подвергаются критической переоценке и деформации, не являясь “последним” словом о поэте. Окончательные стереотипы не могут вырабатываться отдельными волями отдельных лиц, а всегда возникают в результате действия механизмов коллективных мыслительных и подсознательных реакций.

Эти законы определяют состояние пушкинского мифа в конце XX века. Прежде всего, абсолютное большинство носителей языка знает, что Пушкин – “великий русский поэт”, то есть это действительно всеобщезначимая национальная эстетическая ценность. При этом творчество и жизнь Пушкина “свернулись” в национальном сознании до устойчивой формулы-стереотипа: “Пушкин – великий кудрявый поэт с бакенбардами, писавший радостные и светлые стихи о любви и сказки для детей, воспевавший русскую зиму и осень, автор романа «Евгений Онегин», убитый на дуэли”. Эта формула, как мы старались показать, имеет разные варианты в разных группах реципиентов, но суть ее в целом не меняется. Теория “двух Пушкиновых”, столь долго бытовавшая в период формирования мифа, оказалась несостоятельной и неприемлемой в массовом сознании. Миф о Первом Национальном Поэте неизбежно развивался как единое и цельное явление, не допускающее множественных толкований. Огромное разнообразие манифестаций мифа в разное время и разных социальных стратах не дезавуировало суть пушкинского мифа, а

лишь являлось спектром возможных его интерпретаций. Формулировка мифа – “Пушкин – Первый Национальный Поэт” – предполагала наличие базового вопроса мифа, который провоцирует различные манифестации. Этот вопрос: “Почему именно он?” – заставляет носителей мифа беспрерывно подвергать миф ревизии, впрочем, эта ревизия не касается сердца мифа (за двести лет сомнений в первенствовании Пушкина не возникало; даже период писаревского “разрушения эстетики” оказывается подтверждением признания этого первенства), а связана с разными возможностями приспособления мифа к каждой конкретной ситуации. Неуничтожимость и неразрушимость мифа в течение двух веков заставила П. Дебрецени осторожно предположить, что этот миф является базовым в российском современном мифологии, а В. С. Непомнящего – заявить об этом категорично и решительно.

Юбилейная ритуальная практика показала, что Пушкин как национальный миф давно мыслится в категориях, превышающих собственно литературную сферу. Экспансия имени поэта и фактов его творчества в нелитературные сферы является наиболее очевидным доказательством прогрессии функций мифа о Национальном Поэте. Пушкинский миф в конце XX века манифестируется в двух не исключаящих друг друга стратегиях: сакрализации имени поэта и всего, что с ним связано, и всемерного “приближения” его к себе, профанировании и карнавализации. Слившись воедино, эти рецептивные стратегии определяют новый этап в истории пушкинского мифа – лишенный официально навязываемого “сверху” сценария интерпретации, миф разворачивается в “чистом виде” – как совокупность различных представлений, неизбежно деформированных контекстом функционирования мифа, но наиболее очевидно отражающих всеобщее признание не только пушкинского наследия как обязательной в национальном масштабе эстетической ценности, но и судьбы поэта как парадигмы национальной героики и желаемого сценария жизни. “Мой” и “наш” Пушкин превратился в “своего”, знак абсолютной, чистой “русскости” (вне всякой “национальной гордости великороссов”, как знак единства всех говорящих по-русски). XIX век открыл для себя эту ценность, но не мог на столь краткой временной дистанции определить истинный размах явления. XX век приблизился к осознанию этого размаха. Это произошло не сразу, но исподволь накапливалось и складывалось в стройную систему. Вот стихотворение 1927 года “Стихотворец Пушкин. Стансы”:

За прелесть песни величавой
Его “тридцатые года”
Венчали дружеством и славой,
Еще двусмысленной тогда.

Развязный франт, среди пирушки,
Страдая слабостью башки,
Просил: “А ну, милейший Пушкин,
Продекламируй, брат, стишки!..”

Какой-нибудь Фаддей Булгарин,
Фискал, критический червяк
Шипели: “Пушкин не бездарен,
Но недоучка и маньяк!”

В годину мятежа и мрака
Глупцов сановных и придир
Пятнал “забавник” и “писака”
Свой камер-юнкерский мундир.

Он беден был. А это тоже
Позор для “света” и жены.
(Кто хочет властвовать – не может
Носить протертые штаны.)

С апломбом косности и чванства,
За независимость гоня,
Старалось пышное дворянство
Спихнуть его с арены дня.

Он не был тем, кто в жалкой роли,
С нытьем чахоточным в боку,
Безвольно топит в алкоголе
Неутомимую тоску.

Талант, – кричат, – и в новом тоне
К тому ж остряк и “демагог”...
И взял его “жандарм на троне”
Под бенкендорфовский сапог.

Так изнывал поэт великий,
Вольнолюбивый и простой,

В своей отчизне полудикой,
Клейменный злобной клеветой.

Смыкался круг тупых гонений.
И только выстрел пошляка
Открыл стране, что умер гений,
Неповторимый на века⁵⁰⁵.

Вот сон-быль 1944 года: поле боя, тишина, от горизонта надвигается страшная туча... “Ба! Да ведь это же самолеты! Колоссальная армада! И какие странные: все пилоты сидят на них верхом, как на коне, ногами крутят какие-то педали, как у велосипеда, а самолеты в такт педалям плавно машут крыльями...” (летят с немецкой стороны неизвестно чьи). “Самолет на острие клина флагманский, раза в два крупнее, крыльями не машет, а пилот восседает, как на троне, в высоком красном кресле, скрестив руки на груди, величественный и прекрасный. Он без головного убора, с пышными кудрями, которые красиво вьются по ветру. На нем алый широкий плащ, похожий на римскую тогу... Когда флагман приблизился ко мне, я отчетливо увидел лицо пилота. Оно было до боли знакомо... «Неужто правда – Он? Не может быть!» Но вот пилот вновь повернулся ко мне, и я ахнул! «Боже мой! Да ведь точно – он!! Дорогой и любимый! Александр Сергеевич!» Я помчался по окопу к блиндажу, к товарищам, и на бегу стал истошно кричать: «Ребята, выбегайте скорее! Это же наши! Смотрите – Пушкин! Если он на флагмане – значит, точно – наши!»”⁵⁰⁶

А вот 1999-й: “Селезнев. Уважаемые депутаты! Будем заканчивать. Мне кажется, поспорили мы плодотворно и еще раз убедились: Пушкин – это наше все. Поэтому предлагаю суммировать все озвученные здесь мнения. Ставлю на голосование такую резолюцию: «В ознаменование двухсотлетия со дня рождения... Первое. Зачислить Пушкина А. С. навечно правофланговым нашего депутатского строя. Второе. Принять его в почетные члены фракций КПРФ, ЛДПР, “Яблока”, НДР. Третье. Рекомендовать президенту назначить Пушкина почетным вице-премьером по экономическим вопросам. Четвертое. Еще одна рекомендация президенту – считать Пушкина своим символическим представителем по урегулированию конфликта на Балканах. И пятое. Ходатайствовать о награждении Александра Сергеевича посмертно орденом “За заслуги перед Отечеством” второй степени, то есть не ниже, чем у Аллы Борисовны». Прошу голосовать... Прошу огласить результаты. Единогласно. Всегда бы так. А теперь все приглашаются на небольшое юбилейное чаепитие. Оно пройдет под пушкинским девизом, который издавна примиряет на Руси лю-

бых политических оппонентов: «Выпьем с горя! Где же кружка? Сердцу будет веселей!»⁵⁰⁷

И еще: «Может быть, никем не объяснимое счастье, внушаемое его стихами, – еще один залог бессмертия, неотразимый довод в пользу Божьего присутствия в этом страшном и жестоком мире»⁵⁰⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

¹ См.: Немировский И. В. XXIX Всесоюзная Пушкинская конференция // Рус. лит. 1987. № 3. С. 240.

² См.: Виноградов В. В. А. С. Пушкин – основоположник русского литературного языка // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1949. Т. VIII. Вып. 3. Май-июнь. С. 188.

³ Существует особая проблема: как распространялись пушкинские тексты в России. Обзор источников и подробные выводы содержатся в моем докладе “К истории пушкинского мифа: Обзор источников массового восприятия творчества и личности Пушкина на рубеже XIX – XX веков”, сделанном на Герценовских чтениях 1999 года “Пушкин и Гоголь в русской культуре”. См.: Творчество Пушкина и Гоголя в историко-литературном контексте: Сб. науч. ст. СПб.: Изд-во РГГМУ, 1999. С. 44 – 48.

⁴ См.: Авенариус Р. Философия как мышление о мире согласно принципу наименьшей меры силы: Прологомены к критике чистого опыта. СПб.: Образование, 1913.

⁵ См.: Выготский Л. С. Мышление и речь: Психологические исследования. М.: Лабиринт, 1996. С. 333 – 341.

⁶ А. Анненкова даже приводит такой факт: “Цитаты из Пушкина использовались в сакральной функции мата при ссорах. «Пушкинские стихи успели войти в речь, правда, щегольства ради, но зато настолько прочно, что при перекорах молодежи так и сыплют цитатами из Пушкина» – Из русской жизни // Амурская газета. Благовещенск, 1899. С. 919”. (см.: Анненкова А. А. Отражение личности А. С. Пушкина в народном сознании // Пушкин и современная культура. М.: Наука, 1996. С. 196.

⁷ В КВНе от 4 июля 1999 года прозвучала шутка: “Угадай: столица России, 24 буквы, двадцатая – “З”. – Не знаю. – “Москва! Как много в этом Звук!”

⁸ См.: Виноградов В. В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л.: Academia, 1935. С. 14 – 16.

⁹ О феноменальности “списочного” Пушкина рассуждает Пол Дебрецени: Débreczeny P. Social Functions of Literature: Alexander Pushkin and Russian culture. Stanford University Press. Stanford, California, 1997. P. 5 – 13.

¹⁰ См. подробный обзор хрестоматийной и учебной литературы в указанной книге П. Дебрецени. Общие выводы ученого – о достаточно широко представленном творчестве Пушкина в этих издани-

ях и довольно объективной информации о жизни поэта – кажутся убедительными. Дебрецени отмечает, что все же Пушкин был “причесан” под официозную мораль, – полагаю, что это реалья любой школьной, образовательной практики как одного из общественных институтов, призванных поддерживать, а не разрушать существующий строй. См. более подробный анализ книги Дебрецени в первой главе.

¹¹ См.: Рубакин Н. А. Русские читатели и их обстановка // Вестн. знания. 1905. № 1. С. 174 – 175. См., например, список произведений Пушкина для заучивания наизусть (Учебные планы и примерные программы предметов, преподаваемых в мужских гимназиях и прогимназиях. СПб.: Тип. Акад. Наук, 1890. С. 50 – 51): 17 стихотворений, 11 отрывков из поэм и крупных поэтических произведений, 26 строф из разных глав “Евгения Онегина” плюс почти полностью пятая глава (сцена гадания и сон Татьяны).

¹² См.: Мнимая поэзия: Материалы по истории поэтической пародии XVIII и XIX веков / Под ред. Ю. Тынянова. М.; Л.: Academia, 1931.

¹³ Незлобин С. П. Внеклассная школьная литература // Рус. шк. 1893. № 2. С. 69, 74.

¹⁴ В 1899 году в редакцию “Сельского вестника” пришло письмо от крестьянина А. Корабельникова из Тамбовской губернии, который, рассуждая о Пушкине, пишет: “Но все хотят скрыть важные труды и жгучие слова Пушкина, которые слышны только от предания” (См.: Мейлах Б. С. Талисман: Книга о Пушкине. М.: Современник, 1975. С. 219).

¹⁵ См.: Битов А. Г. Статьи из романа. М.: Сов. писатель, 1986. С. 210.

¹⁶ О “нападках” критики XIX века на Пушкина, рассмотренных в аспекте его славы, см., например: Кондаков И. В. «Потерянный рай» русской литературы: Проблемы возвращения // Пути и миражи русской культуры: Сб. ин-та рус. лит. (Пушкинский дом). СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 195 – 213.

¹⁷ См.: Хьетсо Г. Максим Горький: Судьба писателя. М.: Наследие, 1997.

¹⁸ См.: Тард Ж. Законы подражания: Пер. с фр. СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1892.

¹⁹ Термин Рихарда Семона. См. об этом: Рубакин Н. А. Психология читателя и книги: Краткое введение в библиологическую психологию. М.; Л.: ГИЗ, 1929. С. 71 – 76. Суть действия коллективной мнемы заключается в формировании устойчивых симультанных комплексов энграмм (“записей”), представленных в латентном виде, но готовых к экфории (извлечению) при коррелирующем возбуждении. “Коллективность” мнемы обеспечивается особенностями этнопсихо-

логического типа, или, по словам Гумбольдта, “духа народа”. Отмечу, что это размышление о коллективной мнеме вызвало резкое неприятие С. А. Фомичева, считающего эту теорию (и способ ее изложения) крайне неуместной в рассуждениях о пушкинском мифе. Но все же без антропологических, физиологических, нейролингвистических изысканий тут не обойтись – таков предмет изучения.

²⁰ См.: Бехтерев В. М. Избранные работы по социальной психологии. М.: Наука, 1994. С. 194 – 195.

²¹ Там же. С. 194.

²² См.: Виноградов В. В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л.: Academia, 1935. С. 28 – 44.

²³ Виротайнен М. Н. Культурный герой нового времени // Легенды и мифы о Пушкине: СПб.: Акад. проект, 1994. С. 321 – 341.

²⁴ См.: Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории / Пер. с англ. В. И. Яковенко. 3-е изд. СПб.: Изд. В. И. Яковенко, 1908.

²⁵ Довольно подробно о функционировании пушкинской иконографии рассуждает Е. И. Высочина (Образ, бережно хранимый: Жизнь Пушкина в памяти поколений: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1989).

²⁶ См.: Ахматова А. А. Пушкин и дети // Дет. лит. 1974. № 6. С. 33 – 34.

²⁷ См.: Карл Густав Юнг о современных мифах: Сб. тр.: Пер. с нем. М.: Практика, 1994. С. 11.

²⁸ Weber M. The Theory of Social and Economic Organization. Glencoe: Free Press, 1957. P. 358 – 392.

²⁹ С. А. Фомичев предлагает целый ряд средств борьбы с такой “рутинизацией” (см. Немировский И. В. Указ. соч.). Во многом аналогичная программа предлагалась в 1899 году В. П. Острогорским (Острогорский В. Пушкин – наставник русского юношества: К столетию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. 26 мая 1899 года // Вестн. воспитания. 1899. № 4. С. 1 – 20). В печати появляются все новые статьи, содержащие информацию о возмутительной эксплуатации имени и творчества поэта (например, Михайлова Н. “Шоколад русских поэтов – Пушкин” // Легенды и мифы о Пушкине... С. 282 – 287; Лазарев В. Я., Туганова О. Э. Трансформация образа Пушкина в тайниках современного массового сознания // Пушкин и современная культура. М.: Наука, 1996. С. 199 – 206 и др.). Один из немногих материалов, где интуитивно признается право массы на “редукцию”, – статья Н. М. Зоркой (“Мой Пушкин”. Пушкин каждого из нас // Пушкин и современная культура... С. 296 – 310).

³⁰ См. мою статью: Формирование основного корпуса пушкинских мемуаров // Вестн. ЧелГУ. Сер. Филология. 2000. № 2.

³¹ Непомнящий В. С. Поэзия и судьба: Над страницами духовной биографии Пушкина. М.: Сов. писатель, 1987. С. 176.

³² Там же. С. 184.

³³ Разумеется, то, что сделал Б. Шергин, – блистательная попытка “интеллектуального бумеранга”, вариант перевода информации с одного языка на другой. “Пинежский” Пушкин существует, запись этих пересказов – фиксирование особого народного взгляда на его судьбу и творчество. Может быть, рассказ о ком угодно другом не вызвал бы такой потребности самовыражения, трансформации судьбы поэта в судьбу пинежца, “поэтического обывательства” его жизни. Но с научной точки зрения перед нами отнюдь не “народный взгляд” на “поэзию и судьбу” великого поэта, а некий суррогат.

³⁴ Непомнящий В. С. Поэзия и судьба... С. 7 – 8.

³⁵ Розанов И. Н. Литературные репутации: Работы разных лет. М.: Сов. писатель, 1990. С. 45.

³⁶ Там же. С. 16.

³⁷ Высочина Е. И. Образ, бережно хранимый: Жизнь Пушкина в памяти поколений: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1989. С. 5.

³⁸ Подробный перечень источников и анализ их достоверности см. в моей статье: К истории “пушкинского мифа”: обзор источников и некоторые итоги изучения массового восприятия творчества Пушкина в XIX – начале XX века // Творчество Пушкина и Гоголя в историко-литературном контексте: Сб. науч. ст. СПб.: Изд-во РГГМУ, 1999. С. 44 – 48.

³⁹ Острогорский В. Пушкин – наставник русского юношества: К столетию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. 26 мая 1899 года // Вестн. воспитания. 1899. № 4. С. 1 – 20.

⁴⁰ Муравьева О. С. Образ Пушкина: Исторические метаморфозы // Легенды и мифы о Пушкине. СПб.: Акад. проект, 1994. С. 109.

⁴¹ Ср. характерное название статьи Вл. Новикова: “Двадцать два мифа о Пушкине”. Причем исследователь сам оговаривает в начале статьи принципиально разные значения понятия “миф” (позитивное – “предание” и негативное – “вымысел”, “вранье”), но “на практике” сразу отступает от теории. См.: Время и мы. 1999. № 143.

⁴² Муравьева О. С. Указ. соч. С. 120.

⁴³ Там же. С. 123.

⁴⁴ Там же. С. 126.

⁴⁵ Там же. С. 128.

- ⁴⁶ Муравьева О. С. Указ. соч. С.128.
- ⁴⁷ В России более известна другая книга этого исследователя, изданная Гуманитарным агентством “Академический проект”, – “Блудная дочь: Анализ художественной прозы Пушкина” (СПб., 1996; издана на английском языке впервые в 1983 г.). Книга “Социальные функции литературы” отсутствует как в фонде Российской государственной, так и в фонде Российской национальной библиотеки. Найти ее мне удалось лишь в Пушкинском кабинете Пушкинского Дома в Санкт-Петербурге, куда она попала как личный дар автора, много времени работавшего в стенах этого кабинета над своим трудом.
- ⁴⁸ Débreczeny P. *Social Functions of Literature: Alexander Pushkin and Russian culture*. Stanford University Press. Stanford, California, 1997. P. VII.
- ⁴⁹ Минцлов С. Р. *Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России*. Новгород: Губерн. тип., 1911.
- ⁵⁰ Telberg George Gustav. *The George Gustav Telberg Archives*. US Library of Congress. Box 1. *Autobiography*.
- ⁵¹ Débreczeny P. *Op. cit.* P. VIII.
- ⁵² *Ibid.* P. 170.
- ⁵³ Дурьлин С. Н. *Пушкин на сцене*. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 286 с.
- ⁵⁴ Débreczeny P. *Op. cit.* P. 193.
- ⁵⁵ *Ibid.*
- ⁵⁶ Brooks Jeffrey. *When Russia learned to Read: Literary and Popular Litterature, 1861 – 1917*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1985 и др. произведения этого автора.
- ⁵⁷ Débreczeny P. *Op. cit.* P. VIII.
- ⁵⁸ *Житие Александра Болдинского: Канонизация Пушкина в советской культуре // South Atlantic Quarterly*. 1991. Vol. 90. Part 2. P. 269 – 292. См. то же: *Современное американское пушкиноведение: Сб. ст.* СПб.: Акад. проект, 1999. С. 87 – 107.
- ⁵⁹ Débreczeny P. *Op. cit.* P. 225.
- ⁶⁰ *Ibid.* P. 227 – 228.
- ⁶¹ *Ibid.* P. 245 – 246.
- ⁶² Kluckhohn C. *Myth and Ritual: A General Theory*. *Harvard Theological Review* 35, 1 (1942). P. 45.
- ⁶³ Débreczeny P. *Op. cit.* P. 224.
- ⁶⁴ *Ibid.* P. 225 – 226.
- ⁶⁵ На эту же тему рассуждает А. М. Песков (К истории происхождения мифа о всеотзывчивости Пушкина // *НЛО*. 2000. № 42).
- ⁶⁶ Сб. тр. / Пер. с нем., предисл. и примеч. Л. О. Акопяна; Под ред. М. О. Оганесяна; Д. Г. Лахути. М.: Практика, 1994. 251 с.
- ⁶⁷ Там же. С. 12.

⁶⁸ См.: Элиаде М. Священное и мирское / Пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. С. 130.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Ср. размышления Б. Малиновского: “Научное отношение к миру, воплощенное во всей примитивной технологии, а также в экономической и социальной организации, являющее собой опору на прошлый опыт с расчетом на будущий результат, является интегрирующим фактором, который, как следует предположить, работал с самого начала человечества...” (Малиновский Б. Научная теория культуры. М.: ОГИ, 1999. С. 20 – 21).

⁷¹ Мелетинский Е. М. Общее понятие мифа и мифологии // Мифолог. слов. М.: Сов. энцикл., 1991. С. 653.

⁷² Четкая формулировка и подробные разъяснения этого психологического феномена см.: Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Гл.: Великий инквизитор (любое изд.).

⁷³ См.: Малиновский Б. Научная теория культуры. М.: ОГИ, 1999. С. 57 – 58.

⁷⁴ См.: Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси. М.: Гнозис. Школа “Языки русской культуры”, 1995. С. 265.

⁷⁵ Там же. С. 610.

⁷⁶ Карл Густав Юнг о современных мифах. С. 33, 36, 45.

⁷⁷ Существуют даже специальные исследования, посвященные биографиям Пушкина; новые варианты биографий продолжают появляться. См., например: Аринштейн Л. М. Непричесанная биография. 2-е изд., доп. М.: Изд. дом “Муравей”, 1999. 232 с. Более подробный обзор биографий, появившихся в юбилейный период, сделан в третьей главе настоящего исследования.

⁷⁸ Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории / Пер. с англ. В. И. Яковенко. 3-е изд. СПб.: Изд. В. И. Яковенко, 1908. 263 с. Лекции написаны в 1840-е гг.

⁷⁹ Там же. С. 144.

⁸⁰ Там же. С. 95.

⁸¹ Там же. С. 172 – 173.

⁸² Я считаю, что мнение о самосотворении мифа Пушкиным (то есть рассмотрение его жизненного пути как цельного и вполне осознанного им самим мифа – руководства последующим эпохам) не имеет ничего общего с теорией мифотворческой деятельности нового времени и реальными фактами. Мифы рождаются в массовом сознании (в широком смысле этого выражения) как результат действия глубинных структур, не способных воплотиться в научно осмысленном виде. Поэтому статья М. Н. Виролайнен, интересной и глубокой исследовательницы (Культурный герой нового времени // Легенды и

мифы о Пушкине. СПб.: Акад. проект, 1994. С. 321 – 341), к сожалению, представляется мне далекой от реального состояния проблемы, а попытка свести пушкинский миф к цепочке “дитя – поэт – драматург – прозаик – историк – общественный деятель – культурный герой” – натяжкой, как, впрочем, и сложные построения схем с тремя и четырьмя углами (Царь – Священник – Поэт – Народ). Взгляд М. Н. Виролайнена на проблему пушкинского мифа редуцирует эту проблему до еще одной интерпретации пушкинского “пути”. Тем самым вопрос о собственно мифе снимается. Перед нами очередное размышление о роли Пушкина в секуляризованной культуре.

⁸³ Карл Густав Юнг о современных мифах... С. 178. В этой связи совершенно неверным представляется упрек В. Новикова М. Виролайнена в том, что она своевольно переносит термин “культурный герой” “из сферы «натуральной» мифологии на объект, отнюдь не являющийся плодом народной фантазии (А. С. Пушкин – личность реальная, и в этом смысле он мало похож на греческого Прометея или тем более на Ворона из мифов североамериканских индейцев)”. См.: Новиков В. Двадцать два мифа о Пушкине // Время и мы. 1999. № 143.

⁸⁴ Мелетинский Е. М. Категории мифов // Мифолог. слов. М.: Сов. энцикл., 1991. С. 655.

⁸⁵ См.: Топоров В. Н. Указ. соч. С. 647 – 728.

⁸⁶ Ан-ский С. А. (Раппопорт). Очерки народной литературы. СПб.: Типолиитография Б. М. Вольфа, 1894. С. 142 – 143.

⁸⁷ Там же. С. 139 – 140.

⁸⁸ Очевидно, что это более явное сходство, чем, например, поиск древних мифологических схем в любом произведении художественной литературы – зона пристального внимания ритуально-мифологической школы в литературоведении.

⁸⁹ Вообще-то смысл есть – биография Пушкина, по возможности “очищенная” от позднейших свидетельств и составленная только на основании письменных свидетельств того времени (до смерти Пушкина, когда все события жизни поэта предстали перед современниками в ином виде), показывает, какие нюансы отношения к поэту складывались в определенные периоды времени, как неуклонно набирались те клише, что впоследствии составили главный корпус мифа. Но эти нюансы так тонки и эфемерны, что разбор их в рамках нашего исследования затмил бы в конце концов саму тему.

⁹⁰ Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя. Л., 1983. С. 172.

⁹¹ Томас Рэйкс, эсквайр, в письме к другу (реальному или мифическому), описывает свое знакомство с Пушкиным: “Я встретил русского Байрона – Пушкина, знаменитого и вместе с тем единственного поэта в России. Его слава установлена и не имеет соперников, никто

не смеет оспаривать лавры на его челе... Он может всегда требовать 10 рублей за каждую строчку от своего издателя. При такой скудости литературы нельзя думать, что сочинения его могут быть переоценены его читателями... Он обращается к музе только из-за денег. Внешность его неряшлива. За весь вечер не сказал ни одного интересного слова” (См.: Пушкин и его современники: Материалы и исследование. Вып. XXXI – XXXII. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. С. 110).

⁹² Тема “Пушкин и Гоголь” в литературоведении не только не закрыта, но находится в начальной стадии рассмотрения. Многочисленные труды о взаимоотношениях (личных и творческих) двух писателей нередко основываются на свидетельствах самого Гоголя. Но изучение всего мемуарного наследия, связанного с поэтом, позволяет усомниться в истинности этих воспоминаний. Обожание и пиетет, которыми Гоголь окружает имя и память Пушкина, все больше напоминают плохо скроенную маску, из-за которой выступает лицо злейшего врага Пушкина, человека, целью своей жизни поставившего сделать все “антипушкински”: по-антипушкински писать произведения, по-антипушкински жить. Когда М. Виралайнен говорит о “неунаследованности” пушкинского мифа (Культурный герой нового времени... С. 340), то, по-видимому, имеет в виду именно гоголевское “направление”, и в этом можно с ней согласиться. Только дело не в том, что Гоголь “не мог” (таланта не хватало), а в том, что не хотел.

⁹³ См.: Щеголев П. Е. Жуковский в заботах по делу Пушкина // Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. М.; Л., 1928. С. 213 – 233; Левкович Я. Л. В. А. Жуковский и последняя дуэль Пушкина // Пушкин: Исслед. и материалы. Т. XIII. Л.: Наука, 1989. С. 146 – 156; Иезуитова Р. В. Письмо В. А. Жуковского к С. Л. Пушкину о смерти поэта: К истории текста // Там же. С. 157 – 168; Она же. Жуковский о дуэли и смерти Пушкина // Иезуитова Р. В. Жуковский и его время. Л.: Наука, 1989. С. 270 – 278 и др.

⁹⁴ Эпштейн М. Н. Вера и образ. Религиозное бессознательное в русской культуре 20-го века. Тенафу: Эрмитаж, 1994. С. 170 – 171.

⁹⁵ См.: Муравьева О. С. Указ. соч. С. 112.

⁹⁶ О некрологах подробно рассуждает Е. И. Высочина. Указ. соч. С. 77 – 78.

⁹⁷ См.: Строганов М. В. Смерть Пушкина в стихах его современников // Пушкин: проблемы творчества, текстологии, восприятия: Сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1989. С. 87 – 101.

⁹⁸ Строганов М. В. Указ. соч. С. 87 – 101.

⁹⁹ Débreczeny P. Social Functions of Literature... P. 38 – 43.

¹⁰⁰ Филин М. Д. О Пушкине и окрест поэта: Из архивных изысканий. М.: Терра-Terra, 1997. С. 138.

- ¹⁰¹ См. об этом в диссертации Е. В. Абрамовских “Рецепция незавершенной прозы А. С. Пушкина в русской литературе XIX века” (Екатеринбург, 2000. С.179 – 181).
- ¹⁰² Гончаров И. А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. VIII. М.: Худож. лит., 1955. С. 146.
- ¹⁰³ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 1. Л., 1972. С. 40.
- ¹⁰⁴ Белецкий А. И. Об одной из очередных задач историко-политической науки: Изучение истории читателя // Белецкий А. И. Избранные труды по теории литературы / Под общ. ред. Н. К. Гудзия. М.: Просвещение, 1964. С. 34 – 35.
- ¹⁰⁵ Переизданный недавно (1999 – 2000) Толстой (в 90 т.) не покупается “обывателями”, и это говорит не о “примитивности вкусов”, а о запредельности суммы (цена этого собрания сочинений – 22 050 р. – эквивалентна цене подержанного “ВАЗа” или компьютера последней модели, полностью укомплектованного). Я бы с удовольствием купила такое издание взамен двадцатидвухтомного “урезанного” Толстого, но мне не по карману. Так что дело не в “овсе” и “мороженом”, а в реальных возможностях потенциальных покупателей.
- ¹⁰⁶ См. подробнее в моей статье: Формирование основного корпуса мемуаров о Пушкине // Вестн. ЧелГУ. Сер. Филология. 2000. № 2.
- ¹⁰⁷ В. Э. Вацуро называет эту перепалку “странными переключками-диалогами”, однако очевидно, что каждый участник эпистолярных “выяснений отношений” (Плетнев, Шевырев, Жуковский, Вяземский, Погодин, Чаадаев) пытается переложить ответственность со своих плеч на чужие.
- ¹⁰⁸ См. подробно об обстоятельствах этого дела: Модзалевский Б. Л. Работы П. В. Анненкова о Пушкине // Модзалевский Б. Л. Пушкин и его современники. СПб.: Искусство – СПб, 1999. С. 443 – 471.
- ¹⁰⁹ Бартенев П. И. О Пушкине: Страницы жизни поэта. Воспоминания современников / Сост., вступ. ст. и примеч. А. Гордина. М.: Сов. Россия, 1992. С. 19.
- ¹¹⁰ Модзалевский Б. Л. Указ. соч. С. 463.
- ¹¹¹ См.: Зеленецкий К. П. Сведения о пребывании Пушкина в Кишиневе и Одессе // Москвитянин. 1854. Т. III. № 9. Май. Кн. 1. Отд. V. С. 16. (Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931. С. 251).
- ¹¹² Книга воспоминаний о Пушкине... С. 172 – 177.
- ¹¹³ Пушкин в воспоминаниях современников. Л., 1974. Т. 1. С. 195.
- ¹¹⁴ См.: Дружников Ю. Венки и бюсты на каждом абзаце: О кризисе пушкинистики в России // Кн. обозрение. 1999. 10 марта. С. 23.
- ¹¹⁵ Кондаков И. В. Писарев // Русские писатели. 1800 – 1917: Биографич. слов. М.: Наука, 1999. С. 618.
- ¹¹⁶ См. об этом подробнее: Назарова Т. В. Интерпретация творче-

ства Пушкина демократической журналистикой конца 1860 – начала 1880-х годов: На материале журналов “Отечественные записки” и “Дело”: Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Волгоград. гос. ун-т. Волгоград, 1999. 27 с.

¹¹⁷ Левитт Маркус Ч. Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года / Пер. с англ. И. Н. Владимирова, В. Д. Рака. СПб.: Акад. проект, 1994. 265 с.

¹¹⁸ См.: Межов В. И. Открытие памятника А. С. Пушкину в Москве в 1880 году. Сочинения и стихи, написанные по поводу этого торжества: Библиогр. указ. СПб., 1885. 62 с.; Буслаев Ф. И. Венок на памятник Пушкину: Пушкинские дни в Москве, Петербурге и провинции: Адресы, телеграммы, приветствия, речи, чтения и стихи по поводу открытия памятника Пушкина; Отзыввы печати о значении пушкинского торжества; Пушкинская выставка в Москве; Новые данные о Пушкине. СПб.: Тип. и хромолитогр. А. Траншеля, 1880. 354 с. и др.

¹¹⁹ См.: Алферов А. Поэзия Пушкина в средней школе // Вестн. воспитания. М., 1899. № 5. С. 130 – 131. (Извлечение из доклада, читанного в заседании Московского Педагогического Общества 6 мая 1899 года)

¹²⁰ См. подробный анализ наиболее часто включаемых текстов в исследовании П. Дебрецени. Указ. соч. С. 164 – 170. По мере уменьшения числа включений в 24 хрестоматии (кроме “галаховской”): “Песнь о вешем Олеге”; “Кавказ”; “Пророк”; “Приход зимы” (“Евгений Онегин”); “В келье Пимена” (“Борис Годунов”); “Бесы”; “Вновь я посетил”; “Клеветникам России”; “Нравы черкесов” (“Кавказский пленник”); “Брожу ли я вдоль улиц”; “Москва” (“Евгений Онегин”); “Полтавский бой”; “Цыганский лагерь” (“Цыганы”); “Монолог Бориса Годунова”; “Туча”; “Утопленник”; “Образование Онегина”; “Божия птичка” (“Цыганы”); “Ко гробу Кутузова”; “Памятник”; “Сказка о рыбаке и рыбке”; “Черкесская песня” (“Кавказский пленник”); “Вступление к “Медному всаднику””; “Зимний вечер”; “Обвал”; “Осень”; “Пир Петра Великого”; “Поэт”; “Безумных лет”; “Эхо”; “Описание весны” (“Евгений Онегин”); “Описание осени” (“Евгений Онегин”); “Пролог” к “Руслану и Людмиле”; “Маша у Екатерины II” (“Капитанская дочка”); “Поэт и толпа”; “Поэту”; “Стансы”; “Приход пленника в черкесскую деревню” (“Кавказский пленник”); “Описание Петербурга” (“Медный всадник”); “Характеристика Татьяны” (“Евгений Онегин”); “Описание деревни” (“Евгений Онегин”); “Кочубей в тюрьме” (“Полтава”); “Овидий” (“Цыганы”).

¹²¹ См.: Свищевский А. А. С. Пушкин в сельской школе и населении Ярославской губернии // Тр. ярослав. губерн. стат. комитета. Вып.

Х. Ярославль: Изд. Ярослав. губ. стат. комитета, 1899. 89 с.; Щеглов И. (И. Л. Леонтьев). По следам Пушкинского торжества: Из записной книжки. СПб., 1900. 76 с.; Пешехонов А. Неудавшийся праздник // Сб. журнала “Русское богатство” / Под ред. Н. К. Михайловского и В. Г. Короленко: В 2 ч. Ч. 2. Публицистика. СПб.: Тип. Н. Клобукова, 1900. С. 385 – 404 и др.

¹²² Это одна из ключевых идей обстоятельного исследования Е. Добренко “Формовка советского читателя” (СПб.: Акад. проект, 1997).

¹²³ Муравьева О. С. Указ. соч. С. 128.

¹²⁴ Каждый раз, когда я обращаюсь к новейшим изысканиям о Пушкине, я поражаюсь, как не устают их авторы изобретать велосипед, как им не удивительно, что до них “этого никто не говорил” – пушкиноведение стало огромной страной, которая сама не только не помнит о своих “медвежьих углах”, но и плохо ориентируется в столице.

ГЛАВА 2

¹²⁵ См.: Нордау М. Вырождение. М., 1997. Это нашумевшая в конце XIX века книга врача-пессимиста, считавшего все проявления гениальности в конце века очевидными симптомами массового вырождения, психических отклонений. Нордау посвятил книгу своему учителю – Ч. Ломброзо.

¹²⁶ См.: Карл Густав Юнг о современных мифах. С. 20.

¹²⁷ Там же. С. 31.

¹²⁸ Результаты опросов общественного мнения по разным проблемам публикуются на сайте Центра социологических исследований МГУ им. М. В. Ломоносова: <http://www.pingwin.ru>.

¹²⁹ Затонский Д. В. Постмодернизм: Гипотезы возникновения // Иностран. лит. 2000. № 2.

¹³⁰ См.: Добренко Е. Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: Акад. проект, 1997. 321 с.; Он же. Формовка советского писателя: Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб.: Акад. проект, 1999. 557 с.

¹³¹ Н. А. Рубакин, правда, с горечью констатировал: “Книга – это своего рода фортепиано, где каждое слово – как бы клавиша, а каждый читатель – своего рода пианист, и в большинстве случаев более или менее плохой” (См.: Рубакин Н. А. Этюды по психологии читательства: Этюд второй. Психологические основы читательства. Сторона интеллектуальная // Рус. шк. 1910. № 12. С. 150).

¹³² Homo legens: Памяти С. Н. Плотникова (1929 – 1995). М.: Дом интеллектуал. кн., 1999. С. 64 – 65.

¹³³ Это рассуждение похоже на старую как мир сказку про Емелю: “По щучьему велению, по моему хотению...”, которую так внимательно слушал в детстве Илюшечка Обломов и которую Гончаров назвал “злой и коварной сатирой на наших прадедов, а может быть, еще и на нас самих”.

¹³⁴ <http://welcome.to/ebooks>.

¹³⁵ <http://www.pingwin.ru>. Состав раздела “художественной литературы” не проясняется (вполне очевидно, что большая часть читает детективы, приключения, фантастику – лидирующие темы этого раздела).

¹³⁶ *Literature and History: Theoretical Problems and Russian Case Studies* / Ed. by Gary Saul Morson. Stanford University Press. Stanford, California, 1986. P. 20.

¹³⁷ В предисловии Е. Добренко цитирует знаменитую пушкинскую речь Блока: “...люди догадались выделить из государства один только орган – цензуру, для охраны порядка своего мира, выражающегося в государственных формах. Этим способом они поставили преграду лишь на третьем пути поэта: на пути внесения гармонии в мир; казалось бы, они могли догадаться поставить преграды и на первом, и на втором пути; они могли бы изыскать средства для замутнения самих источников гармонии; что их удерживает – недогадливость, робость или совесть, – неизвестно. А может быть, такие средства уже изыскиваются?” (См.: Блок А. Собрание сочинений: В 6 т. Л.: Худож. лит., 1980 – 1983. Т. 4. С. 417).

¹³⁸ Clark K. *The Soviet Novel: History as Ritual*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1985. 301 p. XV p.

¹³⁹ Цит. по: Генис А. Беседа первая: Курган соцреализма // Звезда. 1997. № 2. С. 233.

¹⁴⁰ См.: *Философский энциклопедический словарь*. М., 1981. С. 783.

¹⁴¹ Abell W. *The Collective Dream in Art: A Psycho-Historical Theory of Culture Based on Reactions between the Arts, Psychology and the Social Sciences*. Cambridge: Harvard University Press, 1957. 378 p.

¹⁴² Ibid. P. 249.

¹⁴³ Ibid. P. 85.

¹⁴⁴ Писигин В. Эхо пушкинской строки: Очерк о праздновании 198-й годовщины со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина в городе Торжке. М.: Эпицентр, 1998. С. 43.

¹⁴⁵ См. сетевую публикацию: Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М., 2000.

¹⁴⁶ Тард Ж. *Законы подражания*: Пер. с фр. СПб.: Изд-во Ф. Павленкова, 1892. С. 80 – 81.

¹⁴⁷ Там же. С. 15.

¹⁴⁸ Тард Ж. Указ. соч. С. 231.

¹⁴⁹ Там же. С. 241.

¹⁵⁰ Weber M. *The Theory of Social and Economic Organization*. Glencoe: Free Press, 1957. С. 358 – 392.

¹⁵¹ Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 25 – 28.

¹⁵² Débreczeny P. *Op. cit.* P. VIII.

¹⁵³: *An anthropological approach*. Budapest: Argumentum, 1994. P. 13.

¹⁵⁴ *Literature and its Cults...* P. 13.

¹⁵⁵ Dávidházi P. *Cult and Critics: The Ritual in Shakespeare's European Reception // Literature and its Cults: An anthropological approach*. Budapest: Argumentum, 1994. P. 32.

¹⁵⁶ *Ibid.*

¹⁵⁷ Эпштейн М. Н. Вера и образ. Религиозное бессознательное в русской культуре 20-го века. Тенату: Эрмитаж, 1994. С. 171.

¹⁵⁸ Schmidt C. *Shakespeare will never wrong: the Bard's idolatry and the science // Literature and its Cults...* P. 27.

¹⁵⁹ Непомнящий В. С. Феномен Пушкина и исторический жребий России: К проблеме целостной концепции русской культуры // Пушкин и современная культура. М.: Наука, 1996. С. 34.

¹⁶⁰ См.: *Общая газета*. 1999. 3 – 9 июня. С. 1.

ГЛАВА 3

¹⁶¹ См. сетевую публикацию: Лобок А. М. *Антропология мифа*. Екатеринбург, 1997.

¹⁶² Труссон П. *Сакральное и миф*. Цит. по: <http://chat.ru/~rusaction/lib3.html>.

¹⁶³ См.: Пушкин А. С. *Рабочие тетради: The Working Notebooks / Вступ. ст. Д. С. Лихачев, С. А. Фомичев; РАН. Ин-т рус. лит. (Пушк. дом), Консорциум сотрудничества с Санкт-Петербургом. Факс. изд. СПб.; Лондон, 1995 – 1999. Это был ответ на обвинения в адрес Пушкинского дома – якобы монополизировали наследие национальной святыни и пишут диссертации, строят свои рассуждения на том, что другим недоступно. Важно, что таких упреков не выдвигают по поводу, например, наследия Лермонтова или Баратынского. Старый тезис “Пушкин – «народное достояние» и «весь должен принадлежать народу»” остается актуальным. Правда, это великолепное издание 18 тетрадей Пушкина все равно практически недоступно – изданное при поддержке и прямом спонсорстве англичан (принца Чарльза), оно стоит баснословные деньги и попадет далеко не во все*

крупные библиотеки страны. (С. А. Фомичев отметил, что, скорее всего, только в библиотеки городов, связанных с пушкинскими местами, где есть специальные центры изучения пушкинского наследия, – разумеется, это справедливо, хотя мало утешает пушкиноведов, волею судьбы живущих в городах, до которых Пушкин не добрался.)

¹⁶⁴ См.: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. СПб., 1999.

¹⁶⁵ См.: Пушкинская энциклопедия. 1799 – 1999. М.: АСТ, 1999. 806 с.; Онегинская энциклопедия: В 2 т. / Сост. Н. И. Михайлова и др.; Под общ. ред. Н. И. Михайловой. М.: Рус. путь, 1999.

¹⁶⁶ См.: Чельшев Е. П. Пушкиноведение. Итоги и перспективы. К 200-летию со дня рождения поэта // Пушкин и современная культура. М.: Наука, 1996. С. 3 – 30. То же: Чельшев Е. П. Пушкиноведение: Итоги и перспективы // Москва. 1995. № 6. С. 116 – 131.

¹⁶⁷ Сурат И. Пушкинский юбилей как заклинание истории // Новый мир. 2000. № 6 (сетевой журнал).

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Орлицкий Ю. Б. Пушкин с нами! // НЛО. 1999. № 36.

¹⁷⁰ Зайцева В. В. 25 Пушкинских конференций 1949 – 1978 годов: Библиогр. материалы. Л.: Наука, 1980. С. 5.

¹⁷¹ См.: Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М.: Наука, 1999. 703 с.; Он же. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М.: Наука, 2000. 508 с.

¹⁷² См.: Винокур Г. О. Собрание трудов: В 5 т. Т. 2. Статьи о Пушкине. М., 1999. 252 с.; Т. 3. Комментарии к “Борису Годунову” А. С. Пушкина. М., 1999. 414 с.

¹⁷³ См.: Цявловский М. А., Цявловская Т. Г. Вокруг Пушкина: Дневники. Статьи. 1928 – 1965 / Изд. подгот. К. П. Богаевская, С. И. Панов. М.: Новое лит. обозрение, 2000. 333 с.

¹⁷⁴ См.: Бонди С. М. Мир Пушкина: Избранное. М.: Персей и др., 1999. 493 с.

¹⁷⁵ См.: Ермаков И. Д. Психоанализ литературы: Пушкин. Гоголь. Достоевский / Вступ. ст. А. Эткинды и М. И. Давыдовой. М.: Новое лит. обозрение, 1999. 509 с.

¹⁷⁶ См.: “В краю чужом...” / Сост., вступ. ст. и коммент. М. Д. Филина. М.: Русский мир; Рыбинск: Рыб. подворье, 1998. 495 с.; Образ совершенства: Из наследия первой эмиграции / Сост., вступ. ст. и коммент. М. Д. Филина. М.: Жизнь и мысль и др., 1999. 345 с.; Пушкин в эмиграции. 1937 / Подгот. В. Перельмутером. М.: Прогресс-Традиция, 1999. 798 с.; Розанов В. В. О Пушкине: Эссе и фрагменты / Изд. подгот. под ред. В. Г. Сукача. М.: Изд-во гуманитар. лит., 2000. 413 с.; Франк С. Л. Этюды о Пушкине. М.: Согласие, 1999. 176 с.

¹⁷⁷ См.: А. С. Пушкин: pro et contra: Личность и творчество А. Пушкина в оценке русских мыслителей и исследователей: В 2 т. Антология / Сост. В. М. Маркович, Г. Е. Потапова. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 2000; Речи о Пушкине: 1880 – 1960-е годы / Сост., подгот. текстов и коммент. В. С. Непомнящего и М. Д. Филина; Послесл. В. С. Непомнящего. М.: Текст, 1999. 389 с.; Солнце России: Русские писатели о Пушкине. М.: Дружба народов, 1999; Котляревский Н. А. Пушкин и Россия: Речь, сказанная в Доме литераторов на торжеств. заседании 11-го февр. (29-го янв.) 1922 г. Нестором Котляревским. Пб.: Пушк. дом, 1922 (репринт. изд. СПб., 1999).

¹⁷⁸ См.: Набоков В. В. Комментарии к “Евгению Онегину” Александра Пушкина / Пер. с англ. А. В. Дранов и др.; Под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 1999. 1004 с.; То же. Пер. с англ. Е. М. Видре. СПб.: Искусство-СПБ: Набоковский фонд, 1998. 924 с.

¹⁷⁹ Набоков В. Указ. соч. СПб., 1998. С. 36.

¹⁸⁰ Там же. С. 84.

¹⁸¹ Список сборников статей с указанием максимальной информации о них, в частности с именами редакторов и ответственных, позволит представить участие известных ученых разных регионов в подготовке этих сборников: Современное прочтение Пушкина: Межвуз. сб. науч. тр. / Редкол.: В. В. Тихомиров (отв. ред.) и др.; Иванов. гос. ун-т. Иваново, 1999. 169 с.; Русистика' 98: К 200-летию великого русского поэта А. С. Пушкина / Редкол.: Чан Ван Ко и др.; Вьетнам. науч.-техн. ассоц. (в РФ). О-во вьетнам русистов. М.: Творчество, 1998. 139 с.; Пушкинский сборник: Межвуз. сб. науч. тр., посвящ. 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина, 1799 – 1999 / Ред. П. Н. Толстогузов; Биробидж. гос. пед. ин-т. Биробиджан, 1999. 97 с.; Пушкинский сборник: (К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина): Сб. ст. / Науч. ред.: Е. Г. Николаева, Т. И. Ходукина; Моск. гос. ун-т культуры. М., 1999. 112 с.; Пушкин на пороге XXI века: провинциальный контекст / Редкол.: Б. С. Кондратьев (отв. ред.) и др.; Гос. лит.-мемор. и природ. музей-заповедник А. С. Пушкина “Болдино”; Арзамас. гос. пед. ин-т им. А. П. Гайдара. Арзамас, 1999. 173 с.; Пушкин и теоретико-литературная мысль / Редкол.: Ю. Борев (гл. ред.) и др.; РАН. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: ИМЛИ-Наследие, 1999. 458 с.; Пушкин и русский язык сегодня / Редкол.: Р. Д. Кузнецова (отв. ред.) и др. Тверь: Твер. обл. кн.-журн. изд-во, 1998. 151 с.; Пушкин и русская культура. Вып. 1. 1998. 109 с.; Пушкин и русская культура. Вып. 2 / Науч. ред.: А. И. Журавлева, Г. В. Зыкова. 1999. 156 с.; Пушкин и русская драматургия / Науч. ред.: А. И. Журавлева, Г. В. Зыкова; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М.: Диалог МГУ, 2000. 155 с.; Пушкин и поэтический язык XX века: Сб. ст., посвящ. 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина / Отв. ред. Н. А. Фатеева;

РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М.: Наука, 1999. 311 с.; Пушкин и мир Востока: К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина / Сост. и общ. ред. Е. П. Чельшева; РАН. Отд-ние лит. и яз. М.: Наука, 1999. 430 с.; Пушкин есть явление чрезвычайное...: Юбилейный сб. / Редкол.: В. В. Соломонова, Н. Н. Мисюрлов; Ом. гос. ун-т. Омск: ОмГУ, 1999. 103 с.; Пушкин: Сб. ст. / Редкол.: М. Л. Ремнева (гл. ред.) и др.; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М.: Изд. Моск. ун-та, 1999. 277 с.; Проблемы современной филологии: Межвуз. сб. науч. тр., посвящ. памяти проф. Р. Д. Кузнецовой / Редкол.: Г. В. Бирдина (отв. ред.) и др.; Твер. гос. ун-т. Тверь, 1999. 293 с.; Современное американское пушкиноведение = Contemporary american Pushkin studies: Система поэт. мотивов. Ран. символизм / Ред.-сост. У. М. Тодд III; Пер. с англ. М. Б. Кутеевой, Г. А. Крылова и др. СПб.: Акад. проект, 1999. 331 с.; Поэтика русской литературы (Пушкинская эпоха. Серебряный век): Сб. науч. ст. / Редкол.: Л. А. Степанов (отв. ред.) и др.; Куб. гос. ун-т. Краснодар, 1999. 183 с. На тит. л.: 200 лет со дня рождения А. С. Пушкина; Наш Пушкин? Наш Пушкин! Наш Пушкин...: Наблюдения. Размышления. Открытия / Сост.: О. П. Штанчаева, Л. М. Цыганкова. Краснодар: Сов. Кубань, 1999. 118 с.; Наш Пушкин: Юбилейный сб. ст. и материалов / Редкол.: С. Н. Тяпков (отв. ред.) и др.; Иван. гос. ун-т; Рос. фонд культуры; Иван. фил. науч.-техн. центр "Консультант". Иваново, 1999. 185 с.; Вестн. архивиста: Спец. вып., посвящ. 200-лет. юбилею А. С. Пушкина / Сост. Т. М. Булавкина; Рос. о-во историков-архивистов. М., 1999. 298 с.; Болдинские чтения. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1998. 177 с.; Болдинские чтения (1999; Нижний Новгород): Сб. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1999. 225 с.; А. С. Пушкин: К 200-летию со дня рождения: Статьи. Беседы. Библиография / Отв. ред. Р. А. Гальцева, Т. Г. Юрченко; РАН. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. М.: ИНИОН РАН, 1999. 258 с.; Грибоедов и Пушкин: Хмелит. сб. / Редкол.: С. А. Фомичев (отв. ред.) и др.; Пушк. комис. РАН; Гос. музей-заповедник "Хмелита". Смоленск: СГПУ, 2000. Вып. 2 и др.

¹⁸² См.: Оксман Ю. Г., Пугачев В. В. Пушкин, декабристы и Чаадаев. Саратов: Волга: Пароход, 1999. 259 с.; Малинин В. А. Александр Сергеевич Пушкин. Философские идеи. М.: РосНОУ, 1999. 270 с.; Сквозников В. Д. Пушкин. Историческая мысль поэта / РАН. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наследие, 1999. 230 с.; Сушков Б. Ф. Пророк в своем отечестве: О не востребованных идеях и идеалах русских гениев. Тула: Шар, 1999. 243 с.; Юдин В. А. Русские феномены. Твер. гос. ун-т. Тверь, 1999. 98 с.

¹⁸³ См.: Букатов В. М. Тайнопись бессмыслиц в поэзии Пушкина: Очерки по практ. герменевтике / Акад. пед. и соц. наук; Моск. пси-

хол.-соц. ин-т. М.: Флинта, 1999. 125 с.; Кретов А. А., Матыщина Л. Н. Морфемно-морфонологический словарь языка А. С. Пушкина / Воронеж. гос. ун-т. Науч.-метод. центр по компьютер. лингвистике. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1999. 208 с.; Крюкова О. С. Ономастикон романа А. С. Пушкина "Евгений Онегин" М.: МИК, 1999. 150 с.; Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб.: Акад. проект, 1999. 396 с. (эта книга во многом переходит за рамки собственно вопросов художественных и может быть отнесена к числу работ, посвященных пушкинскому наследию и значению его творчества в целом); Шоу Дж. Т. Конкорданс к стихам А. С. Пушкина: Расшир. слов. яз. писателя: Пер. с англ.: В 2 т. М.: Яз. рус. культуры, 2000; Калинин В. М. Теория и практика лексикографии поэтонимов: На материале творчества А. С. Пушкина / Донец. гос. ун-т. Донецк: Юго-Восток, 1999. 245 с.

¹⁸⁴ См.: Архангельский А. Н. Герои Пушкина: Очерки литературной характерологии. М.: Высш. шк., 1999. 285 с.; Глухов В. И. Лирика Пушкина в ее развитии / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1998. 314 с.; Кошелев В. А. Пушкин: история и предание: Очерки. СПб.: Акад. проект, 2000. 359 с.; Проскурин О. А. Поэзия Пушкина, или Подвижный Палимпсест М.: Новое лит. обозрение, 1999. 462 с.; Филиппова Н. Ф. Критик-поэт Александр Сергеевич Пушкин. М.: Наследие, 1998. 262 с.; Удодов Б. Т. Пушкин: художественная антропология. 2-е изд., перераб. и доп. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999. 302 с.; Сурат И. Пушкин: биография и лирика: Проблемы. Разборы. Заметки. Отклики. РАН. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наследие, 1999. 239 с.; Эткинд Е. Г. Божественный глагол: Пушкин, прочит. в России и во Франции. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 598 с. и др.

¹⁸⁵ См.: А. С. Пушкин. Повести Белкина: Материалы об истории "Повестей Белкина" / Ред.-сост.: Н. К. Гей, И. Л. Попова. М.: Наследие, 1999. 187 с.; Кошелев В. А. "Онегина воздушная громада...". СПб.: Акад. проект, 1999. 284 с.; Он же. Первая книга Пушкина. Томск: Водолей, 1997. 222 с.; Красухин Г. Г. Пушкин. Болдино. 1833: Новое прочтение: Медный всадник. Пиковая Дама. Анджело. Осень. М.: Флинта, 1998. 189 с.; Он же. Четыре пушкинских шедевра: "Моцарт и Сальери", "Пиковая дама", "Осень", "Я памятник себе воздвиг нерукотворный...". 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 125 с.; Луков В. А., Луков Вл. А. "Маленькие трагедии" А. С. Пушкина: философия, композиция, стиль / Моск. гос. пед. ун-т. М., 1999. 205 с.; Никишов Ю. М. Поэт, Онегин и Татьяна: Литературовед. заметки. Тверь: Твер. обл. кн.-журн. изд-во, 1998. 215 с.; Панич А. О. "Медный всадник" А. С. Пушкина: от мифа к вымыслу / Донец. гос. ун-т.; Донец. гуманит. ин-т ДонГУ. Донецк, 1998. 96 с.; Сандлер С. Дале-

кие радости. Александр Пушкин и творчество изгнания / Пер. с англ. Г. А. Крылова. СПб.: Акад. проект, 1999. 221 с.

¹⁸⁶ См.: Данилевский Р. Ю. Пушкин и Гете = Puschkin und Goethe: Сравнительное исследование. РАН. Ин-т рус. лит. (Пушк. дом). СПб.: Наука, 1999. 287 с.; Джанумов С. А. Традиции песенного и афористического фольклора в творчестве А. С. Пушкина: Лит.-крит. ст. и заметки, автобиогр. и худож. проза. М.: Моск. гор. пед. ун-т, 1998. 243 с.; Захаров А. П. На неведомых дорожках: Пушкин и сказочная Сибирь. 2-е изд., доп. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1999. 234 с.; Иваницкий А. И. Русская торжественная поэзия XVIII века и поздний Пушкин: К вопросу о структуре и развитии рус. дворян. модели мира Нового Времени / Моск. пед. ун-т. М.: СигналЪ, 1999. 103 с.; Ивинский Д. П. Пушкин и Мицкевич: Материалы к истории лит. отношений, 1826 – 1829. М.: Диалог-МГУ, 1999. 143 с.; Киселева Л. Ф. Пушкин в мире русской прозы XX века / РАН. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наследие, 1999. 360 с.; Лаврентьева Е. В. Светский этикет пушкинской поры. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. 637 с.; Мурьянов М. Ф. Пушкин и Германия / РАН. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наследие, 1999. 443 с.; Мусатов В. В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. Рос. гос. гуманитар. ун-т. М.: Изд. центр РГГУ, 1998. 483 с.; Небольсин С. А. Пушкин и европейская традиция: Ист.-теорет. работы / РАН. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наследие, 1999. 326 с.; Смит А. Песнь пересмешника = The song of the mocking bird: Пушкин в творчестве Марины Цветаевой / Пер. с англ. С. Зенкевича. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1998. 249 с.; Тахо-Годи Е. А. Константин Случевский: Портрет на пушкинском фоне. СПб.: Алетейя, 2000. 389 с.; Эпатова Н. М. Пушкин и Есенин. Обнинск: Изд-во ВНИИГМИ-МЦД, 1998. 11 с.

¹⁸⁷ См.: Богданова А. Ф., Шестакова Н. А. Наш Пушкин: Науч.-попул. изд. Б. м., 1998. 61 с.; Русаков В. М. Моя тропа к Пушкину. Псков: Изд-во Псков. обл. ин-та повышения квалификации работников образования, 1998. 145 с.; Грехнев В. А. В созвездье Пушкина: Публ. лекции проф. В. А. Грехнева в музее Н. А. Добролюбова. Н. Новгород: Бегемот, 1999. 93 с.; Громов В. А. Под сенью Пушкина: Лит. очерки. Орел: Веш. воды, 1999. 312 с.; Зингер Е. А. Явись, возлюбленная тень... М.: Когелет, 1999. 101 с.; Лунин А. А. И доброе, и мудрое перо: Этюды о Пушкине. Калининград: Янтар. сказ, 1997. 301 с.; Сарнов Б. М. Если бы Пушкин жил в наше время... М.: Аграф, 1998. 445 с.; Соловейчик С. Л. Пушкинские проповеди. М.: Первое сент., 1999. 118 с.

¹⁸⁸ Гришунин А. Л. Исследовательские аспекты текстологии. М.: Наследие, 1998. С. 272 – 273.

¹⁸⁹ Клименок Н. (Берлин). Наши Пушкины. Пушкинский миф как регулятор культурных процессов в России XIX – XX веков // А. С. Пушкин и мировая культура: Междунар. науч. конф. Материалы. 2 – 4 февр. 1999 г. М., 1999. С. 242.

¹⁹⁰ Битов А. Г. Статьи из романа. М.: Сов. писатель, 1986. С. 211.

¹⁹¹ Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М.: Искусство, 1994. С. 175 – 176.

¹⁹² Непомнящий В. С. Пушкин через двести лет // Лит. газ. 1999. 2 июня. С. 10. См. также рассуждения об этом: Непомнящий В. С. Пушкин. Русская картина мира. М.: Наследие, 1999. 542 с.

¹⁹³ Дружников Ю. Венки и бюсты на каждом абзаце: О кризисе пушкинистики в России // Кн. обозрение. 1999. 10 марта. С. 23.

¹⁹⁴ См.: Материалы к Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина, 1826 – 1837: Картотеки М. А. и Т. Г. Цявловских: В 3 т. / Текст подгот. Е. В. Гарбер и др.; Гос. музей А. С. Пушкина. М.: Наследие, 1998 – 1999.

¹⁹⁵ См.: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. СПб., 1999.

¹⁹⁶ Мадорский А. Сатанинские зигзаги Пушкина. М.: Поматур, 1998. С. 5 – 6.

¹⁹⁷ См.: Аринштейн Л. М. Пушкин. Непричесанная биография. М.: Изд. дом “Муравей”, 1998. 195 с.; 2-е изд., доп. М.: Изд. дом “Муравей”; Отечество, 1999. 231 с. См. резкие рецензии А. Курилкина (НЛЮ. 1999. № 2); Н. Перцова (Новый мир. 1999. № 12).

¹⁹⁸ См.: Митник М. Пушкин без легенд: Сб. ст. Ульяновск: Печ. двор, 1999. 174 с.

¹⁹⁹ См.: Скатов Н. Н. Пушкин. Русский гений. М.: Классика, 1999. 590 с.

²⁰⁰ См.: Качура Г. Н. Русский пророк Пушкин. М.: Полиграфия, 1999. 189 с.

²⁰¹ См.: Мельников А. С. Друзья! Вам сердце оставляю...: Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. 446 с.

²⁰² См.: Аринштейн Л. М. Преображение Дон-Жуана: Лир. дневник Пушкина. М.: Academia, 2000. 194 с.; Души моей царицы / Дон. Пушк. о-во; Сост. Д. В. Липкович, Е. И. Янова. Ростов н/Д: Ирбис, 1997. 302 с.; Кичатов Ф. Я сам обманываться рад... Калининград: Янтар. сказ, 1999. 376 с.; Неунывахин Г. М. Я Вас любил ... Новокузнецк, 1998; Рябцев Е. А. 113 прелестниц Пушкина. М.: АСТ; Ростов н/Д: Феникс, 1999. 508 с.; Спутницы Пушкина: По кн. В. Вересаева “Спутники Пушкина”. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Профиздат, 1996. 235 с.; Толмачева Н. В. Я вас любил: Пушкин и женщины. Омск, 1996. 475 с.; Утаенная любовь Пушкина: Сб. ст. / Сост., подгот. текста и примеч. Р. В. Иезуитова, Я. Л. Левкович. СПб.: Акад. проект, 1997. 492 с.

²⁰³ См.: ...Быть женою поэта... / Вступ. ст., подбор док. и иконографии, а также сост. примеч. Г. Ю. Морозовой М., 1999. 111 с.; Васильева Л. Н. Жена и муза. Тайна Александра Пушкина: Факты, даты, док., воспоминания, письма, слухи, легенды, стихи и взгляд авт. М.: Атлантида – XXI в.; АСТ, 1999. 495 с.; Горбачева Н. Б. Прекрасная Натали. М.: Олимп; Смоленск: Русич, 1997. 472 с.; Ободовская И. М., Дементьев М. А. Вокруг Пушкина: Неизвест. письма Н. Н. Пушкиной и ее сестер Е. Н. и А. Н. Гончаровых. М.: ТЕРРА, 1999. 335 с.; Они же. После смерти Пушкина: Неизвест. письма. М.: ТЕРРА, 1999. 461 с.; Скубилин Г. А. Жена великого Пушкина. Калуга: Облиздат, 1999. 279 с.; Шик А. А., Иванов В. Н. Одесский и женатый Пушкин. Александр Пушкин и его время. М.: Вече, 1999. 574 с.

²⁰⁴ Наука и жизнь. 1987. № 3. С. 25.

²⁰⁵ См.: Анненков П. В. Пушкин: Материалы для биогр. Александра Сергеевича Пушкина. М.: Терра – Кн. клуб, 1999. 446 с.; Вересаев В. В. В двух планах. М.: Захаров, 2000. 158 с.; Он же. Загадочный Пушкин. М.: Республика, 1999. 397 с.; Вульф А. Н. Любовные похождения и военные походы А. Н. Вульфа: Дневник. 1827 – 1842 / Сост.: Е. Н. Строганова, М. В. Строганов. Тверь: Вся Тверь, 1999. 351 с.; Данзас К. К. Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина: В записи А. Амосова. Хроника пушкинских дуэлей / О. Р. Николаев. М.: МИПКРО-пресс, 1999. 107 с.; Долгова С. Р. Дневник Екатерины Свербеевой за 1833 год. М.: Мануфактура, 1999. 49 с.; Кони А. Ф. Нравственный облик Пушкина: К 200-летию А. С. Пушкина. Подольск: Сатурн-С, 1999. 32 с.; Кряженков А. Н. Свое суждение имел: А. С. Пушкин по отзывам А. В. Никитенко. Белгород: Крестьян. дело, 1999. 31 с.; Кулешов В. И. А. С. Пушкин: Науч.-худож. биогр. М.: Наука, 1997. 430 с.; Лапин И. И. Дневник Ивана Игнатьевича Лапина / Вступ. ст. В. В. Кожина; Послесл. В. Я. Курбатова. Псков; С. Михайловское: Робин, 1997. 151 с.; Модзалевский Б. Л. Пушкин: Воспоминания. Письма. Дневники... М.: Аграф, 1999. 348 с.; Модзалевский Б. Л. Пушкин и его современники: Избр. тр. (1898 – 1928). СПб.: Искусство-СПБ, 1999. 575 с.; Оленина А. А. Дневник воспоминания. СПб.: Акад. проект, 1999. 365 с.; Павлицев Л. Н. Из семейной хроники: А. С. Пушкин. Наталья Николаевна Пушкина-Ланская / Сост., предисл., коммент., подгот. текста Г. А. Галина. М.: Три века истории, 2000. 508 с.; Черейский Л. А. Современники Пушкина: Док. очерки. М.: ОЛМА-пресс; СПб.: Нева: Паритет, 1999. 351 с.; Чулков Г. И. Жизнь Пушкина. М.: Наш дом – L'Age d'Homme, 1999. 364 с.; Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина: С прил. новых материалов из нидерл. архивов. СПб.: Акад. проект, 1999. 654 с.

²⁰⁶ См.: Витале С. Черная речка. До и после: К истории дуэли Пушки-

на. Письма Дантеса. СПб.: Журн. “Звезда”, 2000. 254 с.; Синявский А. Д. Путешествие на Черную речку. М.: Захаров, 1999. 478 с.; Фридкин В. М. Дорога на Черную речку. М.: Вагриус, 1999. 445 с.; Скрынников Р. Г. Дуэль Пушкина. 2-е изд., испр. СПб.: Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 1999. 495 с.

²⁰⁷ См.: Гнамманку Д. Абрам Ганнибал. Черный предок Пушкина / Пер. с фр. Н. Р. Брумберг. М.: Молодая гвардия, 1999. 219 с.; Мальцева Т. Ю. Ганнибалы и Пушкин на Псковщине. М.: Рус. путь, 1999. 140 с.; Раевский В. А. Предки и потомки Пушкина и Толстого. Краснодар: Сов. Кубань, 1999. 392 с.; Тысячелетнее древо А. С. Пушкина: корни и крона / А. Черкашин; Ред.-сост. Л. А. Трубачева. М.: Либерия, 1998. 198 с.; Хохленко Ю. И. Сказания о предках Пушкина. М.: Academia, 2000. 429 с.; Чугунков-Кривич Н. Ф. Могучих предков имена. Смоленск: Смядынь, 1998. 160 с. Кстати, на церемонии открытия Международной Пушкинской конференции 1999 года в Пушкинском Доме С. А. Фомичев подчеркнул, что установление реальной родины Ганнибала является важнейшим событием в пушкинитике, а передача даров африканских племен Пушкинскому дому стала центральным “пунктом программы” всей церемонии открытия конференции.

²⁰⁸ См.: Авенариус В. П. О Пушкине: Биогр. диалогия. М.: Шк.-пресс, 1998. 638 с.; Анисимов Г. А. Что в имени тебе моем?.. : Роман-хроника. М.: Мусагет, 1998. 421 с.; Балашов В. Ф. “Поэтом я взращен...”: Драм. трилогия в стихах. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1999. 318 с.; Басина М. Я. Жизнь Пушкина : Док.-худож. повести: В 4 кн. СПб.: Азбука: Пушк. фонд, 1999; Венец певца, или трагическая гибель Пушкина / Ред.-сост. В. Н. Бунин. СПб.: Лениздат, 1999. 459 с.; Дугин Л. И. Погибельные страсти: Роман. М.: Армада Центр+, 1999. 634 с.; Егорова Е. Н. “Я вас любил...”: Пушкин в доме Олениных: Док. поэмы, очерки. М.: Профиздат, 1999. 222 с.; Сергеев-Ценский С. Н. Невеста Пушкина. Пушкин и Дантес: Ист. романы. М.: Вече, 1999.

²⁰⁹ Clark K. The Soviet Novel: History as Ritual. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1985. P. 178.

²¹⁰ См.: Бурлаков А. В. Гатчинская тропинка к Пушкину. СПб.: Лига плюс, 1999. 286 с.

²¹¹ См.: Воробьев Н. В. Кинешемская тропинка к Пушкину: Лит.-краевед. очерк. Кинешма, 1999. 55 с.

²¹² См.: Гордеев Н. М., Пешков В. П. Тамбовская тропинка к Пушкину. 3-е изд., испр. и доп. Тамбов, 1999. 219 с.

²¹³ Характерны и названия, и жанры книг, появившихся недавно: Ларионов А. В. Заповеди блаженства: Михайл. встречи с Семеном Степановичем Гейченко: Док.-худож. повесть. 2-е изд. М.: Совр. писатель, 1999. 380 с.; А у нас, в Михайловском, или Домашняя исто-

рия пушкинского заповедника в письмах Семена Степановича Гейченко Василию Михайловичу Звонцову / Ред. А. А. Бологов. М.: АРБОР, 2000. 318 с. Вышел и библиографический указатель (литература о пушкинских местах “второй степени”): Семен Степанович Гейченко: Библиогр. указ. / Сост. И. Б. Крутикова. Псков: Отчина, 1997. 32 с. и др.

²¹⁴ Не случайно о Гейченко распространилось столько баек, одну из которых пересказывает Ю. В. Дружников: Гейченко положил в баночку земли у себя в огороде и объявил при открытии музея Ганнибала, что это дар из Эфиопии. См.: Дружников Ю. В. Указ. соч. С. 24.

²¹⁵ См.: А. С. Пушкин и Тверской край / Авт.-сост. М. Шишкова; Твер. гос. филарм. Тверь: Фактор, 1999. 8 с.; А. С. Пушкин и Тамбовский край: Рек. библиогр. указ. / Сост.: Н. А. Кулина, И. Г. Кушеверская. Тамбов: Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 1999. 66 с.; Носков А. И. А. С. Пушкин и Самарский край: Краевед. заметки. 2-е изд., испр. и доп. Самара, 1999. 63 с.; Пушкин и Пермский край: Рек. указ. лит. / Сост. Т. И. Быстрых. Пермь, 1999. 156 с.; Фролов Н. В., Фролова Э. В. Ковровский край пушкинской поры. Ковров: БЭСТ-В: Маштекст, 1999. 222 с.; Богомоллов И. С. “Очаровательный край...”: К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Тбилиси: Мерани, 1999. 145 с.; Маслов Е. Н. “Пушкин – наше все”: Богородский край в судьбе поэта. Черноголовка: Богор. печатник, 1999. 111 с. и др.

²¹⁶ См.: Бельский А. М. Пушкина свет над землёю орловской: Слов. Орел: Орл. правда, 1999. 46 с.; Оренбургская пушкинская энциклопедия: Путешествие – 1833. Реалии “Истории Пугачева”. Прототипы “Капитанской дочки”. Исследователи и интерпретаторы / Авт. и сост. Р. В. Овчинников, Л. Н. Большаков; Фонд “Будущее Отечества” им. В. П. Поляничко. Оренбург: Димур, 1997. 519 с.

²¹⁷ См.: Полотняный завод: Путеводитель по Музею. М., 2000. 27 с.; Трефилов В. В. Полотняный Завод = Polotnyany Zavod: Опыт путеводителя. Калуга: Золотая аллея, 2000. 93 с.

²¹⁸ См.: Смирнова Т. Н. А. С. Пушкин и Остафьево. М., 1999. 20 с.; Она же. Памятники в Остафьево: История создания и художественный образ. М., 1998. 105 с.

²¹⁹ См.: Пушкинское Захарово: Сб. работ о Пушкине. М.: ИЦ журн. “Юность”, 1999. 221 с.

²²⁰ См.: Страницы жизни. Москва помнит и славит гения = Pages of Life. Moscow Remembers and Pays Tribute to Pushkin's Birth: Путеводитель / Г. Зобин. М.: Голден Би, 1999. 301 с.; Ашукин Н. С. Пушкинская Москва. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Акад. проект, 1998. 348 с.; Москва времен А. С. Пушкина (конец XVIII – первая треть XIX вв.): Кат. кн. выст. / Сост. Г. В. Аслапова. М.: ГПИБ, 1999. 142 с.; Прогулки по пушкинской Москве: Из кол. Гос. музея А. С. Пушкина: Аль-

бом. М.: Интербук-бизнес, 1999. 79 с.; Пушкин и Москва / Сост.: Н. И. Михайлова. М.: Московведение и др., 1999. 412 с.; Пушкинские места Подмосковья: Путеводитель / Авт. С. Белов. Истра: МОК центр, 1998. 59 с.; Романюк С. К. В поисках пушкинской Москвы. М.: Профиздат, 2000. 253 с. и др.

²²¹ См.: Пушкинские адреса в Санкт-Петербурге и Ленинградской области: Путеводитель / Р. В. Иезуитова и др. СПб.: “Нотабене”, 1999. 109 с. и др.

²²² См.: Нижегородская свадьба. Пушкинские места. Нижегородское поволжье. Ветлужский край: Обряды, причитания, песни, приговоры / Подгот. М. А. Лобанов и др. СПб.: КультИнформПресс, 1998. 310 с.

²²³ См.: Лысюк Е. А. Пушкинский вертоград: Цветы и травы Михайловского. Великие Луки: АРБОР, 2000. 138 с.

²²⁴ См.: Прогулки по пушкинской Москве: Р-н Хамовники. М., 1999. 62 с.

²²⁵ См.: Когда за городом, задумчив, я брожу...: Пушкин. места Примор. р-на Петербурга / Сост. Н. К. Малькова. СПб., 1999. 256 с.

²²⁶ См.: Писигин В. Эхо пушкинской строки: Очерк о праздновании 198-й годовщины со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина в городе Торжке. М.: Эпицентр, 1998. 206 с.

²²⁷ См.: А. Пушкин. Стихотворения. Поэмы. Сказки. “Евгений Онегин”: Критика и коммент. Темы и развернутые планы сочинений. Материалы для подготовки к уроку / Сост., предисл., коммент., справ. и метод. материалы Г. Г. Красухина. М.: АСТ: Олимп, 1999. 635 с.; А. С. Пушкин. Борис Годунов: Тексты. Коммент. Материалы. Моделирование уроков / В. Ю. Антышева и др. М.: Владос, 1999. 300 с.; А. С. Пушкин. Евгений Онегин: Справ. материалы: 9 кл. / Авт.-сост. Т. Г. Кучина. М.: Дрофа, 1998. 155 с.; Золотой век. Поэты пушкинской поры / Сост., вступ. ст., коммент., справ., метод. материалы А. С. Немзера. М.: АСТ: Олимп, 1998. 767 с.; “Поэзии чудесный гений”: Лирика А. С. Пушкина / Под ред. Е. П. Никитиной, Ю. Н. Борисова (Читаем классику вместе). Саратов: Добродей; Саратовтеелефильм, 1999. 96 с.

²²⁸ См.: Бойко С. П. В волшебной Пушкинской стране: Худож. исслед. “Пушкин и сказка”. М.: Илекса; Ставрополь: Сервисшкола, 1999. 271 с.; Борисов А. С. Занимательное пушкиноведение: Викторины, лит. игры, кроссворды. М.: НТЦ “Университетский”, 1999. 191 с.; Встречи с Пушкиным: Учеб. пособие по лингвокультурологии для иностр. и рос. учащихся / А. П. Евсюков, Н. Д. Михайлова, Е. В. Скорлуповская и др.; Твер. гос. мед. акад. Каф. рус. яз. Тверь: РИО ТГМА, 1999. 103 с.; Долинина Н. Г. Прочитаем “Онегина” вместе: Эссе. СПб.: Лицей, 1998. 175 с. (это одна из немногих книг для школьников, про-

должающая активно использоваться в средней школе в течение нескольких лет, ее переиздание – подтверждение тому); Карпушин С. В. и др. А. С. Пушкин: начало всех начал: Жизнь, творчество, эпоха. Смоленск: Русич, 1999. 623 с.; Маранцман В. Г. Изучение творчества А. С. Пушкина в школе. На пути к А. С. Пушкину: Пособие для учителя и учащихся: В 2 ч. М.: Владос, 1999; Меншуткина О. И. и др. Наш Пушкин. М.: Рус. яз., 1998. 108 с.; Они же. Пушкинские пейзажи. М.: Рус. яз., 1999. 152 с.; Они же. Страницы любви. М.: Рус. яз., 1999. 140 с.; Наш Пушкин: В помощь студентам ин-та и колледжей / Н. Я. Канторович и др. Новокузнецк. гос. пед. ин-т. Новокузнецк, 1999. 49 с.; Пушкин в школе: Учеб. пособие / Сост. В. Я. Коровина. М.: РОСТ, 1998. 365 с.; Русская критика о Пушкине: Избр. ст. и коммент.: Учеб. пособие / Сост. А. М. Гуревич. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 293 с.; Чумаков Ю. Н. “Евгений Онегин” А. С. Пушкина. В мире стихотворного романа: В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. 126 с.

²²⁹ См.: А. С. Пушкин. Евгений Онегин: Анализ текста. Основное содержание. Сочинения / Авт.-сост. Т. Г. Кучина. 2-е изд. М.: Дрофа, 2000. 155 с.; А. С. Пушкин. Лирика: Анализ текста. Основное содержание. Сочинения / Авт.-сост. Н. В. Сечина. 2-е изд. М.: Дрофа, 2000. 125 с.

²³⁰ См.: А. С. Пушкин: Шк. энцикл. слов. / Сост.: В. Я. Коровина, В. И. Коровин; Под ред. В. И. Коровина. М.: Просвещение, 1999. 770 с.

²³¹ См.: Дейкина А. Д. А. С. Пушкин на уроках русского языка: Дидакт. материалы: Пособие для учащихся: 10 кл. М.: Аркти, 1999. 47 с.; Карпушин С. В., Ломилина Н. И. Уроки словесности. А. С. Пушкин: Дидакт. материалы по рус. яз. и лит. М.: Интеллект-Центр, 1999. 112 с.; Пахнова Т. М. А. С. Пушкин на уроках русского языка: Дидакт. материалы: Пособие для учащихся: 11 кл. / Т. М. Пахнова. М.: Аркти, 1999. 47 с.; Пахнова Т. М. А. С. Пушкин на уроках русского языка: Дидакт. материалы: Пособие для учащихся: 9 кл. / Т. М. Пахнова. М.: Аркти, 1999. 93 с.

²³² Мы уже ссылались на статьи известного педагога рубежа веков В. П. Острогорского (см.: Острогорский В. Пушкин – наставник русского юношества: К столетию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. 26 мая 1899 года // Вестн. воспитания. 1899. № 4. С. 1 – 20).

²³³ См. подробнее в моей ст.: Заменит ли Эдичка Евгения Онегина? // Урал. курьер. Челябинск, 2000. 14 окт. С. 3.

²³⁴ Греч Н. Опыт краткой истории русской литературы. СПб.: Тип. Н. И. Греча, 1822. С. 318.

²³⁵ Débreczeny P. Op. cit. P. 165.

²³⁶ Впрочем, В. С. Непомнящий обстоятельно доказывает, что в стихотворении “Во глубине сибирских руд” очевидна уверенность Пушкина в милости царя, который и освободит декабристов. См.: Христианская культура: Пушкинская эпоха: По материалам традиционных христианских пушкинских чтений. Вып. XV. СПб., 1997. С. 4.

²³⁷ См.: Венок Пушкину: Стихи и проза студентов, преподавателей и сотрудников Мар. гос. ун-та / Сост.: В. В. Изькин, С. С. Сабитов; Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 1999. 154 с.; Венок Пушкину с земли Ивановской / Ред.-сост. М. Ю. Анцыферов, А. М. Ильичев. Иваново, 1999. 238 с.; Венок Пушкину. Литераторы Москвы к юбилею поэта: Анкета, стихи, ст. / Сост.: Г. В. Иванов. М.: Моск. учеб., 1999. 382 с.; Венок Натали: Соч. о поэзии. Стихи. Письма. А. С. Пушкин и Мадонна. Очерки биографов. Галерея портр. / Сост. Л. А. Черкашина. М.: Раритет: И возродится Великая Русь, 1999. 77 с.; “И славен буду я...”: Тамбовский венок А. С. Пушкину / Ред.-сост.: В. Дорожкина, И. Овсянников. Тамбов, 1999. 109 с.; Полякова Т. К. “В сердцах запечатлелось слово”: (Смоленский венок Пушкину). Смоленск: СОИУУ, 1998. 127 с.; Саянский венок Пушкину: Коллектив. сб. Саяногор. лит. об-ния “Стрежень”: К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина / Сост. О. Грек. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 1999. 271 с.; “...Певец! Избранник божества, любовью народа полномочный!”: Золотой венок А. С. Пушкину: 1799 – 1999 / Сост. Ю. С. Воронов. Саратов: Дет. кн., 1999. 423 с. и др.

²³⁸ См.: Шарнина Н. В. Пушкиниана; Азбука жизни. Екатеринбург: СВ-96, 1999. 236 с.; Вайсберг Б. С. Моя Пушкиниана. Екатеринбург: Газ. “Штерн”, 1999. 29 с.; Моя пушкиниана: Стихи донец. поэтов / И. Решетов, М. Литинская, А. Grosов и др. Донецк, 1999. 65 с.; Прудников Е. С. Маленькая Пушкиниана: Стихи. Волгоград: Перемена, 1999. 41 с.; Чириков В. Этюды Пушкинианы. Воронеж, 1999; Смоляне – Пушкину / Сост. Ю. Пашков. Смоленск: Смядынь, 1999. 190 с.; Карпичко И. Моя Пушкиниана: Романсы и песни на стихи А. С. Пушкина. Б. м., 1999. 100 с.; Богомолов И. С. Из грузинской Пушкинианы: К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1999. 89 с.; А. С. Пушкин в сердце калмыка = А. С. Пушкин хальмгин зуркнд / Сост. Н. Ц. Биткеев. Элиста, 1999. 345 с. и др.

²³⁹ См.: Моя пушкиниана / Сост. П. А. Кошель. М.: Голос, 1999. 459 с.; Пушкинский час: Рус. поэты Пушкину / Сост.: Н. Е. Тропкина, К. И. Шарафадина. Омск: Кн. изд-во, 1998. 285 с.; 100 поэтов об Александре Пушкине: Антология: Современники и потомки / Сост., вступ. ст., биогр. заметки Р. Заславского. Киев: Журн. “Радуга”, 1999. 366 с.; ...Не зарастет народная тропа...: Пушкин. альбом: Сб. / Сост. В. Л. Дробот. Київ, 1999. 173 с. и др.

²⁴⁰ См.: Кода А. И. Ландыши Пушкину: Стихи. Ростов н/Д, 1999. 151 с.

²⁴¹ См.: Чаша круговая: Екатеринбург. поэты на 200-летие Александра Сергеевича Пушкина / Сост.: В. А. Блинов и др. Екатеринбург: Банк культур. информ., 1999. 114 с.; Усманские встречи: Сб. рассказов / Редкол.: Н. Н. Страхов и др. Усмань, 1999; У России есть Усмань недаром...: Стихи / Редкол.: Н. Н. Страхов и др. Усмань, 1999. 222 с.; Пушкин в жизни серпуховичей: Стихи, очерки, рассказы: Лит.-худож. сб. / Ред., сост.: В. Е. Шепелев, В. И. Леонов. М.: Моск. Парнас, 1999. 140 с.; Под знаком Пушкина: Стихи, рассказы, очерки, интервью, зарисовки, воспоминания, исслед., путешествия, лит. критика, эссе обнинских литераторов и их гостей, навеян. Александром Сергеевичем и его творчеством: Альманах / Ред. и сост. Э. Н. Частикова. Обнинск: Принтер, 1999. 282 с.; Первая ласточка: Бородин. поэт. сб. Зеленогорск, 1999. 101 с.; Кострома: Проза и поэзия, литературоведение, сатира и юмор: Лит. сб. Кострома: Писат. орг., 1999. 246 с.; Духовной жаждою томим...: 200 тридцать семь произв. писателей Урала, посвящ. А. С. Пушкину. Екатеринбург, 1999. 489 с.; В поисках истины: Стихи и проза: Творчество об-ния "Родник" г. Партизанска / Ред. и сост. А. А. Позднякова. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. 162 с. и др.

²⁴² См.: Бобкова З. С. Сердце с моторчиком: Проза, стихи, поэмы. СПб.: БИП, 1998. 158 с.; Болдырев Н. Ф. Пушкин и джаз: Эссе. Внутрен. ландшафты. Транскрипции. Челябинск: Урал LTD, 1998. 622 с.; Ветров А. Быть добру!: Стихи. М.: Моск. писатель, 1999. 45 с.; Вихорев В. И. Не слышно колокольчиков почтовых: Стихи, песни. СПб.: Бояныч, 1999. 127 с.; Леонов В. И. Святая гордость: Стихи и очерк. М.: Моск. Парнас, 1999. 52 с.; Маслов И. В. Век Пушкинский. Ревнивые мечты: В 2 кн. Н. Новгород, 1998; Молочников Н. Р. Воздух Родины: Сб. стихов. М.: Тайм-издат, 2000. 144 с.; Нецветаев Л. Н. Сибирская гора: Стихи о Пушкине и его современниках. Ульяновск: Ульян. дом печати, 1999. 23 с.; Охрименко Н. Н. Радуга надежд: (Поэзия). М.: Альтекс, 1999. 104 с.; Преловский А. В. Пушкинский очерк: Кн. стихотворений. М.: Ключ, 1999. 125 с.; Семкин В. И. Свидание с Пушкиным: Стихи. Владивосток: Дальнаука, 1999. 40 с.; Сенин А. А. Тому, кто русской стал судьбой: (3 подгреба прозой); Перечитываемая классика: Цикл стихов; 3 поэмы. М.: Садовое кольцо, 1999. 63 с.; Скоробогатова В. М. Я в сердце Пушкина носила: Стихи и проза. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. 203 с.; Сметанин Е. К. Загнанный Пушкин: Стихи. М., 1999. 28 с.; Цветкова Н. А. Исповедание Александру Пушкину: Рубаи. М.: НОРМА, 1998. 20 с.; Частикова Э. Н., Прокошин В. И. Новая сказка о рыбаке и рыбке: Стихи. Обнинск: Принтер, 1999. 94 с.; Шевелев К. П. Здесь Пушкин не раз проезжал...: Стихи: К 200-летию со дня рождения поэта. СПб., 1998. 74 с.; Шешо-

лин Е. Измарагд со дна Великой: 100 избр. стихотворений. Псков: Стерх, 1999. 167 с. и др.

²⁴³ См.: “И жизнь, и слезы, и любовь...”: Альманах / Шк. № 353 им. А. С. Пушкина. М., 1999. 87 с.; “Отечество нам Царское Село”: Сб. работ школьников г. Пушкина / Отд. нар. образования. Дворец творчества юных; Сост. М. В. Тарасова и др. Пушкин, 1999. 76 с.; Пока в России Пушкин длится, метелям не задуть свечу (Земли родной растущие таланты). М., 1998. 54 с.; А. С. Пушкину потомки посвящают: Конкурс: Сб. СПб.: ГУК. Ленинград. обл. учеб.-метод. центр культуры и искусства, 1999. 73 с.; Сто маленьких шедевров...: Произведения лауреатов Екатеринбург. фестиваля дет. лит.-худож. творчества, посвящ. 200-летию А. С. Пушкина / Ред.-сост.: В. П. Лукьянин, В. П. Крапивин. Екатеринбург: Банк культур. информ., 1999. 149 с.; Мыслить значит жить: Стихотворения школьников Ставрополя / Редкол.: В. В. Ходарев и др. Ставрополь: Литератор, 1999. 95 с.; Наш Пушкин: Творч. работы детей, посвящ. 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина / Отд. нар. образования. Дворец творчества юных (г. Пушкин). Пушкин, 1999. 27 с.; По тебе, Яик, слава добрая...: Сб. лучших сочинений учащихся сред. учеб. заведений Оренбуржья / Сост. Н. Ф. Корсунов, Г. Ф. Хомутов. Оренбург: Оренбург. кн. изд-во, 1999. 182 с.; Рисунки рязанских школьников к стихам А. С. Пушкина. Александр Сергеевич Пушкин. Пролог к поэме “Руслан и Людмила” / Упр. образования, науки и молодежи администрации г. Рязани; Сост. и ред. С. Д. Анфимов. Рязань: Узорочье, 1999. 19 с.; Сборник стихов учеников Пушкинской школы г. Новомосковска / Редкол.: В. В. Киреев и др. Новомосковск, 1999. 39 с.; “Учитесь Пушкина читать...”: Сб. творч. работ детей и подростков / Сост.: Портнов В. В. и др. М.: Вуз. кн., 2000. 117 с. и др.

²⁴⁴ См.: “Россия. Пушкин. Новый век”: Мысли. Рисунки. Признания. Диалоги: Всерос. открытый конкурс творч. молодежи в Сочи (1997 – 1999) / Соч. гос. ун-т туризма и курорт. дела и др. Сочи, 1999. С. 26.

²⁴⁵ Там же. С. 27.

²⁴⁶ Краткий обзор состоявшихся конференций делает Ю. Б. Орлицкий в статье “Сумерки просвещения, или Краткий путеводитель по научным конференциям 1999 – 2000 гг.” (Рус. журн. 2000. 29 дек.). Он отмечает, в частности: “Прошедший год в русской гуманитарной науке был, безусловно, ориентирован на Пушкина. Его именем были осенены самые, казалось бы, далекие от русской поэзии литературные собрания – например, проведенная Рязанской государственной радиотехнической академией Вторая всероссийская конференция “Философия и поэзия”, посвященная 200-летию со дня рождения Пушкина (6 – 8 июня) или очередная краснодарская конференция по проблемам информационной культуры, получившая в этом году харак-

- терное название “Наследие А. С. Пушкина и информационная культура России” (сентябрь)”. Ю. Б. Орлицкий обозначил “пушкинское засилье” выражением “патологии филологической касты”.
- ²⁴⁷ См.: “...Чувства добрые я лирой пробуждал...”: Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина: Тез. докл. / Редкол.: В. И. Седугин и др.; Рос. хим.-технол. ун-т им. Д. И. Менделеева; Новомоск. ин-т. Новомосковск, 1999. 86 с.
- ²⁴⁸ См.: “И назовет меня всяк сущий в ней язык...”: Сб. материалов: Регион. науч.-практ. конф., Респ. Башкортостан, г. Стерлитамак, 23 – 24 марта 1999 г. / Редкол.: Отв. ред. В. А. Беглов и др.; Стерлитамак. гос. пед. ин-т. Стерлитамак, 1999. 211 с.
- ²⁴⁹ См.: “Я в губернии Тверской...”: Науч.-практ. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина: Докл. и сообщ., г. Старица, 24 мая 1999 г. Тверь: Твер. обл. кн.-журн. изд-во, 1999. 94 с.
- ²⁵⁰ См.: Пушкин в сердцах поколений: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина (1799 – 1837). Архангельск: Правда Севера, 1999. 148 с.
- ²⁵¹ См.: Пушкин в меняющемся мире: Сб. материалов регион. науч.-практ. конф. / Редкол.: С. М. Одинцова (отв. ред.) и др. Курган: Изд-во Кург. гос. ун-та, 1999. 148 с.
- ²⁵² См.: Пока в России Пушкин длится, метелям не задуть свечу: Тр. семинара “Творчество А. С. Пушкина в ист.-культур. контексте” (Смоленск, 10 – 12 февр. 1998 г.) / Сост. и ред. В. С. Баевский и Н. В. Кузина. Смоленск, 1998. 179 с.
- ²⁵³ См.: К Пушкину сквозь время и пространство / Администрация Белгор. обл. и др.; Редкол.: Н. В. Бардыкова (отв. ред.) и др. Белгород: Изд-во Белгор. гос. ун-та, 2000. 148 с.
- ²⁵⁴ См.: Два века с Пушкиным: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., 17 – 18 февр. 1999 г. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 1999. Ю. Б. Орлицкий отметил неуместную интимность названия конференции: почти как “В постели с Мадонной”.
- ²⁵⁵ См.: А. С. Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков: Тез. Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина / Редкол.: В. Н. Коновалов (отв. ред.) и др. Казань: УНИПРЕСС, 1998. 154 с.
- ²⁵⁶ См.: А. С. Пушкин и его межнациональное значение: Материалы науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рожд. А. С. Пушкина / Ред. И. С. Богомоллов. Тбилиси, 1999. 126 с.
- ²⁵⁷ См.: А. С. Пушкин и мировая культура: Междунар. науч. конф., Москва, 2 – 4 февр. 1999 г.: Материалы / Ред. А. И. Журавлева. М., 1999. 291 с.
- ²⁵⁸ См.: А. С. Пушкин и юг: Междунар. науч.-практ. конф. г. Ростов н/Д,

12 – 15 мая 1999 г.: Доклады / Ростов. гос. ун-т. Ростов н/Д: Дон. изд. дом, 1999. 170 с.

²⁵⁹ См.: А. С. Пушкин и В. В. Набоков: Сб. докл. междунар. конф., 15 – 18 апр. 1999 г. / Отв. ред. и сост. В. П. Старк. СПб.: Дорн, 1999. 383 с.

²⁶⁰ См.: А. С. Пушкин и история русского литературного языка: Докл. и материалы Межвуз. конф. / Редкол.: В. В. Краснянский (отв. ред.) и др. Орехово-Зуев. пед. ин-т. Орехово-Зуево, 1999. 157 с.

²⁶¹ См.: Пушкин и мир античности: Материалы чтений в “Доме Лосева” (25 – 26 мая 1999) / Отв. ред.: А. А. Тахо-Годи, Е. А. Тахо-Годи. М.: Диалог-МГУ, 1999. 158 с.

²⁶² См.: “Я к вам пишу...”: Пушкиниана на открытках XIX – XX вв.: Альбом / Сост.: М. С. Забочень и М. Д. Филин. М.: Рус. мирь, 1999. 206 с.

²⁶³ См.: А. С. Пушкин в книжном знаке: Ил. библиогр. указ.: Начало XX века – 1980 г. М.: Центр. гор. публ. б-ка им. Н. А. Некрасова, 1999. 95 с.; Сазонов А. В. Пушкиниана в книжных знаках: В 8 т. М., 1998 – 1999.

²⁶⁴ См.: Сазонов А. В. Пушкиниана в экслибрисах: В 48 т. М.: СА, 1998 – 1999.

²⁶⁵ См.: Давыдова О. А. Памятник Пушкину в Москве. Томилино, 1999. 15 с.; Пичурин Л. Ф. “Толстого кистью чудотворной...” (о скульптуре Ф. Толстом и пушкинской теме в его творчестве). Томск, 1999. 156 с.

²⁶⁶ См.: Листов В. С. Новое о Пушкине: История, литература, зодчество и другие искусства в творчестве поэта. М.: Стройиздат, 2000. 421 с.

²⁶⁷ См.: Пушкин в русской опере: Каменный гость Даргомыжского, Золотой петушок Римского-Корсакова / Е. А. Ручьевская и др.; С.-Петербург. гос. консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова. СПб., 1998. 399 с.; Шишкова М. П., Шишков К. А. Пушкин. Музыка. Эпоха. Тверь: Глаголь, 1999. 88 с.

²⁶⁸ См.: Гениальный сын России: К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина / Рис. П. Бунина. М.: Славян. диалог, 1998. 139 с.; Альбом Елизаветы Николаевны Ушаковой / Сост. Т. Краснобородько; Худож. В. Корнилов. Факс. воспр. СПб.: Logos, 1999. 397 с.; Быль и миф Невы / Вступ. ст. А. М. Конечного; Фот. А. С. Чежин. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1999. LXXIX с.; Кузьмин М. Н. “Во сне я видел Пушкина...”: А. С. Пушкин в рис. и эссе Н. В. Кузьмина / М. Н. Кузьмин. М.: Прогресс-Традиция, 1999. 205 с.; Пичугина Н. П. Портреты: письма Пушкина. М.: Автограф, 1999. 10 с.; “Чудеса немых искусств”: Пушкин и рус. художники / Гос. Третьяков. галерея; Отв. ред. Л. И. Иовлева; Авт. текста Л. И. Певзнер. М.: Крас. площадь, 1999. 95 с.

ГЛАВА 4

²⁶⁹ См.: Буслаев Ф. И. Венок на памятник Пушкину: Пушкинские дни в Москве, Петербурге и провинции: Адресы, телеграммы, приветствия, речи, чтения и стихи по поводу открытия памятника Пушкина. Отзывы печати о значении пушкинского торжества. Пушкинская выставка в Москве. Новые данные о Пушкине. СПб.: Типография и хромолитография А. Граншеля, 1880. С. 89.

²⁷⁰ Левитт М. Ч. Пушкин в 1899 году // Совр. амер. пушкиноведение. СПб.: Акад. проект, 1999. С. 22.

²⁷¹ Там же. С. 27 – 28. См. также: Балабуха Н. Взгляд преосвященника Николая на чествование Пушкина // Крым. 1899. 11 апр. С. 1.

²⁷² Пешехонов А. Неудавшийся праздник // Сб. журнала “Русское богатство” / Под ред. Н. К. Михайловского и В. Г. Короленко: В 2 ч. Ч. 2. Публицистика. СПб.: Типография Н. Клобукова, 1900. С. 392 – 399.

²⁷³ Ерофеева Н. Парадокс образа Пушкина в юбилейной поэзии // Лит. учеба. 1989. № 3. С. 97 – 102.

²⁷⁴ Речь идет об А. Кушнере.

²⁷⁵ Клевх И. Пушкинский праздник // Общ. газ. 1999. С. 10.

²⁷⁶ См.: Левитт М. Ч. Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года / Пер. с англ. И. Н. Владимирова, В. Д. Рака. СПб.: Акад. проект, 1994. С. 191 – 192.

²⁷⁷ Литературная газета. 1987. № 1. С. 2.

²⁷⁸ Дебрецени П. Житие Александра Болдинского // Совр. амер. пушкиноведение. СПб., 1999. С. 104.

²⁷⁹ Кибальник С. А. Пушкин и современная культура. Л.: Знание, 1989. С. 13.

²⁸⁰ Элиаде М. Священное и мирское / Пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. С. 17.

²⁸¹ Kluckhohn С. Myth and Ritual: A General Theory. Harvard Theological Review 35, 1 (1942). P. 45.

²⁸² См.: Устин А. К. Дейкитическая концепция текста, мышления и культуры: Автореф. дис. ... д-ра культурол. наук. СПб.: РГПУ им. А. Герцена, 1998. С. 5.

²⁸³ См.: Левитт М. Ч. Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года / Пер. с англ. И. Н. Владимирова, В. Д. Рака. СПб.: Акад. проект, 1994. С. 13.

²⁸⁴ См., напр.: Венгеров С. А. В чем очарование русской литературы XIX века?: Речь, произнесенная в Москве 22 октября 1911 г. на праздновании столетнего юбилея Общества любителей российской словесности // Рус. словесность. 1993. № 2. С. 22 – 27.

²⁸⁵ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 26. Л.: Наука, 1984. С. 149.

²⁸⁶ Хайнади З. Пушкин – Homo universale // Первое сент.: Литература. 2000. № 2. Штудии.

²⁸⁷ Там же.

²⁸⁸ См.: Débreczeny P. Social Functions of Literature: Alexander Pushkin and Russian culture. Stanford University Press. Stanford, California, 1997. P. 224 – 227.

²⁸⁹ В. С. Непомнящий, анализируя появившиеся в печати исследования жизни Пушкина, в 1974 году отмечал: “Подчас создается впечатление, что для некоторых авторов факт *смерти поэта* стоит впереди факта *жизни поэта*”. (Непомнящий В. С. “Собирайтесь иногда читать мой свиток верный...”: О некоторых современных толкованиях Пушкина // Новый мир. 1974. № 6. С. 254. Курсив В. С. Непомнящего. – М. 3.) Примечательно, что сам автор статьи также довольно большой фрагмент посвящает именно обстоятельствам гибели поэта.

²⁹⁰ “О, фатум! Почему я, самое бесполезное из всех созданий, не погиб лучше на месте Пушкина, славы и чести своей родины...” (Из письма В. Г. Теплякова Р. С. Эдлинг, Пера, 5 марта 1837 г.) См.: Лит. наследство. Т. 58. М.: АН СССР, 1952. С. 143.

²⁹¹ М. В. Строганов отмечает, что в стихах на смерть Пушкина совершенно отсутствовали упоминания об охлаждении к поэту в последние годы перед его смертью. См.: Строганов М. В. Смерть Пушкина в стихах его современников // Пушкин: проблемы творчества, текстологии, восприятия: Сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1989. С. 87 – 101. Однако мотивы покаяния проникают в стихи о Пушкине более позднего периода (см.: Каллаш В. В. Pushkiniana. Вып. I, II. Киев, 1902 – 1903). Покаянные ноты звучали и в речах на открытии памятника Пушкину в Москве.

²⁹² См. подробный перечень самых ярких определений боговдохновенности поэта в речи И. А. Ильина “Пророческое призвание Пушкина” 1937 г. (Речи о Пушкине: 1880 – 1960-е годы / Сост., подгот. текстов и коммент. В. С. Непомнящего, М. Д. Филина. М.: Текст, 1999. С. 199 – 200.)

²⁹³ Соболев А. Памяти А. С. Пушкина // Моск. листок. 1899. 25 мая.

²⁹⁴ Каллаш В. В. Указ. соч. Вып. II.

²⁹⁵ Débreczeny P. Op. cit. P. 230.

²⁹⁶ См. обзор книг этой серии: Касаткина Т. А. После литературоведения // Новый мир. 1999. № 3.

²⁹⁷ Непомнящий В. С. Вступительное слово при открытии Московских чтений // Христианская культура: Пушкинская эпоха. Вып. I. СПб.: Санкт-Петербургский Центр Православной Культуры, 1992. С. 61.

²⁹⁸ Непомнящий В. С. Указ. соч. С. 1.

²⁹⁹ Тростников В. Н. Прообраз биографии нашей России // Там же. С. 32.

³⁰⁰ Там же. С. 1.

³⁰¹ См.: Пушкинская эпоха и христианская культура. Вып. VI. СПб.: С.-Петербург. Центр Православ. Культуры, 1994.

³⁰² См.: Филин М. Д. Странное происшествие в селе Михайловском // Пушкинская эпоха и христианская культура. Вып. V. СПб.: С.-Петербург. Центр Православ. Культуры, 1994. С. 55 – 64.

³⁰³ “Две слишком неравные части жизни прожил поэт: 37 лет и 46 часов, и последние часы его жизни явились очищением через страдание”. См.: Лебедева Э. С. “Дай мне зреть мои, о боже, прегрешенья...” // Там же. Вып. X. СПб.: С.-Петербург. Центр Православ. Культуры, 1996. С. 61.

³⁰⁴ См.: Краваль Л. А. Пушкин и Святцы // Там же. Вып. III. СПб.: С.-Петербург. Центр Православ. Культуры, 1993. С. 18.

³⁰⁵ Юрьева И. Ю. Пушкин и христианство: Сб. произведений А. С. Пушкина с параллельными текстами из Священного Писания и комментариев. М.: Изд. дом “Муравей”, 1998. 278 с.

³⁰⁶ Стратановский С. Г. “И путник усталый на Бога роптал” // Христианская культура: Пушкинская эпоха. Вып. I. СПб.: С.-Петербург. Центр Православ. Культуры, 1992. С. 47.

³⁰⁷ Цит. по: <http://koi/svoboda.org/programs/SC/1999/SC0615.shtml>.

³⁰⁸ См. обстоятельную рецензию М. Н. Виролайнен и М. Мелкумяна на последнюю книгу В. С. Непомнящего: В поисках “Русской картины мира”. Валентин Непомнящий. Пушкин. Русская картина мира. М., Наследие, 1999. 544 с. // Новый мир. 2000. № 7.

³⁰⁹ См.: Непомнящий В. С. О Пушкинском музее России: Теоретическая концепция // Христианская культура: Пушкинская эпоха. Вып. XV. СПб.: С.-Петербург. Центр Православ. Культуры, 1997. С. 10.

³¹⁰ Непомнящий В. С. Феномен Пушкина и исторический жребий России: К проблеме целостной концепции русской культуры // Пушкин и современная культура. М.: Наука, 1996. С. 34.

³¹¹ Там же. С. 50.

³¹² Непомнящий В. С. О Пушкинском музее России... С. 5 – 6.

³¹³ Пушкин: Неизвестное об известном: Избр. материалы. 1994 – 1998. М.: Газета “Автограф”, 1999. С. 209; См.: Красухин Г. Не сотвори себе кумира // Пушкин и современная культура. М.: Наука, 1996. С. 209.

³¹⁴ См.: Время и мы. 1999. № 143.

³¹⁵ См.: Эпштейн М. Н. Вера и образ. Религиозное бессознательное в русской культуре 20-го века. Терафу: Эрмитаж, 1994. С. 171.

³¹⁶ Это не абсолютное утверждение. Франция не имеет национального поэта такого типа, но от этого ее самоидентификация не страдает.

³¹⁷ Цит. по: <http://koi/svoboda.org/programs/SC/1999/SC0615.shtml>.

³¹⁸ Там же.

³¹⁹ Лебедева Э. С. Миф о Пушкине в музейном воплощении // Христианская культура: Пушкинская эпоха. Вып. X. СПб.: С.-Петербург. Центр Православ. Культуры, 1996. С. 50 – 51.

³²⁰ Лебедева Э. С. “...Отрок Библии...” // Там же. Вып. I. СПб.: С.-Петербург. Центр Православ. Культуры, 1994. С. 71.

³²¹ См. также ряд последних изданий на эту тему: Андреева И. С., Боброва Л. А. А. С. Пушкин и православие: (Обзор) // Религия и общество: Реф. сб. / ИНИОН. М., 1999. С. 61 – 86; Афонин В. Религия и А. С. Пушкин. Невинномыск, 1999. 128 с.; А. С. Пушкин: путь к Православию / Сост., подгот. текстов, примеч. А. Н. Стрижева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Отчий дом, 1999. 414 с.; Исааков Х. И. Пушкин и религия. М., 1998. 253 с. и др.

ГЛАВА 5

³²² Shils E. Center and Periphery: Essays in Macrosociology. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1975. P. 97 – 98.

³²³ Леви-Брюль Л. Первобытное мышление // Психология мышления / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и В. В. Петухова. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 131.

³²⁴ Shils E. Op. cit. P. 11.

³²⁵ Op. cit. P. 154 – 155.

³²⁶ См.: Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику. М., 1988.

³²⁷ См.: Евзлин М. Космогония и ритуал. М.: Радикс, 1993. С. 81.

³²⁸ Пятигорский А. М. Мифологические размышления. Лекции по феноменологии мифа. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 168 – 169.

³²⁹ Débreczeny P. Op. cit. P. 235.

³³⁰ См.: Лобок А. М. Антропология мифа. Екатеринбург: Банк культур. информ., 1997. 668 с. Автор этой книги выступил инициатором специального семинара, собравшегося под лозунгом “Мифодизайн”. Проблемы современного мифотворчества и ритуальных практик интересуют участников семинара прежде всего с точки зрения информационно-психологического воздействия на массовое сознание.

³³¹ Dávidházi P. Cult and Critic: The Ritual in Europe’s Reception of Shakespeare // Literature and its Cults: An anthropological approach. Budapest: Argumentum, 1994. P. 29 – 46.

³³² Природа коснулась его указующим перстом, наделив всем своим знанием, и велела ему – ступай! Это Он! Это Он! Наш Бог и Кумир!

³³³ Dobson M. The making of the National Poet: Shakespeare, Adaptation and Authorship; 1660 – 1769. Oxford: Clarendon Press, 1992. P. 217.

³³⁴ Песков А. М. К истории происхождения мифа о всеотзывчивости Пушкина // НЛЮ. 2000. № 42.

³³⁵ Dobson M. Op. cit. P. 221.

³³⁶ Эпштейн М. Н. Новое сектанство: Типы религиозно-философских умонастроений в России (1970 – 80-е годы). 1-е изд. Holyoke (Massachusetts): New England Publishing Co., 1993. 179 с.; 2-е изд.: М.: Лабиринт, 1994. 181 с.

³³⁷ Эпштейн М. Н. Указ. соч. Цит. по: <http://www.philosophy.ru/library/epstein/02/index.html>.

³³⁸ Там же.

³³⁹ Буслаев Ф. И. Венок на памятник Пушкину: Пушкинские дни в Москве, Петербурге и провинции: Адресы, телеграммы, приветствия, речи, чтения и стихи по поводу открытия памятника Пушкина. Отзывы печати о значении пушкинского торжества. Пушкинская выставка в Москве. Новые данные о Пушкине. СПб.: Тип. и хромолитогр. А. Траншеля, 1880. С. 1 – 3.

³⁴⁰ Там же. С. 6.

³⁴¹ Там же. С. 13 – 14.

³⁴² Dobson M. The making of the National Poet: Shakespeare, Adaptation and Authorship; 1660 – 1769. Oxford: Clarendon Press, 1992. P. 217 – 218.

³⁴³ Ее доклад был посвящен именно этому явлению в современной юбилейной ритуальной практике.

³⁴⁴ См.: Элиаде М. Шаманизм: Архаические техники экстаза / Пер.: К. Богущий, В. Трилис. Ред.: В. Трилис, И. Старых. Киев: София, 1997.

³⁴⁵ Цит. по: Розанов И. Н. Литературные репутации: Работы разных лет. М.: Сов. писатель, 1990. С. 37.

³⁴⁶ Пушкинские дни в школах, библиотеках и избах-читальнях: Инструктивное письмо. Сталинград: Сталингр. краев. ОНО, 1937. С. 18.

³⁴⁷ Куприн А. И. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. М.: Правда, 1982. С. 240.

³⁴⁸ Там же. С. 288 – 289. Правда, Гайману бюст Пушкина ни в коей мере не заменяет “дух Пушкина”. Более показательным примером “идолотворения” можно считать следующий факт. В деревне Урузбаево Аргаяшского района Челябинской области на заборе одного из домов установлен бюст Пушкина (а ниже табличка “Осторожно, злая собака!”). В доме проживает большая татарская семья; на вопрос о том, что это за фигура на их заборе, они дружно ответили, что это “великий Пушкин”, но откуда взялся бюст, объяснить не смогли, и сказали, что установлен он здесь “от веку”. Разумеется, бюст Пушкина не выступает здесь в качестве атрибута ритуала, но сам факт присутствия его над воротами дома имеет, видимо, какое-то важное значение – ведь семья нисколько не стремится избавиться от него, напротив, отмечает некоторую традиционную ценность этого скульп-

птурного изображения (больше ни на одном заборе в деревне нет никаких изображений или тем более бюстов).

³⁴⁹ Мелетинский Е. М. Поэт // Мифол. слов. М.: Сов. энцикл., 1991. С. 668 – 669.

³⁵⁰ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 30₁. Л.: Наука, 1988. С. 184 – 185.

³⁵¹ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1989. С. 251.

³⁵² См.: Лобок А. М. Антропология мифа. Екатеринбург: Банк культур. информ., 1997.

³⁵³ Буслаев Ф. И. Указ. соч. С. 58.

³⁵⁴ Там же. С. 146.

³⁵⁵ Левитт М. Ч. Литература и политика... С. 138.

³⁵⁶ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина: Исследования и материалы. 2-е изд., испр. Пг.: Лит. кн. лавка, 1917. С. 274 – 275.

³⁵⁷ Вацуро В. Э. Из неизданных откликов на смерть Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1976. Л.: Наука, 1979. С. 62.

³⁵⁸ Яковлев В. А. Отзывы о Пушкине с юга России: В воспоминание 50-летия со дня смерти поэта 29 января 1887 года. Одесса: Тип. П. Францова, 1887. С. 101.

³⁵⁹ См.: Фаресов А. И. Александр Сергеевич Пушкин и чествование его памяти. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1899. С. 52.

³⁶⁰ См.: Щеглов И. (И. Л. Леонтьев) По следам Пушкинского торжества: Из записной книжки. СПб., 1900. С. 6.

³⁶¹ См.: История Пушкинского заповедника. http://pushkin.pskov.ru/pushgory.nsf/docs/nkc_hystory.

³⁶² Сандлер С. Воспоминания в Михайловском // Совр. амер. пушкиноведение. СПб.: Акад. проект, 1999. С. 71.

³⁶³ Там же. С. 76.

³⁶⁴ Острогорский В. Указ. соч. С. 5.

³⁶⁵ Русская идея: В кругу писателей и мыслителей русского Зарубежья. М., 1990. Т. 2. С. 479 – 480.

³⁶⁶ Зоркая Н. М. “Мой Пушкин”. Пушкин каждого из нас // Пушкин и совр. культура. М.: Наука, 1996. С. 301.

³⁶⁷ Битов А. Г. Статьи из романа. М.: Сов. писатель, 1986. С. 212, 221.

³⁶⁸ Лебедева Э. С. Миф о Пушкине в музейном воплощении... С. 52.

³⁶⁹ См.: Дурылин С. Н. Пушкин на сцене. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 201 – 202.

³⁷⁰ См.: Дружников Ю. Венки и бюсты на каждом абзаце: О кризисе пушкинистики в России // Кн. обозрение. 1999. 10 марта. С. 24.

³⁷¹ Новиков Вл. Двадцать два мифа о Пушкине // Время и мы. 1999. № 143.

³⁷² Разговоры Пушкина. М.: Изд-во полит. лит., 1991. С. 80 (Репр. воспр. изд. 1929 г.).

- ³⁷³ Горячева М. О. Пушкинский и чеховский миф в малой прессе 1880 – начала 1900-х годов // Чеховиана: Чехов и Пушкин. М.: Наука, 1998. С. 275.
- ³⁷⁴ Débrecezeny P. Op. cit. P. 44 – 45.
- ³⁷⁵ Алексеев М. П. Забытое воспоминание о Пушкине Н. И. Греча // Временник пушкинской комиссии. 1974. Л.: Наука, 1977. С. 109.
- ³⁷⁶ Мейлах Б. С. Художественное восприятие как научная проблема // Художественное восприятие: Сб. / Под ред. Б. С. Мейлаха. Л.: Наука, 1971. С. 10.
- ³⁷⁷ Пешехонов А. Неудавшийся праздник // Сб. журнала “Русское богатство” / Под ред. Н. К. Михайловского и В. Г. Короленко: В 2 ч. Ч. 2: Публицистика. СПб.: Тип. Н. Клобукова, 1900. С. 387.
- ³⁷⁸ Там же. С. 388 – 389.
- ³⁷⁹ Там же. С. 390.
- ³⁸⁰ Дружников Ю. В. Венки и бюсты в каждом абзаце // Рус. мысль. Париж, 1999. 10 июня.
- ³⁸¹ См.: Левитт М. Ч. Пушкин в 1899 году // Совр. амер. пушкиноведение. СПб.: Акад. проект, 1999. С. 31. См. в примечаниях к этой статье обзор основных работ по данному вопросу (с. 41).
- ³⁸² См. об этом подробные рассуждения: Кондаков И. В. “Потерянный рай” русской литературы: Проблемы возвращения // Пути и миражи рус. культуры: Сб. / Ин-т рус.лит. (Пушкинский дом). СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 191 – 221.
- ³⁸³ Там же. С. 201.
- ³⁸⁴ См. подробный анализ влияния пушкинского творчества на Л. Н. Толстого в диссертации Е. В. Абрамовских “Рецепция незавершенной прозы А. С. Пушкина в русской литературе XIX века”. Екатеринбург, 2000.
- ³⁸⁵ Назарова Т. В. Интерпретация творчества Пушкина демократической журналистикой конца 1860 – начала 1880-х годов: На материале журналов “Отечественные записки” и “Дело”: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Волгоград. гос. ун-т. Волгоград, 1999. 27 с.
- ³⁸⁶ Vassar Review. 1937. February. 10. P. 3. Материалы были включены в научный оборот в докладе А. Бритлингер на старорусской конференции 1998 года “Достоевский и мировая культура”.
- ³⁸⁷ Для примера назовем цифры по Нижегородской области: в 1995 году – 229 млн р.; в 1996 – 665 млн р.; в 1997 – так же; в 1998 – 998 тыс. (в денонмированных деньгах) р.; в 1999 – 3724 тыс. р.
- ³⁸⁸ Челябинский рабочий. 1999. 5 июня. С. 7.
- ³⁸⁹ Например, в Псковской области администрация ЛДПР, стоящая там у власти, организовала работы в Пушкинском заповеднике: с городища Воронич полностью убрали дерн и “настелили” “покрытие” из изумрудной травы, подобной стадионной (сообщено Натальей Ив. Ивановой, Псков).

- ³⁹⁰ См. подробнее в моей ст.: По следам пушкинского юбилея: Пресса юбилейных дней // Вестн. Челяб. ун-та. Сер. 2. Филология. 1999. № 1.
- ³⁹¹ См.: Комсомольская правда. 1999. 18 мая. С. 13.
- ³⁹² См.: Левитт Маркус Ч. Указ. соч. С. 22 – 23.
- ³⁹³ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 30₁. Л.: Наука, 1988. С. 180.
- ³⁹⁴ Один из сюжетов вечерней программы “Сегодня” канала НТВ, показанной 1 апреля 1999 г.
- ³⁹⁵ Сурат И. Пушкинский юбилей как заклинание истории // Новый мир. 2000. № 6.
- ³⁹⁶ Негативная оценка этого мероприятия в статье Владислава Матусевича “Фестиваль сантехники, или Беллетризованные впечатления москвича о Санкт-Петербурге в дни пушкинского юбилея”: “19 и 20 июня в городе Пушкине (Царском Селе) был организован карнавал в честь 200-летия поэта. К сожалению, мы на него не попали, но буквально через два дня были там и слышали отзывы. В основном – жуткие. «И это надо же! Устроить в честь юбилея Пушкина такую оргию!» – это мнение директора гимназии имени А. Ахматовой. Его поддержал и основатель ахматовского музея в том же доме Сергей Иванович Сенин. «Зачем, – удивлялись они, – перенимать у западных стран их карнавалы, слепо копировать их традиции?!» – «Да, шуму и треску в нашем городе было очень много, а пьяных – и того больше, особенно на центральной площади, около памятника Ленину», – рассказали нам сотрудники Краеведческого музея”. См.: Неприкосновенный запас. 1999. № 5.
- ³⁹⁷ Власова О. День Пушкина, города, пива и древних греков // Моск. комсомолец в Кузбассе. 1999. 10 – 17 июня.
- ³⁹⁸ См., например, работы С. Бирюкова, в частности ст. “Любовь к трем авангардам” (Арион. 2000. № 3).
- ³⁹⁹ Золотоносов М. Листовка: Хармсиздат представляет – “Пушкин – это наше все”. СПб.: М. К. & Хармсиздат, 1999. С. 2.
- ⁴⁰⁰ Азархи С. Хармсиздат представляет – “Пушкин – это наше все”. СПб.: М. К. & Хармсиздат, 1999. С. 3.
- ⁴⁰¹ См., например, подборку в “Общей газете” (1999. 3 – 9 июня. С. 16.).
- ⁴⁰² Débreczeny P. Op. cit. P. 243.
- ⁴⁰³ Арбенин К. Ю. Пушкин Мой. Поэма во фрагментах. СПб.: Зимовье Зверей, 1998. 48 с.
- ⁴⁰⁴ Там же.
- ⁴⁰⁵ См., например, сетевую публикацию стихотворения В. Белоброва “К...” (www.frssd.ru/popov/pushkin):

Прокати меня по ветру, по снегу
На коне, на коне, на коне!
Я хочу чтоб ты мчалась на ослике
Наравне, наравне, наравне!
Я тебе посвящу, моя курочка,
Восемь строк, со слезами до луж.
Я хочу чтобы ты, моя дурочка,
Называла меня А. С. Пушкин.

⁴⁰⁶ См. сходное рассуждение: Зорин А. После бала случайно... // Неприкоснов. запас. 1999. № 5.

⁴⁰⁷ См.: Дружников Ю. Венки и бюсты на каждом абзаце... С. 25.

⁴⁰⁸ См.: "Россия. Пушкин. Новый век": Всероссийский открытый конкурс творческой молодежи в Сочи: 1997 – 1999. Сочи, 1999. С. 20.

⁴⁰⁹ Д. Циликин, сообщая программу юбилейных дней, отмечает: "Наконец, 4 июня – Заседание. На этот раз оно называется «Торжественный вечер, посвященный 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина». Рассказывают, что как-то Пушкин заявился на бал в обтягивающих полупрозрачных штанах, под которыми ровным счетом ничего не было. Рекомендую участникам мероприятия в ответ на призыв ощутить Пушкина живым и присутствующим (который, надо думать, в той или иной форме раздастся) – вообразить себе юбиляра как раз в таком виде. Тем более что заседание пройдет в Александринском театре, где Пушкин любил всячески проказить и вообще вел себя вызывающе" (Петербургский "Час пик". 1999. № 21 (73). С. 1). Характерна не столько редукция фактов (Пушкин не на бал заявился, а вышел к гостям во вполне провинциальной обстановке, к тому же эта легенда достаточно сомнительна), сколько желание "сбить тон" (чтобы фальшиво не звучало).

ГЛАВА 6

⁴¹⁰ Щеглов И. (И. Л. Леонтьев). По следам Пушкинского торжества: Из записной книжки. СПб., 1900. С. 4.

⁴¹¹ Там же. С. 61.

⁴¹² Там же. С. 64.

⁴¹³ См.: Берков П. Н. Из материалов Пушкинского юбилея 1899 г. // Временник пушкинской комиссии. Вып. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 401 – 414.

⁴¹⁴ См.: Кублицкая М. Л. Пушкинский юбилей 1899 года в провинции: по материалам фондов Всероссийского музея А. С. Пушкина // Русская литература и провинция: Седьмые Крымские Пушкинские международные чтения. Крым, Симферополь, 18 – 24 сент. 1997 / Крымский центр гуманитарных исследований. Симферополь, 1997. С. 34 – 36.

⁴¹⁵ Кублицкая М. Л. Указ. соч. С. 35.

⁴¹⁶ Азархи С. Указ. соч. С. 2 – 3; 5.

⁴¹⁷ См.: Либрович С. Пушкин в портретах. СПб., 1890. С. 242 – 244. Цитируя этот фрагмент, Н. И. Михайлова отмечает, что именно в 1880 году Пушкин впервые стал использоваться для рекламы (Михайлова Н. И. Шоколад русских поэтов – Пушкин // Легенды и мифы о Пушкине. СПб.: Акад. проект, 1994. С. 285). Напомним, что первый рекламный слоган “Светлее дня, темнее ночи”, согласно легенде, был составлен в 1822 году (реклама ваксы).

⁴¹⁸ См.: Горячева М. О. Пушкинский и чеховский миф в малой прессе 1880 – начала 1900-х годов // Чеховиана: Чехов и Пушкин. М.: Наука, 1998. С. 274.

⁴¹⁹ Варденга М. Пушкин в шоколаде // Аргументы и факты. 1999. № 19. С. 3.

⁴²⁰ Там же. С. 284 – 286. Н. И. Михайлова, к сожалению, в последних двух случаях не называет производителей – возможно, установить их по этим предметам было сложно.

⁴²¹ Литературная газета. 1999. 2 июня. С. 13.

⁴²² Сообщил старший литературный сотрудник журнала “В мире книг” А. М. Буркалов. Немировский И. В. XXIX Всесоюзная пушкинская конференция // Рус. лит. 1987. № 3. С. 238.

⁴²³ Разговоры Пушкина. М.: Изд-во полит. лит., 1991. С. 124.

⁴²⁴ См. положительный отзыв о клипе: Зорин А. После бала случайно... // Неприкоснов. запас. 1999. № 5.

⁴²⁵ См.: Темерин С. А. С. Пушкин в народном творчестве // Искусство. 1949. № 3. С. 64 – 73; Соболевский Н. Выставка “Пушкин в произведениях народных мастеров РСФСР” // Сов. этнография. 1949. № 4. С. 196 – 199.

⁴²⁶ См.: Соболевский Н. Указ. соч. С. 198.

⁴²⁷ Щеглов И. Указ. соч. С. 52.

⁴²⁸ Der Grove Goethe in kleinen Anekdoten: / Karla König. Petermönken = Verlag Schwerin, 1949. 271 s.

⁴²⁹ См.: Курганов Е. Я. Анекдот как жанр. СПб.: Акад. проект, 1997. С. 64 (о включении Анненковым анекдота о первом визите Гоголя к поэту в “Материалы...”).

⁴³⁰ “На пике вырастания пушкинского мифа мы видим уже начало его демифологизации, высмеивание наиболее уязвимых его сторон”, далее следует анализ анекдотов о Пушкине в малой прессе конца века. Горячева М. О. Пушкинский и чеховский миф в малой прессе 1880 – начала 1900-х годов // Чеховиана: Чехов и Пушкин. М.: Наука, 1998. С. 276.

⁴³¹ Literature and its Cults: An anthropological approach. Budapest: Argumentum, 1994. P. 13.

⁴³² См.: Горячева М. О. Указ. соч. С. 276.

⁴³³ См.: Гилилов И. К истории “шекспировского вопроса” // Шекспировские чтения. М.: Наука, 1993. С. 167 – 168.

⁴³⁴ См.: Доброхотова-Майкова Н., Пятницкий В. Веселые ребята: Однажды Гоголь пришел к Пушкину... М.: Арда, 1998. 110 с.

⁴³⁵ См.: Биржевые ведомости. 1995. Февраль. (№ 8). С. 16.

⁴³⁶ Фояков И. О чем вещает “внутренний предиктор” // Лит. газ. 1994. 29 июня. С. 6.

⁴³⁷ См.: Лазарев В. Я., Туганова О. Э. Трансформация образа Пушкина в тайниках современного массового сознания // Пушкин и совр. культура. М.: Наука, 1996. С. 199 – 206.

⁴³⁸ См.: Баевский Д. Парашушкинистика. Миннеполис: M.I.P., 1996. 136 с.

⁴³⁹ Головкин Ф. “Желал бы оставить русскому языку библейскую похабность” // Моск. комсомолец в Челябинске. 1999. 3 – 10 июня. С. 11.

⁴⁴⁰ Мирзоян Е., Куликов К., Ольшанский И. “Восстань, пророк, и виждь, и внемли...” // Юность. 1997. № 3; См. резкий отзыв: Василевский А. Юбилейное // Новый мир. 1997. № 12.

⁴⁴¹ С. Б. Адоньева (Санкт-Петербург) приготовила к печати большую статью “Дух Пушкина” о современном состоянии этой фольклорной практики; См. также: Русский школьный фольклор: От “вызываний” Пиковой дамы до семейных рассказов / Сост. А. Ф. Белосусов. М.: Ладомир, ООО АСТ ЛТД, 1998. С. 12 – 13, 31.

⁴⁴² См.: Амелькина А. Дух Пушкина: “Ваши торжества мне надоели!” // Комс. правда. 1999. 21 мая. С. 8 – 9.

⁴⁴³ См.: Комсомольская правда. 1999. 18 мая. С. 8.

⁴⁴⁴ См.: Иваницкий Г. Каким был Пушкин на самом деле: Следствие ведут биофизики // Совершенно секретно. 1999. № 4. С. 20 – 21.

⁴⁴⁵ Описывая памятники Пушкину-семьянину в Москве, А. Зорин говорит: “Накануне юбилея я увидел по телевизору, как прохожие возмущались, что скульптор изваял Пушкина и его жену одного роста. “Каждый знает, протестовали они в телекамеру, – что Александр Сергеевич был ниже Натальи Николаевны”. В самом деле, зачем искажать историю и лакировать образ великого поэта? Кончились эти времена” (Неприкоснов. запас. 1999. № 5.)

⁴⁴⁶ Сообщено Л. О. Зайонц (Москва).

⁴⁴⁷ См.: Садчикова Л. “Привыкнув к независимости, совершенно не умею писать ради денег”... // Челяб. рабочий. 1999. 3 февр. С. 5.

⁴⁴⁸ Зоркая Н. М. “Мой Пушкин”. Пушкин каждого из нас // Пушкин и совр. культура. М.: Наука, 1996. С. 296 – 310.

⁴⁴⁹ Наиболее обстоятельный анализ юбилея с таких позиций дан в статье И. Сурат “Пушкинский юбилей как заклинание истории” (Но-

вый мир. 2000. № 6); наиболее резкий и эмоциональный – в статье А. Новикова “Я устал от слова «культура»!: О Медном всаднике как главном герое пушкинского юбилея” (Знамя. 1999. № 7).

⁴⁵⁰ Зорин А. После бала случайно // Неприкоснов. запас. 1999. № 5.

⁴⁵¹ Ср. сознательно противоречивый отзыв о фильме: “Пушкин - вертлявый, придурковатый, хохочет, скалитися, подпирает собою стены, задирает ноги выше головы, только что в штору не сморкается. Похож не то на ПТУшника из города Череповец, не то на Чарли Чаплина, но никак не на дворянина, которого с младенчества обучали «кланяться непринужденно». Это, видимо, для того, чтобы живость его показать и к народу приблизить. Обезьяньи черты поэта затем, мне кажется, так в фильме подчеркнуты, чтобы оттенить элегантность и благородные манеры Леонида Парфенова. Который, в сущности, и есть настоящий Пушкин. Или во всяком случае его дневная, разумная, гениальная ипостась. Так осуществляется экспроприация культуры. Учитесь, имиджмейкеры! А фильм замечательный. Задорный, смелый, познавательный и доступный массам”. Евгений Горный. Пушкин-200 // Невод. № 37. Цит. по: <http://www.russ.ru/netcult/nevod/19990604.htm>.

⁴⁵² Сурат И. Указ. соч. Цит. по: http://magazine/novyi_mi/n6-20/sod.htm.

⁴⁵³ Варденга М. Пушкин в шоколаде // Аргументы и факты. 1999. № 19. С. 3.

⁴⁵⁴ Костырко С. Предъюбилейное; См. также: В. Крупин. Русские спасутся словом // Парламент. газ. 1999. 5 июня. С. 3.

⁴⁵⁵ Азархи С. Указ. соч. С. 7.

⁴⁵⁶ Чередниченко Т. Брэнд-эстетика // Неприкоснов. запас. 1999. № 5. С. 78 – 79. Цитату приводит И. Сурат в указ. ст.

⁴⁵⁷ Мне известны три случая, когда эти фрагменты заставляли людей, далеких не только от классической литературы, но и от чтения вообще, взять текст “Евгения Онегина” и перечитать его. Я не уверена, что это было массовым явлением, но это показательно.

⁴⁵⁸ Зорин А. После бала случайно // Неприкоснов. запас. 1999. № 5.

⁴⁵⁹ Фрагмент из статьи Т. Чередниченко: “Но наиболее яркие примеры брэндов-“дырок” дали в последнее время торжества в честь 200-летия Пушкина. Профильными фигурами в стиле рисунков из пушкинских рукописей была оформлена летняя эстрада, на которой Ани-та Цой вела конкурс “Мисс Москва”. Претендентки на почетное звание меняли наряды, исполняли танцевальные “ручейки” в духе ансамбля “Березка” и балетные сцены в восточно-гаремном стиле. Их коллективные выходы перемежались выступлениями радикально серых поп-певцов, составившими выгодный фон для тоже не особенно яркой, но хоть “раскрученной” родственницы московского начальства. “Пушкинский” же антураж имитировал культурную автори-

тетность всей акции и в особенности выступлений единственной солистки действия - А.Цой: якобы нет никакой ценностно-исторической дистанции между ее пением и диск-жокейскими выкриками и выпускником Царскосельского лицея. См.: Чередниченко Т. Брэнд-эстетика // Неприкоснов. запас. 1999. № 5.

⁴⁶⁰ Выражение «оба хуже» применительно к альтернативным вариантам юбилейного Пушкина использует и Р. Лейбов: «Конечно, в 1937 году тоже были курioзы вроде шоколада «Пушкин», но идеологическая конструкция празднеств подчинялась жесткой жанровой пирамиде, увенчивающейся официально санкционированными текстами. Нынешняя пирамида, напротив, подчиняется нижним этажам культуры. Не пророк и предтеча теперь АС, а политпиарщик и рекламный агент, надоедала и втируша. В лучшем случае - герой Церетели, в худшем - худощавый двойник Киркорова. Который из двух юбилейных пушкиных хуже - модернистский или постмодернистский, не знаю. Оба хуже, наверно». Цит. по: <http://www.russ.ru/ssylka/99-06-07.htm>.

ГЛАВА 7

⁴⁶¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Пер. А. М. Гелескула. 1991. Цит. по: <http://www.philosophy.ru/library/ortega/vosst.html>.

⁴⁶² Там же.

⁴⁶³ Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков. Томск: Водолей, 1996. С. 124, 126.

⁴⁶⁴ Непомнящий В. С. Феномен Пушкина и исторический жребий России: К проблеме целостной концепции русской культуры // Пушкин и современная культура. М.: Наука, 1996. С. 41.

⁴⁶⁵ Brooks J. When Russia learned to Read: Literary and Popular Literature, 1861 - 1917. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1985. 450 p.

⁴⁶⁶ О цензуре в России и книгопечатании вообще // Рус. старина. 1900. № 9. С. 580 - 582.

⁴⁶⁷ Мнения разных лиц о преобразовании цензуры. СПб., 1862. С. 21. См.: Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века. М.: Изд-во МПИ, 1991. С. 10, 12.

⁴⁶⁸ Literature and History: Theoretical Problems and Russian Case Studies / Ed. by Gary Saul Morson. Stanford University Press. Stanford, California, 1986.

⁴⁶⁹ См.: Рубакин Н.А. Этюды по психологии читательства: Этюд второй. Психологические основы читательства. Сторона интеллектуальная // Рус. шк. 1910. № 12. С. 174.

- ⁴⁷⁰ См.: Рубакин Н. А. Этюды о русской читающей публике: Факты, цифры и наблюдения. СПб.: Тип. А. А. Пороховщикова, 1895. С. 5.
- ⁴⁷¹ См.: Плотников С. Н. Читательская культура в России // Homo legens: Памяти С. Н. Плотникова (1929 – 1995). М.: Дом интеллект. книги, 1999. С. 32 – 33 и др.
- ⁴⁷² См., например, в том же издании: Здравомыслов А. Г. Социология культуры: ключевые проблемы исследования // Там же. С. 205 – 214.
- ⁴⁷³ Bruner J. S. The Culture of Education. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1996.
- ⁴⁷⁴ Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. М.: “Когито-Центр”; Изд-во “Институт психологии РАН”, 1997. С. 123.
- ⁴⁷⁵ Edwards D. A commentary on discursive and cultural psychology // Culture and Psychology. 1995. Vol. 1. P. 55 – 65.
- ⁴⁷⁶ См., например: Выготский Л., Лурия А. Этюды по истории поведения. М., 1993.
- ⁴⁷⁷ Выготский Л. С. Генезис высших психических функций. М., 1956.
- ⁴⁷⁸ Зорин А. После бала случайно... // Неприкоснов. запас. 1999. № 5.
- ⁴⁷⁹ Непомнящий В. С. Пророк: Художественный мир Пушкина и современность // Новый мир. 1987. № 1. С. 135.
- ⁴⁸⁰ См.: Московский комсомолец. 1999. 3 – 10 июня. С. 28.
- ⁴⁸¹ Непомнящий В. С. “Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный...”: О некоторых современных толкованиях Пушкина // Новый мир. 1974. № 6. С. 254.
- ⁴⁸² Сурат И. Указ. соч. Цит. по: http://magazine/novyi_mi/n6-20/sod.htm.
- ⁴⁸³ Парламентская газета. 1999. 5 июня. С. 6.
- ⁴⁸⁴ Вечерний Челябинск. 4 июня 1999. С. 1.
- ⁴⁸⁵ Парламентская газета. 1999. 5 июня. С. 6.
- ⁴⁸⁶ Вечерний Челябинск. 4 июня 1999. С. 1.
- ⁴⁸⁷ Материалы анкеты и комментарии к ней любезно предоставлены мне заведующей кафедрой русской литературы Тартуского университета профессором Л. Н. Киселевой.
- ⁴⁸⁸ Белянин В. П. Введение в психиатрическое литературоведение. München: Verlag Otto Sagner, 1996. С. 13 – 14.
- ⁴⁸⁹ Белянин В. П. Психологические аспекты художественного текста. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. С. 107.
- ⁴⁹⁰ Битов А. Г. Статьи из романа. М.: Сов. писатель, 1986. С. 211.
- ⁴⁹¹ Sambeek-Weideli B. van. Wege eines Meisterwerks: Die russische Rezeption von Puškins “Evgenij Onegin”. Bern; Frankfurt a. M.; NY; Paris: Lang, 1990. 510 s. (Slavica Helvetica, Bd. 34).
- ⁴⁹² См.: Данилевский Р. Ю. Исследование рецепции “Евгения Онегина” // Рус. лит. 1992. № 1. С. 216 – 217.

⁴⁹³ Такой “мягкий” вариант опубликован в книге: Библиотека пародии и юмора: Сб. маразмов / Сост. Б. Леонтьев. М.: МиК, 1993. С. 137 – 151 – под названием: Шура Никшуп. Евгений Онегин. Роман в стихах. Кроме детей до 16 лет и любителей классики.

⁴⁹⁴ Сурат И. Указ. соч. Цит. по: http://magazine/novyi_mi/n6-20/sod.htm.

⁴⁹⁵ Дубшан Л. С. Недуг новейших россиян... // Петербургский “Час пик”. 1999. 9 июня. С. 15.

⁴⁹⁶ Близок по распространенности переделок к “Евгению Онегину” текст “Сказки о царе Салтане”, когда стихи строятся, например, на макароническом принципе:

Три герлицы под виндом
Пряли лейтли ивнингом.
“Кабы я была кингица”, –
Спичет ферстая герлица...

либо с переводом на “офисно-компьютерный” жаргон:

Секретарши за компом
Заигрались вечерком.
“Каб мне быть женой Админа”, –
Говорит одна фемина...

⁴⁹⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 1999. 5 – 10 июня. С. 6.

⁴⁹⁸ Débreczeny P. Op. cit. P. 245.

⁴⁹⁹ Словарь сленга: Так говорит молодежь. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. С. 368.

⁵⁰⁰ См.: Писигин В. Эхо пушкинской строки... С. 22 – 24.

⁵⁰¹ В рецензии 1873 года на книгу “Народные сказки А. С. Пушкина” (6 выпусков) все сказки разнесены “в пух и прах” (кроме “Золотой рыбки” и “Мертвой царевны”) за слова “приплод”, “скопец”, “понесла” и т. п. См.: Педагогический листок: Для родителей и воспитателей. СПб.: Тип. В. Демакова, 1873. С. 68 – 69. Проблема “жесткости” лексики пушкинских сказок (особенно всеми любимой и наиболее часто упоминаемой в анкетах “Сказки о царе Салтане...”) в комическом виде была представлена в фильме Р. Быкова “Внимание, черепаха!”.

⁵⁰² Автор подписи – Жанна Дембо (Смена. 1999. 7 июня. С. 1).

⁵⁰³ Рубакин Н. А. Психология читателя и книги. Краткое введение в библиологическую психологию. М.; Л.: ГИЗ, 1929. С. 157.

⁵⁰⁴ Там же. С. 161.

⁵⁰⁵ Бегемот: Сатир. еженедельник. 1927. Февр. (№ 7. Специальный “пушкинский”). С. 2 (подпись: Дм. Цензор).

⁵⁰⁶ Уваров И. Вещий сон: быль // Покровская пушкиниана: пушкинские мотивы в воспоминаниях и творчестве горожан. Саратов: Приволжск. кн. изд-во, 1999. С. 46 – 47.

⁵⁰⁷ Дробиз Г. Наше все // Лит. газ. 1999. № 22. С. 16.

⁵⁰⁸ Кушнер А. Не на полке он хранится... // Там же. С. 9.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ПУШКИНСКОГО МИФА: TERRA INCOGNITA	9
ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ “ПУШКИНСКОГО БУМА” 1999 ГОДА	50
ГЛАВА 3. ПУШКИНИАНА КОНЦА ВЕКА	63
ГЛАВА 4. ПУШКИН В КОНТЕКСТЕ ПРАВОСЛАВНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ	81
ГЛАВА 5. ЮБИЛЕЙНАЯ РИТУАЛЬНАЯ ПРАКТИКА	97
ГЛАВА 6. КИТЧЕВЫЕ ФОРМЫ КУЛЬТУРЫ ЮБИЛЕЙНЫХ ДНЕЙ	134
ГЛАВА 7. ПУШКИН В МАССОВОМ СОЗНАНИИ	152
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	191
ПРИМЕЧАНИЯ	198

Загидуллина Марина Викторовна

ПУШКИНСКИЙ МИФ В КОНЦЕ ХХ ВЕКА

Научное издание

Редакторы: В. Ф. Репецкая,
Л. Л. Шигорина.

Подписано в печать 11.06.2001.

Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага Гознак. Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,2. Усл. кр.-отт. 14,2.

Уч.-изд. л. 16,1. Тираж 100 экз. Заказ . Цена договорная.

Челябинский государственный университет
454021 Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Полиграфический участок Издательского центра ЧелГУ
454021 Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57⁶